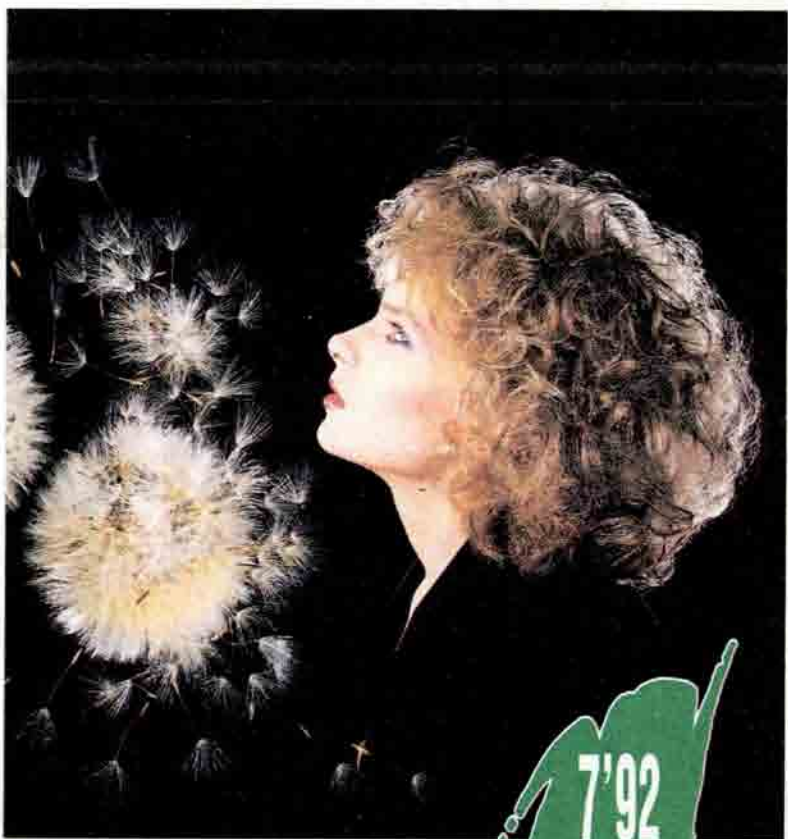

ISSN 0131—6656

СМОУА

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ • СОБЛАЗНЕННЫЕ СЛОВОМ

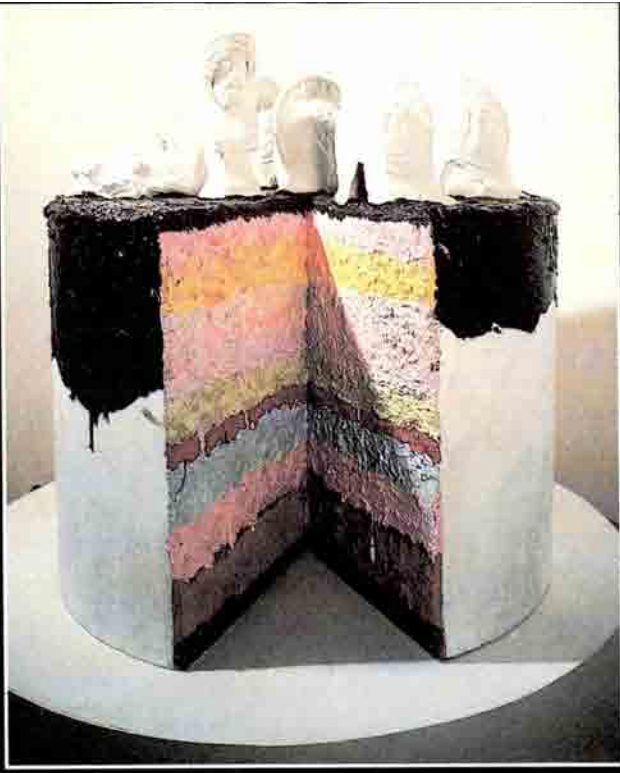
РЕКС СТАУТ • ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА

7'92

ДЕРЕК МАРЛОУ • ЧЬЯ-ТО СЕСТРА А. ЕФИМОВ • «СЛОВО И ДЕЛО»

ЭТЮД В ПРОЩАЛЬНЫХ ТОНАХ

(Читайте стр. 130.)

ОЛГА ЧЕРНЫШЕВА. Торт «Безе».

АЙДАН САЛАНОВА. Фрагмент инсталляции «Золотая исповедь».

7'92

СМЕНА

**ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ
ЛИТЕРАТУРНО-ХУДОЖЕСТВЕННЫЙ
ПУБЛИЦИСТИЧЕСКИЙ
ИЛЛЮСТРИРОВАННЫЙ ЖУРНАЛ**
Основан в январе 1924 года.

Главный редактор
МИХАИЛ КИЗИЛОВ

Редколлегия:

ВАЛЕНТИНА БОЧАРОВА
ВЛАДИМИР ГРОШЕВ
ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ
БОРИС ДАНЮШЕВСКИЙ,
зам. главного
редактора

НИКОЛАЙ ЛЕВИЧЕВ
СЕРГЕЙ ПОПОВ,
зам. главного
редактора

ВИТАЛИЙ ФЕДОРОВ,
главный
художник

ТАМАРА ЧИЧИНА

Оформление

ВАЛЕНТИНА ДАВЫДОВА
**Художественно-
технический редактор**
АЛЕКСАНДРА ГУСЕВА

Сдано в набор 16.04.92.
Подписано к печати 15.05.92.
Формат 84×108¹/₃₂.
Бумага газетная «Тампресс».
Печать офсетная.
Усл. п. л. 15,54.
Усл. кр.-отт. 17,64.
Уч. изд. л. 23.10.
Тираж 186 000 экз.
Заказ № 1650.
Цена свободная.
101457, ГСП, Москва,
Бумажный проезд, 14.
212-15-07 — для справок
212-11-27 — отдел писем
212-23-79 — отдел молодежных
проблем
251-04-10 — отдел литературы
и искусства.

Учредитель —
коллектив редакции
журнала «Смена».
Типография издательства
«Пресса», 125865, ГСП, Москва,
А-137, ул. «Правды», 24.
Рукописи, фото и рисунки
не возвращаются.

7 (1533) ИЮЛЬ

© Издательство «Пресса».
© «Смена», 1992.

В НОМЕРЕ:

ПРОЗА

38

РЕКС СТАУТ. ВЫШЕЛ МЕСЯЦ ИЗ ТУМАНА
Детектив

144

ДЕРЕК МАРЛОУ. ЧЬЯ-ТО СЕСТРА
Детектив

262

РОБЕРТ ШЕКЛИ. ПРИЗ
Фантастический рассказ

ПОЭЗИЯ

25

**ЛЕВ КОТЮКОВ, ЛАРИСА МИЛЛЕР, ИГОРЬ МЕЛАМЕД,
ЛЮДМИЛА ИШУТИНОВА**

140

АНАТОЛИЙ ПШЕНИЧНЫЙ

ЧЕЛОВЕК И ОБЩЕСТВО

4

ЕВГЕНИЙ СТЕЦКО. ТРОЕ В ЛОДКЕ

16

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ. СОБЛАЗНЕННЫЕ СЛОВОМ

114

ТАТЬЯНА ТУТУБАЛИНА. СКОРБНОЕ ДЕЖУРСТВО

226

ПАВЕЛ ПЗИЗЖКО. БУГУРУСЛАНСКИЕ ПОСИДЕЛКИ

246

А. ЕФИМОВ. «СЛОВО И ДЕЛО»

КУЛЬТУРА, МУЗЫКА, ИСКУССТВО

90

ДАНИИЛ ДОНДУРЕЙ. ПЛУТОВСКОЕ КИНО

122

ВИКТОР АНТОНОВ. КНЯЖНА

130

СВЕТЛАНА ПОДОРВАНОВА. ЭТЮД В ПРОЩАЛЬНЫХ ТОНАХ

На нашей
обложке:
фотозтюд
ЮРИЯ
ЖЕЛУДЕВА

259

ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ. «ГДЕ ТВОЙ ПИЖОНСКИЙ РАЙ?..»

СПОРТ

276

ДМИТРИЙ ФИЛИПЧЕНКО. КОРОЛЕВСКИЙ ЛЕД

32, 279

ВАШИ ПИСЬМА

282

ШАХМАТЫ, КРОССВОРДЫ

8•92

3

■ **ВЕРНЕР ТЁЛКЕ.** «ОДИНОЧКА»

В одном из своих интервью известный писатель В. Тёлке отмечал: «Я хочу писать детективы, в которых остросюжетность была бы связана с глубоким содержанием». К таким произведениям относится и один из его лучших романов — «Одиночка», созданный на основе сценария знакомого нашим зрителям двухсерийного фильма «Он был один», где автор снялся в главной роли — частного детектива Вебера.

■ **ИВАН ЛУКАШ.** «БОЯРЫНЯ МОРОЗОВА»

«Мы не любопытны знать о предках, ничтожна наша историческая память. И боярыню Морозову мы помним разве только по картине Сурикова...» — с горечью отмечает в своем очерке замечательный писатель, чье творчество с огромным опозданием, лишь в наши дни возвращается на родину.

■ **ЕВГЕНИЙ НОСОВ.** «КТО ТАКИЕ?» Рассказ.

■ Доктор медицины **ХАНС ЗВАЛЬД.**

«ЛЕКАРСТВО — ВАШИ ПАЛЬЦЫ».

Простое и доступное каждому пособие знаменитого немецкого специалиста по акупунктуре — лечению различных болезней надавливанием пальцами.

АНОНС:

ТРОС В

ЕВГЕНИЙ СТЕЦКО

Фото автора

ПОДЖЕ

Семейная хроника

Сначала это покажется тебе адом

«Ну, что, в армию пошел. (Вот мой поросенок... — Владимир треплет по голове младшего сына — Даниила. — Е. С.) Из армии вернулся, опять пошел работать поваром. Потом сразу мать умерла, потом отец, так что... («Папа, папа, дай мне денежку мою!» — Это старший — Женя. — Е. С.)

Встретились с ней. Она сказала, что не повезло ей с первым мужем. Туда-сюда... («Папа, папа!»)

Расписались мы, был у нее ребенок, Денис. Потом родились Женя и Даниил. («Папа, какать!») ...Поддавала она. Последнее время все больше, с матерью своей. Потом первый муж объявился, она вообще из дому стала уходить. Он в тюрьме, что ли, сидел, не знаю. Главное, что объявился. Дети были со мной. Я пошел и подал на развод и... как это называется, чтоб детей оставить у себя. Ну, суд мне их присудил. Что еще? Разменялись, и через год я с Челябинска уехал в Кустанайскую область, в Рудный, и вот живу здесь, воспитываю. Оставил ей двухкомнатную квартиру после размена, пусть как хочет. У нас трехкомнатная была, я получил. Она против присуждения детей не возражала, мол, нарожаю еще сколько хочешь... Маленькому года не было, она загуляет, бросит, так что его пришлось в дом ребенка на полгода сдать. Когда уезжали с мальчиками, директор дома ребенка говорит: «Ну, куда вы, оставьте до пяти лет у нас». Но я не захотел...

Работаю, воспитываю. Что еще добавить? Не знаю, получается ли.

Мамаша, конечно, не объявля-

лась. Мы с ней развелись в 88-м или в 89-м, это надо в паспорте посмотреть, но года четыре есть. Вы мне вопросы задавайте».

«Кажется, ее в ЛТП оформляли, но я ее не искал. Раз она еще море нарожает. Дети ее практически не помнят.

Дети, вы бегите, играйте.

Вопросы они задавали, но что я скажу. Они еще не понимают, что кто-то пьет, а кто-то не пьет. Старший думает — умерла... Женя, выключи музыку, мы разговариваем!

Ну, что я скажу. Говорю: нет ее. Захотела бы, нашла».

« — Женя, иди сюда быстро. Где у тебя мама?

— Не-ту.

— Не помнишь?

— Не-ет».

«Досталось, конечно, мне. В Челябинске и тут поначалу тоже. Ну, с садиком: набегаешься с садиком. Стараются тебе садики подальше дать, да разные. Оклад у нас раньше небольшой был, там не выходило по 60 на человека, садик мне положен был бесплатный. Мне так и сказали в бухгалтерии садика: нарожают нищету. Так поунижаешься сначала... Ну, очень трудно было. Родственники обнадежили, когда в Рудный звали, у них своих проблем... кто-то умер. Я приехал — работы нет. Вы не знаете, как это начинать с нуля в другом городе? Как отважиться уехать с двумя детьми? Первый год вообще показался... адом».

Очень важно помнить о том, что уже уладилось

«Я работаю. Сестра много помогает: всегда детей из сада заберет.

если надо. Дети в саду. Это же самое главное для отца — садик. Вот только почему-то невозможно, чтобы в один садик оба ребенка... Я после школы окончил кулинарный техникум, и с моей профессией у меня проблем не было, устроился. Но, что интересно, в столовых везде рабочая суббота, а если в субботу все же не работаешь, бригада начинает на тебя коситься, а если они по три дня работают, как обычно в ресторанах, то ты опять, как белая ворона, выходишь один на пятidineву по восемь часов. Ну, и сразу же выделяешься. Все как-то устраиваются, в субботу мужу оставляют ребенка или бабушке, а тут...»

***Только такой мужчина
может
оценить порядочную женщину***

«Сложности невероятные, и, конечно, порядочной женщине, если она воспитывает детей, надо честь отдать. Ей достается. Обязанности по дому огромные, такая тяжесть на нее ложится. А она ведь и работает обычно, и воспитывает. А если она еще и одинока, то тяжелее вдвойне.

А мужчина, если семья полноценная, в привилегированном положении. Он совершенно свободен в субботу, в воскресенье.

Тут же думаешь: как забрать из садика, накормить, как утром рано встать и в садик отвести. Совсем другая жизнь, как говорится, черное и белое. Мы привыкли к такому стереотипу, что если женщина — мать-одиночка, то ей не очень-то и трудно. Правда, она обычно воспитывает одного ребенка. Но все равно мы не задумываемся о ней... Мужчина к такой судьбе не подготовлен ни морально, ни физически. Надо быть отличным кулинаром и уметь по-

стирать. Это женское дело, женская специфика. Сразу и не постираешь. Думаешь: забросил, и готово. Но есть тонкости. Есть свои тонкости в уборке квартиры... Женщина, кажется, морально подготовлена к такой жизни. Это дано и от Бога, и от природы. Мужчине много трудней даже физически, он природой не подготовлен. Дети к женщине тянутся. Придет моя сестра — я это вижу. Им и поцеловаться хочется, и чтобы по голове погладила, и обняла. Сразу заметно, в глазах искорки бегают: по природе здесь женщина нужнее. Одностороннее воспитание, как мужское, так и женское, противопозаказано для семьи...»

***На всякий случай
надо уметь кое-что делать***

«...это еще хорошо, что я повар и умею дома готовить. А если непрофессионал, тем более в наше время нехлебосольное».

***На самом деле мужчинам
невозможно воспитывать
без женщины***

«Одну беду вдвоем легче разделить. Мужчины, оставшись с ребенком, отдают его бабушкам, бросают на бабушек. А у меня только тетка есть. Старая очень...»

***Это может
показаться смешным...***

«...но самое тяжелое — стирать и гладить. Никто из мужчин не может постирать и погладить, как женщина. В садике предъявляют особые требования. Вещи должны быть сложены определенным образом.

Еще очень трудно отвести ре-

бенка в садик и забрать из садика. С нашими автобусами ты теряешь «на развезение» по разным садикам больше часа и приезжаешь на работу как выжатый лимон. Потом думаешь, как быстрее сыновей вечером забрать».

Отцовское счастье

«Мне посчастливилось, что они болеют не часто. Ну, раз, два раза в год. В этом мое счастье и состоит. Ну, если заболеют, то...»

Если заболевает, то ходишь как в тумане, переживаешь. Вот у меня Женя заболел в Челябинске дизентерией, так я был шокирован. Температура большая, укусом натурал, откуда во мне что взялось... Пошел в садик, там спрашивают: чем вы его накормили? Оказалось, что дизентерийную палочку нашли в садике... А так бы мать занялась, отец бы не знал подробностей».

Самому болеть нельзя

«Самому болеть нельзя, если я заболею, это отразится на финансовой стороне жизни. По уходу за ребенком оплачивают сто процентов, но две недели, а потом уже не оплачивают, но я никогда так долго с ребенком не сидел. От силы по пять дней...»

Деньги

«В году было два повышения зарплаты, и сейчас не поймешь, сколько получаешь, где твои деньги, а где доплата на детей, где квартальные. Темный лес. Но в среднем с детскими получается пятьсот—шестьсот в месяц. А оно, пальто, стоит сто восемьдесят рублей*». Жизненный уро-

вень не поднялся. А тут и детские вещи перестали выпускать, а дети вдруг выросли разом из своих вещей. Например, надо было им купить куртки. Выросли из курток, и все, и где возьмешь? Я и написал письмо в «Огонек», спасибо, что напечатали: мол, если есть семьи, в которых дети выросли из курток,— дайте знать... И деньги у меня свободные были. А на базаре курточка двести восемьдесят, и то не купишь.

Да я давно и не ходил на базар, может, и на эти деньги уже не купишь...

Казахстан голод пока не затронул, но вот уже очереди за мясом появились, талоны не можем отovarить. В центре, говорят, еще хуже, значит, скоро переключится и на нас. Мы часто и на работе заводим разговор, и дома, как дальше жить. Страшновато выходит.

Директор дома ребенка в Челябинске уговаривала меня оставить Данилу до пяти лет. Говорит, молодой человек, вы не представляете, как это трудно. Но я сказал: нет уж, пусть два брата растут. Потому что я посмотрел этот дом ребенка. Может, там и кормят и поят хорошо, но...

А сейчас, если будут такие сложности, придется и призадуматься».

Мана!

«Ведь Женя пойдет в школу. Значит, интернат? Чем еще может помочь государство? Эти сорок шесть рублей или квартальные на одежду — насмешка, на валенки не хватит. Проблема для одиночек, для матерей, для отцов. Даже не знаю. Хотя я ратовал бы за закрытие домов ребенка, но эти дома будут переполнены. Я не хочу, чтобы меня жизнь заставила

* — ноябрь 1991 г.

расстаться с детьми даже временно...

Я помню первое время. Моральные силы вроде были: тебе доверили детей. Хотя: кто доверил-то?

А физических сил не хватало. Три года и год.

Ни на личную жизнь... Как робот! Встал, собрал, отвел, привел. Я повторяю: физически очень большая нагрузка — дети. Дорогое удовольствие одному двоих детей поднимать».

Когда вы, мальчики, вырастаете, прочитайте!

«Они маленькие, они сонные утром, капризничают. Вечером их надо искупать. Для детей тоже большая нагрузка. А я сначала уставал очень сильно. А потом втянулся. Раньше же этого не было. Другой мужчина вообще

свободен. Может сходить к друзьям. Может пойти посмотреть кино. Этого у меня сейчас нет. На неделю вперед планируешь, когда стирка, когда уборка, когда какие мероприятия у детей... но не у тебя! У кого детей нет, тот не поймет меня совсем.

Всю силу воли собираешь, чтобы дети были в садике не хуже всех, чтоб были чистенькие. И дома чтобы не было хуже, чем у других. Есть же такие — зайдешь, а у них свиношник какой-то. Мне так не хочется жить.

Не знаю... я стараюсь... Как могу, но очень стараюсь. Я понял, что до двух лет дети болеют. Ветрянкой обязательно. А у меня заболели сразу оба. Могут описаться в штанишки...

Наш Рудный — захолустный городок. Как-то зашел разговор про семейные детские дома. Но есть ли что-то в нашем городе, не знаю. Я по натуре не могу лезть,

просить. Но вот слышим: что-то шлют нам, идет помощь, а где она? Пенсионерам, конечно, она нужна, пенсионер очередь не выстоит.

Но и я очередь не выстою, потому что у меня дома дети. Они, если одни, и за спички могут схватиться.

Мне говорят: Владимир Александрович, тебе надо жениться! Мол, это проще всего. Но сейчас, видно, охотниц мало. Кто-то сказал: как хорошо, что мы не знаем, как плохо мы живем. Правда! Утюг. Утюг, когда есть дети, — первое дело. Утюг перегорел, где его возьмешь? Идти в райисполком? Носки — такая проблема! Колготки — это уж вообще...

Рассчитываешь только на себя. Поблажки себе никакой. Грипп — вставай. Температура — вставай. Они еще маленькие, они не понимают. «Папа, дай». Все стараешься для них. Для себя ничего не остается. Уж не знаешь, на что и себе покупать.

В позапрошлом году заболели желтухой, оба. Сначала одного в больницу, потом другого. Разрывался. С тех пор ухо остро надо держать, чтоб не заболели еще... Данила дорогу перебежал, его машина чуть не сшибла, дети маленькие неуправляемы...

В коллективе вообще не любят тех, у кого маленькие дети. У нас в основном женщины, но они хотели бы, чтобы мужчина в коллективе был более свободен для работы. Могут, могут сказать... высказаться, если не вышел на праздничные дни...

Вот сын растет, помощник: одной тряпкой вымыл пол, телевизор, окно. Я говорю: пока хорошо, молодец, только зачем окно. Он говорит: сейчас ополосну чистой. Берет тряпку, окунает в воду, опять пол, телевизор, окно...»

Женщина могла бы войти в этот дом, как приходит счастье

«Не знаю... от того, что мне одна женщина насолила, я не хочу плохо думать о других. Отец и дети — это не совсем семья. В ней постоянно кого-то не хватает».

Постскриптум

Владимир Шаляпин выглядит очень утомленным человеком. Но это не то временное утомление, что знакомо многим из нас. От него не отоспишься, не отлежишься.

Запись, сделанную во время фотосъемки, я передаю почти целиком. Тем, кому покажется, что в рассказе много повторов, скажу, что их было еще больше. Володя о своей семейной жизни рассказывал так, как если бы она вся состояла из раннего подъема, поездок в детсадики в переполненном автобусе, сначала в один, потом в другой, стирки, страха перед перегорающим утюгом, проблем с детскими колготками...

Но так оно и есть.

Я дал прослушать запись своей жене. Вот что она сказала дословно: «Знаешь, когда наш сын был маленьким, то есть еще год назад, ну, и раньше, конечно, я жила, как машина, которая может в любую минуту сломаться. Иногда я боялась возненавидеть тебя. Я думаю, что многие женщины затаивают тихую ненависть к мужчинам, не осознавая ее как следует. Какие-нибудь рваные детские колготки, внезапная температура у ребенка... Это одиночество, которое нельзя простить целому свету».

Выражение лица у нее было почти мечтательное...

ФИРМА

ЕВРОРОСС
ПРОГРАММА «ЛЕКАРЬ»

предоставит вам лекарственные препараты

1 Сердечно-сосудистые заболевания:

КОРИНФАР — 10 упаковок, 100 руб.; ВАЛОКОРДИН — 10 упаковок, 70 руб.; КОРВАЛОЛ — 10 упаковок, 50 руб.; АТФ — 10 ампул в упаковке, 10 упаковок, 100 руб.; КОКАРБОКСИЛАЗА — 10 ампул в упаковке, 10 упаковок, 70 руб.; РИВОКСИН — 2 упаковки, 140 руб.

2 Болеутоляющие средства:

АНАЛЬГИН — 10 пачек, 55 руб.; НО-ШПА — 7 упаковок, 70 руб.; ЦИТРАМОН — 10 пачек, 50 руб.

3 Пищеварительные и желудочные заболевания:

ФЕСТАЛ — 5 упаковок, 75 руб.; МЕЗИМ-ФОРТЕ — 5 упаковок, 25 руб.; ЭЗИСТАЛ — 5 упаковок, 75 руб.; ИНТЕСТОПАН — 5 упаковок, 60 руб.; АЛЬМАГЕЛЬ — 10 флаконов, 80 руб.; СЕНАДЕ — 10 пачек, 50 руб.

4 Печеночные и почечные заболевания:

АЛЛОХОЛ — 5 упаковок, 100 руб.; ЭССЕНЦИАЛЕ — 5 упаковок, 100 руб.; ЦЕРУКАЛ — 5 упаковок, капли, 70 руб.

5 Бронхиальные заболевания:

ТЕОФЕДРИН — 10 упаковок, 80 руб.

6 Давление:

КРИСТИПИН — 10 упаковок, 100 руб.; АДЕЛЬФАН — 5 упаковок, 75 руб.

7 Противовоспалительные средства:

СОФРАДЕКС — 5 упаковок, 50 руб.; РЕОПИРИН — 10 упаковок, 100 руб.

8 Сосудистые заболевания:

ЦЕРЕБРОЛИЗИН — 10 упаковок, 100 руб.; НООТРОПИЛ — 5 упаковок, 125 руб.

9 Ревматизм:

БУТАДИОН — 10 пачек, 60 руб.

10 А также предлагаем другие препараты:

ПРОСТОГЛАНДИНОВЫЕ СВЕЧИ — средство для удаления плодного яйца в матке в срок до 4 недель, 4 упаковки, 500 руб.
ПЕРЦОВЫЙ ПЛАСТЫРЬ — 20 штук, 100 руб.; БАКТЕРИЦИДНЫЙ ПЛАСТЫРЬ — 20 штук, 100 руб.; ВАТА — 500 гр., 150 руб.; НАСТОЙКА ВАЛЕРИАНЫ — 5 упаковок, 70 руб.

ПРИНИМАТЬ ВЫШЕПЕРЕЧИСЛЕННЫЕ ПРЕПАРАТЫ РЕКОМЕНДУЕМ СТРОГО ПО НАЗНАЧЕНИЮ ВРАЧА.

Для приобретения лекарственных препаратов отправьте почтовый перевод на р/с 468101 Коммерческий ВОСТОКСТРОЙБАНК, к/с 161531 МГУ ЦБ РСФСР МФО 201791 г. Москвы. В конверт вложите копию квитанции об уплате, свой адрес и наименование лекарств и отправьте по адресу: 121069 Москва, а/я 208 «ЛЕКАРЬ». Заказы будут выполнены до конца года.

Справки по телефону (095) 449-29-62 с 10 до 17.

Заявки будут приниматься в течение года.

СОБЛАЗН СЛЮ

ВЛАДИМИР МАКСИМОВ

16

С годами все чаще и чаще обращаюсь к лагерной литературе. Заново и заново перечитываю свой любимый «Архипелаг ГУЛАГ», «Колымские рассказы», «Крутой маршрут». Что меня тянет к этим и подобного рода книгам? Ведь у меня, честно признаться, вроде бы ничего общего с их авторами. Ни судьбы, ни близкого мироощущения, ни жизненных правил. Но вот ведь, готов листать эти страницы до бесконечности, не теряя при этом к ним интереса. Скорее наоборот: интерес, как я уже сказал, с годами все возрастает.

Только в самое последнее время начинаю смутно догадываться, что, наверное, эти книги наиболее полно помогают мне открыть для себя тот мир, к которому я инстинктивно тянулся с первых своих сознательных лет — мир русской интеллигенции.

Я родился, вырос и вышел из самого массового слоя нашего об-

щества — рабочих и крестьян, но с детства окунувшись в книжный омут, как в нирвану, освобождающую от ужасающей повседневности, я мечтал вырваться из цепких объятий своей социальной среды, переиначить собственную судьбу и оказаться там, где живут, работают, мыслят другие, не похожие на окружающих, люди. Красивые, мудрые, сильные, озабоченные прежде всего не изнуряющим трудом ради хлеба насущного, но подвигом во имя малых сих и прекрасного будущего человечества.

Помнится, когда я впервые увидел живого писателя (это был Семен Бабаевский), с меня, как с Есенина при виде Блока, капал холодный пот, а когда к тому же он еще и подписал мне свой роман «Свет над землей», я чувствовал себя на седьмом небе от счастья.

Будем считать, что я наконец вырвался. Переиначил. Оказался. Познакомился и узнал поближе

ИСТОРИЯ

ВОМ

людей — не чета всеми теперь забытому советскому классику сталинских времен, но, увы, спасительного освобождения от прошлого так и не состоялось. Во вновь обретенной и столь долгожданной для меня среде я, к своему великому разочарованию, столкнулся с такой беспредельной аморальностью, с таким вызывающим цинизмом, с такой мелочной алчностью, по сравнению с которыми коммунальная атмосфера моих детства и юности видится мне из сегодняшнего далека озоновым раем.

Лагерная литература, на мой взгляд, с наибольшей откровенностью обнажает перед читателем психологический механизм, диктующий русскому интеллигенту способ существования и закономерности его поведения в обществе. И, к сожалению, я прихожу к малоутешительному выводу, что в основе этого механизма коренит-

ся крайний, почти патологический эгоцентризм.

В самом деле, если в обычной беллетристике автор может многое скрыть от нас за стилем, капризным воображением, даже интонацией, то в лагерной литературе в силу ее автобиографичности все обнажено, все как на ладони: голый человек на голой земле.

Только вчитываясь в нее, начинаешь понимать, почему, с какой-то стати автор «Братской ГЭС», личный друг латиноамериканской Нины Андреевой — Фиделя Кастро, обвешанный всеми государственными побрякушками времен застоя и громогласно призывавший пожизненно считать себя коммунистом, может без всякого сколько-нибудь заметного перехода вдруг объявиться жертвой этого самого застоя и надрывно славить Февральскую «буржуазную» революцию.

Почему также его собрат по пи-

сательским президиумом, только вчера еще душивший своих коллег и проклинавший со всех трибун «литературную власовщину», способен также искренне выступать сегодня на страницах самых либеральных изданий со статьями о профессиональной чести и общечеловеческой нравственности.

Почему третий их современник, проживший в советской литературе благополучнейшую жизнь, берет на себя смелость давать советы народу выращивать пеньку, чтобы вить из нее веревки и вешать на них коммунистов.

Почему, наконец, только что сдав свои партийные билеты, многие из них не стыдятся искать виноватых в тех, с кем они десятками лет вместе соучаствовали во всех преступлениях системы, одни активно, другие пассивно, но это, по моему глубокому убеждению, уже не имеет никакого значения.

Прочтите, к примеру, замечательные рассказы Варлама Шаламова. Вчитайтесь, вслушайтесь, как он люто, почти по-животному ненавидит всех, кому достается хоть на малую йоту лучшая, чем ему, доля: начальство, конвоиров, блатных, вольняшек, даже своих, таких же доходяг, как он сам. Все, по его мнению, рвут глотки друг другу, все хотят устроиться сытнее и получше, все чем-то обладают не по праву: хлебом, одеждой, легкой работой, женщиной. Но страдает только он — автор — тонкий, чувствительный, справедливый и мудрый. Мне, мне — кричит каждая его строка, — автору принадлежит все это: хлеб, одежда, легкая работа и женщина!

Разумеется, он же ведь наизусть знает Блока.

Вот наугад сцена из «Тифозного карантина»:

«Очевидно, дневальному казалось зазорным мыть самому полы — хотя бы и пять минут

в день, — когда он в силах нанять себе «работягу». Это свойство, присущее русским людям, Андреев наблюдал и на прииске: даст начальник на уборку барака дневальному горсть махорки. Половину махорки дневальный высыпает в свой кисет, а за половину наймет дневального из барака пятьдесят восьмой статьи. Тот, в свою очередь, «переполовинит» махорку и наймет работягу из своего барака за две папиросы махорочных. И вот работяга, отработав 12—14 часов смену, моет полы ночью за эти две папиросы табаку. И еще считает за счастье — ведь табак он выменяет на хлеб...

Дневальный хозчасти платил Андрееву иногда талонами в кухню. Это были куски картона с печатью, вроде жетонов — десять обедов, пять вторых блюд и т. п. Так дневальный дал Андрееву жетон на двадцать порций каши, и двадцать порций не покрыли дна жестяного тазика».

Далее следует сцена в очереди блатных за тою же кашей. Главная несправедливость, по автору, в том, что блатные имеют доступ к тому же окошку, а то, что сам автор из двадцати этих злополучных каш по крайней мере девятнадцать вырвал из таких же, как и у него, голодных ртов, ему даже в голову не приходит. Он — это другая статья. Он же — единственный и неповторимый. Или сие тоже свойство исключительно русского человека? Может быть. Но скорее — русского интеллигента. Впрочем, западного в не меньшей мере.

Слепая ненависть иногда настолько заполняет автора, что он забывает даже об элементарной логике. Вот вам пример из «Первой смерти», где приисковый следователь Штеменко убивает из ревности секретаршу начальника лагеря Анну Павловну:

«Штеменко осудили на десять лет за убийство из ревности. Наказание было минимальным. Судили его на нашем же прииске и после приговора куда-то увезли. Бывших лагерных начальников в таких случаях содержат где-то особо — никто никогда не встречал их в обыкновенных лагерях».

И неважно, что по этой статье (уж в этой части любой лагерник — заправский юрист) десять лет не минимальное, а максимальное наказание, минимальное — три года, и еще менее важно, что в предыдущих рассказах сам автор среди своих соллагерников по бригаде называет помощника Вышинского, первого секретаря одного из горкомов и начальника Горьковского отдела НКВД. Но те уже свои, с теми он уже свыкся, а этот гад, мерзавец, негодяй и хотя всего лишь маленький приисковый опер, его, конечно же, вместо лагеря — на курорт.

К слову и о лагерной любви. Если у всех окружающих это лишь проявление животных инстинктов, похоти, плотского озверения, то встреча самого автора с женщиной в лагере — это глубокое чувство, полное чистоты, лиризма, возвышенности. Конечно же, разве его можно сравнить с каким-нибудь вонючим вохровцем или уркой, еще чего захотели, ведь он же Блока наизусть. И даже более того — Мандельштама.

Я абсолютно уверен, к примеру, что Шаламов искренне возмущился бы, если бы ему заметили, что убийство из ревности (неважно кем и кого!) тоже свидетельство, если не любви, то по меньшей мере серьезной привязанности.

Да вы что, да ни в коем случае, разве это люди, человек здесь только я — я один — бесценный и неповторимый.

Но если для атеиста Шаламова это в известной мере оправдано

осознанием своей конечности на земле, то в гениальном «Архипелаге» у христианина Солженицына такой же манихейский, черно-белый подход к окружающим по-настоящему ужасает. Если «вохровец» или «блатной» для него заранее не человек, то о каком христианстве здесь вообще может идти речь. Тяжкий грех — клеймить ближнего только по признаку его социального положения в обществе, а не относиться к нему как к отдельному созданному и посланному в мир Богом существу. С того же самого, кстати сказать, начинали и большевики.

Но разве пробьешься с этим к нашему современному интеллигенту: он не такой, как все, он особенный, ему все можно и все дозволено.

Дозволено призывать международных коллег к писательской солидарности (когда дело касается лично его) и в то же время пальцем не пошевелить в защиту своего собрата.

Дозволено настаивать на самоограничении и жить в фешенебельной усадьбе с пропускным устройством на воротах. (К слову сказать, я за то, чтобы люди, в том числе и писатели, жили по средствам, поэтому не вижу в этом ничего худого, лишь бы такой писатель других к самоограничению не призывал.)

Дозволено выступать с проектами переустройства России, только без его личного участия: вы, ребята, давайте, а я со стороны посмотрю, что у вас получится.

По-моему, очень точно определил Юрий Олеша перманентное состояние русского интеллигента, назвав свою повесть о нем «Зависть». Зависть лютая, всеразъедающая зависть во все времена распирала и продолжает распирать его страждущую душу. Да, он получает ордена и госпремии, да,

у него есть казенная дача, порою и две, да, у него есть квартира, да, он ездит в привилегированные дома творчества, да, ему доставляют на дом продуктовые заказы. Но ему положено, он заслужил, с ним все в порядке, потому что он единственный и избранный самим Провидением, он уникальный и неповторимый. Другое дело, эти, которые наверху, всяческие горбачевы, язовы, крючковы, ползковцы (в прошлом ими были для него романовы, юсуповы, терещенки, рябушинские и т. д.) и прочие им подобные. За что, за какие такие заслуги у них и дачи дороже, и квартиры просторнее, и продуктовые заказы роскошней? Нет, этого его многомерная душа вынести спокойно не может. К тому же еще и обманутый народ, за который он всегда готов голову положить на плаху. Разумеется, если это ничем голове, кроме легкой мигрени, не грозит.

И попробуй посоветуй ему разместить, к примеру, на его даче две-три бездомных семьи или поделиться с ними комнатой в своей квартире, он посмотрит на вас, как на зачумленного: еще бы, разве его можно сравнивать с сосущими из того же народа кровь номенклатурщиками! Его не замай, ибо он творец духовных, непреходящих ценностей и ему необходимы для этого соответствующие условия, а еще предпочтительнее не соответствующие, а лучшие, чем у других, простых смертных.

Но, заметь, как только им удается оказаться у власти, они становятся еще беспощадней и корыстнее своих предшественников. Возьмите хотя бы для примера вчерашнего правозащитника, интеллектуала, знатока языков и литературы Звиада Гамсахурдиа, установившего в своей родной Грузии режим откровенной диктатуры.

Конечно же, как в семье не без урода, так и среди наших высокопоставленных не без исключения. В качестве таковых я мог бы назвать здесь, к примеру, Андрея Сахарова, Иосифа Бродского, Олега Волкова и еще нескольких. Но, к сожалению, не они определяют лицо своей социальной среды в целом. Увы!

Вот так мы и живем, так и живем. Потому что мы особенные, не такие, как все, у нас не о ближнем, а обо всем человечестве голова болит. Откровенно говоря, лучше было бы, если б не болела. Человечество, уверяю вас, уж как-нибудь обошлось.

И какой облегчающей отдушиной выглядит на этом фоне второй том «Крутого маршрута» Евгении Гинзбург! С каким подлинно христианским состраданием вглядывается она в каждого, с кем сводит ее лагерная судьба: в надзирателя, следователя, проститутку, начальника лагеря, блатного и вольнонаемного. Для нее они прежде всего люди, падшие ангелы, а не социальные или политические монстры. Мало того, в собственных несчастях она обвиняет в первую очередь не их, не систему, не общество, а самое себя. И эта возвышающая душу переоценка собственной судьбы делает эту книгу подлинно христианским свидетельством эпохи.

С той же душевной и духовной благодарностью читал я совсем недавно и лагерные воспоминания Евросинии Керсновской, опубликованные в прошлом году в «Знамени».

В сибирскую пору своей биографии мне и самому пришлось пережить нечто подобное. Дорогой ценой, помнится, дался мне тогда мой весенний переход от базы у Хантайского порога до первого немецкого поселения на енисейском берегу. Но, честно говоря,

в сравнении с ее одиссеей мои недолгие плутания по тайге выглядят сегодня увеселительной прогулкой на туристической трассе. Сколько же все-таки в состоянии вынести человек, движимый неистребимой волей к жизни и верой в собственную правоту! Причем не только вынести, но и не потерять при этом образа и подобия Божьего.

Эта ее непроницаемость для разрушающего душу соблазна ненависти и отчаяния обращает повествование в одну непрерывную и жизнеутверждающую молитву. Отсюда пронизывающая рассказ неистребимая «милость к падшим», что сообщает ему подлинно христианское звучание.

Не могу не упомянуть в связи с этим также гулаговские записки Олега Волкова, хотя ко всему написанному о них мне нет надобности что-либо добавлять. К тому же у Волкова сказывается еще и аристократическая традиция, которая вопреки общепринятому в послеоктябрьское время мнению сказывается прежде всего в естественной демократичности.

Всем бы нам так-то, да не получается, оттого и видится мне наше общее будущее таким провальным и безотрадным.

В связи с этим мне вспоминаются шестидесятые года, когда впервые по каналам «Тамиздата» в Советский Союз начал довольно широко распространяться сборник «Вехи». Трагическая панорама предреволюционной эпохи открылась перед нашей отечественной интеллигенцией и вызвала в ней такое сочувствие и взаимопонимание, что, казалось, если не навсегда, то, во всяком случае, на целое поколение отвратило ее от всякого радикализма.

Но едва только с возникновением и расширением гласности ей — этой интеллигенции — позволено

было откровенно высказаться, как обнаружилось, что никакие «Вехи» и солирующие им свидетельства абсолютно ничему ее не научили. С чувством горечи и недоумения встречаю я под самыми разрушительными призывами и обращениями, даже порою в поддержку насильственного сопротивления системе, подписи тех, кто тогда горячо одобрял и пропагандировал идеи этого пророческого сборника. Хоть криком кричи!

Как тут не процитировать пассаж из воспоминаний Великого Князя Александра Михайловича:

«Императорский строй мог бы существовать до сих пор, если бы «красная опасность» исчерпывалась такими людьми, как Толстой и Кропоткин, террористами, как Ленин или Плеханов, старыми психопатками, как Брешко-Брешковская или же Фигнер или авантюристами типа Савинкова и Азефа. Как это бывает с каждой заразной болезнью, настоящая опасность революции заключалась в многочисленных носителях заразы: мышах, крысах и насекомых... Или же, выражаясь более литературно, следует признать, что большинство русской аристократии и интеллигенции составляло армию разносчиков заразы. Трон Романовых пал не под напором предтеч советов или же юношей-бомбистов, но носителей аристократических фамилий и придворных званий, банкиров, издателей, адвокатов, профессоров и других общественных деятелей, живших щедротами Империи. Царь сумел бы удовлетворить нужды русских рабочих и крестьян; полиция бы справилась с террористами. Но было совершенно напрасным трудом пытаться угодить многочисленным претендентам в министры, революционерам, записанным в шестую книгу российского дворянства, и оппозиционным бю-

рократам, воспитанным в русских университетах.

Как надо было поступить с теми великосветскими русскими дамами, которые по целым дням ездили из дома в дом и распространяли самые гнусные слухи про Царя и Царицу? Как надо было поступить в отношении двух отпрысков стариннейшего рода князей Долгоруковых, которые присоединились к врагам монархии? Что надо было сделать с ректором Московского университета, который превратил это старейшее русское высшее учебное заведение в рассадник революционеров? Что следовало сделать с графом Витте, возведенным Александром III из простых чиновников в министры, специальностью которого было снабжать газетных репортеров скандальными историями, дискредитировавшими Царскую семью? Что нужно было сделать с профессорами наших университетов, которые провозглашали с высоты своих кафедр, что Петр Великий родился и умер негодяем? Что следовало сделать с нашими газетами, которые встречали ликованием наши неудачи на японском фронте? Как надо было поступить с теми членами Государственной Думы, которые с радостными лицами слушали сплетни клеветников, клевшихся, что между Царским Селом и ставкой Гинденбурга существовал беспроволочный телеграф? Что следовало сделать с теми командующими вверенных им Царем армий, которые интересовались настроением антимонархических стремлений в тылу армий более, чем победами над немцами на фронте? Как надо было поступить с теми ветеринарными врачами, которые, собравшись для обсуждения мер борьбы с эпизоотиями, внезапно вынесли резолюцию, требовавшую образования радикального кабинета?

Описания противоправительственной деятельности русской аристократии и интеллигенции могли бы составить толстый том, который следовало бы посвятить русским эмигрантам, оплакивающим на улицах европейских городов «доброе старое время». Но рекорд глупой тенденциозности побила, конечно, наша дореволюционная печать. Личные качества человека не ставились ни во что, если он устно или печатно не выражал своей враждебности существующему строю. Об ученом или же писателе, артисте или же музыканте судили не по их даровитости, а по степени радикальных убеждений. Чтобы не идти далеко за примерами, достаточно сослаться на философа В. В. Розанова, публициста М. О. Меньшикова и романиста Н. С. Лескова».

Прошу прощения за столь обширную цитату, но уж больно похоже на все происходящее сегодня в нашей стране, не правда ли?

А вот вам пример из недавних.

После разоблачения (и совершенно справедливого!) нескольких иерархов Русской Православной церкви, годами активно сотрудничавших с органами советской охраны, популярный исследователь религиозной жизни в стране Александр Нежный, к которому я отношусь с большим уважением, открыто заявляет:

«Если бы я лично, например, был поставлен перед такой восхитительной возможностью назвать имена дипломатов, писателей, ученых, сотрудничавших (заметьте, употребив настоящие названия) с КГБ, я бы никогда этого не сделал. Потому что я считаю, что в этот мир, полный ярости и ненависти, в это пламя выливать еще канистру с бензином я не имею никакого нравственного права, и если это сделать, это

будет тягчайший грех. Но в данном случае дело совсем другое. Церковь — организация не только земная, но и небесная, мистическая. И грехи, о которых мы говорим, ни с чем не сравнимы, не могут быть поставлены в один ряд с чьим бы то ни было служением тайной полиции».

Тут что ни слово, то перл бесовской казуистики. Не страшно выливать «канистры с бензином» на Государство, Армию, Церковь, то есть институты, которыми живо любое демократическое общество и тем самым роя этому обществу (и, разумеется, самим себе!) могилу, наша интеллигенция заранее отпускает себе все каиновы грехи. В таком случае чума на оба ваших дома, вы заслуживаете своей каиновой участи! И когда за очередным «нежным» захлопнутся ручки, пусть не вопиет он, что не виновен. Виновен, ибо грешил, используя ради соблазна «малых» сих самый драгоценный дар Господа — слово.

В заключение я позволю себе процитировать еще один пассаж теперь уже из любимого мною «Архипелага»:

«Вообще наша комнатка была как смоделирована. Эмведист и генерал полностью нами управляли. Только с их разрешения мы могли пользоваться электроплиткой (она была народная), когда они ее не занимали. Только они решали вопрос: проветривать комнату или не проветривать, где ставить обувь, куда вешать штаны, когда замолкать, когда спать, когда просыпаться. В нескольких шагах по коридору была дверь в большую общую комнату, там бушевала республика, там «в рот» и «в нос» слали все авторитеты, — здесь же были привилегии, и, держась за них, мы тоже должны были всячески соблюдать законность. Слетев в ничтожные маля-

ры, я был бессловесен: я стал пролетарий и в любую минуту меня можно было **выбросить в общую** (подчеркнуто мною. — В. М.). Крестьянин Прохоров, хоть и считался «бригадиром» производственных придурков, но назначен был на эту должность именно как прислужник — носить хлеб, носить котелки, объясняться с надзирателями и дневальными, словом, делать всю грязную работу (это был тот мужик, который кормил двух генералов). **Итак, мы вынужденно подчинялись диктаторам.** Но где же была и на что же смотрела великая русская интеллигенция?»

Вы действительно хотите знать об этом, многоуважаемый Александр Исаевич? Охотно отвечу: они были там же, где и вы, в той же аккуратно смоделированной Системой комнатке, только размером побольше, под управлением энкавдистов и генералов и подобострастно или в лучшем случае молчаливо смотрели туда же, то есть в сторону начальства, и «вынужденно подчинялись диктаторам» **лишь бы не попасть в «общую»**. Разница тогда между вами, Александр Исаевич, была чисто пространственная и материальная. Духовной же — никакой.

Так чего уж там на зеркало пенять!

Вот так.

Постскриптум. А ведь были люди, которые не соблазнились «смоделированной комнаткой», не унизили своего человеческого достоинства ни подобострастием, ни молчаливым терпением перед начальством. Только, как правило, не из интеллигентского круга. В опубликованных в пятидесятые годы на Западе послевоенных воспоминаниях племянника генерала Краснова, Николая — рас-

сказывается об одном из таких — самом молодом генерале казачьих войск, начальнике оперативного отдела штаба красновского корпуса — Васильеве.

Будучи осужденным по процессу Краснова и его соратников на двадцать лет каторжных лагерей, он наотрез отказался от предложения пойти в **лагерную** самодеятельность или получить работу в **лагерной** обслуге, предпочтя этим спасительным соблазнам общие работы, где и погиб, как сообщили советские власти его сыну, профессору Сорбонны Михаилу Васильеву, от дистрофии на лесоповале под Тайшетом.

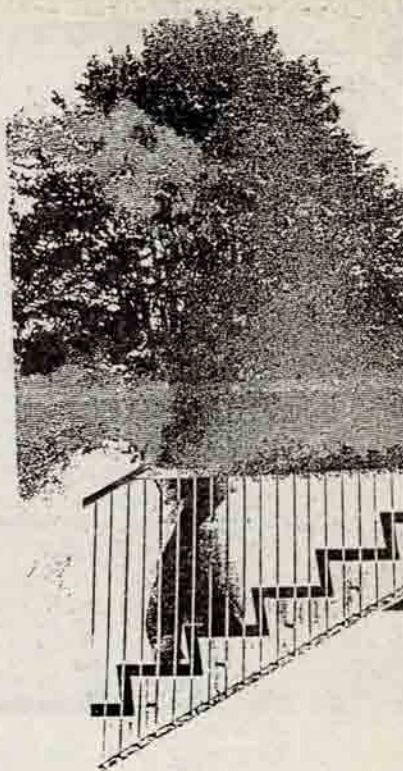
Да, многоуважаемый Александр Исаевич, как видите, были люди в наше время, богатыри — не мы.

И в заключение цитата:

«Не гувернер, а вся интеллигенция виновата, вся, сударь мой. Пока это еще студенты и курсистки — это честный, хороший народ, это надежда наша, это будущее России, но стоит только студентам и курсисткам выйти самостоятельно на дорогу, стать взрослыми, как и надежда наша и будущее России обращаются в дым, и остаются на фильтре одни доктор — дачевладельцы, несытые чиновники, ворующие инженеры. Вспомните, что Катков, Победоносцев, Вышнеградский — это питомцы университетов, это наши профессора, отнюдь не бурбоны, а профессора, светила... Я не верю в нашу интеллигенцию, лицемерную, фальшивую, истеричную, невоспитанную, ленивую, не верю даже когда она страдает и жалуется, ибо ее притеснители выходят из ее же недр». (А. Чехов. Из письма к И. И. Орлову от 22 февраля 1899 года.)

И еще, из «Воспоминаний» Надежды Мандельштам:

«В своем одичании и падении писатели превосходят всех».

ЛЕВ КОТЮКОВ

25

==
*Чудится мне, что ни города нет, ни дороги,
Чудятся в рощах чужие пропащие боги,
Холод вечерний, пещеры в осенних стогах.*

*Там, где я жил, навсегда мои годы забыты;
Белые двери в старинных парадных забыты,
Черного хода по пьянке вовек не найти.*

*Да и по трезвости незачем мне возвращаться,
Чтоб не смотрели в испуге в глаза домочадцы
Выживших сверстников и ненадежных друзей.*

*Господи Боже, прости наши грешные души!
Чудится карта страны без морей и без суши,
Белая карта, где слово читают с конца.*

*Белая карта. Обратное слово во мраке.
Лают лениво на звон колокольный собаки.
Знать бы сначала —
за что возлюбил нас Господь!..*

Поэзия

Будто петлей перехвачено в горле дыханье.
Вечная жизнь — возвращение и ожиданье.
Знать бы сначала —
что стоит чужая любовь!..

Чудится ночью, что кто-то стоит надо мною,
И узкогорлый графин с застоялой водою
Чудится мне
с отпечатками пальцев внутри...

Полночный ветер выстудил подъезды,
Гудит чердак — приют воздушной бездны,
И тьма в глазах, как черный виноград.
Жена в постели молча жметя к мужу,
И страшно вдруг подумать в эту стужу,
Что боль чужая греет чью-то душу,
Как свет гнилушки старый мерзлый сад...

Прах погибнувших гор
я держу не дыша на ладони.
Свет морей затонувших — слезою дрожит на щеке.
И в овражных сугробах коченеют ожившие корни,
И стеклянные реки сокрушают камни в тоске.

Кто ответит —
зачем наши сны пожирают сознание?
Кто ответит —
зачем в наших снах воскресает любовь?
Полно жизнь ожидать!
Полно верить в Число-ожидание!
Полно верить словам,
предрекающим мертвую новь!

И не страшно терять!
Но таить обретенное страшно!
И по кругу, по кругу —
и все вдруг без оглядки кругом!
Но в пространстве живых
время вновь порождает пространство,
И черемухе ранней снится
темный овражный сугроб.

Прах погибнувших гор
стылый ветер сметает с ладони.
Тень сгорающей тени
на коленях стоит у огня.
Свет морей затонувших омывает безумье седое,
И в сознание моем
Божий сон воскрешает меня.

ЗВЕЗДА ЛЕСОВ

*В глазах змеи звезда не отразится,
Взвывается ввысь встревоженная птица,
Лесная ночь до света растворится
В глазах змеи.*

*Змеиный след росой осеребрился,
Небесный ковш зарницами пролился,
Как хочется, чтоб я тебе приснился
В последний раз.*

*В сыром огне дрожат цветы ночные.
Звезда лесов. Дороги травяные.
Вселенной спяты наши сны земные
В полночный час.*

*И наша жизнь во сне не повторится,
В глазах змеи звезда не отразится,
Лесная ночь до света растворится
В глазах змеи...*

ЛАРИСА МИЛЛЕР

*Нельзя так серьезно к себе относиться.
Себя изводить и с собою поситься,
С собою вести нескончаемый бой,
И в оба глядеть за постылым собой,
Почти задохнувшись, как Рим при Нероне.*

*Забывать бы себя, как багаж на перроне.
Забывать, потерять на огромной земле
В сплошном многолюдьи, в тумане, во мгле.
Легко, невзначай обронить, как монету:
Вот был и не стало.
Маячил и нету.*

*Отлив, отбой, отказ, отмена,
Откат волны. Осталась пена
Морская на сыром песке,
И день повис на волоске,
На жиденьком луче закатном.
И мир, что мнился необъятным,
Затихнул и почти погас.
И если что и видит глаз,
То мель и косточку от сливы,
И ламинаршу. Отливы,*

Приливы — экая беда.
Придет высокая вода,
Волна, заря. Но если скуден
Твой новый день, незряч и нуден,
То скуден и незряч, и глух
Не день, а твой иссякший дух.

Но есть они — прагород, прарека.
Тоску по ним, живущую от века,
Впитала с молоком. И это млеко
Течет издалека, издалека.
Прародина. Томление по ней —
Единственной, незримой, изначальной —
Сильнее чувств иных. Исход печальный
Свершаем, удаляясь от корней,
От устья, от начала всех начал...
А зримое и зыблемо, и ломко...
Рожденный обречен. Недаром громко
Младенец новорожденный кричал.

Плывут неведомо куда по небу облака.
Какое благо иногда начать издалека,
И знать, что времени у нас избыток, как небес,
Бездоен светлого запас, а черного — в обрез.
Плывут по небу облака, по небу облака...
Об этом первая строка и пятая строка,
И надо медленно читать и утонать в строках,
И между строчками витать в тех самых облаках,
И жизнь не хочет вразумлять
и звать на смертный бой,
А только тихо изумлять подробностью любой.

Давайте в черный день подумаем о снеге,
О медленном его и неустанном беге.
Летучие снега раскидывают сети...
Давайте в черный день подумаем о свете,
О будущем светло и ясно о минувшем.
Огромное крыло над озером уснувшим,
Отбрасывая тень, в безмолвии качнется,
И сгинет черный день, и белый день начнется.

ИГОРЬ МЕЛАМЕД

АНГЕЛ

Я уже не верил в чудо,
но услышал голос твой:
«Хочешь, ангелом я буду
в изголовье над тобой?»

Милый ангел,
поздно очень
оказался рядом ты.
Не страшны мне больше ночи,
дни мои не так пусты.

Помнишь, как тебя я прежде
из последних самых сил
в легкой облачной одежде
прилететь ко мне просил?

Как тебя бы полюбил я!
Как бы стало нам светло!
А теперь твои мне крылья
грудь сдавили тяжело.

Улетай же ради Бога!
Нам не весело вдвоем.
Милый ангел,
слишком много
света в облике твоём!

Слишком позднее свиданье
нам сулили небеса.
Слишком позднее сиянье
обожгло мои глаза.

Что ты, милый, я не плачу!
Даже плакать не могу.
Я глаза от света прячу
и дыханье берегу.

Что ты, милый! Бог с тобою!
Я спокоен, отчего ж
сам ты плачешь надо мною,
крылья на руки кладешь?

Полно, милый! Ну не надо!
Что так жалобно приник?
Все равно ведь сердце радо,
что ты все-таки возник.

Ты сдержал ведь обещанье:
появился рядом ты.
Пожелай мне на прощанье
очень легкой темноты.

Я как милую надежду
отпущу тебя к другим.
Влажный край твоей одежды
поднесу к губам своим.

Господи, что же случилось со мной?
Глохнет душа, утомляется тело.
Стало бедою моей и виной
все, что ласкалось, и льнуло, и пело.

Веки твои под моею рукой.
Ветки твои сквозь оконную раму...
Этот размеренный, тяжкий покой
словно повязка на вечную рану.

Ближе к рассвету подходит к концу
детство, во сне умирая от жажды.
Видишь себя вопреки мудрецу
в прежнюю реку вступающим дважды.

Только вступаешь с другого конца,
освобождаясь от истлевшего платья,
мертвую ветвь отведя от лица,
теплые руки убрав из объятий.

Вслед за собой устремляешься вплавь
и в прибывающем утреннем свете
вновь попадаешь в постылую явь,
словно в свои же забытые сети.

30

Господи, я ничего не могу!
Мне не доплыть до свиданья с собой же!..
Я очертанья на том берегу
с каждым рассветом терню все больше.

Это — меня убивающий свет,
ставший бедою моей и виною,
неотвратимо сводящий на нет
даже родство между мною и мною.

ЛЮДМИЛА ИШУТИНОВА

Видно, мы не поняли друг друга,
Обвинив в притворстве или лжи,
Значит, вновь по замкнутому кругу
Безнадежно нам с тобой кружить.
Все ходы и выходы закрыты,
И ключи потеряны уже.
Нападение —
лучшая защита:
Защищаем подступы к душе.

День раскрашен цветными мелками:
Желтый, розовый и голубой.
Он сегодня был в сговоре с нами,
Он смеялся над глупой судьбой.
Он не верил в свою быстротечность,
Мчался лихо, себя не щадя.
Обещал нам беспечность и вечность,
Но споткнулся о капли дождя.
Долговечны ли краски из мела?
Желтый, розовый и голубой —
Три ручья, и какое им дело,
Что с утра кто-то спорил с судьбой.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Вот если б проснуться светло и беспечно,
Как будто и взрослой еще не была,
Чтоб бабушка снова возилась у печи,
А мама засоней меня назвала,
Чтоб в кухню ввалился отец непременно,
Колочий с мороза, с охапкою дров.
Проснуться и сразу понять: воскресенье,
А в доме светло от пришедших снегов.
Проснуться... И я просыпаюсь под утро
На самом краю восходящего дня.
И бледный фонарь одиноко и мудро
Сквозь осень, сквозь шторы глядит на меня.
И сны от себя отогнав постепенно,
Наивности их улыбнуться тайком,
Я вдруг удивлюсь, что и впрямь воскресенье,
Но только до снега еще далеко.

На каком монетном дворе
Тридцать звонких, лукавых монет
Отчеканили в серебре
В наказание на тысячи лет?
Мир менялся. Из года в год
Дорожали и кров, и хлеб,
Ремеслом был монетчик горд
И, наверное, чуточку слеп.
Впрочем, совесть его чиста —
Тридцать звонких монет серебром —
Эти деньги за смерть Христа
Он не метил особым клеймом.

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

- Г «... виновата ли я, что люблю?»
- Г Пахать подано, господа зеки!?
- Г «Я не способна быть матерью»

Г Люди, что знаете вы о любви? Я расскажу вам о ней. Я люблю человека иного мира, иного цвета кожи — негра. Вижу ваши лица: смесь удивления, непонимания, осуждения и брезгливости — в лучшем случае... Но он добр, умен, честен, открыт, сердечен, искренен, человечен, беззащитен. Он более человек, чем многие из нас, белых. И молчалив. Из-за нас, потому что вы не даете ему права любить здесь. Как вы мучаете нас! А имеете ли вы право судить и осуждать? Его, меня — всего лишь за то, что люблю... Виновна? — в любви всего лишь... За что же вы бьете меня? — словами, брошенными в спину, осуждающими взглядами, оценивающими покачиваниями головы, оскорбляющими ухмылками. За что? Что сделал вам он? Что сделала вам я? Почему я должна бояться вас? Почему я должна избегать встреч с ним на ваших глазах? Почему я не имею права привести его к себе домой? Почему? Да потому, что вы осудите меня. Но ограничьтесь хотя бы этим! Не троньте родных и друзей моих! Я знаю, вы заключаете их своими добренькими сочувствиями. Вы не простите им счастья дочери. Вы не дадите нам жить. В моих поступках вы будете искать что угодно: тряпки, деньги, выезд. И не уви-

дите главного — человека и любви к человеку. Не заметите поглотившей меня любви, чувства, более сильного, чем все остальные; моего желания повсюду следовать за любимым человеком. Возрадуйтесь же! Я не вышла из общего ряда «как все». К своему стыду, я остаюсь с вами, при этом яростно ненавижу себя: за то, что не переищу мне через вас, ваши слова, глаза; за то, что все же говорю вам «вы»; за то, что я слабее вас; за то, что ненавижу вас; за то, что... к сожалению, я зависима от вас. Вы чувствуете это. Вы рады. Ощущать мою зависимость от вас, свою власть надо мной. Я ненавижу вас за то, что вы готовы «оказать первую помощь» моим родителям при моем выезде отсюда; за то, что я сегодня провожаю человека, от которого хотела бы иметь детей, которого ненавидите и презираете вы, которого люблю я. Устраивает развязка? Злорадство овладевает вами? Какие еще чувства пробудила в вас моя любовь к негру, обратившаяся по вашей воле и вине в ничто? Радуйтесь! Вы победили! Это ваш день. А я... Я остаюсь с вами. Сольюсь с общей массой? Надену личину бездушного человека «без светлых чувств»? А сердце? Что делать с ним? Что делать с крово-

точащим, плачущим, стону-щим, кричащим сердцем моим? Мне... вашей «дочери». Обыкновенной девчонке, которой выпало счастье любить без границ и быть любимой. Что делать с любящим сердцем? Я среди вас. Я осталась в стране, дорожке которой у меня сегодня ничего нет. Грязь и бедность которой — и мои, где рядом со мной будете жить вы — безразличные ко мне люди, но заботящиеся о моральной чистоте своих рядов.

...Самолет оторвался от земли. С ним оборвалась и часть моей души. Осталась рана. Не пронизируйте за «высокий слог». Может, от упрощенного языка — упрощенное чувство ответственности, упрощенное понимание доброты и совсем упрощенная любовь? Я уже не вижу самолет. Все. Конечно. Но не увидите вы слез моих. Слез отчаяния и непоправимости. Я знаю: вы ждете их, люди из зала ожидания. Ждете, когда я обернусь, чтобы убедиться в моей слабости и своей силе. Нет, слез не будет. Я обернулась. Я улыбаюсь. Я сильна своей любовью.

**В. К.,
Ярославль**

В стране с каждым днем увеличивается число безработных, растет инфляция, не хватает продуктов, и это, конечно, называется на «спецконтингенте». Многие колонии уже не в силах обеспечить работой заключенных, их везут из одного учреждения в другое, не жалея на это средств. Но ведь можно найти другое решение — тех же «малосрочников и легкостатейников» (я понимаю, что выпустить сразу тысячи заключенных нельзя) сколачивать в бри-

гады и посылать на сельскохозяйственные поселения, поднимать российское сельское хозяйство; не секрет, что крестьяне бегут из неперспективных деревень в более сильные хозяйства, в города. Ведь у нас множество заброшенных сел и деревень, а сколько техники валяется по полям! И скажу вам, многие, такие, как я, осели бы на этой земле со своими семьями, и это было бы разумно, потому что многим после освобождения негде поселиться и негде заработать на честную жизнь.

Я понимаю, что дело это непростое, не все, от кого это зависит, меня поддержат. Но нужно рискнуть, поверить. Конечно, без спонсоров не обойтись, но, думаю, многие деловые люди не откажутся от поддержки сельского хозяйства. Например, у нас в учреждении ЯВ 48/24 Челябинской области заключенные работают на ДСК, выполняют и перевыполняют нормы, а это значит, люди заинтересованы в работе и в заработке. Конечно, нужно проработать финансовую сторону проблемы, хотя для начала многие из нас согласятся работать, так сказать, на энтузиазме: ведь реально — самим отремонтировать заброшенные дома, возродить приусадебное хозяйство, завести личный скот и, конечно, начать обрабатывать землю. Бригады надо комплектовать лишь из тех, кто не боится трудностей и хочет работать, — ведь там нужно будет пахать в самом прямом смысле слова. При этом учитывать следует и желание самих заключенных — чтобы в бригаду объединялись люди, во многом сходные во взглядах на жизнь и дело, это поможет потом избежать конфликтов и срывов. Конечно,

их мнение не должно расходиться с мнением администрации.

Надеюсь, что это предложение будет принято.

Виктор Александрович СТАРИКОВ,
Челябинская обл.

Хочу рассказать очень грустную историю очень красивой, но очень несчастной женщины.

34

Меня зовут Лена. Мне двадцать пять лет, я всю жизнь прожила в Ленинграде-Петербурге. И была нежеланным ребенком в семье — родители очень хотели мальчика, — а потому была лишена родительской ласки и заботы. Нет, меня не били, но относились так, что чувство ответной злобы зародилось во мне, кажется, буквально с первых дней жизни. Я росла, как все: ходила в школу, занималась спортом, и, может быть, за то, что лишена была родительского тепла, Бог наградил меня привлекательной внешностью. Я, конечно, не считая себя писаной красавицей, но, видимо, что-то во мне было — немного выше, немного стройнее, немного смазливее других, — в общем, в школе и в спортшколе все парни были «мои». Я тогда шутила, повторяя фразу из мультфильма: «Я в этих женихах, как в сору, копаюсь». Ту злость, которую я затаила на родителей, я вымещала на своих поклонниках. Каких только издевок я не придумывала! Слышала, что одного парня из-за меня убили, другой выбросился из окна. Мне же было хоть бы хны! Вот Бог меня и наказал... Но тогда, в семнадцать лет, я была злым, холодным, кусачим животным. А потом, когда поступила в институт, нашла коса на камень — я встретила парня и полюбила его так, что стала сто-

дить с ума. Эх, Димка, Димка, это ты погубил меня! Растоптал, плюнул, унизил! Но все равно я люблю тебя и буду любить всю жизнь! Самое главное, что этот Димка не поддавался ни на какие мои ухищрения. Институт был «мужской» — у нас в группе на тридцать человек училось всего три девочки. Я для смеха подсчитала: только на первом курсе двенадцать человек звали меня замуж. Но я над всеми издевалась, а самой мной издевался Димка. Как собака на сене: когда я пыталась уйти от него, он удерживал меня, а когда лкнула к нему — отворачивался... так продолжалось полтора года. А потом он ушел в другой институт и исчез совсем. Я рвала на себе волосы, кусала локти — попала в больницу с тяжелым нервным расстройством, чуть не спятила, чуть не перерезала себе вены. Потом наступило глубокое безразличие ко всему, депрессия. Я, которой добывались десятки хороших, порядочных парней, стала шататься по улицам, спать с первыми попавшимися мужиками, один раз даже укололась. Но — удержалась на самом краю. Ударилась в спорт, И поклялась себе: выйду замуж за первого, кто полюбит меня и предложит замужество, — осчастливаю хорошего человека. Пусть всю жизнь буду любить и проклинать Димку, но жить буду с любящим меня человеком. И вот таким первым оказался один глупенький и неопытный мальчишка, курсант военного училища. Когда мы поженились, ему было девятнадцать, мне — восемнадцать лет. Все парни-курсанты, его одноклассники, завидовали ему: ишь ты, говоришь, сам такой неприметный, а какую красавицу отхватил! Сча-

стивый! А какой он счастливый, если я никогда не любила его, всегда была с ним холодна! Вся моя обида на родителей и Димку со страшной силой вымещалась на мужа. Скоро у нас родилась дочка, но жизнь не изменилась. Первое время я вообще не признавала ребенка. Чтобы не портить грудь, отказалась ее кормить. Все делал муж — кормил ее, варил каши, стирал пеленки, ночью носил на руках. Но я не ценила этого. Целыми днями маялась от безделья и ждала, когда же вечером придет муж и готовится что-нибудь поесть. И переживала: вот прошел еще один день, я еще на один день постарела, я трачу свою молодость впустую и т. д. И продолжала издеваться над мужем. Высмеивала его в присутствии друзей, говорила, что он никуда не годится как мужчина, а ведь он был не виноват — он просто боялся моей холодности. Я не любила его, не любила ребенка. Я любила только Димку и себя. Ребенок оставался без одежды, муж — голодный, а я все деньги тратила на французские духи и ажурные колготки. Мы стали часто ругаться, я грозилась уйти из семьи. Дело доходило до того, что я хватала книгу, или скалку, или то, что попадало под руку, и била мужа со всей силы. Иногда так отбивала себе руки, что кулаки болели, а он все молчал и терпел. Но однажды он не вытерпел и ударил меня по лицу. Я решила, что жестоко ему отомщу. И отомстила — стала спать с курсантами. Я насмеялась над мужем: он, мол, меня не удовлетворяет. В общем, сделала так, что муж стал посмешищем для всего училища; даже командир смеялся над ним. Я думала, муж меня убьет. Он всегда

говорил: изменишь мне — убью. Но даже пальцем меня не тронул — просто ушел. Я хотела с ним развестись, отсудить алименты, а потом плюнула — пускай подавится своей офицерской зарплатой. В общем, осталась одна с дочкой и тут поняла, как страшно быть одной. Институт пришлось бросить. Кончила курсы и пошла работать массажисткой, но в поликлинике платили мизер, и пришлось ходить по клиентам. Каждый мужик норовил затянуть меня в постель, и каждый второй массаж заканчивался именно в постели. Одно время я вообще зарабатывала на жизнь проституцией, даже валюты немного подзаработала, но стать профессиональной проституткой так и не смогла — меня тошнило и бросало в дрожь от мысли о том, что надо отдать свое красивое тело на растерзание всякому нечистому, волосатому мужику. И даже если мужчина попадался красивым, мне было с ним противно, а причина тому — холодность и ненависть, которую я теперь испытывала ко всем. Я пыталась найти Димку, но не смогла. Живу, как во сне. С кем-то пересплю, что-то перепродаю, в общем, с голоду еще не умерла. А недавно в метро увидела своего мужа. Он сидел, повзрослевший, похорошевший, подтянутый, в форме капитан-лейтенанта и читал «Смену». Я не смогла к нему подойти — просто не хватило духу. Поэтому я и пишу вам — может, вы напечатаете мое письмо и он его прочитает. Андрей! Я не прошу тебя вернуться ко мне — знаю, что ты никогда меня не простишь, я только прошу — забери свою дочку и отдай ее на воспитание своим родителям. Я не

способна быть матерью. Наташке уже шесть лет, она понимает, как низко пала ее мать. Девочка совсем больная, ей нужна специальная диета, много мяса, овощей, фруктов, много солнца и воздуха. Я не могу ее обеспечивать! Она мне говорит: «Ты красивая, мама, я хочу быть, как ты!» А я не хочу, чтобы она была, как я!

**ЛЕНА Д.,
Санкт-Петербург**

┌ Такое впечатление, что мы и наши дети — бывший «привилегированный класс», «светлое будущее» — никому в государстве не нужны. Сегодня еще бежит в школу ребенок в худых ботинках, в подшитых валенках, в пальтишке с чужого плеча, а завтра останется дома, потому что обувь развалится, из одежки вырастет, а у мамы оклад копеечный. В магазинах цены, от которых закататься начинаешь: ребенок просит мороженое за шесть рублей, яблоки за тридцать, а единственная роскошь, которую мама может позволить с жалкой полочки, — банка икры, кабачковой, разумеется. Впрочем, она теперь стоит не сорок копеек, а десять рублей. И вот через 15—20 лет подрастет поколение полудебилных, озлобленных, выросших на запретах и зависти детей, в ответ на все просьбы получающих один ответ: «Нет денег». У ребенка, не имеющего богатых дедушек и бабушек, видящего сидящую по ночам с вязанием и шитьем маму, естественно, возникает недоумение: почему в соседней квартире так называемый «кооператор», торгующий перекупленными в госторговле товарами, купается в деньгах, не зная, во что еще нарядить свое сви-

нувшееся от роскоши чадо, а его мама, всю жизнь честно проработавшая на большом заводе, «совсем плохая стала», худая, аж светится.

Вот и получается — опять не дожить нам и нашим детям до светлого будущего.

Может, многие, прочитав это письмо, посмеются радостно над новыми нищими, их несчастными больными детьми, порадуются своей предприимчивости и ловкости — так доброго вам здоровья от будущих самодулий, одиноких матерей, не желающих видеть своих детей рабами. Уверена, что не одна я так думаю.

**ЕЛЕНА СЕРГЕЕВНА,
Рыбинск**

┌ Сесть за письмо меня заставила длительная, изматывающая безысходность, беспросветность.

Дело в следующем. Вот уже три года я являюсь председателем общества Красного Креста Томпонского района республики Саха (Якутия). Два года назад втихомолку от республиканского ОКК я в своем районе открыл счет общества (позже такое разрешение получили все отделения).

Первый взнос — 100 рублей — на счет общества я сделал сам, затем ходил и почти на коленях выпрашивал деньги у кооперативов и предприятий. Набрал шесть тысяч рублей. Две с половиной тысячи из них забрало Республиканское общество, взамен, естественно, ничего не предложив. Нет, вру, прислали для реализации марок на три тысячи рублей да приписали, что в качестве пожертвованной я должен им прислать еще три тысячи. А кому сейчас эти марки нужны? Люди их и раньше-то

из-под палки покупали, а сейчас и вовсе могут по шее дать за эти самые марки.

Итак, я решил отколоться от РКК. Зарплату я от них в прошлом году получал 60 рублей в месяц, после повышения цен — 150. Эти подачки я на счет своего общества отправлял. Я врач и сначала Красный Крест взял на себя как общественную нагрузку, а потом это стало делом моей жизни.

Решил создать Национальное Общество Красного Креста Томлонского района Якутии. Ведь два года переписки с различными зарубежными организациями показали мне «свет в тоннеле». Но не тут-то было: во-первых, с 1992 года Красный Крест обложили такими же налогами, как кооперативы и малые предприятия. Единственная привилегия — с пожелавшего перечислить какую-то сумму в Красный Крест не возьмут ни копейки в качестве налога. Но что-то благотворительностью никто не занимается.

А задумывал я создать собственные предприятия Красного Креста, в которых бы производилось все, что нужно для охраны здоровья человека. Например: составляя договор с руководством кооператива. Налоги с него дерут бешеные, как и со всех. Идет он в мой Красный Крест, и государство перестает брать с него налог, но теперь уже беру налог я в пользу Красного Креста и, конечно, гораздо меньше, чем государство. Выгодно ему это? Выгодно! И нам выгодно, а в первую очередь выгодно людям, которые на попечении Красного Креста. Пусть этот кооператор станет богатым, но чем он будет богаче, тем богаче будем мы все.

Когда государство издало за-

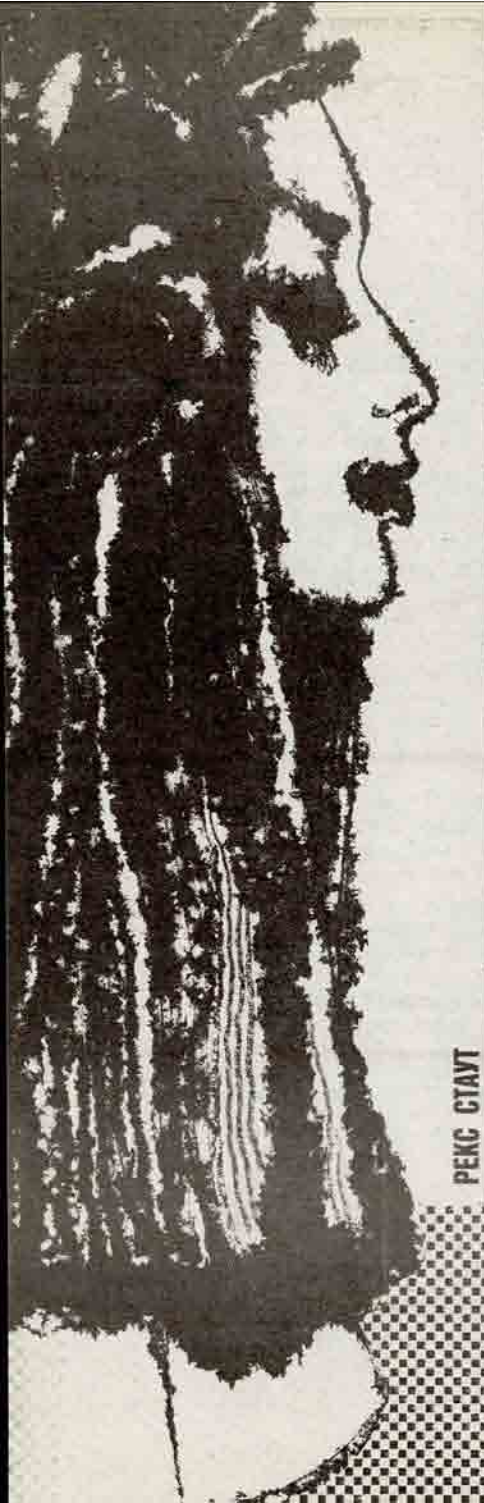
кон «О налоге на прибыль предприятий и организаций» от 27 декабря 1991 года за № 2116-1 п. 3, ст. 7, рухнул Красный Крест, как бы он ни старался выжить за счет нашей сознательности.

Мои подопечные, одинокие пожилые люди, видя бедственное положение Красного Креста и, естественно, переживая — ведь от благополучия Общества зависит их благополучие, — могли бы и хотя бы заняться надомным трудом: салфетки вышивать, что-то раскрашивать, клеить, собирать и т. п. Пусть маленькие деньги, говорят они, но все же хоть что-то, чем совсем ничего. А я не могу организовать это дело, потому что за их стариковский труд государство будет брать налоги — работали они всю жизнь, воевали, здоровье потеряли, а государству все мало и мало...

Так вот и живем: ничего не производим, за душой пусто, есть лишь несколько тысяч на счету районного Красного Креста. Тяжело стоять с протянутой рукой, но, может, кто-нибудь посочувствует? Эх, нам бы грузовой автомобиль — денег бы заработали, а не просили бы.

Георгий ЕВСТАФЬЕВ,
врач-педиатр

Адрес: 678720, Республика Саха (Якутия), п. Хандыга, ул. Лесная, 14, кв. 4.

PEKIC STAVT

БЛИЖЕ МЕЧУ ТУМАНА

13

РИСУНКИ АЛЕКСАНДРА ГРИНА

Стоял я в нашем кабинете, руки в карманах, и глазел на галстук, лежавший на столе Ниро Вульфа. Тут раздался звонок в дверь.

Если б галстука на столе не было, это уже была бы совсем другая история, а может, никакой истории и не было бы, поэтому обдумая все подробно. Галстук был тот самый, в котором Вульф появился утром, — коричневый, шелковый, с узором из маленьких желтых загогулин; рождественский подарок от одного из наших клиентов. За ленчем Фриц, пришедший убрать обглоданные к тому времени свиные ребра, сказал Вульфу, что тот закапал галстук соусом, после чего шеф промокнул его салфеткой. Когда мы перешли из столовой в кабинет, он снял галстук и положил его на письменный стол. Вульф не выносил беспорядка в своей одежде — это относилось и к домашнему гардеробу, — однако счел излишним тратить силы на то, чтобы подняться в спальню за другим галстуком, — посетителей он не ждал. В четыре часа Вульф поднялся в оранжерею, чтобы провести там часы досуга, наслаждаясь запахом цветущих орхидей. Рубашка его все еще была расстегнута у ворота, а галстук попрежнему лежал на столе.

Меня это раздражало. Фрица тоже. Когда в начале пятого он зашел сказать, что собирается за покупками и вернется через пару часов, взгляд его упал на галстук, и брови поползли вверх.

— Schlampick¹, — заметил я.

Фриц кивнул.

— Вы знаете, как я ценю и уважаю его. Он человек большого ума и несгибаемой воли, его, несомненно, можно назвать великим детективом, но это не значит, что его домоправитель обязан делать все что угодно. Где-то надо провести черту. Кроме того, у меня артрит. У вас, Арчи, нет артрита.

— Вроде бы нет, — согласился я. — Но если вы хотите провести черту, то же сделаю и я. Мой список обязанностей — от доверенного агента до мальчика на побегушках — не короче мили, но в него все же не входят функции камердинера. Артрит, конечно, не в счет. Но какого величия исполнен наш патрон! Кстати, он мог бы взять галстук с собой, когда поднимался наверх.

— А вы могли бы засунуть его в ящик стола.

— Это все равно что уклониться от ответа на трудный вопрос.

— Похоже, что так, — кивнул Фриц. — Дело деликатное, не спорю. Ну да ладно, я пошел.

После его ухода я занялся обычными своими делами, ответил на пару телефонных звонков и в двадцать минут шестого встал из-за стола. Когда раздался звонок в дверь, я стоял, как уже говорил, в кабинете Вульфа, разглядывая галстук на столе, что придавало ситуации еще большую пикантность. Галстук с жирным пятном — это предмет, который уж никак не должен лежать на рабочем столе человека большого ума, обладателя несгибаемой воли, когда к нему приходит посетитель. Однако к тому времени

¹ Неряха (нем.).

меня одолело упрямство — я считал вопрос о галстукке делом принципа, к тому же звонить мог и посыльный. Идя через холл к входной двери, я увидел через прозрачное с моей стороны стекло, что перед входом стоит какая-то незнакомка — женщина средних лет с острым носиком и круглым подбородком (не сказал бы, что очень красивой формы). На посетительнице были серое пальто и черная шляпка в форме тюрбана. Никакого пакета в руках она не держала.

Я открыл дверь и поздоровался. Женщина заявила, что желает видеть Ниро Вульфа. Я ответил, что он сейчас занят и к тому же принимает только тех, с кем заранее договаривался о встрече. Она сказала, что ей это известно, но дело срочное, и она дожидается, пока мистер Вульф освободится.

Ну, скажу я вам, у меня были причины поступить так, как я поступил: во-первых, у нас тогда не было никаких дел, во-вторых, не было и денежных поступлений, так как после Нового года прошло лишь пять дней, да и надоело мне целыми днями любоваться орхидеями — хотелось что-то делать. К тому же я был недоволен шефом за то, что он кинул галстук на стол. Женщина не проявляла излишней настойчивости, держалась с достоинством и смотрела карими глазами — глазами хорошего человека — прямо на меня.

— О'кей, — сказал я. — Посмотрим, чем я смогу вам помочь.

Посторонившись, я пропустил ее в приемную, принял у нее пальто и повесил его на вешалку. Потом я проводил посетительницу в наш кабинет и усадил в желтое кресло возле своего письменного стола, оставив свободным обтянутое красной кожей кресло у стола Вульфа. Женщина села — очень прямо, в какой-то принужденной позе, поставив вместе ступни, на каждой из которых было по аккуратненькой серой туфельке. Я сказал ей, что Вульф освободится не раньше шести.

— Лучше сперва поговорить с ним мне и рассказать о вас, — заметил я. — Поверьте, это на самом деле важно. Меня зовут Арчи Гудвин. А вас?

— Я слышала, — сказала она. — Да-да. Если бы я не знала о вас и мистере Вульфе, я бы сюда не пришла.

— Премного благодарен. Кое-кто из тех, кто меня знает, по-другому реагирует на мое имя. Так как же вас зовут?

Она внимательно посмотрела на меня.

— Пожалуй, не назовусь, пока не буду уверена, что мистер Вульф возьмется за мое дело. Оно очень деликатное. Очень личное.

Я покачал головой:

— Боюсь, ничего не выйдет. Вам придется рассказать ему о вашем деле, а я в это время буду сидеть рядом и слушать. Так ведь? Вдобавок я должен буду сообщить ему еще кое-что — что вам тридцать пять лет, весите вы сто двадцать фунтов и не носите серьги. Только после этого он решит, браться ему за дело или нет.

Она чуть заметно улыбнулась:

— Мне сорок два.

Я ухмыльнулся:

— Вот видите? Мне необходимы факты — кто вы и что вам нужно.

Она сжала губы, затем проговорила:

— Это очень деликатное дело. Но, конечно, вам нет смысла идти к нему, пока я кое-что не расскажу.

— Валяйте.

Перед тем как начать рассказ, она нервно сплела пальцы.

— Так вот, меня зовут Берта Аарон. Пишется с двумя «а». Я личный секретарь мистера Ламонта Отиса, старшего компаньона юридической компании «Отис, Эдей, Хейдекер и Джетт». Наш офис — на углу Мэдисон-авеню и Сорок четвертой улицы. Недавно произошло одно событие, которое меня встревожило. Хочу, чтобы мистер Вульф разобрался в этом деле. Я могу ему заплатить, разумеется, в разумных пределах, но, может статься, ему заплатит сама фирма. Повторяю, так может получиться.

— Вас прислал сюда кто-то из сотрудников фирмы?

— Нет, меня никто не посылал, и никто не знает, что я здесь.

— А что, собственно, случилось?

Она плотнее сцепила пальцы.

— Может, и не надо было мне приходить. До сих пор не пойму, правильно ли я поступила...

— Не волнуйтесь, мисс Аарон. Вы ведь мисс Аарон?

— Да, я не замужем. — Она расцепила пальцы и сжала обе ладони в кулак. — Конечно, это глупо. Мне надо было выйти замуж за мистера Отиса. Мы с ним живем вот уже двадцать лет, и он так хорошо ко мне относится! Я не могла пойти со своим делом к нему — ему ведь семьдесят пять лет, у него слабое сердце, и это может его доконать! Он каждый день приходит в контору, но лишь по привычке — теперь он может делать очень немного, хотя знаний у него больше, чем у всех остальных, вместе взятых. — Она разжала кулаки. — Случилось же вот что: я видела одного из руководителей нашей фирмы разговаривающим с представителем противоположной стороны в одном очень важном судебном деле, самом крупном из всех, которые нам когда-либо поручали. Встретиться в таком месте можно лишь в том случае, если заранее тайно условиться.

— Вы хотите сказать, с адвокатом противоположной стороны?

— Нет, с самим клиентом. Если бы адвокат, это еще полбеды.

— Кто же из руководителей фирмы встречался с ним?

— Я пока не готова ответить. Не хочу открывать мистеру Вульфу имя этого человека, пока не буду уверена, что он берет за мое дело. Ему необязательно знать имя, чтобы принять решение. Если вас удивляет, что я пришла именно к вам, то я уже объясняла, почему не могу рассказать мистеру Отису, компаньонам же рассказывать боюсь — если один из них предатель, то не сговорился ли он с кем-нибудь еще или — кто знает? — даже со всеми? Тут нельзя гадать. Компаньонов всего четверо, но адвокаты у нас есть и другие — целых девятнадцать. Ни одному из них я не могу доверять ни на волос. — Она снова сжала кулаки. — Надеюсь, вы понимаете меня. Представляете, в какую ловушку я попала?

— М-да. А вдруг вы ошибаетесь? Конечно, юристу не подоба-

ет встречаться с кем-либо из представителей другой стороны, особенно с клиентом, но существуют же исключения! Может, это вышло случайно. Где и когда вы их видели?

— В прошлый понедельник, ровно неделю назад. Это было вечером. Они сидели вместе в дешевом ресторанчике, в отдельном отсеке. В такое заведение она ни за что бы не пошла, не пошла бы даже в ту часть города. Я, конечно, тоже, но меня послали в этот район с поручением, и я зашла в ресторан, чтобы оттуда позвонить. Они меня не видели.

— Значит, среди компаньонов есть женщина?

Она подняла брови:

— О, я сказала «она»! Я имела в виду клиентку. У нас в конторе есть женщины, но они не входят в число руководителей фирмы. Встреча этих людей никак не могла быть случайной. Конечно, можно допустить, что он не предатель и что факты объясняются как-то по-иному. Потому-то мне и трудно было принять решение. Но теперь я знаю! Всю неделю я мучилась сомнениями, потом не выдержала и сегодня днем решила все-таки поговорить с этим человеком. Если бы он смог хоть как-то объяснить происшедшее, тогда было бы все в порядке. Но он не смог. Он был так потрясен, что у меня не осталось никаких сомнений в его предательстве.

— А что он вам ответил?

— Не то, что бы он сказал что-нибудь особенное, но выражение лица выдавало его с головой. Он заявил, что может, конечно, все объяснить, что действует в интересах именно нашего клиента, а не чужого, но не может сказать мне больше, пока не произойдут некие события — в течение недели, уточнил он, хотя — кто знает — вдруг они произойдут завтра? Я поняла: надо что-то делать. Идти к мистеру Отису я побоялась из-за его больного сердца. К другим руководителям фирмы я тоже не пошла. Мне даже взбрело в голову обратиться к адвокату другой стороны, но это, разумеется, не помогло бы. Тогда я вспомнила о Ниро Вульфе, надела пальто и шляпу — и, как видите, пришла. Дело срочное. Надеюсь, вы это понимаете?

Я кивнул:

— Очень возможно. Многое зависит от того, что за процесс ведет ваша фирма. Мистер Вульф может согласиться взяться за ваше дело до того, как вы назовете фамилию предполагаемого предателя, но ему надо будет сразу сказать, что это за судебный процесс. В некоторого рода дела он вмешиваться не станет, даже если суть конфликта не имеет к ним отношения. Так что же это за процесс?

— Мне бы не хотелось... — Она умолкла, потом спросила: — Ему обязательно надо знать?

— Еще бы! А впрочем, вы назвали фирму, в которой работаете, сказали, что дело крупное и что клиент другой стороны — женщина. Этого достаточно, чтобы обо всем догадаться. Не надо даже особенно шевелить мозгами. Ваш клиент — Мортон Соррел?

— Да.

— А судится с ним его жена, Рита Соррел?

— Совершенно верно.

Я бросил взгляд на наручные часы. Стрелки показывали 5.39. Я встал и сказал посетительнице:

— Ну, скрестите пальцы на счастье и сидите здесь.

Пройдя по коридору, я стал подниматься по лестнице, обдумывая, что сказать шефу. Добавились два важных обстоятельства, и именно от них сейчас все зависело. Во-первых, если первое в новом году денежное поступление было от щедрот Соррела, это не украсило бы общую картину; во-вторых, Ниро Вульф обычно не брался за бракоразводные дела, он старался даже косвенно не оказаться в них замешанным. Положение мое было не из легких, поэтому, поднявшись по лестнице на три пролета и попав на верхний этаж нашего особняка, где пол выстлан плитками из песчаника, я заставил шестеренки в мозгу крутиться быстрее, чем шагали ноги. Перед входом в оранжерею я остановился — не для того, чтобы перевести дух, а желая продумать, с чего начать разговор, однако решил, что это пустое дело — все зависело от того, в каком настроении пребывает шеф. Не замечая красот цветников и яркости клумб, я миновал три смежных зала оранжереи — прохладных, наполненных тропической влагой — и оказался в так называемом «кадочном зале» — все растения там были в кадках.

Вульф восседал на скамейке в проходе и рассматривал в сильную лупу ложную луковицу на каком-то растении. Теодор Хорстман, четвертый из обитателей нашего дома, весивший ровно вдвое меньше шефа, возился с папоротником-чистоусом. Я подошел к ним и обратился к могучей спине Вульфа:

— Извините за вторжение, сэр, но у меня возникли трудности.

Шефу понадобилось секунд десять, чтобы утвердиться во мнении, что он меня услышал. После этого он вынул из глаза монокль и затребовал информацию:

— Сколько сейчас времени?

— Без девятнадцати шесть.

— Твое дело вполне может подождать девятнадцать минут.

— Знаю, но есть одна заковыка. Если вы спуститесь и войдете без стука в свой кабинет, то застанете там женщину.

— Какую еще женщину?

— Ее зовут Берта Аарон. Она пришла без приглашения. У нее какие-то неприятности, причем неприятности довольно странно-го толка. Я как раз поднялся сюда, чтобы рассказать вам об этом, а уж потом вы решайте, спуститься ли мне снова и отшить ее или вы все-таки взглянете.

— Ты потревожил меня, нарушил наш уговор.

— Знаю, но я ведь извинился. К тому же, раз уж я вас побеспокоил, давайте-ка расскажу об этом деле; женщина — личный секретарь Ламонта Отиса, старшего компаньона...

И так далее, и тому подобное. Когда я кончил свой рассказ, шеф наконец-то оторвался от лупы и ложной луковицы. В какой-то момент в его глазах даже блеснул огонек. Вульф не раз говорил мне, что единственная вещь, побуждающая его хоть что-то делать, — это страстное желание, как он выражается, жить в свое удовольствие: занимать старинный особняк из бурого

песчаника в Манхэттене, на Тридцать пятой Западной улице, пользоваться услугами шеф-повара Фрица, садовника Теодора (специалиста по орхидеям), а вдобавок и моими. Однако огонек в его глазах загло не предвкушение большого гонорара — я ведь пока еще не называл фамилию Соррел, — а мое упоминание о том, что клиентка попала в затруднение довольно-таки странного характера. По крайней мере до сих пор мы ни с чем подобным не сталкивались.

Наш разговор дошел до щекотливой темы.

— Кстати, — начал я, — есть одна маленькая деталь, которая может вам не понравиться, хотя она и не имеет отношения к сути дела. В процессе, о котором идет речь, клиентом является Мортон Соррел. Вы, наверное, знаете об этом деле.

— Разумеется.

— Так вот, наша посетительница видела, как жена Соррела, с которой он судится, беседовала с одним из руководителей своей фирмы. Может, вы помните, что сказали об этой даме, прочитав отчет о процессе в утренней газете? Писали, что она согласна развестись с мужем, если получит месячное обеспечение в размере тридцати тысяч долларов, но в городе ходили слухи, что на самом деле она хочет содрать с мужа за развод кругленькую сумму — тридцать миллионов зелененьких. Может, в этом и загвоздка. Но в общем, все это — не относящиеся к делу подробности. Главное то, что мисс Аарон хочет...

— Нет! — отрезал шеф и бросил на меня сердитый взгляд. — Неужели ты ввалился сюда лишь ради этого?

— Я не ввалился. Я вошел.

— Ты прекрасно знаешь, что это дело не для меня.

— Я знаю, что вы не будете помогать жене, которая судится с мужем, и наоборот, но здесь-то всего этого как раз и не надо. Вы не будете иметь никакого отношения к...

— Нет, это не по мне! Супружеская война может оказаться главной пружиной всего конфликта. Не хочу браться за это дело! Отошли посетительницу.

Завалил я свою миссию. А может, и нет, может, она была безнадежной с самого начала. В таком случае не стоило даже пытаться что-то сделать. В общем, как на это ни смотри, сплошная невезуха. Не люблю заваливать то, за что взялся, но ничего страшного не случилось от того, что я поговорил с шефом, потратив добрых десять минут, хотя это и не изменило ситуацию и не разрядило атмосферу между нами. Вульф закончил разговор на том, что собирается спуститься в свою комнату за другим галстуком, а меня просит позвонить ему по внутреннему телефону после того, как посетительница уйдет.

Пока я спускался по лестнице, меня обуревало искушение позвонить ему и сказать не о том, что она ушла, а о том, что мы уходим вместе с нею — я иду вызволять ее из трудного положения. Искушение это возникло не сию минуту, а появилось раньше, и я вынужден был признать, что при других обстоятельствах оно выглядело бы более привлекательным. Прежде всего, если я предложу ей свои услуги, она может от них отказаться, а с меня довольно на сегодня отказов и неудач. Так что, идя по

коридору, я постарался придать своему лицу соответствующее выражение, чтобы наша посетительница, взглянув на меня, могла сразу догадаться о решении шефа. Но, когда я вошел, мне пришлось изменить выражение лица, вернее, оно изменилось само по себе.

На ковре лежало то, чего там не было, когда я уходил. Передо мной валялся большой кусок нефрита, который Вульф клал сверху на бумаги, чтобы они не разлетались, — обычно он лежал на столе; чуть дальше на ковре лежала Берта Аарон, которую я совсем недавно оставил спокойно сидящей в кресле.

Она лежала на боку, одна нога согнута в колене, другая выпрямлена. Я подошел и склонился над телом. Губы синие, язык вывалился, глаза широко открыты и неподвижны, вокруг шеи обмотан галстук Ниро Вульфа, узел сбился в сторону. С виду женщина была мертва.

Иногда в таких случаях есть еще шанс спасти человека. Я достал из ящика своего стола ножницы; узел был такой тугой, что мне с трудом удалось подсунуть под него палец. Избавившись от галстука, я перевернул тело на спину. «Дьявольщина, она же мертва, что я делаю?» — подумал я, но все же отодрал немного пуха от ворсистого ковра и приложил к ее ноздрям и губам. Но она не дышала. Я взял ее ладонь, нажал на ноготь — он так и остался белым. Кровообращение остановилось. Быть может, оставался еще шанс ее спасти, если бы мне удалось очень быстро — скажем, через две минуты — привести к ней врача. Сняв трубку, я набрал номер доктора Волмера, который жил в соседнем доме. Его не оказалось на месте.

— Черт бы их всех побрал! — воскликнул я громко, поскольку все равно меня никто не слышал, после чего присел, чтобы перевести дух.

Я сидел, глядя на женщину, — минуту, а может, и две, — и меня захлестывали не мысли, а эмоции. Слишком тяжело было на душе, чтобы о чем-то подумать. Злился я на Вульфа, не на себя — тело я нашел в десять минут седьмого, так что, если бы он спустился сюда со мною ровно в шесть, мы бы успели ее спасти. Затем я дотянулся до внутреннего телефона и позвонил шефу в его апартаменты. Когда он снял трубку, я сказал:

— Все в порядке, спускайтесь. Ее нет.

И нажал на рычаг.

В оранжерею шеф всегда поднимается на лифте и даже спускается на нем оттуда, но покой его всего на один пролет лестницы выше, чем кабинет. Услышав, что дверь его комнаты открылась и снова захлопнулась, я встал, занял позицию прямо перед трупом, дотянулся в шести от головы, скрестил на груди руки и устремил взгляд на дверь.

Послышались шаги. Шеф переступил порог, остановился, взглянул на тело, перевел взгляд на меня и пророкотал:

— Ты же сказал, что ее нет!

— Так точно, сэр, ее нет. Она мертва.

— Чуть!

— Да нет, сэр. — Я посторонился и добавил: — Взгляните сами. Он обошел вокруг тела, сел в свое огромное, сделанное на

заказ кресло, стоявшее у письменного стола, сделал глубокий вдох и не менее глубокий выдох.

— Предполагаю, — против обыкновения тихо проговорил он, — что женщина была жива, когда ты ушел отсюда и поднялся наверх, ко мне?

— Да, сэр. Сидела вот в этом кресле. Она была здесь одна, да и пришла без всяких спутников. Дверь, как всегда, была закрыта. Фриц ушел в магазин, я вам уже говорил. Когда я ее обнаружил, она лежала на боку; я повернул ее на спину, чтобы узнать, дышит ли она, и разрезал сдавливавший шею галстук. Потом позвонил доктору...

— Какой еще галстук?

Я показал пальцем на стол.

— Тот самый, который вы здесь оставили. Шея была им туго обернута. Очевидно, женщину сперва оглушили куском нефрита, — я показал пальцем на ковер, — но смерть наступила от удушья — галстук прекратил доступ кислорода в легкие, и она задохнулась. Видите, какое у нее лицо? Я разрезал...

— Ты смеешь высказывать предположение, что ее задушили моим галстуком?

— Я не высказываю предположение, а утверждаю это. Узел туго затянули, длинным концом еще раз обвязали шею и связали с коротким концом — заметьте, узел не морской, а, как говорят моряки, «бабий», то есть завязанный неправильно. — Я подошел к тому месту, где лежал брошенный мною раньше галстук, поднял его и положил на письменный стол. — Риску предположить, что, если бы галстук не лежал тут, убийце пришлось бы искать другое орудие, может быть, носовой платок. Также осмелюсь заметить, что если бы вы спустились немного раньше...

— Замолчи!

— Хорошо, сэр.

— Это становится невыносимым!

— Да, сэр.

— Я никогда не смогу с этим примириться!

— Конечно, сэр. Я могу сжечь галстук, и мы скажем Крамеру, что, удушив ее чем-то — неизвестно чем, — убийца убедился, что она мертва, а затем забрал с собой орудие убий...

— Да замолчи же! Она ведь говорила, что никто не знает о ее визите к нам...

— Ба! — воскликнул я. — У нас нет ни малейшего шанса, неужели вы не понимаете? Мы попались, как мухи на липучку. Я не стал звонить в полицию до вашего прихода только из вежливости. Если я буду тянуть с этим хоть еще немного, нам это лишь повредит — мне ведь придется назвать им точное время, когда я обнаружил труп. — Я взглянул на часы: — Ого, прошла уже двадцать одна минута! Может, лучше позвонить вам самому?

В ответ — гробовое молчание. Шеф уставился на галстук, стиснув челюсти и сжав губы так, что их почти не было видно. Я дал ему — из вежливости — пять секунд на размышление, потом отправился на кухню, снял трубку телефона, стоявшего на столе, за которым утром того дня я завтракал, и набрал номер полиции.

Инспектор Крамер из Западного департамента по расследованию убийств дочитал последнюю страницу моих показаний, которые я успел отпечатать на машинке и подписать, положил их на стопку бумаг, громоздившуюся на столе, постучал по ним пальцем и заявил:

— По-моему, Гудвин, все это вранье.

На часах было пятнадцать минут двенадцатого. Мы сидели в столовой. Группка экспертов закончила осматривать место преступления и удалилась, так что можно было вернуться в кабинет, но у меня, по правде говоря, не было особого желания туда идти. Уходя, эксперты забрали ковер, кусок нефрита, вульфовский галстук, а заодно и кое-какие мелочи. Конечно, унесли они и тело Берты Аарон, но я все равно предпочел остаться в столовой. Наши посетители принесли туда пишущую машинку, предварительно сняв с нее отпечатки пальцев. На ней я и отстукал свои показания.

Пробыв у нас почти пять часов, эксперты наконец удалились. Остались лишь сержант Перли Стеббинс по прозвищу Жемчужинка, сидевший в нашем кабинете у телефона, и инспектор Крамер. Фриц был на кухне и прикладывался уже к третьей бутылке вина. К унижению, которое все мы испытывали из-за того, что в нашем доме произошло убийство, добавился совершенно невероятный факт: Вульф пропустил трапезу. Вообще отказался от еды. Около восьми вечера он поднялся к себе. Фриц дважды заходил к нему с подносом, но шеф лишь глухо рычал на него. Когда в половине одиннадцатого я поднялся к нему, чтобы дать на подпись отпечатанные на машинке показания и заодно сообщить, что незваные посетители забрали ковер, шеф издал рык. Членораздельных звуков я от него так и не услышал. Когда Крамер заявил, что не верит мне, я тоже на какое-то время лишился дара речи.

— Я несколько лет пытался вспомнить, кого вы мне напоминаете, — придя наконец в себя, ответил я. — И вот вспомнил. Это некое животное — я видел его однажды в зоопарке. Название начинается на букву «б». Вы что, хотите меня увезти?

— Нет. — Полное круглое лицо инспектора к вечеру всегда краснело, и его сероватые волосы казались более светлыми. — Можете приберечь свои остроты для другого случая. Я понимаю, вы не стали бы говорить неправду о том, что поддается проверке, но слова этой женщины уже не проверишь — она мертва. Даже если принять на веру ваше — и Вульфа — утверждение, что вы оба до сих пор никогда не имели дела с этой адвокатской фирмой, все равно нельзя исключить, что вы что-то скрыли или рассказали не так. Особенно подозрительна одна деталь. Вы хотите, чтобы я поверил, что она говорила о...

— Извините, но мне наплевать, чему вы верите, а чему нет. И мистеру Вульфу тоже. Вы не можете упрекнуть нас в том, что мы отказались дать показания о случившемся. У нас не было выбора, и мы рассказывали все, что знаем. Наши показания

у вас. Ежели вы добудете более точные сведения о том, что говорила эта женщина, тогда и упрекайте нас.

— Я пытался вам объяснить...

— Ну да. А я вас перебил.

— Вы утверждаете, что она подробно описала встречу в дешевом ресторанчике одного из руководителей своей фирмы с клиенткой противоположной стороны, назвала день, когда это произошло, и сказала, что сегодня утром беседовала с этим человеком, хотя и не назвала его имени. Так вот, я этому не верю. — Он постучал костяшками пальцев по нашим показаниям и наклонил голову чуть вперед. — Говорю вам, Гудвин, если вы пытаетесь скрыть имя этого человека в своих личных целях — то же самое относится и к мистеру Вульффу, — если вас кто-нибудь подрадил расследовать это убийство и вы используете информацию, которую утаили от меня, я не пожалею сил, чтобы до вас добраться.

— Послушайте, — начал я. — Похоже, вы кое-чего не поняли. Только что по радио передали, что женщина, пришедшая к мистеру Вульффу, чтобы проконсультироваться с ним, была убита в его кабинете — задушена его собственным галстуком в то время, когда он любовался своими орхидеями и болтал с Арчи Гудвином. Завтра это будут смаковать все газеты. Мне уже слышится чей-то хриплый смех. Мистер Вульфф сейчас не в состоянии съесть хоть что-нибудь — его обед до сих пор стоит нетронутый. Все это творится с нами с той самой секунды, когда мы увидели на полу труп. Если бы она назвала нам имя того человека, о котором идет речь, что бы мы, по-вашему, сделали? Вы утверждаете, что знаете нас как облупленных, значит, должны знать и это. Так вот, я отправился бы его искать. Мистер Вульфф ушел бы из кабинета, запер дверь и отправился на кухню. После возвращения Фрица он сидел бы там и пил пиво. Говорю вам это, чтобы вы поняли: не так уж хорошо вы нас знаете, как вам кажется. Что же до того, верите вы мне или нет, это заботит меня меньше всего.

Кольчичие серые глаза Крамера нацелились на меня.

— Итак, вы пошли бы за ним и изловили его. А он вот пришел сюда и убил ее. Каково, а? Как вам это нравится? Откуда он узнал, что она здесь? Как он вообще попал сюда?

Тут я произнес нечто такое, что здесь приводить не буду, а затем добавил:

— Вы опять за свое? Я уже обсуждал это со Стеббинсом, потом с Роуклиффом и с вами. Неужели этого мало?

— Проклятие! — воскликнул инспектор. Сложив бумаги, в том числе и наши показания, он убрал их в карман, встал, отпихнув стул, и невразумительно рыкнул: — Бьюсь об заклад на оба своих глаза...

С этими словами он вышел в холл и что-то сказал находившемуся в кабинете Стеббинсу. Можете себе представить, в каком расстройстве чувств я пребывал: я даже не вышел в холл, чтобы убедиться, что эти люди не прихватили с собой ничего лишнего. Вы небось думаете, что Жемчужинка Стеббинс, проторчав битых пять часов у нас в доме, хотя бы потрудились зайти попрощаться

со мною? Где там! Я услышал, как грохнула входная дверь. Так вот, это был Жемчужинка. Крамер никогда не хлопает дверями.

А я все сидел в кресле. Когда на часах было без двадцати двенадцать, я сказал себе вслух:

— Неплохо было пойти прогуляться.

Но это, как видно, на меня не подействовало. Через пять минут я встал, взял со стола копию своих показаний, отправился в контору и положил бумаги в ящик своего стола. Оглядевшись, я увидел, что полицейские оставили все в более или менее пристойном виде. Я сходил за пишущей машинкой и водрузил ее на место, убедился, что дверца сейфа заперта, затем вышел в коридор, чтобы проверить, заперта ли входная дверь, накинул цепочку и отправился на кухню. Фриц сидел за столиком, за которым я обычно завтракаю; он весь сторбился и прижался лбом к краю стола.

— Клокнул ты, что ли?

Он поднял голову:

— Нет, Арчи. Пытался, но как-то не пошло.

— Иди спать.

— Нет. Вдруг ему захочется поесть?

— Может, ему уже никогда не захочется есть. Ладно, спокойной ночи. Приятных сновидений.

Я вышел в коридор, поднялся по лестнице на один пролет и постучал в дверь. В ответ раздался странный звук — не то рычание, не то стон. Я открыл дверь и вошел. Вульф сидел в глубоком кресле с книгой в руке. Он был в костюме и при галстуке.

— Они ушли, — доложил я. — Последними оставались Крамер и Стеббинс. Только что вышли. Фриц сидит на кухне и ждет, не попросите ли вы есть. Позвоните-ка ему. А потом неплохо бы залечь спать. Ничего лучше все равно не придумааете.

— Ты что, сможешь уснуть? — спросил он.

— Наверное. Мне всегда это как-то удавалось.

— А я вот читать не могу, — пожаловался он и отложил книгу. — Ты когда-нибудь замечал во мне такую черту, как памятозлобие?

— Как-как? Придется справиться в словаре, что сие значит. Может, объясните?

— Неистовая жажда с кем-то сквитаться. Довольно злокачественный недуг.

— Да нет, не замечал.

— Так вот, я теперь им страдаю. Он не дает мне покоя. Не могу рассуждать хладнокровно. Я должен вывести мерзавца на чистую воду до того, как это сделает полиция. Пусть к восьми утра здесь соберется вся компания — Сол, Орри и Фред. Не знаю, что конкретно я им поручу, но утром я буду это знать. После того, как свяжешься с ними, можешь спать, сколько душе угодно, если, конечно, тебе это удастся.

— Если у вас есть для меня поручения, я могу и не ложиться.

— Отложим до завтра. Эта проклятая жажда мести — как бельмо на глазу. Моя способность мыслить никогда так не страдала, как сегодня. Никогда не думал...

Тут раздался звонок в дверь. Сейчас, когда нашествие оккупантов схлынуло, этого можно было ожидать — ведь Крамер не разрешил пускать в дом репортеров или фотографов. Я обдумывал, не отключить ли на ночь звонок, а теперь, спускаясь по лестнице, твердо решил, что так и сделаю. Фриц, стоявший у двери на кухне, увидев меня, вздохнул с облегчением. Щелкнув выключателем, он зажег лампу над крыльцом.

Если это был репортер, то, несомненно, самый старый в Америке. Он привел с собой какую-то девицу — то ли помощницу, то ли подружку. Я неторопливо подошел к двери, разглядывая парочку сквозь прозрачное с моей стороны стекло. Старик был шести футов ростом, с изборозженным морщинами, вытянутым скуластым лицом и впальными щеками; на нем были хорошо сшитое дорогое темно-серое пальто и серая фетровая шляпа, на шее — светло-серый шерстяной шарф. Девица казалась его внучкой; меховая шапка оставляла открытым лишь овал лица. Я откинул цепочку, рывком распахнул дверь и спросил:

— Что вам угодно, сэр?

— Я Ламонт Отис, — ответил старик. — Это дом Ниро Вульфа?

— Совершенно верно.

— Я бы хотел поговорить с ним. Поговорить о моей секретарше, мисс Берте Аарон, и уточнить некоторые сведения, которые я получил от полиции. Со мною мисс Пэйдж, моя помощница, член коллегии адвокатов. Я пришел сюда, поскольку ситуация крайне запутанная. Надеюсь, мистер Вульф не откажется меня принять.

— Я тоже на это надеюсь, — отозвался я. — Но, с вашего позволения...

Я вышел на крыльцо и выкрикнул прямо в морозную тишину улицы:

— Эй, кто там есть? Джиллиан? Мэрфи? Идите сюда на минутку.

Из глухой тени внезапно сооткалась человеческая фигура. Когда она была посреди улицы, я пристально взгляделся в нее и воскликнул:

— Э, да это Уайли! Поднимайтесь на крыльцо.

Полисмен остановился на тротуаре.

— Зачем это? — осведомился он.

— А действительно, зачем? — в свою очередь поинтересовался Отис. — Можно узнать?

— Конечно, можно. Инспектор полиции по фамилии Крамер боится осрамиться, упустив нас из виду. Буду вам очень обязан, если вы в присутствии мистера Уайли ответите мне на простой вопрос: мистер Вульф или я приглашали вас сюда?

— Конечно, нет.

— Вы пришли по собственной инициативе?

— Да. Но я не...

— Извините. Вы слышали его слова, Уайли? Включите их в ваш отчет. Это сэкономит Крамеру много времени и нервов. Очень вам...

— А кто он такой? — полюбопытствовал полисмен.

Я пропустил вопрос мимо ушей. Вернувшись в прихожую,

я пригласил гостей в дом, запер дверь и задвинул щеколду. Отис вручил мне свои пальто и шляпу, девушка осталась в шубке. Отопление на ночь немного убавили, и в доме было холодновато. Когда мы вошли в кабинет, мисс Пэйдж уселась в кресло и расстегнула шубку, но не сняла ее. Я прошел к терморегулятору и повернул ручку до отметки 70, затем подошел к своему столу, снял трубку и позвонил Вульфу по внутреннему телефону.

Вульф снял трубку и промычал:

— М-м-да?

— Здесь мистер Ламонт Отис. С помощницей, мисс Энн Пэйдж, — она тоже член коллегии адвокатов. Он надеется, что вы поймете: его визит вызван чрезвычайными обстоятельствами.

Пять секунд молчания, затем трубку положили. Чувствуешь себя круглым дураком, когда прижимаешь к уху умолкнувшую трубку. Я положил ее на рычаг, но пока не решился повернуться лицом к посетителям. Кто знает — спустится к нам шеф или нет? Я взглянул на часы. Если он не появится в течение пяти минут, я поднимусь за ним. Наконец я повернулся к Отису:

— Вы согласитесь подождать минут пять?

Он кивнул, затем спросил:

— Это случилось здесь?

— Да. Она лежала вот на этом месте, — я показал на пятно в нескольких дюймах от ступни Пэйдж. Отис сидел в желтом кресле рядом с письменным столом Вульфа. — Здесь лежал ковер, — продолжал я, — но его забрали на исследование криминалисты. Они, конечно... Ох, извините, мисс Пэйдж, мне не следовало указывать вам место, — сказал я, увидев, что она резко отодвинула назад свое кресло и закрыла глаза. Наконец она сделала над собой усилие и открыла их снова. При искусственном освещении они казались черными, но были, наверное, фиалкового оттенка.

— Вы Арчи Гудвин? — спросила девушка.

— Совершенно верно.

— Вы были... вы ее нашли...

— Именно так.

— Была ли она?.. Было ли это?..

— Ее ударили по затылку куском нефрита, который мы кладем на лежащие на столе бумаги, а потом задушили галстуком, случайно оказавшимся на письменном столе. Признаков борьбы не было. От удара она потеряла сознание, и не исключено, что...

Мой голос, очевидно, заглушил шаги Ниро Вульфа, спускавшегося по лестнице. Он вошел в кабинет, остановился и поклонился сначала даме, затем Отису, склонив голову ровно на одну восьмую дюйма. Потом он подошел к своему креслу и устремил взор на старого адвоката.

— Вы мистер Ламонт Отис?

— Да.

— Приношу вам извинения. Конечно, это не те слова, но мне сейчас трудно подбирать выражения. Под крышей моего дома насильственной смертью умерла ваша преданная помощница, которой вы полностью доверяли. Я очень сожалею о случившемся.

ся. Если вы пришли упрекать меня, что ж, я готов выслушать ваши упреки.

— Я пришел не за этим. — Морщины на лице нашего посетителя при ярком свете ламп казались глубокими бороздами. — Я должен узнать, что все-таки произошло. Полицейские и окружной прокурор рассказали мне, как она была убита, но не объяснили, почему она попала в этот дом. По-моему, я имею право это знать. Берта Аарон всю жизнь полностью доверяла мне, а я ей, но я ничего не знаю о неприятностях, которые, вероятно, заставили ее прийти сюда. Зачем она к вам приходила?

Вульф потер нос кончиками пальцев и спросил:

— А сколько вам лет, мистер Отис?

Мисс Пэйдж заерзала на стуле, и он скрипнул. Ветеран адвокатской корпорации, привыкший, должно быть, отводить в суде тысячи вопросов как несущественные, ответил просто:

— Мне семьдесят пять. А что?

— Я бы не хотел, чтобы в моем доме умер кто-то еще, на сей раз по моей вине. Мисс Аарон сказала мистеру Гудвину, что не поделилась с вами своими заботами только потому, что боялась за ваше здоровье. Она ведь так сказала, Арчи?

Я кивнул:

— Она объяснила, что у вас не все в порядке с сердцем, и эта история может вас прикончить.

Отис фыркнул:

— Глупости! Оно у меня лишь изредка побаливает. В жизни все время возникают проблемы, порою довольно сложные.

— Она преувеличила опасность, — заметила мисс Пэйдж. — Я имею в виду мисс Аарон. Она была очень предана мистеру Отису, и у нее была навязчивая идея, что он тяжело болен.

— Почему вы пришли сюда с мистером Отисом? — поинтересовался Вульф.

— Не из-за его болезни. Просто мы работали в его кабинете, а тут нам рассказали про БERTУ. Мистер Отис решил расспросить вас и попросил меня пойти с ним. Я ведь еще и стенографистка.

— Вы слышали, о чем мисс Аарон рассказала мистеру Гудвину? Если я сообщу мистеру Отису те сведения, которые она боялась до него довести, вы возьмете на себя ответственность за последствия?

Отис взорвался:

— Черт побери, я возьму на себя ответственность! В конце концов это мое сердце!

— Я пытаюсь понять, — проговорила девушка, — что хуже на него подействует: если вы все расскажете или, наоборот, если не скажете ничего. Ответственность я на себя не возьму, но можете считать меня свидетельницей: он настаивал на том, что ему необходимо знать всю правду.

— Я не только настаиваю, — проговорил Отис, — но и заявляю о своем неотъемлемом праве узнать то, что касается меня лично.

— Прекрасно, — отозвался Вульф. — Мисс Аарон появилась здесь сегодня днем, в двадцать минут шестого, вернее, даже вчера — сейчас уже за полночь. Она пришла без приглашения, не договариваясь заранее со мною о встрече. Минут двадцать

она беседовала с мистером Гудвином. Затем он пошел наверх, чтобы посоветоваться со мной. Он отсутствовал полчаса. Все это время она была на этаже одна. Вы знаете, что увидел мистер Гудвин, когда вернулся. Он передал полиции заявление, в котором воспроизвел свою беседу с покойной. — Вульф повернул голову: — Арчи, дай мистеру Отису копию заявления.

Я достал из ящика стола бумагу, вручил ее посетителю и сел в кресло у своего письменного стола. Отис внимательно перечитал мое заявление дважды — первый раз быстро, второй — очень медленно. Дочитав, он тщательно сложил бумагу и стал засовывать ее во внутренний карман пиджака.

— Э-э, нет, — веско произнес Вульф. — Я на свой страх и риск поделился с вами сведениями, но это копия заявления, сданного в полицию. Вам нельзя ее забирать.

Отис пропустил его слова мимо ушей. Он взглянул на свою помощницу.

— Не следовало брать вас с собою, Энн. Вынужден просить вас уйти.

— Поверьте, мистер Отис, вы можете полностью довериться мне. Во всем. Не сомневайтесь. Если вы узнали плохую новость, лучше не переживать в одиночку.

— Что делать! Такое я не могу вам доверить. Придется все-таки уйти.

Я встал и обратился к девушке:

— Вы можете подождать в соседней комнате, мисс Пэйдж. Стена и дверь звуконепроницаемые.

Она встала с крайне недовольным видом. Я открыл дверь в соседнюю комнату, включил там свет, затем подошел к двери в холл, запер ее и положил ключ в карман. Вернувшись в кабинет, я направился к своему столу. Отис спросил:

— А звукоизоляция надежная?

— Слышны только громкие крики, — заверил я его.

Он перевел взгляд на Вульфа:

— Неудивительно, что мисс Аарон боялась за меня. Вы говорите, в полиции есть такая же бумага?

— Да. Однако наша с вами беседа не закончится, пока вы не вернете заявление. У мистера Гудвина нет иного документа, подтверждающего, что он сообщил эти сведения полиции.

— Но мне надо...

— Арчи, возьми бумагу.

Я встал. Ну, думаю, еще одно испытание для сердца. Но как только я сделал шаг к нашему посетителю, рука его скрылась в кармане; когда же я подошел к нему вплотную, он вынул заявление и протянул мне.

— Так-то лучше, — прокомментировал его жест Вульф. — Я уже выразил вам свое сожаление по поводу случившегося и принёс извинения; всю информацию по этому делу вы от нас получили. Могу лишь добавить, что, во-первых, без вашего согласия мы никому не расскажем о том, что вы сейчас узнали; а во-вторых, мое самолюбие жестоко уязвлено, так что поимка убийцы доставит мне огромное удовольствие. Это дело относится не только к компетенции полицейских, это еще и мое личное

дело. Я буду благодарен вам за помощь, но хочу сразу же предупредить, что не приму от вас никакого гонорара. Понимаю, что вы недавно перенесли нечто вроде шока, что вас гнетут мысли о катастрофе, грозящей в будущем нашему агентству. Однако, когда эмоции схлынут, вас может прельстить перспектива уменьшить урон, сговорившись с работающим в вашей фирме предателем, и помочь этому негодню уйти от правосудия. Если вы проделаете это изобретательно и не жалея средств, то не исключено, что вы проведете полицию. Но знайте: меня вам все равно не провести.

— Чертовски смелые предположения и, главное, необоснованные, — отозвался Отис.

— Это не предположения, просто я посвящаю вас в свои планы. Я и полиция думаю одно и то же: кто-то из ваших компаньонов убил мисс Аарон. Хотя закон не требует, чтобы свидетельские показания в суде над убийцей содержали соображения относительно мотивов преступления, это неизбежно происходит. Можете ли вы с уверенностью утверждать, что интересы фирмы не выйдут на первый план?

Отис открыл рот, но тут же снова закрыл его.

Вульф кивнул:

— Надеюсь, что нет, и советую помочь мне. Если вы пойдете на это, я поставлю перед собой две задачи: поймать убийцу и позаботиться о том, чтобы репутация вашей фирмы пострадала как можно меньше. Если же вы не станете мне помогать, передо мной будет стоять лишь первая задача. Что же касается полиции, не такие уж они простаки, чтобы надеяться убедить вас в сотрудничестве с ними. Они понимают, что у людей есть более важные дела, чем забота о том, чтобы совершилось правосудие. Итак, что скажете, сэр?

Ладони Отиса лежали на коленях, голова была наклонена вперед, так что он имел возможность изучать тыльную поверхность левой руки. Потом взгляд его перекинулся на другую руку. Внимательно оглядев ее, старик поднял голову и заговорил.

— Ваше предположение, что мисс Аарон была убита кем-то из моих компаньонов, не больше чем гипотеза. Ну скажите, откуда он узнал, что она здесь? Она ведь заявила, что никому об этом не рассказывала.

— Он мог ее выследить. Вероятно, она покинула вашу контору вскоре после разговора с ним. Что скажешь, Арчи?

— Должно быть, она шла сюда пешком, — начал объяснять я. — От вас сюда минут пятнадцать — двадцать ходу. В это время трудно поймать такси, да и по центру города они ползут черепашным шагом, так что выследить ее было плевым делом.

— Но как же он вошел? — не отставал Отис. — Он что, пробрался незамеченным, когда вы впустили ее?

— Нет. Вы ведь читали мое заявление. Он увидел, что она вошла в дом, где, как было ему известно, живет Ниро Вульф. Тогда он направился к ближайшей телефонной будке и позвонил сюда. Она сняла трубку — вот эту, — я постучал пальцем по телефону на моем столе. — Меня в комнате не было, и трубку она, должно быть, сняла машинально — рефлекс опытной секре-

тарши. Я, уходя, не нажал кнопку, и звонка не было слышно наверху, в оранжерее. Он прозвенел лишь на кухне, но Фрица в это время там не было. Итак, она сняла трубку, и этот человек сказал, что ему нужно немедленно с нею повидаться — теперь он может объяснить ей подозрительный эпизод в ресторанчике. Она разрешила ему прийти и впустила его через парадную дверь. Он хотел лишь заморочить ей голову, но, когда понял, что она одна на этаже и не говорила еще с мистером Вульфом, у него возникла новая идея, и он ее осуществил. Все это заняло не более двух минут, а может, и меньше.

— Ну, все это лишь предположения.

— Гм, меня, конечно, в это время здесь не было, но моя гипотеза объясняет все. Если у вас есть другая, более правдоподобная, изложите ее. Готов за вами стенографировать.

— Полиция, верно, обшарила здесь все в поисках отпечатков пальцев?

— А как же! Но на улице стоял мороз, а ваши компаньоны, я думаю, имеют привычку носить перчатки.

Мистер Отис устремил взгляд на моего шефа.

— Мистер Вульф, я оставляю при себе свое мнение относительно ваших слов, что личные соображения могут заставить меня воспрепятствовать правосудию. Вы попросили помочь. Как это сделать?

— Делитесь со мной информацией. Отвечайте на вопросы. У вас большой опыт в уголовных делах, так что вы наверняка знаете, о чем я буду вас спрашивать.

— Лучше все-таки услышать вопросы от вас. Начинайте. Посмотрим, что из этого выйдет.

Вульф посмотрел на стенные часы.

— Уже почти час ночи, а процедура может затянуться. Мисс Пэйдж устанет ждать.

— Конечно, — согласился Отис и, обратившись ко мне, добавил: — Не могли бы вы пригласить ее сюда?

Я встал и направился к двери. Войдя в соседнюю комнату, я чуть было не начал произносить заготовленные заранее слова, но они застыли у меня на языке. В комнате никого не было. Сквозь широко распахнутое окно в помещение мощным потоком лился холодный воздух. Когда я подошел к окну и высунул голову наружу, мне уже казалось, что я сейчас увижу под окном тело девушки, вокруг шеи которой будет обвязан один из моих галстуков. Но под окном, находившимся на высоте восьми футов, ничего не было.

3

Из кабинета донесся рык:

— Арчи! Куда ты, черт возьми, запропастился?

Я закрыл окно и огляделся в поисках следов борьбы или записки. Не найдя ничего, я вернулся туда, откуда пришел.

— Она ушла, — сказал я. — Не оставив даже записки. Когда я...

— Зачем ты открыл окно? — осведомился Вульф.

— Наоборот, я его закрыл. Оставив ее в той комнате, я запер дверь в холл, чтобы она не бродила по дому и не услышала невзначай чего-нибудь такого, чего бы ей лучше не слышать. Наверное, она устала ждать и выбралась через окно.

— Что? Она выпрыгнула в окно?! — изумился Отис.

— Да, сэр. Как вы выражаетесь, это лишь гипотеза, но весьма правдоподобная. Судите сами: окно открыто, в комнате ее нет, под окном — тоже.

— Не могу поверить. Мисс Пэйдж — человек вовсе не легкомысленный, ее скорее можно назвать уравновешенной и надежной... — Он вдруг умолк, затем воскликнул: — Нет! Нет! Я теперь уже не знаю, кто надежен, а кто нет. — Опершись локтями о поручни кресла и подперев подбородок ладонями, он проговорил: — Не могли бы вы дать мне стакан воды?

Вульф предложил ему бренди, но он повторил, что ему нужна вода. Я сходил на кухню и принес то, что он просил. Отис достал из кармана маленький металлический коробок, извлек из него две пилюли и растворил их в воде.

— А они помогут? — поинтересовался Вульф. — Я имею в виду пилюли.

— Помогут. Они-то уж точно надежны.

Отис вернул мне стакан.

— Ну что, начнем? — спросил его шеф.

— Начнем.

— Как по-вашему, почему мисс Пэйдж была вынуждена выпрыгнуть в окно?

— Понятия не имею. Это что-то из ряда вон выходящее. Черт побери, Вульф, разве вы не видите, что я совсем пропал?!

— Вижу. Так как, на этом и покончим?

— Нет!

— Очень хорошо. Мое предположение, что мисс Аарон убил один из ваших компаньонов — назовем его Икс, — основано на другом предположении, что в беседе с мистером Гудвином она высказалась вполне откровенно и ее сведениям можно доверять. Вы что-нибудь можете против этого возразить?

Отис перевел взгляд на меня:

— Скажите лучше... Из вашего заявления я узнал, о чем она вам рассказала. Это очень на нее похоже. Но как она это говорила, каким голосом? Спокойно ли держалась, не была ли... как это сказать... встревоженной, испуганной?

— Нет, сэр, — ответил я. — Она сидела по струночке — прямая спина, ноги вместе — и все время смотрела мне в глаза.

Он кивнул:

— Да, она всегда так делала. — И, обращаясь к Вульфу, продолжил: — Теперь могу сказать, что не стану оспаривать ваше предположение.

— А другое станете? О том, что ее убил Икс?

— Ну, это я не стану ни оспаривать, ни подтверждать.

— Фуи! Что вы прячете голову в песок? Вы же не страус! Ладно, пошли дальше. Если инцидент, о котором мы узнали от мисс Аарон, действительно имел место, можно предположить, что у Икса была возможность предоставить миссис Соррел ка-

кую-то информацию, которая очень способствовала бы успешному исходу ее судебного дела против мужа, вашего клиента. Так ведь?

— Совершенно верно. — Отис замылся, но все же набрался решимости и заговорил: — Я снова прошу вас, чтобы то, о чем я вам сейчас скажу, осталось между нами. На самом деле со стороны миссис Соррел это не находящиеся в рамках закона претензии, а самый настоящий шантаж. Формально это выглядит иначе, но по сути именно так. Ее требования непомерны, даже нелепы. Это просто вымогательство.

— А один из ваших компаньонов имеет возможность снабдить ее козырями в данной игре. Интересно, как по-нашему, который из них?

Отис покачал головой:

— На этот вопрос я отвечать не стану.

Вульф поднял брови:

— Послушайте, сэр, если вы хотите мне помочь, лучше от меня не таиться. Если же отвергаете мое предложение, так сразу и скажите. Я продолжу расследование один. Завтра к полудню — то есть сегодня — полиция разрешит эту пустячную проблему. Ваш отказ может лишь задержать меня на несколько часов.

— Да, верно, — отозвался Отис. — Но вы не упомянули о третьей возможности. Вы принимаете на веру то, что мистер Гудвин был искренен и рассказал вам все, что услышал от мисс Аарон.

— Ба! — с отвращением воскликнул шеф. — Ну, это уже чужь какая-то. Если вы надеетесь отстранить мистера Гудвина от участия в расследовании, вам это не удастся. Идите лучше восвояси. Если вы снова соберетесь с мыслями и надумаете со мной связаться, я буду дома.

С этими словами Вульф отодвинулся от посетителя вместе со своим креслом.

— Нет! — умоляюще протянул к нему руку Отис. — Господи, да разве вы не видите, что я попал в ловушку?! Соберусь с мыслями! Да у меня голова кругом идет!

— Тогда остановите круговращение вашей головы и отвечайте. Кто из ваших компаньонов способен предать интересы фирмы и выдать какие-то секреты миссис Соррел?

— Все способны! Наш клиент уязвим во многих отношениях, да и сама ситуация довольно сложная, так что мы часто обсуждаем все это вместе. Я имею в виду — вместе с моими компаньонами. Должно быть, виновен кто-то из них, отчасти по той причине, что никто из младших служащих не был посвящен в тонкости этого дела, а главное — мисс Аарон сказала Гудвину, что то был один из руководителей фирмы, и выразилась при этом вполне определенно. Она была не из тех, кто бросается словами, следовательно, речь может идти об одном из троих: Фрэнке Эдее, Майлзе Хейдекере или Грегори Джетте. Но это невероятно.

— Невероятно в буквальном смысле слова или ваша фраза — это просто риторика? Вы что, действительно не верите мисс Аарон или, может быть, мистеру Гудвину? Скажите-ка откровенно.

— Да нет, верю.

Вульф поднял руку:

— Тогда будем исходить из этого. Вы одинаково подозреваете всех троих или кого-то из них больше, чем остальных?

В течение следующего часа Отис начинал артачиться по меньшей мере дюжину раз, а некоторые темы — например, в чем именно уязвим Мортон Соррел, — отказался обсуждать вообще, однако я все же записал за ним девять страниц в своем блокноте.

Итак:

Фрэнк Эдей, пятидесяти пяти лет, женат, имеет двоих сыновей и дочь, доля прибыли — двадцать семь процентов от общих поступлений в кассу фирмы (на долю самого Отиса приходилось сорок процентов). «Генератор» идей, но в суде почти не выступает. Заключал брачный контракт между Мортонем Соррелом и Ритой Рэмзи четыре года назад. Его собственное финансовое положение прочное. Отношения с женой и детьми — так себе. Любит поволочиться за женщинами, но свои амурные дела держит в тайне. Делом супругов Соррел, насколько известно Соррелу, интересовался от случая к случаю.

Майлз Хейдекер, сорока семи лет, женат, детей нет, доля прибыли — двадцать два процента. Его отец, ныне покойный, был одним из основателей фирмы. Конек Хейдекера — работа в суде, он добывал для фирмы самые громкие судебные дела. Два года назад по просьбе мистера Соррела выступал на стороне его жены, когда против нее возбудил дело один их бывший служащий. Скуп, но деньги у него водятся немалые. Отношения с женой неясны, хотя с виду — нормальные. Слишком поглощен работой и хобби — шахматами и закулисными политическими интригами, — чтобы путаться с женщинами, в том числе и с мисс Соррел.

Грегори Джетт, тридцати шести лет, холостяк, стал одним из компаньонов и получает теперь одиннадцать процентов прибыли после двух успешно проведенных крупных судебных дел, имевших большой общественный резонанс. Одна из корпораций, чьи интересы он тогда представлял, была собственностью Мортон Соррела, и за последний год Джетт был частым гостем в доме последнего на Пятой авеню, хотя особой предупредительности по отношению к хозяйке дома не выказывал — по крайней мере по словам очевидцев. Его финансовое положение Отис обсуждать не пожелал, но дал понять, что Джетта не так уж заботило, положительное ли сальдо у его баланса, в своих расчетах с фирмой он имел задолженность. Вскоре после того, как он стал компаньоном фирмы — года два назад, — его нагрели на большую сумму. Он финансировал одно провалившееся бродвейское шоу. Кстати, в этой труппе играла одна его подружка. Тратился ли он на других подружек, Отис не знал или не хотел говорить. Он отметил лишь, что, по его наблюдениям, да и по замечаниям, которые отпускала на счет Джетта Берта Аарон, тот в последнее время выказывал мисс Пэйдж больше внимания, чем было необходимо по работе.

Однако, когда Вульф высказал предположение, что мисс

Пэйдж выбралась в окно, потому что подозревала, а может, знала в точности, что именно происходит, и решила вмешаться. Отис не поддержал эту идею. Он с трудом переварил известие о предательстве одного из компаньонов, но мысль о том, что в дело вовлечен еще и кто-то из сотрудников фирмы, была для него просто невыносимой.

Информацию о миссис Соррел наш посетитель не скрывал, но часть его сведений была известна всем, кто читает газеты и журналы: достигнув совершеннолетия, она (тогда еще под именем Рита Рэмзи) покорила Бродвей своей игрой в пьесе «Достать луну с неба», затем, с еще большим успехом, сыграла в двух других спектаклях, отказавшись от ангажемента в Голливуде, два года водила за нос Мортона Соррела и наконец вышла за него замуж, бросив сцену. Но Отис добавил кое-что из того, на что намекали газеты в «Колонках слухов»: через год брак этот затрещал по швам, и стало ясно, что красавица Рита вышла замуж за Соррела лишь для того, чтобы наложить прелестные свои лапки на мужнин кошелек, причем явно не собиралась ограничиваться пределами, оговоренными в брачном контракте. Ей надо было больше, гораздо больше — она зарилась на большую часть состояния супруга и начала потихоньку собирать против него материал, но он, не будь дурак, ввел в курс дела своих поверенных — Отиса, Эдея, Хейдекера и Джетта, и те воспрепятствовали осуществлению ее замыслов, или им так казалось. Сам Отис был в этом уверен, пока не прочел копию моего заявления. После этого, по его словам, он перестал быть уверен в чем бы то ни было.

Но, главное, с ним было более или менее в порядке. Когда он собрался уходить (было уже два часа ночи) и направился в холл, походка его была несколько неровной. Напоследок, рассыпавшись в словесах, он все-таки отверг предложение моего шефа о совместных действиях, но согласился не предпринимать никаких шагов до среды, пока не получит информации от Вульфа, пообещавшего связаться с ним в течение последующих тридцати двух часов. Единственное, что требовалось от Отиса, — дать инструкцию мисс Пэйдж никому не говорить, что он читал мое заявление, а также выяснить, почему девица удрала отсюда.

Я подал посетителю пальто, выпустил его на улицу, затем вернулся в кабинет. Там уже стоял Фриц.

— Нет, — угрюмо ворчал Вульф. — Ты же прекрасно знаешь, что я не ем по ночам.

— Но вы же не обедали! Съешьте хоть омлет или...

— Черт возьми, да не хочу я! Дай мне поголодать! Вообще, иди спать!

Фриц глянул на меня. Я покачал головой, и он вышел. Я присел и спросил шефа:

— Ну что, связываться мне с Солом, Фредом и Орри?

— Нет. — Вульф глубоко вдохнул через нос и так же неспешно выпустил воздух изо рта. — Я не знаю, что делать дальше. Какое, к черту, может быть для них задание?

— Ну, это самая настоящая риторика.

— Не риторика, а логика. Конечно, я мог бы дать им какое-

нибудь простое задание, но зачем? К примеру, разыскать тот дешевый ресторанчик или кафе, где мисс Аарон их засекала. Сколько в городе таких заведений?

— Не меньше тысячи. Скорее больше.

Он хмыкнул:

— Или вот еще: опросить всех служащих адвокатской фирмы, чтобы узнать, кто из троих компаньонов беседовал вчера днем с мисс Аарон. Или, приняв на веру то, что он последовал за ней, выяснить, кто ушел из конторы вскоре после нее. Или искать человека, который не сможет убедительно объяснить, где он был и что делал между пятью вечера и десятью минутами шестого. А может, искать ближайшую телефонную будку, из которой он звонил сюда. Или изучить взаимоотношения юристов с миссис Соррел. Все это правильные шаги, даже многообещающие — именно по этим направлениям надо вести расследование. И завтра к полудню мистер Крамер с окружным прокурором пустят по этим следам сотню человек.

— Две сотни. Это дело не из обыденных.

— Так что мне с моими тремя — ну, скажем, четверьмя, включая тебя, — помощниками заниматься тем же самым было бы несколько легкомысленно. Можно, конечно, сделать вот что: попросить мистера Отиса пригласить всех их сюда — я имею в виду Эдея, Хейдекера и Джетта. Пусть он попросту скажет им, что нанял меня расследовать произошедшее в моем доме убийство.

— Если от этих людей будет хоть какой-то прок. Они ведь проведут большую часть дня на допросе у окружного прокурора.

Вульф стиснул зубы и закрыл глаза. Я взял копию моего заявления, извлек из ящика стола еще один экземпляр той же бумаги и спрятал все это в сейф. Меня отвлек голос шефа:

— Арчи!

— Да, сэр?

— Они возьмутся за миссис Соррел?

— Сомневаюсь. С какой стати? Поскольку Крамер весьма любезно предупредил, что привлечет нас к суду за клевету, если мы разболтаем сведения, сообщенные Бертой Аарон, он, видимо, собирается держать эти сведения в тайне, а беседа с миссис Соррел помешает этому.

Вульф кивнул и сказал:

— Она молода, со смазливой рожцей.

— М-м-да. Я видел ее лишь в кино, в жизни не приходилось.

— У тебя прирожденное умение обходиться с красивыми молодыми женщинами.

— Это точно. Они тают, как шоколадки на солнце. Но вы преувеличиваете мои возможности, если думаете, что я так вот просто пойду к этому экземплярчику и спрошу, с кем из компаньонов она встречалась в кафе или ресторане, а она обовьет руками мою шею и проворкует на ухо его имя. Вся процедура может занять час, а то и больше.

— Если хочешь, приведи ее сюда.

— Возможно, так я и сделаю. Очень даже вероятно. Скажем, поглядеть на орхидей, а?

— Не знаю. — Он с шумом отодвинул стул и тяжело встал. — Я сегодня не в себе. Приходи ко мне в комнату в восемь утра. С этими словами он удалился.

4

Во вторник утром, в семнадцать минут одиннадцатого, я вышел из дома, миновал четырнадцать небольших кварталов в северном направлении и шесть больших — в восточном, после чего вступил наконец в холл отеля «Черчилль». Выяснить местопребывание миссис Мортон Соррел, урожденной Риты Рэмзи, было несложно. Я позвонил Лону Козну в «Газетт», и он сказал, что она уже два месяца живет в «Черчилле» — с тех пор как ушла от мужа.

В моем кармане лежал запечатанный белый конверт, на котором я написал:

«Миссис Мортон Соррел.

Передать в собственные руки. Секретно».

В конверте лежала картонная карточка, на которой была надпись, сделанная от руки:

«В тот вечер, когда мы встречались в кафе, нас засекли. Звонить мне опасно, мне вам — тоже. Можете доверять подателю сего».

Подписи не было. Когда я вручил конверт портье и попросил передать его по назначению, было без двенадцати минут одиннадцать. Через девять минут портье вернулся и проводил меня к лифту. Время ожидания далось мне тяжело. Если бы наша с Вульфом хитрость оказалась напрасной и ответ был бы неблагоприятным или его вовсе не было бы, я б не смог уже придумать ничего нового. Так что одновременно с поднимавшимся лифтом поднималось и мое настроение. Выйдя на тридцатом этаже, я увидел в холле ту, к которой шел, и лицо мое чуть было не расплылось в дурацкой ухмылке, но я вовремя спохватился.

Миссис Соррел держала в руке ту самую карточку.

— Это вы написали? — спросила она.

— Я принес ее с собой.

Она оглядела меня с ног до головы.

— Не могла ли я видеть вас раньше? Как вас зовут?

— Арчи. Арчи Гудвин. Вы, должно быть, видели мою фотографию в утренней газете.

— Да-да, конечно же. — Тут она снова взглянула на карточку и спросила: — Что, собственно, это значит? Бред какой-то! Где вы ее взяли?

— Написал собственной рукой.

Приблизившись к молодой женщине, я ощутил свежий аромат шампуня — она, видимо, только что вышла из ванной. А может, он исходил от складок ее желтого халатика, весьма, надо вам сказать, пикантного.

— Должен признаться как на духу, миссис Соррел, то была лишь хитрость с моей стороны. Я годами следую за вами по пятам. В сердце моем запечатлен лишь ваш образ. Одна ваша улыбка, обращенная ко мне, вызовет в душе моей небывалый

восторг. Я ни разу не пытался поговорить с вами с глазу на глаз, но теперь, когда вы оставили мужа, я почувствовал: надо что-то для вас сделать, чтобы заслужить вашу улыбку. Я просто обязан был с вами увидеться, поэтому придумал этот фокус с карточкой. Мне надо было написать нечто достаточно странное, чтобы заставить вас ко мне выйти. Пожалуйста — о, пожалуйста! — простите меня!

Она улыбнулась своей знаменитой улыбкой и заговорила:

— Вы захлестнули меня девятым валом своего красноречия, мистер Гудвин. У вас ко мне какое-то дело?

Я признал в душе ее превосходство. Конечно, она прекрасно поняла, что я лжец и болтун и пускаю ей пыль в глаза. Ей было известно, что я частный детектив и пришел не просто так, а по делу. Но она и глазом не моргнула — вернее сказать, моргнула, и не раз. Ее длинные темные ресницы, подведенные тушью и составлявшие живописный контраст с волосами цвета тутовника, пару раз надолго опускались, чтобы продемонстрировать, какое я ей доставил удовольствие.

— Теперь, когда вы позабылись на мой счет, можно мне войти? — спросил я.

— Конечно, можно.

Она отступила, и я вошел в ее номер. Миссис Соррел предложила мне сесть на диван.

— Немногие могут похвастаться такой удачей, — сказала она, присаживаясь. — Предложением услуг от знаменитого детектива. В чем конкретно вы хотите мне помочь?

— Да знаете, — протянул я, удобно располагаясь на диване, — я хорошо умею пришивать пуговицы.

— Я тоже, — улыбнулась она.

Видя ее улыбку, трудно представить себе, что эта женщина побила мировой рекорд, выступая в категории кровососущих пиявок. Я чуть было не усомнился в этом сам.

— Могу сопровождать вас на прогулке, — предложил я, — и нести за вами галоши на случай снегопада.

— Я, знаете ли, мало гуляю. Если хотите что-то нести, возьмите лучше ружье. Вы вот заговорили о моем муже. Я всерьез думаю, что он способен натравить на меня наемного убийцу. Вы ведь человек сильный. Очень сильный. А как у вас обстоят дела с храбростью?

— Смотря при каких обстоятельствах. Конечно, если вы будете за мною наблюдать... Кстати, раз уж я здесь, в честь этого незабываемого события задам-ка я вам, пожалуй, кое-какие вопросы. Вы лицезрели мою физиономию в газете и, думаю, прочли о том, что случилось вчера в доме Ниро Вульфа. Убили женщину по имени Берта Аарон. Читали, а?

— По диагонали. Не люблю читать про убийства.

— Обратили внимание, кем она была? Личным секретарем Ламонта Отиса, старшего компаньона адвокатской фирмы «Отис, Эдей, Хейдекер и Джетт».

Она покачала головой:

— Нет, не обратила.

— А ведь фирма защищает интересы вашего мужа. Вам, разумеется, это известно.

— О да, конечно.— Зрачки ее расширились.— Я просто не заметила.

— Сдается мне, эту часть статьи вы не читали вовсе, иначе обратили бы внимание на фамилии. Вы ведь знакомы со всеми четверьмя компаньонами. Спросить же я хотел вот что: вы знали Берту Аарон?

— Нет.

— Мне казалось, что вы могли ее знать, она была секретаршей Отиса, а фирма эта долгие годы представляла интересы вашего мужа. Кстати, однажды и ваши. Вы не были знакомы с этой женщиной?

— Нет,— ответила она, но на этот раз без обычной улыбки.— Похоже, вы многое знаете об этой фирме и о моем муже. Вы тут говорили очень красивые слова о моем образе, запечатленном в вашем сердце, и о том, что вы у моих ног. А вас, выходит, послала ко мне эта фирма, а может, Ниро Вульф, которого нанял мой муж. Так ведь?

— Нет. Ниро Вульф на него не работает.

— Ну, значит, он работает на эту адвокатскую фирму.

— Опять не угадали. Он работает лишь на самого себя. Он...

— Вот это уже вранье.

— Знаете, я стараюсь врать как можно реже — обычно пару раз в день. Вранье — товар дефицитный, и я очень экономно его расходую. В данном случае суть дела в том, что мистер Вульф очень расстроен — ведь эту женщину убили в его кабинете, — так что он хочет поймать убийцу. Ни на кого он не работает, даже решил не брать никаких других дел, пока не разберется с этим. Ему казалось, что вы должны знать Берту Аарон и сможете рассказать о ней что-нибудь, что помогло бы нашему расследованию.

— Не смогу.

— Это весьма прискорбно. Но я все еще у ваших ног.

— Отлично, там и оставайтесь. Вы о-очень привлекательный мужчина,— улыбнулась она.— Кстати, у меня есть идея. Может, Ниро Вульф захочет работать на меня?

— Может быть. Он не за всякую работу берется. Если согласится, выжмет вас, как губку. Он ведь не из тех, кто хранит в сердце чей-то образ. А если и хранит, то это вовсе не образ женщины. А что вы хотите ему поручить?

— Ну, лучше я сама скажу ему.

Она поймала на себе мой взгляд и для большего эффекта опустила длинные ресницы. И снова я оценил в душе ее умение держаться.

— Чтобы побеседовать с мистером Вульфom, надо заранее договориться с ним о встрече. Он никогда не выходит из дома по делам службы, так что придется вам к нему наведаться.— Я достал из портфеля визитную карточку и вручил ее миссис Соррел.— Здесь его адрес и номер телефона. Если же вы захотите посетить его сейчас, я с удовольствием вас провожу. Он сегодня свободен до часа дня.

— Удивительно, — улыбнулась она.

— Что удивительно?

— Да нет, ничего. — Она встряхнула головой. — Нет, сейчас не пойду. Может быть... В общем, мне надо обдумать. — Она встала. — Жаль, что не смогла вам помочь. Мне действительно очень жаль, но я никогда не видела эту... Как ее имя?

— Берта Аарон, — ответил я и тоже встал.

— Даже не слышала о ней. — Миссис Соррел взглянула на визитную карточку Вульфа и сказала: — Может быть, позвоню вам сегодня попозже. Когда все обдумаю.

Она вышла вслед за мною в коридор, подала руку у лифта. Ее рукопожатие было не по-женски крепким.

Я вышел из отеля, остановился на минуту на тротуаре, застегнул пальто, поднял воротник и не спеша направился в деловую часть города. На углу ко мне присоединился махонький парень с длинным носом, который всегда выглядит как полотер, вкальвающий за сорок зелененьких в неделю. На самом же деле Сол Пензер — лучший сыщик в стране, и ему платят десять долларов за час работы.

— Полицейские тут не шныряют? — спросил я его.

— Не встречал никого из тех, кого знаю. Похоже, никого и нет. Видел ее?

— М-да. Я ее хорошенько поддел, так что она, может, и зашевелится. Ребят по местам расставил?

— Да. Фред у северного выхода, Орри — у южного. Думаю, она выйдет через главный.

— Мне тоже так кажется. Ладно, как говорят, увидимся на суде.

Он отошел, а я шагнул к мостовой и подождал такси. На моих часах было без двадцати двенадцать, когда машина остановилась перед нашим домом на Тридцать пятой улице.

Поднявшись на крыльцо, я отпер ключом дверь, повесил пальто и шляпу и отправился в кабинет. Ну, думаю, Вульф восседает сейчас на стуле за своим письменным столом, на котором лежит его еженедельник. Однако шефа в кабинете не оказалось. Его кресло пустовало, зато на другом, обтянутом красной кожей, восседал какой-то незнакомец. Я взглянул на него и поздоровался. Он тоже пожелал мне доброго утра.

У посетителя была голова поэта — глубоко посаженные мечтательные глаза, большой недовольный рот, выступающий вперед подбородок; ему пришлось бы продать очень много своих стихов, чтобы заплатить за свой наряд — костюм, рубашку и галстук, не говоря уже об английских туфлях от самого Парвиса. Оглядев его и не позаботившись спросить, куда делся Вульф, я вернулся в холл, затем пошел в сторону кухни и в конце коридора увидел шефа, стоявшего в нише, где была дырка на уровне глаз. Со стороны кабинета ее прикрывала картина с изображением водопада, со стороны же коридора не прикрывало ничего. Так что с этого места было не только слышно все, что говорилось в кабинете, но и все видно.

Не останавливаясь, я толкнул дверь в кухню, придержал ее и пропустил вперед Вульфа, после чего дал двери захлопнуться.

— По-моему, вы забыли оставить на столе галстук, — съязвил я.

Шеф хрюкнул, затем проворчал:

— Об этом как-нибудь поговорим особо. О галстукке. Там сидит Грегори Джетт. Он все утро провел в резиденции окружного прокурора. Я извинился перед ним и вышел — хотел сперва услышать твой рассказ и только потом разговаривать с ним. Решил, что пока могу с таким же успехом за ним понаблюдать. Ну, ты видел дамочку?

— Да, сэр. Это в своем роде перл создания. Нет больше сомнений в том, что один из компаньонов встречался с миссис Соррел в кафе.

— Она признала это?

— Нет, но косвенно подтвердила. Мы говорили двадцать минут, и она ни разу не упомянула о той самой карточке — только в первую минуту разговора, когда она попросту заявила, что там бред какой-то, и спросила, где я ее взял. Затем она дважды назвала меня привлекательным мужчиной, шесть раз улыбнулась мне, заявила, что не знает никакой Берты Аарон, и закинула удочку насчет того, не согласитесь ли вы защищать ее интересы. Если хотите, могу сейчас воспроизвести наш с нею разговор дословно.

— Нет, этим займемся позже. Ребята там?

— Да. Перед уходом я поговорил с Солом. Но все это напрасно. Она не дура. Конечно, это удар для нее — узнать, что о свидании в кафе уже известно, но в панику она не впадет. Она по-прежнему стеснена в средствах и пытается урвать у мужа тридцать миллионов. Если бы у меня были тридцать миллионов, я с удовольствием сводил бы ее позавтракать. А что не слава Богу у Грегори Джетта?

— Понятия не имею. Сейчас попробуем выяснить.

С этими словами Вульф рывком распахнул дверь, и мы вышли в коридор. Когда шеф обходил вокруг обтянутого красной кожей кресла, Джетт заговорил:

— Я предупреждал, что у меня срочное дело, а вы обходитесь со мной просто по-свински!

— Ну-ну, полегче, — проворчал Вульф, устраивая свои телеса на любимом кресле. — Если кто-то из нас сейчас в трудном положении, сэр, то это не я, а вы. Разве я подозреваю в убийстве?

— Вы тоже замешаны в этом деле. — Он перевел взгляд на меня и спросил: — Ваше имя Гудвин? Арчи Гудвин?

Я кивнул в ответ.

— Прошлой ночью вы передали полиции заявление о вашей беседе с Бертой Аарон, а копию его вручили Ламонту Отису, старшему компаньону нашей фирмы.

— В самом деле? — вежливо осведомился я. — Знаете, я здесь на службе и делаю лишь то, что мне поручит мистер Вульф. Так что с вопросами обращайтесь к нему.

— Я не спрашиваю, а утверждаю. — Он повернулся к шефу: — Хочу знать, что было в том заявлении. Мистер Отис — старик, у него слабое сердце. Когда до него дошла весть о смерти его

секретарши, он испытал самый настоящий шок. А она ведь была убита здесь, в вашем офисе, при подозрительных обстоятельствах. Неужели ни вы, ни мистер Гудвин не видели, в каком он состоянии? Не понимали, что показывать ему эту бумагу было безответственно, просто преступно?! Как его компаньон, я хочу знать, что было в той бумаге!

Вульф откинулся на спинку кресла и чуть наклонил вперед голову.

— М-да, нашла коса на камень. Вы явно человек настойчивый, меня тоже голыми руками не возьмешь. Предположим, я заявлю, что никакого заявления не существует. Что вы на это скажете?

— Чувь! Я знаю, что оно существует.

— Ага! Вот и улика. — Вульф загнул палец. — Очень глупо с вашей стороны. Кто-то сказал вам, что заявление существует. Иначе вы не пришли бы сюда и не стали бы приставать ко мне. Кто вам это сказал и когда?

— Один человек, которому я полностью доверяю.

— Сам мистер Отис?

— Нет.

— Тогда кто же?

Джетт закусил нижнюю губу. Покусав ее немного, он принялся за верхнюю. Зубы у него были ровные и белые.

— Наверное, вы тоже в шоке, — сказал Вульф, — если думаете, что, обращаясь ко мне с подобным требованием, не раскрываете свой источник информации. Энн Пэйдж, верно?

— Я могу подтвердить это лишь конфиденциально.

— Тогда не надо подтверждать вообще. Я буду рассматривать эту информацию как полученные в ходе расследования данные и сохраняю свободу действий. Кстати, я все еще утверждаю, что подобного заявления не существует.

— Черт вас возьми! — вскричал Джетт, грохнув кулаком по поручню кресла. — Да она же была здесь с Отисом! Видела, как Гудвин давал ему бумагу!

Вульф кивнул.

— Так-то лучше. Когда мисс Пэйдж сообщила вам об этом? Утром?

— Нет, ночью. Она мне позвонила.

— В каком часу?

— В полночь или чуть позже.

— Она ушла отсюда с мистером Отисом?

— Вы же прекрасно знаете, что нет. Она выбралась через окно.

— И сразу позвонила вам. — Вульф выпрямился в кресле. — Если вы собираетесь мне довериться, поделитесь информацией. Тогда я решу, говорить вам, о чем то заявление, или не говорить. Причина вашей настойчивости заключается вовсе не в заботе о мистере Отисе. Вы должны объяснить не только то, почему интересуетесь этим делом, но и причину побега мисс Пэйдж через окно. Вы...

— Она не сбежала! Гудвин ее запер!

— Ну, она могла попросить выпустить ее из дома. Вы сказали,

что у вас важное и срочное дело. Так вот, почему оно срочное и для кого важное? Вы испытываете мое терпение. Соловья баснями не кормят.

Джетт перевел взгляд на меня. Я сжал челюсти и придал своей физиономии неприступное выражение, дабы продемонстрировать, что, хотя я и не соловей, баснями кормить меня тоже не следует.

— Ну ладно, — проговорил наконец наш гость, снова повернувшись к шефу. — Я вам доверюсь. Похоже, у меня нет другого выхода. Когда Отис попросил мисс Пэйдж выйти, она заподозрила, что мисс Аарон что-то сказала Гудвину про меня. Она решила...

— Почему именно про вас? Об этом никто и не заикался.

— Потому что он сказал ей: «В этом я положиться на вас не могу». Она решила, что это высказывание имеет отношение ко мне. Я надеюсь, что это так. Мы с Энни обручены и собираемся пожениться. Помолвку мы не оглашали, но наши отношения не тайна для сослуживцев, мы ничего не скрывали. Вдобавок Энни было известно, что мисс Аарон знала или по крайней мере подозревала об одном... гм... эпизоде, в котором я был действующим лицом. Об эпизоде, к которому мистер Отис отнесся крайне неодобрительно. Вы сказали, что я должен объяснить мой интерес к этому делу и причину того, что Энни выбралась отсюда через окно. По-моему, я все объяснил.

— Что это был за эпизод?

Джетт покачал головой:

— Этого я не скажу вам даже конфиденциально.

— Затрагивал ли он интересы фирмы или ваших компаньонов?

— Никоим образом. Я же говорю, это было мое личное дело.

— Повлиял ли он на вашу репутацию?

— Нет.

— В нем замешана женщина?

— Да.

— Ее имя?

Джетт покачал головой:

— Я все-таки джентльмен, мистер Вульф.

— Это была миссис Мортон Соррел?

Наш гость открыл рот и секунды три так и сидел с открытым ртом. Наконец он заговорил:

— Да. Энни была права. Я хочу... я требую, чтобы вы...

— Пока еще рано, сэр. Может, позже я и покажу вам эту бумагу, а может, и нет. Вы утверждаете, что эпизод с миссис Соррел не затрагивает интересы фирмы и вашу профессиональную репутацию?

— Утверждаю. Это было личное дело, да и заняло оно всего несколько минут.

— Когда это было?

— Примерно год назад.

— А когда вы виделись с нею в последний раз?

— Примерно месяц назад, на вечеринке. Но мы с ней не разговаривали.

— Вас беспокоит, что мистер Отис знает об этом эпизоде, так ведь?

— Еще бы! Мистер Соррел — наш клиент, а жена выступает против него. Это очень важный судебный процесс. Мистер Отис, должно быть, подозревает, что эпизод этот не случаен. Я хочу видеть заявление! У меня есть на это моральное право!

— Да полно кипятиться! — Вульф удобнее устроился в кресле. — Могу вас успокоить: в заявлении не содержится ничего, кроме описания эпизода, ни единого намека на что-то другое. Так что можете не волноваться — ничего там больше...

Тут раздался звонок в дверь.

5

Я их все-таки перепутал. Бросив взгляд сквозь прозрачную с моей стороны стеклянную панель, я сразу понял, кто они такие, но перепутал, кто есть кто. Мне казалось, что широкоплечий здоровяк в темно-синем приталенном пальто фасона «честерфилд» и фетровой шляпе того же цвета — это пятидесятипятилетний Эдей, а худенький невысокий субъект в коричневом пальто с поясом — более молодой Хейдекер, которому было лишь сорок семь. Я открыл дверь, и «честерфилд» заявил, что они хотят видеть Ниро Вульфа. После того, как я попросил гостей представиться, он назвал себя Майлзом Хейдекером, а спутника своего представил как Фрэнка Эдея. Затем начал было объяснять, по какому делу они пришли, но я перебил его:

— Знаю, знаю. Проходите.

Отдав дань уважения возрасту, я помог Эдею освободиться от пальто и повесил его на вешалку, а Хейдекеру предоставил управляться со своим «честерфилдом» самостоятельно. Потом я проводил посетителей в гостиную. Теперь мне надо было попасть в кабинет. Если бы я прошел туда через дверь, соединяющую его с гостиной, эти двое услышали бы голос Джетта. Поэтому я пошел в обход, через коридор. Войдя в кабинет, я направился к письменному столу, взял блокнот, вырвал из него листок и написал на нем: «Эдей и Хейдекер». — после чего вручил листок шефу. Тот взглянул на меня, затем на Джетта и сказал:

— Мы зашли в тупик. Вы отказываетесь отвечать на мои вопросы, пока я не ознакомлю вас с текстом заявления, я же делать этого не хочу. Сейчас ко мне пришли мистер Эдей и мистер Хейдекер. Вы останетесь или уйдете?

— Эдей? — Джетт привстал. — Хейдекер? Здесь?!

— Да, сэр. Они пришли неожиданно, без приглашения. Если хотите, я дам вам возможность уйти отсюда незамеченным.

Джетт явно хотел одного: увидеть заявление. Ни уходить, ни оставаться он не желал. Когда стало ясно, что он не может принять решение, Вульф сделал это за него. Он кивнул мне, я отпер дверь в соседнюю комнату и пригласил посетителей в кабинет. После этого я отошел в сторону, чтобы понаблюдать, насколько они будут удивлены присутствием Джетта, как будут представляться Вульфу, что отразится в их глазах. Я никогда не отвергал мысль о том, что, если вы находитесь в комнате с тремя

людьми, один из которых совершил убийство, тщательное наблюдение может принести некоторую пользу. Джетт откинулся на спинку обтянутого красной кожей кресла, а его компаньоны заняли два желтых кресла напротив Вульфа.

— Мы пришли, — объявил Хейдекер, глядя на Джетта, — чтобы получить некоторые разъяснения. Думаю, вы явились сюда с той же целью, Грег. Если, конечно, не выудили у окружного прокурора больше, чем мы.

— Я почти ничего не выудил, — ответил Джетт. — Даже не сумел увидеться с Хоуи, моим бывшим одноклассником. Люди в прокуратуре не отвечают на вопросы, а сами их задают. На многие я так и не ответил, да они и не должны были их задавать — ну, насчет наших судебных дел и клиентов. Конечно, я ответил на более или менее уместные вопросы — о моих отношениях с Бертой Аарон, о том, где я был и что делал вчера днем и где были и что делали остальные. Они явно думают, что ее убил кто-то из наших сотрудников. Правда, мне они не сказали, почему так уверены в этом.

— Мне тоже, — сказал Эдей, маленький худенький человечек, который и должен был, на мой взгляд, говорить таким жидким тенорком.

— Да и мне не сказали, — подтвердил Хейдекер. — А что вы узнали от Вульфа?

— Почти ничего. Я ведь только недавно сюда пришел, — ответил Джетт и взглянул на моего шефа.

Тот прочистил глотку и заговорил:

— Полагаю, вы, джентльмены, явились сюда с той же целью, что и мистер Джетт. Он просил поделиться с ним любыми сведениями, которые могли бы пролить свет на это дело. Он предполагает, что...

Его перебил Хейдекер:

— Вот-вот, в этом-то все и дело. Зачем сюда приходила мисс Аарон?

— Будьте любезны, дайте мне договорить. Так вот, мистер Джетт предполагает, исходя из особенностей этого дела, что ее убили, чтобы предотвратить разоблачения, которые она собиралась сделать. Это самое правдоподобное объяснение. Окружной прокурор и полицейские, очевидно, не утаили от вас подробностей. Говорили они вам, что мисс Аарон так и не удалось повидаться со мной?

— Нет, — ответил Эдей, — мне они этого не сказали.

— Мне тоже, — отозвался Хейдекер.

— Тогда скажу я. Она пришла сюда, не договорившись заранее о встрече. Мистер Гудвин впустил ее. Она передала через него, что просит меня встретиться с нею по одному щекотливому делу. Я в это время был занят наверху, и мистер Гудвин поднялся туда, чтобы сообщить мне о визите этой женщины. Мы стали обсуждать кое-какие детали, а когда спустились вниз, здесь лежал ее труп.

— Мистер Гудвин, вы ведь впустили мисс Аарон сюда, — начал Хейдекер, признанный мастер допроса. — Она пришла одна?

— Да, — ответил я, в последний момент олутив слово «сэр», мы ведь все-таки были не в суде.

— Поблизости никого не было? Я имею в виду, на улице.

— Нет, — выпалил я, а про себя подумал: «Черт возьми, ловушку он мне ставит, что ли?»

— Вы проводили посетительницу в эту комнату?

— Да.

— А входную дверь случайно не оставили открытой?

— Нет.

— Вы в этом уверены?

— Еще бы! Если у меня что-то входит в привычку, я делаю это автоматически, в том числе закрываю дверь и проверяю, хорошо ли ее запер.

— Автоматизм — вещь опасная, мистер Гудвин. Иногда он нас подводит. Когда вы привели мисс Аарон сюда, вы сели?

— Да.

— Где именно?

— Там, где сижу сейчас.

— А она?

— Примерно там же, где сидите вы. Кресло тогда стояло на метр ближе ко мне.

— Что она вам сказала?

— Что хочет посоветоваться с Ниро Вульфом по одному неотложному делу. Хотя нет, это она сказала в дверях. А потом добавила, что дело шекотливое и его надо сохранить в тайне.

— Она так и сказала — «дело»?

— Именно так.

— Еще что-нибудь говорила?

Я, разумеется, отдавал себе отчет, что рано или поздно мне придется соврать, и, решив, что сейчас самое время, заявил:

— Нет, больше ничего.

— Совсем ничего?

— Совсем.

— Вы доверенное лицо Ниро Вульфа, его помощник. Он был занят каким-то другим делом. Неужели вы надеетесь убедить меня, что не заставили посетительницу сообщить вам, какого рода у нее дело, прежде чем подняться к мистеру Вульфу?

Зазвонил телефон. Прежде чем поднять трубку, я ответил Хейдекеру:

— Нет, не надеюсь, если вы как следует не вникнете в ситуацию.

После этого я повернулся на вращающемся сиденье кресла и проговорил в трубку:

— Кабинет Ниро Вульфа. У телефона Арчи Гудвин.

Донесшийся до меня голос я узнал сразу.

— Мистер Гудвин, говорит Рита Соррел. Я решила...

— Подождите минутку, не вешайте трубку, — прервал я ее и, прижав ладонь к микрофону, сказал шефу:

— Звонит женщина, которой я передал от вас карточку. Та самая, что назвала меня привлекательным мужчиной.

Вульф снял трубку параллельного аппарата и прижал ее к уху, а я отнял ладонь и продолжал:

— Все в порядке. Так что же вы решили?

— Надумала сказать вам то, что вы выпытывали у меня сегодня утром. Мне пришло в голову, что вы очень умно поступили, не упомянув о надписи на карточке, хотя тут-то и была собака зарыта. Не надеялись же вы, что я поверю, будто вы написали все это для того, чтобы меня удивить. Вы очень умно поступили, слишком умно для меня. Ну, думаю, раз вы и так все знаете, я могу признаться: на прошлой неделе я действительно была с одним человеком в кафе... какой, кстати, был день?

— Понедельник.

— Верно. И вы хотите знать, кто это. Так ведь?

— Вы бы очень помогли нам.

— Я хочу вам помочь. Вы о-очень обаятельный мужчина. Так вот, человека того звали Грегори Джетт.

— Премного благодарен. Раз уж вы хотите нам помочь...

Она положила трубку.

6

Я сделал то же самое и повернулся к Вульфу.

— Чертова кукла! — воскликнул он.

— Вот именно, сэр.

— Похоже, она ждала, что мы будем долго ее обхаживать. А может, так и надо было?

— Может быть, сэр. Или сразу ее застрелить.

— Не очень-то приятная альтернатива. — Вульф встал и обратился к посетителям: — Джентльмены, вынужден просить у вас прощения. Арчи, выйдем на минутку.

Он первым проследовал в коридор, я — за ним. Повернув налево, он резко толкнул кухонную дверь. Нашему взору предстал Фриц, стоявший у большого стола и резво орудовавший ножом. Дверь за нами захлопнулась.

Вульф повернулся ко мне.

— Та-ак. Ну, ты ее видел, говорил с ней, так что более или менее ее знаешь. Что скажешь?

— Придется говорить наугад. Все равно что монетку подбрасывать. Вы же видели Джетта и говорили с ним. Может, она просто хотела выяснить, знаем ли мы уже, кто был с нею в кафе. Если так, она могла указать нам нужного человека, а могла и специально назвать другого. А может, она просто решила выдать Джетта, не сомневаясь, что он убийца, — либо из абстрактной любви к справедливости, либо в страхе, что Джетт расколется и для нее запахнет жареным. Последнее более правдоподобно. Если же убийца не Джетт, а Эдей или Хейдекер, она просто дурит нам голову. Даже если ее уловка не поможет и мы выясним, что виновен Эдей или Хейдекер, — что ж, в конце концов признание по телефону — это не показания под присягой в суде. Она потом может отказаться от своих слов. Еще она может...

— Ладно, хватит. Ты можешь предложить что-нибудь новое?

— Нет, сэр. Говорил я вам, она та еще штука.

Шеф то ли хмыкнул, то ли хрюкнул и потянулся за кусочком огурца. Тщательно прожевав его, он спросил Фрица:

— Какой сорт? «Эбenezер»?

— Нет, «Элита», — ответил повар.

— В любом случае она вскрыла нарыв, — продолжил Вульф нашу беседу. — Даже если она просто пытается спутать нам карты, мы не можем позволить себе игнорировать очевидность того, что она недавно связалась со своим сообщником, кто бы он ни был, или собирается вскоре это сделать.

— Если он ей не звонил, у нее вряд ли это получилось. Все трое с самого утра сидели у окружного прокурора.

Шеф кивнул:

— Тогда мы сами все им скажем. Тебе придется отречься от своих слов.

— Придется так придется. Мы что-нибудь от этого выиграем?

— Думаю, что нет. Сперва скажем главное, потом посмотрим, что выйдет.

Он открыл дверь, мы вышли в коридор и услышали доносившийся из кабинета голос — жидкий тенорок Эдея. Но как только мы вошли, воцарилась тишина. Когда я проходил мимо Хейдекера, он вытянул вперед ногу — надеюсь, не для того, чтобы дать мне подножку, а просто пытаюсь расположиться удобнее в кресле.

Вульф уселся и заговорил:

— Джентльмены, мы с мистером Гудвином решили, что вы заслуживаете доверия, так что будем говорить откровенно. Мне совсем недавно звонила миссис Соррел. То, что она сказала, склонило нас к мнению...

— Вы сказали, миссис Соррел?! — перебил его Хейдекер. И он, и Эдей вытаращили глаза. Джетт, похоже, таращить глаза не умел.

— Да, вы не ослышались. Арчи, продолжайте.

Я устремил взгляд на Хейдекера.

— Если бы она позвонила на двадцать секунд раньше, мне не пришлось бы отягчать душу враньем. Я действительно настоял на том, чтобы Берта Аарон рассказала мне, зачем сюда пришла. И она рассказала. По ее словам, она случайно увидела одного из вас во время тайного свидания с миссис Соррел, возбудившей в суде дело против своего мужа, клиента вашей фирмы. Еще она сказала, что всю неделю это не выходило у нее из головы, и в тот самый день, в понедельник, то есть вчера, она около полудня сказала этому человеку, что застала его с миссис Соррел, и попросила объяснить, что это значит. Он ничего объяснить не смог, и она поняла: он предатель. Мистеру Отису она побоялась рассказать обо всем этом, зная, что у него слабое сердце и малейшее волнение может его погубить. Двум другим компаньонам она тоже ничего не сказала, опасаясь, что они участвуют вговоре. С этим она и пришла к Ниро Вульфу.

Как оказалось, насчет Джетта я ошибался, потому что он тоже вытаращил глаза. Однако ему первому удалось обрести дар речи.

— Не может быть! — воскликнул он. — Не верю!

— Я тоже, — отозвался Хейдекер.

— И я, — пискнул тенорком Эдей.

— Вы хотите убедить нас, что мисс Аарон пришла к постороннему человеку с историей, которая могла бы повредить репутации нашей фирмы, если бы вышла наружу? — пустился в риторику Хейдекер.

Вульф прореагировал быстро.

— Ну вот что, хватит с меня ваших вопросов, мистер Хейдекер. До сих пор я это терпел, но теперь довольно. Мы с вами не в суде. Здесь вопросы буду задавать я. Что же до искренности мистера Гудвина, он написал заявление в полицию, в котором изложил все известные ему факты. Не такой же он осел, чтобы писать о том, чего не было! К тому же...

— В полицию?! — взвизгнул Эдей. — О Господи!

— Совершенно неправдоподобно! — заявил Джетт.

Но шеф, не обращая на них никакого внимания, продолжал:

— К тому же я дал прочесть мистеру Отису копию этого заявления, когда он приходил ко мне прошлой ночью. Он согласился не разглашать его содержание до завтрашнего утра, если точнее, до десяти утра, чтобы дать мне время спланировать свои действия, основываясь на том очевидном предположении, что мисс Аарон убила человека, которого она обвинила в предательстве. Кстати, того же мнения придерживается и полиция. Они, очевидно, предпочли утаить содержание заявления; я бы сделал то же, если бы не изменились обстоятельства. Дело в том, что миссис Соррел назвала имя человека, с которым тогда беседовала. Только что, по телефону. Это один из вас.

— Бред какой-то! — завизжал Эдей. — Кошмар!

Хейдекер прошипел:

— Вы смеее утверждать...

Вульф положил свою пухлую ладонь на стол и перебил адвоката:

— Нет, мистер Хейдекер, никаких вопросов! Я сам выберу факты, с которыми сочту нужным вас ознакомить. Ничего я не утверждаю, просто рассказываю о том, что произошло. Но я не уверен, что миссис Соррел, назвав имя, сказала правду. Мистер Гудвин виделся с нею сегодня утром и утверждает, что это весьма изворотливая особа. Не скажу вам, кого она назвала, иначе этот человек будет испытывать на себе невыносимое психологическое давление.

Надо признать, подобное давление в этот момент испытывали на себе все — взгляды, которыми обменялись компаньоны, нельзя было назвать дружескими. Но моя задумка не удалась. Двое из них действительно подозревали остальных, третий же делал вид, что подозревает, но чтобы на глазок определить, кто же это, нужен был более наблюдательный человек, чем я и даже Вульф, который изучал лица юристов, прищуриив веки так, что между ними остались лишь узкие щелки.

Затем шеф снова заговорил:

— Совершенно очевидно, что один из вас последовал за мисс Аарон, когда она вышла вчера из конторы. Увидев, что она вошла в мой дом, он позвонил сюда из телефона-автомата.

Мистера Гудвина не было на месте, и мисс Аарон сняла трубку. После разговора с этим человеком — с одним из вас — она согласилась его впустить. Если вы можете...

— То, что она оказалась одна, — чистая случайность, — возразил Эдей. Да, ничего не скажешь, «генератор идей»!

— Ну вот, опять! Я не только не отвечаю на вопросы, мистер Эдей, но и не обсуждаю досужие замечания. У вас же отточенный ум юриста! Неужели вы не понимаете, как все вышло? Я снова повторяю для одного из вас: если ваши показания о том, где вы были и что делали в момент убийства, окажутся ложными, вы сядете в тюрьму. Каждое ваше слово — и не только ваше, но и всех сослуживцев, будет проверяться целой армией людей, умеющих это делать. Но поскольку полиция хранит в тайне содержание заявления мистера Гудвина, сомневаюсь, что они задавали вам вопрос относительно другого дня. Я имею в виду прошлый понедельник, за неделю до убийства. Спрашивали они вас, что вы делали в этот день?

— А зачем? — любопытствовал Джетт.

— Затем, что именно в этот день мисс Аарон застала одного из вас с миссис Соррел. Если они не спрашивали, этот вопрос задам сегодня я. Но прежде хочу сообщить, о чем я вчера ночью договорился с мистером Отисом. В обмен на кое-какую информацию я согласился при расследовании убийства стараться, насколько это возможно, чтобы не пострадала репутация вашей фирмы. Я буду верен нашему уговору, так что, чем раньше мы с этим покончим, тем лучше. Мистер Джетт, начнем с вас. Как вы провели вечер тридцать первого декабря — с шести часов до полуночи?

Ни один мускул не дрогнул на лице Джетта.

— Если все было так, как вы сказали, ущерб фирме уже нанесен, и вы ничего не сможете сделать, чтобы свести его к минимуму. Да и никому это не под силу.

— Могу все же попробовать. Даже собираюсь этим заняться, устраняя все осложнения, которые будут возникать по ходу дела.

Вдруг в разговор вмешался Хейдекер:

— Вы говорите, мистер Отис знает все? Он что, был здесь вчера ночью?

— Я уже сказал, что был. Вы, надеюсь, не глухой, а я, к вашему сведению, не попугай... Итак, мистер Джетт, что скажете насчет вечера тридцать первого декабря?

— Я был в театре.

— С кем?

— С мисс Пэйдж.

— В каком театре?

— «Дрю-театр». Пьеса называлась «Навык мастера ставит». Мы с мисс Пэйдж вышли из конторы вместе. Было уже почти шесть вечера. Пообедали мы у Растермэна. Расстались лишь незадолго до полуночи.

— Благодарю вас. Теперь вы, мистер Эдей.

— Ну, это был предновогодний день, — сказал тот. — Я вернулся домой около шести, пообедал и оставался дома весь вечер.

- Вы были один?
- Нет. Мой сын с женой и двое их детей проводили рождественские каникулы с нами. Сын с женой пошли в оперу, а с ними — моя жена и дочь. Я остался дома с детьми.
- Сколько лет вашим внукам?
- Одному два, другому четыре.
- Где вы живете?
- В большом доме на углу Парк-авеню и Шестьдесят девятой улицы. У меня там квартира.
- В тот вечер вы выходили из дома?
- Нет.
- Спасибо. И, наконец, вы, мистер Хейдекер.
- Я был в Манхэттенском шахматном клубе — там шел турнир. Бобби Фишер выиграл отложенную партию у Уайнстейна на пятьдесят восьмом ходу. Ларри Эванс свел вничью встречу с Калми, а Решевский — с Меднисом.
- А где этот шахматный клуб?
- На Шестьдесят четвертой Западной улице.
- Игра началась в шесть часов?
- Конечно, нет. Я весь день просидел в суде, к тому же у меня были дела в конторе. Мы с секретаршей перекусили прямо за рабочим столом — съели по паре бутербродов.
- Во сколько вы ушли из конторы?
- Около восьми вечера. Моя секретарша сможет ответить на ваш вопрос точнее.
- А когда пришли в шахматный клуб?
- Минут через пятнадцать — двадцать после того, как вышел из конторы. — Хейдекер вдруг встал. — Все это нелепость какая-то. Может, вы и правильно действуете, Вульф, пока не понимаю. Если так, помогите нам, Боже. — Он повернулся к компаньонам: — Я намереваюсь поговорить с Отисом. Вы идете, Фрэнк?

Да, «генератор идей» тоже собрался уходить. Судя по выражению его лица, он пребывал в каком-то упадке духа. Шаркнув ногами по полу, он покачал головой, словно прощаясь с последней надеждой, затем тяжело встал. Своего одиннадцатипроцентного компаньона они присоединиться не пригласили, и у него явно не было такого намерения. Но когда я снимал пальто Эдея с вешалки, в коридоре появился Джетт и вышел первым. Я стоял на пороге, вдыхая морозный воздух и наблюдая, как эта тройца вышагивает по Девятой авеню бок о бок.

Когда я вернулся в кабинет, Вульф сидел, откинувшись на спинку кресла и закрыв глаза. Не успел я подойти к своему письменному столу, как зазвонил телефон. Сняв трубку, я услышал голос Сола Пензера, доложившего, что миссис Соррел не показывалась. Я повернулся к шефу и спросил, не стоит ли поручить Солу проверить алиби всех троих компаньонов.

— Фуй! — скривился Вульф, после чего я велел Солу продолжать наблюдение и положил трубку.

— Я боялся, вдруг от безнадежности вы решитесь все-таки проверить их алиби. Самое интересное, что существует несколько способов расследования. Все зависит от того, кто берется за

дело. Если высококлассный сыщик — ну, скажем, вроде меня, — все, на что он способен, — это чисто сыскная работа. Такой человек скорее откажется от обеда, чем упустит случай проверить чье-нибудь алиби. Когда спрашиваешь подозреваемого, где он был в одиннадцать минут девятого, и записываешь его ответ в блокнот, приходится износить пару ботинок в поисках какого-нибудь субъекта, видевшего его где-то в другом месте. Но если за расследование берется гений, он лишь поддерживает разговор с подозреваемым в ожидании, пока какие-нибудь улики сами выплывут на свет Божий. Этот гений даже не слушает...

— Глупости, — проворчал Вульф. — Нет у них никакого алиби.

Я кивнул:

— Угу. Вы так и не слушали.

— Да слушал я, слушал! От такого алиби, как у них, никакого толку. Один якобы вертелся вокруг невесты, другой глазел на шахматистов, третий сидел дома чуть ли не с грудными детьми, которые к тому же спали. Пф-ф! Я задавал им эти вопросы, надеясь исключить кого-нибудь одного или даже двоих из круга подозреваемых, но не тут-то было. Пока что все трое на подозрении в равной степени.

— Тогда нам может помочь лишь ваша гениальность. Если, конечно, вам не придет в голову мысль передать через меня еще одно послание миссис Соррел. Я бы с удовольствием за это взялся. Мне нравится, как она произносит слово «о-очень».

— Не сомневаюсь. А ты сможешь еще что-нибудь из нее выжать?

— Попробую. Вдруг ей придет в голову написать, например, заявление в полицию или стать вашей клиенткой. В таком случае могу доставить ее сюда, и вам представится возможность раскусить этот орешек. Кстати, у дамы очаровательные ресницы.

Вульф проворчал:

— Не исключено, что так и выйдет. Подумаем об этом после ленча. Кто знает, может, после того, как троица переговорит с мистером Отисом... Что скажешь, Фриц?

— Ленч ждет вас, сэр.

7

Мне некогда не приходилось заниматься такой черновой работой, как проверка алиби, но на этот раз чуть было не пришлось. В последний момент этому помешал инспектор Крамер. Как только он нажал на кнопку звонка, я открыл дверь и спросил:

— А вы договаривались о встрече с мистером Вульфом?

— У меня в кармане ордер на ваше принудительное задержание в качестве свидетеля, — заявил инспектор. — Есть и второй — на имя Вульфа. Я ведь вас предупреждал.

Его слова можно было понимать двояко. Не исключено, что он не собирался без крайней необходимости извлекать из кармана свою мину замедленного действия. Если бы он действительно намеревался нас сцапать, то послал бы сюда пару дюжих полисменов, а не пришел бы сам в сопровождении сержанта Перли Стеббинса. А может, Крамер решил преподать нам с шефом

урок — очень уж удобный представлялся для этого случая. Кто знает, вдруг он надеялся, что несколько часов, а то и ночь в следственном изоляторе отучат Вульфа оставлять на столе галстуки? Однако раздумывать об этом было некогда — войти в кабинет следом за посетителями было бы с моей стороны тактической ошибкой, поэтому я повернулся и поспешил их опередить.

— К нам Крамер и Стеббинс с ордерами. Инспектор пришел за вами, сержант — за мной. Большая честь для нас!

— Я ведь предупреждал вас вчера вечером, — начал инспектор, вешая пальто на спинку кресла и присаживаясь.

— Чепуха, — фыркнул шеф.

Крамер достал из кармана бумаги.

— Я пушу их в ход лишь при крайней необходимости, — объявил он. — Прекрасно знаю, что в этом случае произойдет: вы с Гудвином откажетесь отвечать на вопросы, а потом освободитесь под залог, как только у Паркера дойдут до этого руки. Но то, что вы сделали, я записал на ваш счет, и счет этот еще не закрыт. Мы ведь утаили в интересах следствия содержание ваших с Гудвином показаний, а вы не сочли нужным держать язык за зубами. Да еще кому все выболтали — троим подозреваемым в убийстве! Фрэнк Эдей подтвердил, что получил эти сведения от вас, он разговаривал по телефону с помощником окружного прокурора.

— Вот болван! — высказался Вульф.

— М-да. А вы надеялись, что они будут молчать.

— Вовсе нет. Я не брал с них никаких обещаний на этот счет, да они и сами их не давали. Однако я сказал им без обиняков, что если доберусь до убийцы раньше вас, то по возможности попытаюсь спасти репутацию фирмы.

— Кто ваш клиент? Отис?

— На сей раз у меня нет клиента. Я добиваюсь, чтобы человек, подорвавший мою веру в себя, получил по заслугам. Ваши угрозы засадить меня в тюрьму за помехи правосудию — чистой воды ребячество. А я буду удовлетворен лишь тогда, когда найду негодяя, который воспользовался моим галстуком. Предупредив мистера Отиса и его компаньона о грозящих фирме неприятностях, я действовал в своих личных интересах и при этом не нарушил никаких законов.

— Вы же прекрасно знали, что мы держим эти сведения в тайне!

Плечи Вульфа поднялись ровно на одну восьмую дюйма.

— Я не обязан кланяться в почтительном поклоне перед вашей тактикой ведения дела. Мы с вами не юристы. Спросите окружного прокурора, захочет ли он выдвинуть против меня обвинение. У вас есть ордер на задержание меня в качестве свидетеля?

— Да. И второй такой же на имя Гудвина.

— Но вы не пускаете их в ход, а только потрясаете вашим оружием. К чему, собственно, вы клоните? Что вам нужно?

Стеббинс, стоявший за креслом, в котором расположился инспектор, испустил басовитый рык. Лишь одна вещь на свете

доставила бы Жемчужинке большее удовольствие, чем арест моего шефа или меня, — арест нас обоих вместе. Вести нас с Ниро Вульфom, скованными друг с другом наручниками, — о, какое это было бы для него наслаждение! Однако рык Жемчужинка издал недовольный, и за одно это я одарил его лучезарнейшей из своих улыбок.

— Мне нужна правда, — заявил Крамер.

— Фуй! — фыркнул шеф.

— Вот именно, «фуй!», — кивнул инспектор. — Если я приму на веру заявление Гудвина в том виде, как оно есть, тогда выходит, что один из троицы — Эдей, Хейдекер или Джетт — убил Бертю Аарон. Тогда мне не придется больше возиться с этим делом, так ведь?

— Да.

— Но если гудвиновское заявление примут на веру присяжные, получится так, что никого из этих троих невозможно будет изобличить. Бертю Аарон вошла в ваш дом в двадцать минут шестого; Гудвин разговаривал с нею до тридцати девяти минут шестого, после чего поднялся к вам в оранжерею. В десять минут седьмого он вернулся и обнаружил в кабинете труп. Теперь об этих троих. Если кто-то из них и беседовал с покойной вчера днем, а затем последовал за нею, когда она ушла из конторы, мы не в состоянии это доказать. У каждого из компаньонов личный кабинет, секретарши сидят в других комнатах. Мы, само собой, до сих пор пытаемся выяснить, куда эти трое ходили в течение дня и с кем разговаривали по телефону. Получается вот что. Перли, дайте-ка бумагу.

Жемчужинка извлек из кармана сложенный лист бумаги и вручил его инспектору. Крамер несколько мгновений изучал его, потом заговорил:

— У компаньонов в тот день было совещание по какому-то судебному делу. Назначено оно было на половину шестого. Они должны были собраться в кабинете Фрэнка Эдея. Когда за пару минут до назначенного срока появился Джетт, Эдей был уже на месте. Хейдекер опоздал и пришел лишь без четверти шесть. Он сказал, что выходил из конторы по делу, которое заняло у него больше времени, чем он рассчитывал. После этого все трое просидели в кабинете, обсуждая подробности дела, до тридцати пяти минут седьмого. Итак, если исключить Джетта и Эдея и сосредоточить внимание на Хейдекере, что нам это даст? Гудвин говорит, что вышел из кабинета в тридцать девять минут шестого, оставив там посетительницу целой и невредимой. Хейдекер же через шесть минут после этого был уже на совещании. Не мог же он за это время поговорить с ней по телефону, прийти сюда, убить ее и вернуться в свою контору, расположенную более чем в миле от вашего дома! Никто из компаньонов не мог убить ее и после совещания, закончившегося на четыре минуты позже звонка Гудвина. Ну, как вам это все нравится?

Вульф бросил на него недовольный взгляд:

— Совсем не нравится. Что за дело было у Хейдекера?

— Он ходил в театр за билетами.

— А Эдей и Джетт совсем не покидали контору между половиной пятого и половиной шестого?

— Неизвестно. Они заявляют, что никуда не отлучались, но вопрос остается открытым. Хотя какое это имеет значение, раз Хейдекера в конторе точно не было? Остается выбрать одну из трех возможностей. Первая, — инспектор загнул палец, — заключается в том, что все три компаньона лгут: возможно, совещание началось не в половине шестого, а может, Хейдекер пришел позже чем без четверти шесть. Вторая возможность, — Крамер загнул еще один палец, — предполагает то, что Берта Аарон, сказав «один из руководителей фирмы», имела в виду не одного из компаньонов, а кого-нибудь из работающих в фирме адвокатов. Их девятнадцать. Но если Гудвин в своем заявлении привел ее рассказ дословно, то эта гипотеза более чем сомнительна. И, наконец, третья возможность заключается в том, что гудвинское заявление — чистой воды обман. Берта Аарон вовсе не сказала «руководитель фирмы». Одному Богу известно, что она сказала. Вообще все, что нам известно об этом деле, может оказаться ложью. И я допускаю, что мы больше ничего не узнаем — Берта Аарон мертва, а Гудвин может заявить, что слышал от нее именно то, что будет ему выгодно. Вот такие три возможности. Выбирайте, какая вам больше по вкусу.

Шеф хмыкнул:

— Последнюю я отвергаю начисто. Если полагать, что мистер Гудвин способен на такой чудовищный обман, то меня неминуемо надо считать его соучастником — он ведь доложил мне о разговоре с мисс Аарон, когда она была еще жива. Второе предположение тоже кажется мне неверным. Вчера ночью я говорил с мистером Отисом. Он выразил уверенность в том, что Берта Аарон употребила слова «один из руководителей фирмы» в буквальном смысле.

— Послушайте, Вульф, признайте же наконец, что вы хотите стяжать славу, добравшись до убийцы раньше, чем мы.

— Я просто хочу снова начать хоть немного уважать себя.

— М-да, понимаю. Могу себе представить, что вы почувствовали, увидев на полу кабинета женщину, задушенную вашим же галстуком. Вам хватило бы двух секунд, чтобы понять: показания Гудвина проверить будет невозможно. Вы захотели вернуть себе самоуважение, самостоятельно поймав убийцу, и в пять минут могли обдумать сложившуюся ситуацию, подсказать Гудвину, как лучше фальсифицировать показания, чтобы мы два дня крутились как белки в колесе, и все без толку. А все лишь для того, чтобы потешить проклятое самомнение. Вы же не препятствуете правосудию, а, наоборот, хотите передать убийцу нам в руки, потому и делаете все это со спокойной совестью. Вспомните-ка свои фокусы, которые вы каждый раз передо мною демонстрируете, и скажите положи руку на сердце: неужели вы не способны проделать то, о чем я сейчас говорил?

— Не способен. Ради своего, как вы выражаетесь, самомнения — не способен. Кроме того, я уверен, что мистер Гудвин, поднявшись ко мне в оранжерею и докладывая о визите мисс Аарон, был точен даже в мельчайших подробностях. В заявле-

нии, которое он написал по вашему требованию, полностью повторяется то, что он мне тогда рассказал. Так что ваше появление здесь с ордерами и высказанное нам недоверие только отнимают время как у нас, так и у вас лично. Арчи, свяжись-ка с мистером Паркером.

Телефон нашего адвоката я помнил наизусть, так что телефонную книгу открывать не пришлось. Я повернулся на вращающемся сиденье и набрал номер. Когда адвокат подошел к телефону, Вульф снял трубку параллельного аппарата.

— Мистер Паркер? Добрый день,— поздоровался он.— Тут у нас мистер Крамер размахивает ордерами на задержание... Да, выписаны на меня и на мистера Гудвина... Нет, в качестве свидетелей. Он может пустить их в ход, а может ими и не воспользоваться. Будьте добры, поручите секретарше набирать мой номер каждые десять минут. Если Фриц скажет, что мы ушли с мистером Крамером, вы знаете, что делать... Вот-вот, совершенно верно. Спасибо.

Как только шеф повесил трубку, Крамер встал, окликнул Стеббинса, подхватил с кресла свое пальто и, тяжело ступая, направился к выходу. Я вышел в коридор следом за ними и, услышав грохот захлопнувшейся двери, вернулся в кабинет.

Вульф сидел с закрытыми глазами, откинувшись на спинку кресла. Пальцы его шевелились, губы тоже. Когда с шефом происходит нечто подобное, его лучше не отвлекать. Так что я прошел к своему столу и сел в ожидании в кресло.

Через две с небольшим минуты Вульф открыл глаза, сел прямо и проворчал:

— Он что, сознательно не упомянул о четвертой возможности? Или она просто не пришла ему в голову?

— Почему бы и нет? Он заикнулся на нас, но скоро может догадаться.

— А ты догадался?

— Конечно. При нынешнем положении вещей трудно не догадаться. Когда он наконец спохватится, может стать, испортит все дело. В таких вещах он не мастак.

Вульф кивнул:

— Надо его опередить. Сможешь залучить сюда эту красотку?

— Попытаюсь. Я уже догадался, что у вас на уме. Могу пригласить ее по телефону. Если это не работает, придумаем еще какой-нибудь трюк с карточкой. Когда вам ее доставить? Сейчас?

— Нет. Мне нужно время, чтобы продумать план действий. Сколько сейчас времени?

Ну, думаю, мог бы и повернуть голову, чтобы взглянуть на стенные часы.

— Десять минут четвертого.

— Договорись на шесть. Нам нужны и остальные, в том числе мистер Отис.

Хотя телефон отеля «Черчилль» знаком мне не так хорошо, как номер нашего адвоката, я его все-таки вспомнил и попросил телефонистку отеля соединить меня с миссис Соррел. После некоторой паузы до меня донесся знакомый голос:

— Миссис Соррел у телефона. Кто говорит?

— Это Арчи Гудвин. Я звоню из кабинета Ниро Вульфа. Сейчас к нам заходил инспектор полиции. Он беседовал с мистером Вульфом и только что ушел. А перед этим здесь были три человека, которых вы хорошо знаете. Это адвокаты Эдей, Хейдекер и Джетт. В результате выплыли кое-какие интересные подробности дела, и мистер Вульф хотел бы обсудить их с вами, прежде чем принять план действий на будущее. Сегодня утром вы спрашивали, не согласится ли он представлять ваши интересы, так что у вас будет возможность обговорить это непосредственно с ним. Шесть вечера вас устраивает? Адрес вы знаете.

Последовало молчание. Затем она спросила:

— Что за интересные подробности?

— Мистер Вульф предпочитает сообщить о них вам лично.

— А почему он не может прийти ко мне?

— Я ведь говорил, что он никогда не покидает дом по делам службы.

— Действительно, говорили. Приходите-ка лучше ко мне сами. Прямо сейчас.

— Я бы с удовольствием, но как-нибудь в другой раз.

Снова молчание. Потом вопрос:

— А полиция там будет?

— Конечно, нет.

— Вы сказали, в шесть?

— Именно так.

— Отлично. Я приду.

Я повесил трубку и, повернувшись к шефу, объявил:

— Договорились. Она приглашала меня к себе, но с этим можно подождать. У вас осталось менее трех часов, чтобы придумать шараду, которую вы перед нею разыграете. Кстати, два из них вы, очевидно, проведете в обществе орхидей. Чем пока заняться мне?

— Приведите мистера Отиса, — буркнул Вульф.

8

Когда в восемь минут седьмого прозвенел звонок и я впустил в дом Риту Соррел, вокруг было тихо, как будто у нас никого не было. Я провел посетительницу в кабинет, представил Вульфу и повесил ее шубку — кажется, из белой норки — на спинку обтянутого красной кожей кресла. Никто, кроме Вульфа, на глаза ей не показывался. То, что она приветствовала шефа улыбкой и при этом опустила на мгновение свои темные длинные ресницы, еще не означает, что она удостаивала такой чести только важных персон, — меня она одарила в коридоре такими же знаками внимания.

— Не привыкла приходить к людям, которым захотелось меня видеть, — обратилась она к Вульфу. — Это нечто новенькое для меня. Может быть, поэтому я и пришла — люблю новые ощущения. Мистер Гудвин сказал, что вы хотите со мной что-то обсудить.

— Да, верно. Некоторые деликатные и очень личные момен-

ты. А поскольку беседа наша будет тем плодотворней, чем более откровенный и искренний характер она будет носить, мы с вами должны разговаривать с глазу на глаз. Будь любезен, Арчи, оставь нас. Стенографировать на сей раз не надо.

— А если миссис Соррел попросит меня... — возразил я.

Но шеф не дал мне договорить:

— Нет. Оставь нас, пожалуйста.

Я вышел. Затворив за собой дверь, я дошел до конца коридора, повернул направо и открыл дверь гостиной. Когда я вошел, первой моей заботой было плотно закрыть дверь. Потом я огляделся.

Все были в сборе. Ламонт Отис восседал в массивном кресле у окна — у того самого, через которое выбралась днем раньше мисс Пэйдж. Сейчас она сидела по левую руку от старика, справа расположился Эдей. Джетт занял стул, стоявший у самой стены. На кушетке лицом ко мне сидел Хейдекер; с одной стороны от него занял позицию Фред Дуркин, с другой — Орри Кэттер. Сол Пензер стоял посреди комнаты. Лица присутствующих обратились ко мне, и тут Эдей начал было что-то говорить, но я сразу оборвал его:

— Если вы будете говорить, то ничего не услышите, даже если вы сами не горите желанием что-либо услышать, то другим этого очень хочется. Все, что вы желаете высказать, приберегите на потом. Мистер Вульф предупреждал вас, что динамик на стене соединен проводом с микрофоном в его кабинете, где он сейчас кое с кем беседует. С кем именно, я говорить не буду — вы и так поймете. Можно включать, Сол.

Сыщик обошел кушетку, щелкнул выключателем, и из динамика донесся голос Вульфа:

— ...и рассказала о своем деле мистеру Гудвину, прежде чем он поднялся ко мне. Она заявила, что ровно неделю назад — в понедельник вечером — видела одного из руководителей своей фирмы в ресторанчике за тайной беседой с вами. Из этого она сделала вывод, что человек этот предал интересы своего клиента — в данном случае вашего супруга — и стал действовать в ваших интересах. По некоторым причинам, которые казались ей существенными, она не сказала об этом ни одному из компаньонов. А вот вчера днем она наконец решилась сказать тому человеку о своих подозрениях и потребовать у него объяснений. Тот ничего объяснить не смог. В разговоре с Гудвином она отказалась назвать имя этого человека, пока не будет уверена, что я берусь за дело. Со мною поговорить ей так и не удалось. Мистер Гудвин, разумеется, поставил в известность обо всем полицию.

Голос миссис Соррел:

— Она так и не назвала его?

— Нет. Как я уже говорил, наша с вами беседа должна быть откровенной. Сегодня вы сказали мистеру Гудвину по телефону, что в прошлый понедельник беседовали за ленчем с Грегори Джеттом. Я не настаиваю на том, чтобы считать это последним

вашим словом, и допускаю, что вы просто пытались замутить воду. Впоследствии вы можете совершенно безнаказанно утверждать, что такого телефонного разговора вообще не было.

Джетт встрепнулся и резко наклонился вперед в кресле-качалке, но произведенный им шум не заглушил доносившийся из динамика голос, а я, дотронувшись до руки молодого адвоката, привел его в чувство.

— А если я не откажусь от своих слов? Если я снова повторю: это был Грегори Джетт?

— Не советую. Если вы пытаетесь не только замутить воду, но и разжечь между людьми вражду, поищите лучше другое применение своим усилиям. Это ведь был не мистер Джетт, а мистер Хейдекер.

Зажатый между Фредом и Орри, Хейдекер при всем желании не смог бы даже пошевелиться. Единственный раздавшийся в комнате звук издал Ламонт Отис — он дернулся в кресле, и из его горла исторгся сдавленный хрип. Энн Пэйдж успокаивающе скала его руку.

Снова послышался голос миссис Соррел:

— Занятная беседа получается у нас с вами. Мистер Гудвин предупредил меня, что я услышу кое-что интересное, действительно, так оно и вышло. Значит, я сидела в ресторане с мужчиной и даже не представляла себе, с кем именно! Ну знаете, мистер Вульф!

— Нет, мадам, номер у вас не пройдет. И я вам сейчас постараюсь объяснить почему. Раньше я предполагал, что один из троих компаньонов — Эдей, Хейдекер или Джетт — убил БERTУ Аарон. Учитывая то, что она рассказала Гудвину, это можно назвать чем-то большим, чем просто предположением, — скорее, гипотезой. Но три часа назад мне пришлось ее отвергнуть — я узнал, что все трое без пятнадцати шесть собрались на совещание в кабинете мистера Эдея. Гудвин же оставил мисс Аарон одну и поднялся ко мне в тридцать девять минут шестого, то есть всего за шесть минут до этого. Вероятность того, что все трое сговорились и намеренно лгут, показалась мне близкой к нулю, ведь остальные служащие фирмы могли бы легко разоблачить этот обман. Но хотя никто из троих не убивал мисс Аарон, один из них, быть может, предопределил ее участь — умышленно или нет, не знаю. Из компаньонов только мистер Хейдекер, как стало известно, покинул контору примерно в то же время, что и мисс Аарон, — он заявил, что отлучался по личному делу, но за его передвижениями проследить было невозможно. Мое новое предположение — пока еще не гипотеза — заключается в том, что мистер Хейдекер проследил путь покойной до моего дома, увидел, что она вошла внутрь, зашел в ближайшую телефонную будку и позвонил вам, чтобы предупредить о том, что ваш разговор может быть раскрыт. После чего помчался обратно в контору, без сомнения, в самом отвратительном настроении, и опоздал на совещание на пятнадцать минут.

На этот раз настала очередь Эдея нарушить тишину в комна-

те. Встав со стула, он подошел к кушетке и вперил взгляд в Хейдекера. Рядом стояли мы с Солом, но останавливать Эдея не пришлось — очевидно, «генератор идей» иссяк.

Вульф тем временем продолжал:

— Теперь, однако, это предположение переросло в гипотезу, и я не думаю, что в будущем ее придется отвергнуть. Мистер Хейдекер, как, впрочем, и я, не верит, что после телефонного разговора с ним вы пришли сюда с намерением совершить убийство.

Разумеется, этого быть не могло — откуда вы знали, что застанете будущую жертву одну? Мистер Хейдекер полагает, что вы просто хотели исправить положение, в лучшем случае предотвратить грозившие вам разоблачения, в худшем — узнать, насколько они для вас опасны. Вы позвонили сюда, мисс Аарон взяла трубку, и вы уговорили ее впустить и выслушать вас. Мистер Хейдекер думает, что когда вы вошли и узнали, что она одна, то, повинуясь внезапному побуждению, схватили со стола тяжелый кусок нефрита и ударили ее по голове. Он считает также, что, увидев ее на полу без сознания, вы снова уступили внезапному побуждению и, заметив на столе галстук...

Голос миссис Соррел:

— Откуда вы знаете, что именно думает мистер Хейдекер?

86 Если бы я оказался на месте действия, следующая реплика была бы за мной. Шеф дал мне инструкцию поступать сообразно обстоятельствам. Если бы реакция Хейдекера вызвала у меня сомнение в том, что он признает свою вину, я должен был бы войти в кабинет и дать сигнал Вульфу, пока тот не зашел слишком далеко. В данном случае принять решение мне было легко: поза Хейдекера, который сидел, упершись локтями в колени и закрыв лицо руками, явно изобличала расположение его духа.

— Хороший вопрос, — донесся из динамика рокот Вульфа. — Мне, конечно, трудно было бы оказаться в шкуре Хейдекера. Он из тех, кто не в силах выдержать психологическое давление.

Разоблачение, несомненно, положит конец его карьере как адвоката, но недонесение на убийцу может его попросту погубить. Вам, должно быть, известно...

— Если он говорит, что, по его мнению, убийство совершила я, то он просто лжет.

Он сам ее убил. Он лжец и предатель. Вчера он звонил мне дважды — в первый раз сказал, что нас видели в ресторане, и предостерег, во второй раз — через час после первого — заявил, что принял необходимые меры и опасность нам больше не грозит. Так что он ее и убил. Когда мистер Гудвин сказал мне, что выяснились некоторые интересные подробности, я сразу поняла, в чем дело. Потому я и пришла сюда.

Признаю, что виновна в недонесении на убийцу. Я знаю, что

это очень плохо с моей стороны, но, может быть, еще не поздно заявить на него? Или уже поздно?

— Нет. Признание может облегчить вашу совесть и одновременно вашу участь. Когда именно он вам позвонил во второй раз?

— Точно не помню. Между пятью и шестью вечера. Примерно в половине шестого.

— Что за разговор был между вами и почему вы его так скрывали?

— Месяц назад он пришел ко мне и заявил, что предоставит информацию о моем муже, которую можно будет использовать против него, чтобы защитить мои права. Он хотел...

Тут Хейдекер дернул головой и взвизгнул.

— Это ложь! Я к ней не ходил, она сама ко мне пришла!

Странная вещь — человеческая натура. Изучаешь ее, изучаешь, а до конца все равно не поймешь. Никогда не думал, что такое возможно: когда она обвинила Хейдекера в убийстве, он и глазом не моргнул, а тут...

Миссис Соррел тем временем продолжала:

— Он хотел получить за эти сведения миллион долларов, но я не могла заплатить ему такую сумму. Я ведь не знала, сколько мне достанется, так что в конце концов обещала дать десятую часть того, что получу сама. Об этом мы и говорили в тот вечер в ресторане.

— Ну и как, сообщил он вам эти сведения? — поинтересовался шеф.

— Нет. Он потребовал слишком большой аванс. Нам трудно было договориться — мы ведь не могли записать условия на бумаге и поставить внизу наши подписи.

— Еще бы! — прокомментировал Вульф. — К тому же от подобного документа мало проку, ведь ни одна из сторон не осмелится его обнародовать. Надеюсь, вы понимаете, миссис Соррел, что ваше признание повлечет за собой дачу показаний в суде. Готовы вы подтвердить ваши слова под присягой?

— Я знала, что это мне предстоит, уже тогда, когда собиралась к вам.

— Значит, вы просто строите из себя дурочку, мадам! — Вульф вдруг резко сменил тон, словно хлыстом стегнул.

— Что вы, мистер Вульф! Я никого из себя не строю. Совсе нет.

— Не нет, а да! Вас выдают даже мелочи.

После того, как вчера днем вы позвонили и поговорили с мисс Аарон, вам надо было добраться сюда как можно скорее. Поскольку убивать вы никого не собирались, вам не пришло в голову принимать меры предосторожности. Не знаю, есть ли у вас своя машина с шофером, но даже если есть, посылать за ней значило потратить лишнее время, а тут каждая минута была на счету. Станции метро поблизости от моего дома нет, автобусы ходят медленно, да и останавливаются

далеко отсюда. Без сомнения, вы наняли такси. Подозреваю, что такси для вас ловил швейцар отеля «Черчилль». Но даже если это не так, разыскать водителя будет проще простого. Достаточно позвонить инспектору Крамеру и порекомендовать ему разыскать водителя такси, который посадил вас в машину у отеля «Черчилль» и довез до моего дома. Этого будет достаточно, чтобы вас изобличить.

Энн Пэйдж встала.

Она явно находилась в затруднительном положении — ей хотелось подойти к Грегори Джетту, с которого она не сводила глаз, но в то же время страшно было отойти от мистера Отиса, съездившегося в кресле.

К счастью, Джетт заметил ее порыв, подошел к ней и нежно обнял. То, что он в столь критический для фирмы момент мог думать о личных делах, было характерно для этого человека — неисправимого романтика.

Вульф тем временем обрушивал на миссис Соррел удар за ударом:

— Я также предложу инспектору прислать сюда полисмена, чтобы взять вас под стражу, пока будут искать водителя такси.

Если вы спросите, почему я не сделал этого до сих пор, могу ответить: мне просто хочется получить моральное удовлетворение.

88 Чуть больше суток назад в этой самой комнате я по вашей вине подвергся самому жестокому унижению за всю свою жизнь. Не могу сказать, что подобная расплата доставляет мне удовольствие, но...

Тут динамик выплюнул целый набор звуков: женский визг — его, должно быть, издала миссис Соррел, скрип отодвигаемого кресла, какое-то шуршание, а под конец — приглушенное рычание, несколько напоминавшее звуки, которые обычно издает мой шеф.

Я ринулся к двери в гостиную, распахнул ее, сделал несколько шагов и застыл в изумлении: такого зрелища мне еще не приходилось видеть и, вероятно, больше не придется. Ниро Вульф обхватил своими ручищами прелестную молодую женщину и крепко прижимал ее к своим мощным телесам, не давая пустить в ход руки.

— Арчи! — пророкотал шеф. — Держи же ее, черт возьми! Я повиновался.

Рад был бы доложить, что Вульфу удалось сохранить в целостности и неприкосновенности репутацию адвокатской фирмы Отиса, но, ничего не поделаешь, придется сказать правду. Конечно, шеф сделал все, что мог, но от него мало что зависело — Хейдекер был на суде главным свидетелем обвинения, и его допрашивали

целых шесть часов. Разумеется, карьера его как юриста была завершена.

Вульф у все же повезло: окружной прокурор согласился, что опознать вещественное доказательство номер три — шелковый галстук коричневого цвета с узором из маленьких желтых загогулин — смогу и я, так что самого Вульфа в качестве свидетеля не вызвали.

Присяжным, очевидно, показалась убедительной его версия убийства — просоветовавшись пять часов, они вынесли вердикт о том, что миссис Соррел виновна.

А так все осталось по-старому.

Фирме мистера Отиса, как и раньше, поручают судебные дела; сам он неизменно является в контору пять раз в неделю.

Грегори Джетт женился на мисс Пэйдж и, как я слышал, стал больше заботиться о том, чтобы его расходы не превышали доходов. Не знаю только, увеличилась ли его доля прибыли по сравнению с прежними одиннадцатью процентами. Это уж точно вопрос деликатный.

**Перевод с английского
АНАТОЛИЯ КУДРЯВИЦКОГО.**

*Подписаться на журнал «СМЕНА»
можно в любом отделении связи
до первого числа предподписного месяца.
Цена одного номера в России — 23 рубля,
в странах СНГ — 25 рублей.*

СУПЕРФИЛЬМ

М
В

SINEMA

ДАНИИЛ ДОНДУРЕИ

ПЛУТОВСКОЕ КИНО

Как теневая экономика
побеждает рыночную

В минувшем декабре завершилась эра Великого советского кино. Ушло в историю творчество Эйзенштейна и Пырьева, Довженко и Чухрая, Тарковского и Абуладзе. Но мало кто знает, что еще за три года до знаменитого декабря российский бизнес подарил кинематографистам незабываемые годы благоденствия. Судите сами: освоена

критика общественных и нравственных устоев; разрушены многие мифологические структуры, сексуальные и тематические табу; «творцы» при минимальных затратах запускают в производство любую прихоть.

У художников исчезло чувство какой-либо социальной опасности. Они получили право на ошибки, траты, фикции. Ну просто мечта. Никто не пострадал и, судя по всему, даже не опечалился от того, что лишь одна из тысячи произведенных за три года отечественных лент — «Интердевочка» Петра Тодоровского — сумела пробиться в список двадцати самых популярных. После «Маленькой Веры» Василия Пичула нет ни одной картины, которая бы стала сенсацией. Дело не в том, что сегодня на экранах Москвы фильмов, снятых на русском языке, в несколько раз меньше, чем на английском, а в том, что только два из ста в состоянии конкурировать с ними. В массовом сознании родное кино перестало существовать. Хотя фильмов имеется в большом избытке, качество их не имеет значения.

За последние пять лет потеря аудитории составила чуть ли не полтора из четырех миллиардов билетов. Причем большая часть за последние годы. В середине 80-х мы теряли по 50—130 млн. посетителей в год, и вдруг —

в 1989-м — обвал в 420 млн., затем за два года еще приблизительно 600 млн. Три четверти мест в наших залах ежедневно пустуют. Но и это уже драма вчерашнего дня. В блистательном 1980 году чемпионы проката собирали до 80 млн. билетов за пятнадцать регистрируемых статистикой месяцев, затем многие годы — по 40 млн., теперь же самыми удачливыми считаются редчайшие ленты, на которые продаются 6—9 млн. билетов.

Кино — чуть ли не единственная сфера жизни, где у нас нет дефицита. И это обстоятельство — основополагающее в размышлениях о будущем кинематографа. Страна с четвертым в мире зрительским потенциалом семимильными шагами пришла к дотационному способу существования наподобие Швеции или Швейцарии. Нельзя делать вид, что это не имеет последствий как для авторского, так и для массового кино. Исследования показывают, что в ближайшие годы нет надежд на возрождение интереса не только к отечественному, но и к любому «недомашнему» виду кинопродукции. Данные статистики воспринимаются лишь как некий устрашающий, щекочущий нервы курьез. Нет ответственных за миллионные потери кинорынка. Прощаются любые убытки.

Как объяснить парадокс российской экономики: чем меньше фильмов смотрит зритель, чем меньше нуждается в них, тем больше их снимают? Будто расплачиваются ими за что-то. Объем ненужной продукции вырос в два с половиной раза. Какая прекрасная Система: зрители избегают кинотеатры, перевод на видеокассеты идет пиратским образом, а студии увеличивают свои доходы чуть ли не в три раза. И никакие революции не влияют на фунда-

ментальный принцип национальной хозяйственной жизни: производство здесь следует своим законам, а потребление — своим.

За три с половиной века до большевистской версии социализма Иван Грозный жаловался англичанину Джильсу Флетчеру: «Русские мои все воры». Много, много позже император Николай I говорил другому знаменитому путешественнику — маркизу де Кюстину абсолютно то же самое: «В России только я не ворую». За минувшие три четверти века отлажена всеохватная система теневой экономики, включающая ее три основные составляющие — неофициальную, фиктивную, подпольную. Ее масштаб в еще допавловских ценах оценивается экспертами приблизительно в 150—170 млрд. рублей в год — намного больше, чем, к примеру, весь бюджет независимой Украины.

Негодовать бессмысленно. Валить на то, что перестройка раскостылила энергию спекуляции и воровства, плутовства и коррупции, халтуры и паразитирования, предоставив грандиозные возможности для развития таких экономических отношений, — глупое самоутешение. Наши специалисты понимают, что все это давно не уместается в категорию преступления. Таков феномен, заданный социально-культурным генотипом общества.

Вот несколько совершенно обыденных ситуаций в кинобизнесе Содружества. Готовый фильм, скажем, стоимостью в два миллиона приобретает какой-нибудь фантомной фирмой, не связанной с кино. Студии-производителю не только оптом возмещаются все расходы, но и по договоренности — из головы — назначается прибыль в полтора миллиона. Покупатель затем имитирует в прекрасно оформленных доку-

ментах удачный прокат этой картины, что позволяет зафиксировать деятельность, оцениваемую уже в десять миллионов. Так законно прячется прибыль от других, менее благородных сфер его бизнеса. Не надо забывать, что главные участники такой сделки баснословно обогащаются еще и лично. Сам же фильм нигде, кроме премьер, не демонстрируется. Тому сотни примеров.

Можно по контракту с любым банком или концерном пригласить звезд, купить пленку «кодак», арендовать павильоны и технику, а затем, когда фильм будет снят, объявить ничего не понимающему в кинематографии совладельцу-нуворишу: художественные достоинства данного произведения столь высоки, что коммерческий проигрыш неизбежен. Дескать, его не хотят покупать идиоты-прокатчики, смотреть недоразвитые зрители. Дорогой подарок главе фирмы-инвестора оградит студию от возможных, хотя и необязательных, разбирательств. К тому же налоговые, как, впрочем, и другие контрольные службы, в сущности, уже не действуют. Так что деньги, истраченные на перепродажу коммерческого риска непрофессионалу, и другие подобные игры в кино с легкостью списываются в убыток.

Да разве перечислишь многообразие массового искусства теневых операций. Каждый знает, что частная собственность у нас не такая уж частная, как ее принято понимать. Она блестяще, в каждом случае оригинально встроена в собственность государственную, муниципальную или акционерную.

Но, будем откровенны, именно прибыль от потаенных манипуляций с «чужой-своей» собственностью и позволила десяткам наших студий не разориться, а вольготно финансировать отечественное

кино. Не жаль заработанных на перепродажах шальных рублей. Добавьте к этому безрассудность спонсорского финансирования, выгоды перекачивания безналичных денег в живые — наличные или СКВ — рубли. Оплата Голливудом картины «Кинемеханик Сталина» Андрея Кончаловского позволила «Мосфильму» покрыть все убытки от дюжины картин собственного изготовления. Та же ситуация на «Ленфильме» и других студиях, имеющих собственную производственную базу, павильоны, цеха.

Марки или лиры, полученные от западных кинофирм, позволяют выбросить из головы проблемы плачевного проката своих новых лент. Для владельцев кинофабрик скоро вообще не будет иметь значения, чем занимаются их студии. Лишь бы не обвиняли в том, что фабрики заинтересованы «съесть» собственный кинематограф.

Благодаря такой финансовой «механике» снимались фильмы, которые не продавались. Или продавались, но не тиражировались. Тиражировались, но не демонстрировались в кинотеатрах. **В Москве, например, из ста названий, купленных для показа в первой половине 1991 года, сорок две картины фактически так и не появились на экранах.**

Конечно, именно рыночные послабления предоставили возможность творчески «химичить» с инвестициями. Впервые с двадцатых годов разомкнулась система, в которую потекли все виды российских денег: мертво-бюджетные, безналичные, живые — из фонда зарплаты, перекупленные за бартер или фьючерные, обменные теневые и многие другие. Концы прятались в воду, но всегда сходились с концами. Кинопроизводство быстро привыкло к благополучию патронажного вливания

«грязных» денег — в 1991 году оно, по мнению экспертов, приблизилось к четверти миллиарда рублей и делает вид, что ничего особенного не происходит.

Найден и ключевой экономический механизм — так называемое «спонсорство». Дескать, мы вошли в эпоху спонсорского финансирования, когда не имеет значения, что каждую вторую картину посмотрели всего несколько тысяч человек, что множество фильмов были сняты с экрана через несколько сеансов или совсем не куплены для проката.

В связи с этим разлагаются и некогда устойчивые этические нормы. На первый план перемещаются такие ценности, как зарубежные поездки, валютные гонорары, которые в нынешних экономических условиях часто противостоят творческим интересам. У профессионалов формируются некоторые черты гангстерской психологии. Зачем мучиться поиском перспективной стратегии проката картин, затратами на рекламу, когда можно напрямую переложить деньги из кармана в карман.

Теневая экономика заинтересована в имитации гигантской деятельности. Производится немало отвратительных по своим достоинствам и никому, кроме авторов и их друзей, не известных лент. Да и такие кумиры на Западе, как «Очи черные» Никиты Михалкова или «Такси-блюз» Павла Лунгина, не пользовались особым успехом на родине, лишний раз подтвердив несхожесть представлений публики извне и изнутри бывшей социалистической сверхдержавы.

Да, социалистический и капиталистический реализм очень схожи. Но пока у нас нет шансов выйти на внутренний и внешний массовый рынок.

Новые инвесторы национального кино не возражали против

безжалостности кинематографистов к рядовому человеку, не пытавшихся как-то морально помочь и утешить его, не давали шанса забыть о том, что в парламентах, в продуктовых магазинах, в нравственном здоровье общества — беспредел. Не появилось ни вдохновляющих положительных героев, ни спасительных телесериалов. Под личиной поддержки настоящего искусства финансировался культ беспрецедентной безнадёжности. Поэтому естественны итоги недавнего опроса шестилетних москвичей, для которых самыми любимыми существами после мамы и папы являются персонажи американских мультфильмов Чип и Дейл, а также капитан Пауэр.

Названия перестроечных картин: «Воры в законе», «Зона», «Фуффло», «Сукины дети», «Караул», «Бля»... Негативное отношение к жизни, нагнетание страха, отчаяние, насилие присутствовали в 82% картин выпуска 1989 и 1990 годов. В 35% из них герои гибнут, кончают жизнь самоубийством или полностью деградируют как личности из-за моральной, психологической, сексуальной неудовлетворенности.

Но и зрители, надо признать, не одавались все эти годы. Они ответили на террор опустыленной им «правды» бойкотом. **Только семь из ста (!) картин отечественного производства смогли собрать в минувшем году пять миллионов билетов.**

Но пока между кинематографистами и публикой идут боевые действия, в которых не может быть победителей, фантомная экономика нашла компромисс: обеспечила всех работой. Не только подкупила профессиональный цех, но и отладила удивительный хозяйственный и социально-культурный механизм — своего рода «перпетуум-мобиле» кинодела —

в странах, перешедших от Союза к Содружеству. Кинофабрики три года загружены до предела. Постановщики испытывают некоторые проблемы лишь с доставанием валюты. Самозванцы, величающие себя продюсерами, принимают решения, от трагических результатов которых не страдают.

У нас даже перестали действовать национальные службы киностатистики. Раньше можно было прикинуть процент вранья. Теперь не узнать, какие существуют студии, что они фактически делают; сколько зрителей, где и что смотрят, каковы хотя бы символические сведения о затратах или авторском вознаграждении. Достоверная информация — мешающая всем роскошь.

Нет нужды знать о судьбе фильмов, владельцев, каков рынок посредников, их психология, принципы действий. Все очень неопределенно, слутанно, мистифицировано. Нет отчетности, объективного анализа, прогнозирования политики. Ведь на современном киноторжище действуют сотни экономических субъектов, огромная армия посредников, видеопиратов. И все они создают сложную паутину творческих, социальных, хозяйственных отношений.

Еще один подарок теневой экономики — поддержка доброго социалистического стереотипа наших творческих работников, убежденных в самоценности производства. Кинематограф для них до сих пор — и это естественно — исключительно история шедевров и гениев. Посему любые серьезные размышления о зрителях, кинотеатрах, инвестициях, рекламе, экспертизе кажутся сугубо прозаическими, второстепенными вещами.

Теневая экономика редко заботится о будущем, она живет на-

стоящим. Сегодня никого не волнуют не только шансы российских фильмов, но и перспективы главного продукта продажи — американских картин. Вследствие их хаотичного распродажного выбрасывания на наши экраны они не получают психологической поддержки в массовом зрительском сознании, нет культа звезд Голливуда, возможности видеть их «живьем» на родном телевидении, задавать вопросы, быть осведомленным об их личной жизни. Мы не подключены к всемогущей мифологии, к американской мечте, обслуживающей это кино. И тогда понятно, почему заполняемость залов на ленты, вызывающие восторг во всем мире («Крепкий орешек», «Взять живым или мертвым» Шермана, «Деловая женщина» Николса), у нас быстро иссякает. Ведь к интересу публики нельзя относиться хищнически, как к добыче нефти: покупать невесты что — третьеразрядные старые фильмы. Все это только деформирует структуры представлений будущих поколений зрителей. Обесценивает их ожидания.

Дело, конечно, не в американцах. У них все в порядке и без эсээнгшного рынка. В целом общие доходы их киноиндустрии — более одиннадцати миллиардов долларов.

У нас ситуация, как известно, иная. В 1990 году доход от демонстрации в кинотеатрах составил 1,2 млрд. рублей. Расход на производство, закупку фильмов, прокат и содержание киносети оказался почти на 200 млн. больше этого дохода. Репертуар видеопоза — практически весь пиратский. Даже малая часть многомиллиардной прибыли не возвращается в национальный кинематограф. Кабельные телесети у нас только развиваются. Бюджетное телевидение не имеет средств оплачи-

вать новые произведения — посему бесконечно «крутит» старые ленты.

Таково реальное положение вещей. Тем не менее студии не занимаются целенаправленным формированием, селекцией звезд и «старлетов». Не вкладывают средства в создание образа национального героя, каким для советских людей явился бесстрашный и любимый комиссар Каттани. Старшие поколения помнят Баталова, Смоктуновского, Гурченко, люди среднего возраста выросли на Янковском, Абдулове и Гундаревой. Но кто идет вслед за «Гардемаринами», не знает никто. У наших тинейджеров уже целое десятилетие нет экранных кумиров!

Если бы истратить на создание звезд хотя бы десятую часть из выброшенных на ветер 300 млн. (стоимость фильмов, которые никто не смотрел и никто не упоминал), то можно хотя бы приостановить процесс исчезновения из сознания миллионов «важнейшего из искусств». Светская хроника, шутливая информация, скандалы — все это минимально и только об американских артистах. Страна знает, за кого вышла замуж Джейн Фонда, каковы сексуальные привычки Сильвестра Сталлоне или гонорары Джека Николсона, но ничего не знает о героях-соотечественниках девяностых годов.

Защиту национального кино многие кинематографисты готовы понимать просто: если нельзя сегодня запретить ввоз иностранных фильмов, то нужно немедленно его ограничить, скажем, квотой в сто названий в год. Результат этой идеи может быть только один и прямо противоположный замыслу: поддержка угасающего интереса к американскому кино. Практически игнорируя любые запреты,

безусловно, будут показывать нелицензированные картины и, объявляя о своем риске, увеличивать цены на них, мэрии городов будут настаивать на показе исключительно коммерческих картин и все вместе давать взятки чиновникам, ведомства которых будут выдавать лицензии на закупку зарубежной продукции.

Миллионы смотрят дома на видео только американские фильмы. Специалисты считают, что в этой сфере ежегодно обращается не менее пяти млрд. рублей. Те, кто победнее, наслаждаются второсортными американскими картинами в кинотеатрах либо дожидаются той счастливой поры, когда они появятся в коммунальных кабельных сетях. Как писал не так давно Сергей Лаврентьев, «поставленный перед выбором между плохим советским и плохим американским фильмом зритель, естественно, предпочитает второе...». Ну зачем, скажите, смотреть «Мордашку», когда есть «Пляжные девочки». Зачем тратить время на отечественного «Супермена» или «Любимчика», когда рядом «Патриот», «Методичный убийца» и «Иллюзия смерти». Не надо забывать, что вырастает второе поколение «детей видео», тех молодых людей, чьи контакты с кино полностью ограничиваются видеокассетой, взятой в прокатном пункте на углу. Добавьте к этому миллионы мальчиков и девочек — «видашников» прежних призывов, кому уже под двадцать пять. Они совершенно не знают и не любят родное кино. Просто нигде не встречаются с ним. Прекрасно осведомлены о всех ролях Шварценеггера, но не могут вспомнить исполнителей «Андрея Рублева» или «Неоконченной пьесы для механического пианино».

Можно с уверенностью сказать,

что ценностные представления городских подростков завербованы Голливудом и тем образом жизни, который воспевают самые знаменитые «фабрики грез». Один из крупных московских видеопунктов в интервью информационной службе фирмы «Мега» заявил:

«Ныне ситуация совершенно иная по сравнению даже с концом восьмидесятых. Москва, Петербург, Екатеринбург смотрят то же и в то же самое время, что и в США, опережая даже Европу. Напрочь сдали позиции всякие каратисты, ниндзя, костоломы, вампиры и голода — они нам кассу не делают». И это главный плюс новой ситуации в мире видео. Минус — новинки бурным потоком вымывают классику.

Все это происходит благодаря тому, что «челноки» (те, кто покупает оригиналы на Западе) везут теперь из США для копирования высококачественные лазерные диски, ориентируясь на хит-парады в серьезных журналах. Лидеры видеопроката в СССР (1991-й — начало 1992 года): «Терминатор-2», «Привидение», «Слепая ярость», «Голый пистолет», «Голый пистолет 2½», «Игрушечные солдатики», «Спать с врагом».

Вскоре отечественные фильмы покинут и свое последнее прибежище — телеэкран. Телевидение по бартеру получило немалое количество американских лент и, будучи бюджетным, не собирается платить за демонстрацию новых советских.

Думаете, в результате всех этих процессов — полный крах? Разорение студий? Как и весь мир, мы станем колонией Голливуда? Ни в коем случае!

Мы присутствуем при величайшем историко-культурном эксперименте — борьбе русской экономической идеи и практики с рыночной экономикой. Если востор-

жествуют универсальные схемы мирового хозяйственного порядка, то в ближайшее время мы увидим гигантское сокращение фильмопроизводства, выход из бизнеса большинства из пятисот ныне действующих в государствах рублевой зоны кинофирм, безработицу среди художников, создание многоотраслевых концернов, вынужденное выделение огромных средств на рекламу. Тогда, видимо, и начнутся катастрофические трудности для отечественного кино.

Если все останется по-прежнему, будем свидетелями увлекательной иллюзии здравых поступков. Российская зазеркальная экономика в этом случае не допустит главного — естественной зависимости от зрителя!

Осталось ждать недолго. Я лично не теряю веры в перспективы нашей гениальной экономической — она же культурная — системы. В ее транзисторическую способность противостоять западному пониманию целесообразности. Хотя, надо сказать, в кино сие будет не просто. Его высокий статус и коммерческая притягательность для теневой экономики иссякают. Не продолжать же финансировать национальное кино лишь из патриотических соображений?

Каждую неделю в Москве происходит нечто историческое, попадающее на первые полосы газет и в экстренные выпуски теленовостей. СНГ, его лидеры, а заодно и искусство оказываются в центре внимания. Фильмы — желанные гости международных фестивалей.

Говорят, голода не будет, если мы станем не пугать друг друга, а работать. В кино кипит очень интенсивная работа. Все заняты делом. Но итоги печальны. Искусство в России опять о чем-то важном предупреждает. Вот только о чем?

ПОСТУПАЮЩИМ В ВУЗЫ И ШКОЛЬНИКАМ

КООПЕРАТИВ «УЧИТЕЛЬ» предлагает методические пособия для подготовки к экзаменам по следующим предметам: три пособия по

МАТЕМАТИКЕ (способы решения задач) — 9-й кл., 11-й кл., поступающим в вузы. Семь пособий (общих для 11-го кл. и поступающих в вузы).

ФИЗИКА: пособие № 1 (ответы на билеты), пособие № 2 (способы решения задач).

ХИМИЯ: пособие № 1 (ответы на билеты), пособие № 2 (способы решения задач).

БИОЛОГИЯ (ответы на билеты).

АНГЛИЙСКИЙ ЯЗЫК (темы с переводом).

НЕМЕЦКИЙ ЯЗЫК (темы с переводом).

РУССКИЙ ЯЗЫК 9-й кл. (ответы на билеты).

СОЧИНЕНИЕ — три пособия для поступающих в вузы. № 1 (в основном сочинения по программным произведениям). № 2 (больше сочинений по современной литературе: «Дети Арбата», «Плаха», «Белые одежды», «Жизнь и судьба» и др.). № 3 (сочинения: о новинках литературы, о молодежи, об экологии, антисталинская, нравственная и др. темы в современной литературе).

ПЯТЬ ПОСОБИЙ ДЛЯ ШКОЛЬНИКОВ: два общих для 9—11-х кл., 9—11 (№ 1) — сочинения по ряду ведущих программных произведений; 9—11 (№ 2) — сочинения на свободную тему и по произведениям, включенным в новую программу для 11-х кл. «Проединок», «Доктор Живаго», «Мастер и Маргарита» и др. Три отдельных для 9, 10 и 11-х кл. (с сочинениями по основным произведениям, изучаемым в каждом из этих кл.). В любом из 8 пособий 13—16 сочинений. Темы нигде не повторяются.

Цена одного пособия по любому предмету 100 руб. Оплата при получении на почте. Заказы присылайте по адресу: 400067, Волгоград, и/о 57, а/я 19/2. **КООПЕРАТИВ «УЧИТЕЛЬ».**

ИСТОРИИ МОМЕНТЫ

96

Субъективный объект

Ему семьдесят пять... Он молод, красив и элегантен. Разговаривая с ним, ощущаешь класс. Он — Мастер...

Впрочем, конечно же, не делаю открытия, утверждая: фоторепортер (именно так он и оценивает свой труд, свое творчество) Самарий Михайлович Гурарий — эпоха в отечественной фотожурналистике. Его снимки — наш общий семейный альбом. В нем — рождение и смерть, трагедии и фарс. Лихие слезники и отчаянные будни. Слезы и смех сквозь те же слезы...

А проще — наша с вами боль и счастье.

— Нет, я никогда не был «придворным» фоторепортером... Но так получилось, что оказывался на «острие» отечественных, мировых событий. Военный парад в ноябре сорок первого, Ялтинская конференция, Парад Победы, Берлинская конференция, мирная конференция в Париже...

— «Оказывался»?!

— Скажем так... В тридцатые, сороковые годы нас, кого допустили до съемок такого рода, было не так уж много. Бальтерманц, Зельма, Микоша, Скурихин, Мусинов, я...

— Особо доверенные?

— Вероятно. Во всяком случае, проверенные. Ну, а доверие... Не так уж плохо, когда тебе доверяют. А для журналиста умение вызвать чувство доверия весьма важно. Не обмануть, не предать его даже в малом не только человеческий, но и профессиональный долг... Ты фиксируешь не просто черты лица, фигуру, взмах руки, а движения души, характера. Это очень интимное, личное дело...

На снимках Гурария — Сталин, Черчилль, Рузвельт, Хрущев, Брежнев... Через видеоискатель он ловил улыбку Гагарина, вглядывался в лица Германа Титова и Константина Симонова, Качалова и Шолохова... Он снимал ком-

мунистов Ельцина и Горбачева — и Президентом Ельцина и Горбачева...

Но моменты истории в его работах — сама жизнь.

Можно порушить памятники, сжечь фотографии, вырвать из книг страницы, в конце концов переписать их. Жизнь не перепишешь наново.

— А как начинали, Самарий Михайлович?

— Был старшим пионервожатым в знаменитой московской школе № 25. По нынешним меркам — элитная спецшкола. Там учились Света Аллилуева и Василий Сталин, дети членов правительства и тогдашнего Политбюро... Потом работал учеником ретушера, ретушером в «Известиях» и... понемногу снимал. У меня была старенькая «Лейка».

— Первая публикация?..

— Где-то в году тридцать четвертом, тридцать пятом...

— В дневниках Константина Симонова есть и страницы о вас...

— Мы были в заблокированном Севастополе, Одессе, вместе выбирались из Крыма. Нас вывозил полковник Судец. Да, он самый, будущий маршал. Летели на его «Дугласе»... С Костей, помню, был Яша Халип — фотограф «Красной звезды»...

— Как держались, вели себя перед камерой «отцы народов»?

— Сталин не позировал. Очень серьезно относился к снимкам. Сам просматривал все, отмечал, какие в печать. Сначала — в «Правду», «Известия», в другие газеты — по линии ТАСС... Выделял «Комсомолку»!.. Хрущев был очень контактен, любил сниматься... Брежнев — «красовался», для него фотосъемка была в чем-то сценическим действием...

На недавней персональной выставке работ Самария Михайловича Гурария все они есть: и человек с усами и трубкой, и другой — похожий на хитроватого крестья-

нина, и густобровый жизнелюб, любитель почестей.

Но не они определяют творческую палитру мастера. Вот бежит навстречу нам, раскинув руки, простоволосая женщина: «Победа! Вернулись родные!»; лица немецких военнопленных — растерянные и... радостные: они выжили; печи Майданека...

— Симонов, Кригер и я были там первыми советскими журналистами. Знаете, что меня поразило: немецкая педантичность в этом кошмаре. Отдельные склады для человеческих волос, зубов, одежды, обуви, украшений... Все аккуратно упаковано, пронумеровано.

Истории моменты...

— Война для вас — стержневая тема?

— Нет, не тема... Это кусок моей жизни — самый болевой, самый яркий! Я — газетчик, газетный репортер. Значит, внутри времени: не над, не около... А что может быть для моего понимания более значимым, пережитым?!

— А сегодняшние дни?

— Я и сейчас в работе. Фотокорреспондент «Труда»...

— Камера по-прежнему «смотрит в мир»?

— В мир людских отношений... И не столько фотокамера, сколько глаза, сердце. Они бы не подвели...

ВАЛЕРИЙ ГУРИНОВИЧ

ЗОЯ ФЕДОРОВА И ТАМАРА МАКАРОВА.

МИХАИЛ ШОЛОХОВ.

ВАСИЛИЙ КАЧАЛОВ.

Первые пленные под Москвой. Декабрь 1941 года.

В освобожденном Донбассе.

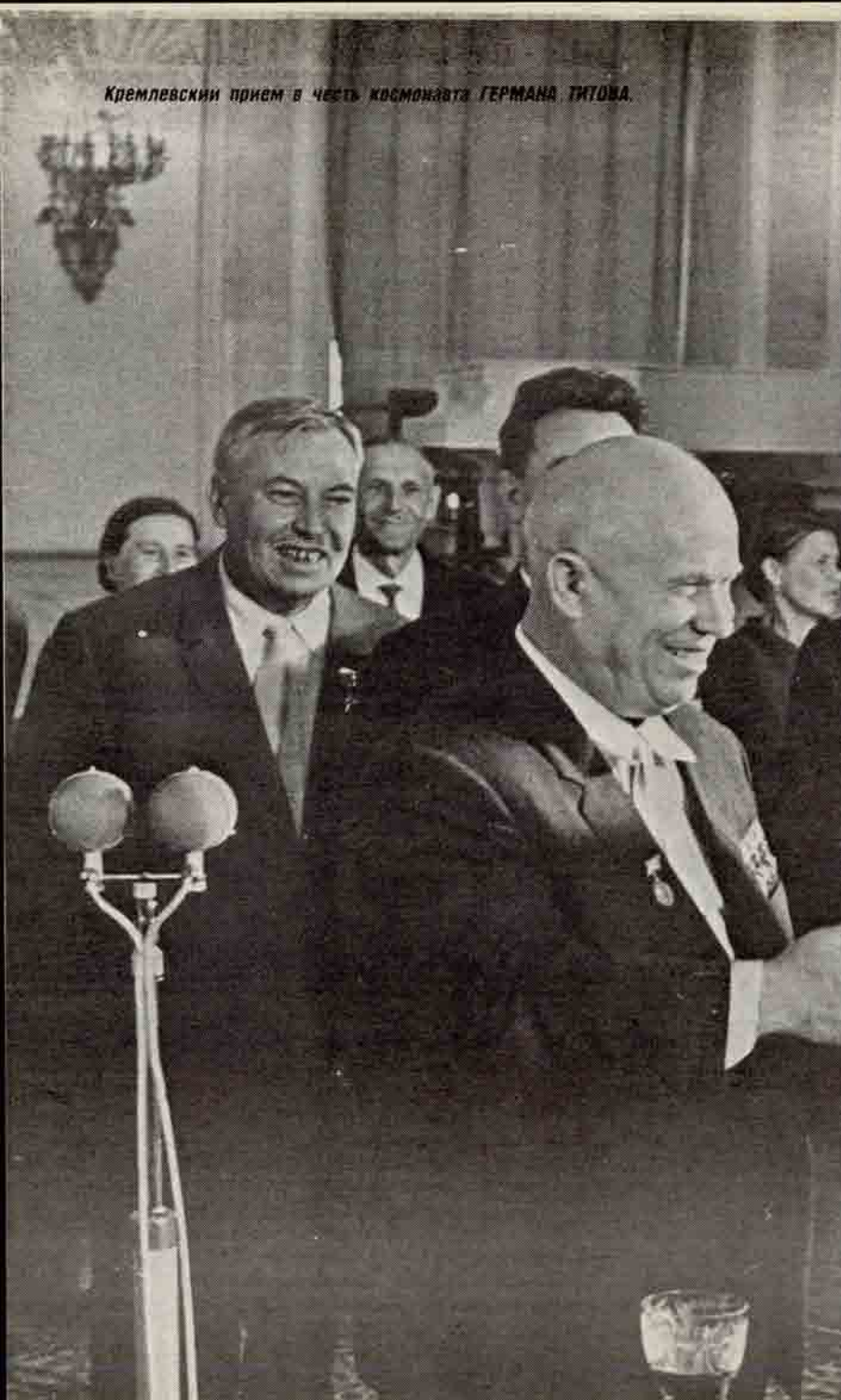

На парад физкультурников. Июль 1945 года.

Кремлевский прием в честь космонавта ГЕРМАНА ТИТОВА.

МОСК 16

ЖДУТ ВЫСОКОГО ГОСТЯ...

*...Лязгнули за спиной
двухметровые двери,
и санитар Игорь
пошел вперед —
открывать вторые,
ведущие в отделение.
Сегодня мое последнее
дежурство здесь.
В 9-м психиатрическом
отделении
военно-морского госпиталя,
а проще — «шизе».*

**С
К
Д
С**

ТАТЬЯНА ТУБУАЛИНА

114

По пути в сестринскую окидываю взглядом койки штрафников и буйных — они расположены вдоль стен коридора. Вижу новенького. Привязанный («зафиксированный») по рукам и ногам к кровати, он тихонько посалапывает в ами-назинном сне.

Игорь рассказывает, что парень этот в общей сложности 14 лет отсидел, потом его в стройбат отправили. Там он всем надоел — перевели к нам. А он в первый же день снял вентиль от крана и побежал открывать им замки на дверях.

— И додумался же, гад! — восторженно поднимает брови санитар.

А удивительного-то ничего нет. У нас все двери в отделении открываются одним ключом, если, конечно, замок не на контрольном обороте. Так что отмычку можно

сделать из чего угодно. Из ложки, например, из тюбика зубной пасты. Поэтому в отделении все ложки считаны, а все тюбики зубной пасты или кремов — у дежурной сестры в процедурном кабинете. Но я больше чем уверена, что материал для изготовления отмычки имеется у многих пациентов, так же как и лезвия, и даже наркотики.

Пациент Бистрюк:

— Да, Господи, Таня, если бы я хотел, я бы сбежал из этого отделения когда угодно, просто мне это и на фиг не надо. Мне бы статью получить, и я свободен...

— Ты же на гражданке работал шофером. Со статьей ты не сможешь работать по специальности.

— А я на государство не работал никогда. Только числился. Себя я и со статьей прокормлю. Лишь бы пораньше комиссовать-ся...

(Выписка из истории болезни: «Окончательное решение ВВК: Би-

ОРБНОЕ ЖУРСТВО

Заметки из «шизы»

стрик И. О. Страдает психопатией с возбудимыми реакциями. Статья «7 Б».)

Вот так. А на вид — совершенно здоров. И ни разу я не видела его «возбудимых реакций». Наоборот, по меркам психиатрии, или, проще говоря, «шизы», — хороший парень. Всегда во всем поможет. Слова грубого не услышишь. И тем не менее «король отделения». Негласный, конечно.

Я переодеваюсь в сестринской. Последний взгляд в зеркало: волосы собраны и заправлены под колпак, под белым халатом рубашка и штаны, что выдаются операционным сестрам и санитаркам. На лице практически нет косметики. Все. Начались последние сутки работы в «шизе».

Иду на камбуз. Двое «подштанников» нудят, приставая к дежурной медсестре:

— Ну, можно включить телевизор? Ну, мо-о-жно?..

(«Подштанники», потому что форма одежды наших «клиентов» — солдатское нижнее белье — рубашка-распашонка с огромной печатью где-нибудь на видном месте: «ПСХ», а проще говоря, псих...)

Электробритву выдает тоже дежурная медсестра. Пользуются одной бритвой, и у всех кожное раздражение. Только у «королей» лица гладкие — имеют свои «мойки». И ведь не найдешь, куда прячут.

Захожу на камбуз, принимаю дежурство. Поскольку сестра-буфетчица в отпуске, а персонала катастрофически не хватает, подменяю ее.

За завтраком ушел камбузный наряд — четыре пациента и санитар. На столах — тарелки с хлебом и маслом, в кружки налита заварка, разложен сахар. Кипяток в ти-

тане. Я разолью его по кружкам, когда принесут завтрак с госпитального камбуза. А пока считаю ложки. Еще неделю назад их было 61. Теперь — 60. Одна пропала.

Пропажа ложки — это ЧП. Мы пересчитываем их после каждого приема пищи. Ложка пропала в мое дежурство, после обеда. Я перетрясла шкафы, камбузники осмотрели закоулки столовой — нет ложки...

Моментально доложила о происшествии начальнику отделения. Больных построили в коридоре. В отделении начался обыск.

— А что такого? — спрашиваю я. — Ну, ложка. Чем она опасна?

Начальник отделения:

— У нас здесь лежат такие умельцы! Они из ложки пистолет могут сделать!..

— С ума сойти! — хохочет Димка Духин. — Вернусь в часть, буду рассказывать, как в «шизе» ложку искали — никто не поверит! (Он не вернется в часть. Его комиссуют по той же «7 Б».) Как попал в наше отделение Духин? Его корабль стоял в Камране. Кто-то из офицеров застал Духина, кстати, почти дембеля, раскуривающим «косячок». Вывод был сделан однозначный: наркоман, 9-е отделение. И клеймо статьи на всю оставшуюся жизнь. А диагноз в истории болезни подкрепили те же офицеры духинского корабля:

«Матрос Д. Духин не раз говорил такие слова, как: «у меня уже крыша поехала», «я на этой жаре с ума сойду...». Плюс ко всему еще и характеристика не из лучших. Словом, понятно: надоел Духин офицерам своими выходками, и перевели его к нам. Довольно распространенный вариант, я об этом говорила.

...А ложку тогда так и не нашли. Хотя я и не сомневалась, что не найдут. В нашем отделении, несмотря на отсутствие дверей в па-

латах, несмотря на стеклянную дверь туалета для больных и постоянное ночное освещение, за каждым пациентом не усмотришь. Есть тысяча мест, где совершенно свободно можно спрятать все, что угодно...

Столы накрыты на завтрак, я зову больных в столовую. Они торопливо вламываются на камбуз, и над столами висает стрекот ложек и хруст челюстей. Чуть позже всех появляются «сульфазинчики» — те, у кого с момента укола прошли сутки. (Кому укололи сульфазин недавно — лежат в кошмарном сне, прикованные, как парализованные, к постели...)

Что такое СУЛЬФАЗИН? Это не лекарство. Это ужас и кошмар.

По телевизору идет фильм про захват Парижа фашистами. Кто-то из наших пациентов:

— Так этим французам и надо! Это они, гады, сульфазин придумали!

Мне объяснили больные:

— Когда у наркомана наступает ломка (абстиненция), у него такие же ощущения, как после укола сульфазинном.

Я видела: этот препарат делает из человека животное...

Но и сульфазин — дефицит. Его колют особо провинившимся. А в основном в порядке наказания употребляется аминазин — сонник, после которого теряют сознание. Вот и сегодня. Смотрю, сульфазинном напичканы «традиционные» больные. Один — за то, что покрыл врачей матом, трое других — по подозрению в симуляции. (Чтоб жизнь раем не казалась!..)

А симулянтов — достаточно. Такие артисты бывают, диву даешься. Лежал у нас Саша, шизофреник. Ходил, хлебушек клячил и плакал по углам. И его сломал

сульфазин. А перед выпиской сказал: «Все равно, приеду в часть — повешусь. Нет мне там жизни...» (Саша — москвич, присланный на Дальний Восток из МИСИ служить в стройбате.) Я смотрела вслед ему, уходящему в сопровождении фельдшера, и думала: что же такое творится в воинской части, где служил Саша, если он терпел сульфазин и разыгрывал из себя идиота, чтобы только подольше побыть в стороне от «родимого» стройбата.

Самое частое и, прямо скажем, глупое и безнадежное — симуляция немоты. Обычно от нее лечат так: привязывают парня за шею и туловище к кровати, надевают на голову противогаз с эфиром в банке. А перед этим говорят: мол, когда начнешь задыхаться, скажи, что хватит. Действительно, немой не в силах сказать, теряет сознание, и его откачивают, а здоровый сдается.

Из опыта «королей отделения»: — Зачем что-то симулировать? Это всегда подозрительно. Да и спалиться можно. Убедительнее вести себя спокойно и с достоинством, сразу станет ясно — псих...
...Из рассказов в нашем отделении:

«Принимали мы присягу в ливень. Форму нам выдавали вечером после работы и строевых. А наутро присяга. Мы даже помыться не имели возможности. У всех все не по размеру: галстуки рваные, автоматов, разумеется, нет — стройбату не положено... Мы мокрые, грязные. Наконец офицерам надоело. Не окончив церемонию, распустили нас. Вместо праздничного обеда — каша, чай. А возле кружки — одно печенье и конфета. Вот и вся присяга...»

«Был у нас узбечонок. Маленький такой. Любил у «духов» волосы на руках поджигать, когда те ночью спали. Один раз я не вы-

держал, чуть не убил его. Тот наутро земляков-дембелей собрал... Видишь, половину своих зубов я там на полу оставил и вместо двух ноздрей у меня теперь одна только дышит, да и та свистит...»

«...А усы вафельным полотенцем брили. Привязывают к стулу за руки, за ноги, и давай новым твердым полотенцем тереть. Быстро-быстро. Пока усы вместе с кожей не сотрутся».

За одним из столиков возня: «Где мое масло?!» Зазевался парень — масло исчезло. Приношу ему новый кусочек. Мы всегда немного оставляем на такой случай. У соседей по столу равнодушные глаза — никто не хочет вмешиваться. Дембеля за соседним столом участливы, как ангелы. Цокают языком, качают головами, мол, бедный парень, не повезло. А ведь украденное масло — их рук дело. Кормят плохо, порции маленькие, а пацаны молодые, есть хочется всегда. Вот и воруют друг у друга, кто сильнее, тот и прав, у того и порция больше. Сколько раз было: здоровенный парень, с усами плачет, — его чай кто-то выпил. Нальешь ему снова, и засветится от счастья...

Завтрак окончен. Все разбредаются по палатам. На кухне остается мыть посуду камбузный наряд. Четверо моют. Один Посохов облокотился на подоконник и тоскиво смотрит на улицу. Несколько дней назад его комиссовали, но из части не спешат за Посоховым.

В отделении, в своей палате он лежать не может. Его там постоянно мучают дембеля и их шестерки. (Посохов — олигофрен, да еще и толстый, а это мишень для нападок...) Вот и сидит он постоянно на виду у врачей или санитарок.

— Домой хочу. Дома меня мама ждет. Меня дома никто не мучает. Скорее бы меня забрали! Как вы думаете, сегодня за мной приедут? — Больше он ни о чем разговаривать не может.

Камбуз вымыт, выгоняю наряд из столовой. Те с неохотой подчиняются. Одному Посохову делаю исключение — запираю его в столовой. Риска нет — буфетная закрыта, кладовая — тоже.

Оказывается, меня давно поджидает Шавурадов — шизофреник.

— Дай конфетку...

Достаю карамельку. Он задумчиво кладет ее в рот и говорит:

— Надоели мне конфеты. Я бы торта покушал...

В туалете, как всегда, толчея. Табачная вонь распространяется по отделению со скоростью света. Сейчас парни докурят и выберут кого-то «крайнего» мыть туалет...

Поначалу я пыталась сама все мыть. Но санитары и местные «дембеля» объяснили мне, что драить отделение самой вовсе не обязательно, так как в истории болезни почти у всех наших пациентов значится: «лечение трудотерапией». И вот в свои последние дежурства я обращаюсь за помощью к «дембелям». Двоих санитаров, которые действительно хорошо работали, перевели обратно в часть за самоволки, а те, что остались, боятся своих же пациентов...

Страх...

Этому противодействовать крайне сложно. Если один раз тебя подчинили — как ни бунтуй, будешь подчиняться всегда. Сколько раз я была свидетелем того, как минуту назад нагло хамивший мне пациент под одним только ледяным взглядом того же Бистрюка готов не только вымыть туалет, но и вытереть его насухо своим полотенцем, если этого пожелает суровый «дембель».

Иду по коридору. Из палаты вылетает больной Усачев и, загораживая дорогу, начинает молоть какую-то чушь про погоду, природу и прочее. Я не слушаю Усачева. Мне все понятно — в палате очередные разборки. Отталкиваю болтуна и влетаю в палату. Миг — и все на своих местах. Лица равнодушные, кто-то насвистывает. Суваев, отвернувшись, размазывает по лицу кровь.

— Что случилось? — Глупейший мой вопрос воспринимается участливо. Все с сожалением качают головами.

— Упал. Неосторожно шел и упал...

Из разговора в отделении:

— Мишин, ты почему ударил (такого-то)?

— Да разве же это я? Вы на мой кулак посмотрите. Если бы я его ударил, у него бы башка тупая раскололась. Не ударял я его.

— Но я же видела?!

— Не-е-ет. Я его только подтолкнул. Отойди, мол. Я ж не виноват, что его ноги не держат. В него плюнь, он и упадет. Да вы его сами спросите, кто его бил...

Снова полный предбанник народу. Идет прием больных! Из поселка Шкотова привезли. (Шкотово у нас в отделении котируется как «страна дураков»: не бывает, чтобы лишь одного привезли, обязательно несколько. И диагнозы одинаковые: наркомания, полинаркомания, токсикомания...)

Вообще наше отделение не чисто психиатрическое. Это нарколого-психиатрия: восемьдесят процентов — наркоманы. Одни попали к нам, чтобы, сойдя за таковых, комиссоваться, другие — закрыть статьей «7 Б» судебное дело, третьи — просто отдохнуть.

Из рассказов в отделении:

— Как я попал сюда? Да не

думайте, что я там какой-нибудь «нарк» конченный! Просто служить надоело. Сел перед казармой, забил косяк, дождался первого приближающегося офицера и стал курить. Глаза закатыл, слюни выпустил, шатаюсь. Ну, дурак дураком. Меня на носилки и сюда...

Ничто не проходит бесследно. И стрессы, которые мы испытываем в повседневной жизни, изматывают нашу нервную систему. Не раз замечала, что, выходя из отделения после суточного дежурства, начинаю, говоря по-шизовски, гнать: совершать какие-то глупые поступки, заговариваться. А некоторые из работников «девятки», имеющие внушительный стаж, вообще психически нездоровы. А уволить их невозможно — кто же работать будет?

Прием больных в полном разгаре. Новенькие пришивают к одежде бирки с фамилией. Потом в трех экземплярах пишется вещевая квитанция.

— Что вы говорите, сопровождающий? Большой вены резал? Ну-ка покажи... Ой, ну, кто же так режет? У меня кошка сильнее царапается. Захочешь еще раз вены порезать — ко мне подходи. Обработаю в лучшем виде. Марш в перодевалку!..

— Так, а что это у тебя в коробке спичечном?

— Кайф.

— Чтоб больше не путал махорку с кайфом, сделайте ему две точки сульфазина...

Ну вот, надо готовиться к обеду. Еще проблема: осталось пять булок серого хлеба и пять — белого. Что делать? На каждый стол режется три четверти булки хлеба. И я прекрасно знаю: как только все усядутся за столы — начнется битва за белый хлеб. Ну, да ничего

не поделаешь. И на каждый стол ставится тарелка, на которой лежат два вида хлеба.

Беру четырех помощников из «серии выздоравливающих», а на самом деле — «духов из духов» и иду на камбуз. На дорожку моим помощникам, как всегда, насовали в карманы денег, чтобы, проходя мимо госпитального магазина, они купили что-нибудь вкусненькое. А я-то раньше все думала, откуда у «дембелей» печенье, конфеты да повидло?..

На камбузе, как всегда, народу — не продохнуть. Но наше отделение имеет привилегию обслуживания вне очереди. И мы проходим вперед. Почему-то в таблице госпитального камбуза зафиксировано на 3—4 больших больше, чем есть на самом деле. Мы никогда не уточняем истинную цифру, так как, кроме больных, в отделении иногда питаются и медсестры, не имеющие времени сбегать в столовую.

— Опять мало компоту наложили, — сетует Гриша-олигофрен...

Из разговоров на камбузе:

— Ой, Танюша, как вы в «шизе» работаете? Там ведь страшно. Психи все-таки. Да?

Гриша пучит глаза, встает на цыпочки, поднимает руки и воет:

— Да-а-а, мы все там пси-и-хи!

Собираемся обратно в отделение. Вдруг замечаю: Москва пропал! (В нашем отделении всех москвичей называют — Москва. Не знаю, почему, но не любят москвичей в армии...) Где же Москва, Дима? Боже мой, это же ЧП — пропал психически больной из военного госпиталя! Выбегаю из камбуза, и от сердца отлегал: сидит наш Москва на скамеечке и покуривает самокруточку. Ну я что могу ему сказать? Москва получает подзатыльник от одного из товарищей по камбузному наряду, и мы возвращаемся. А я все

еще не могу успокоиться... У нас один больной уже сбежал по дороге на камбуз. Это было не в мое дежурство. Пошла санитарка с нарядом на кабуз, заговорила там с другими санитарками. Вышла — одного камбузника нет. И самое удивительное — парень в больничном наряде сумел до центра города доехать. И никто его не остановил. Куда бы его занесло, если бы не военный патруль?

Обед окончен, и дежурная медсестра выгоняет больных на «психодром» — дворик для прогулки. Он за отделением, огорожен бетонной стеной. Но то ли по иронии судьбы, то ли по недосмотру обслуживающего персонала, дворик этот расположен у подножия небольшого пригорка. И, хоть от заветной свободы отделяют два с лишним метра, «проведывателей» всегда предостаточно. Земляки или кореша из госпитальных больных, а то и из родной части собираются на пригорке и сверху разговаривают с нашими пациентами. И кидают им сверху все, что запрещено иметь больному 9-го отделения, — начиная с лезвий и спичек и заканчивая наркотиками...

Разумеется, больные всегда под присмотром санитаров или медсестры. Но за всеми не усмотришь. В принципе сбежать из этого дворика тоже нетрудно, держась за стену забора и ставя ступни в выбоины в каменной стене отделения, примыкающей к забору. Кстати, наши санитары бегали в самоволки именно таким способом...

Сегодня жарко. Половина парней снимала с себя рубашки и закатала кальсоны «а-ля шорты-бриджи». Узбек Тахаров постоянно поплевывает на ладони и протирает ими бритую голову: «Чтобы мозги от жары на засохли...»

Пока все гуляют, в отделении уборка. Палаты моют одни и те же, без каких-либо графиков де-

журств. Да и не заставить того же «фазана» Журавлева мыть пол. Я уж не говорю о туалете. Правда, не всегда срок службы имеет большое значение. Бистрюк, например, прослужил чуть меньше полугода, а имеет права «дембеля». И в части жил он неплохо — был коптерщиком. Все зависит от характера... Если трезво оценивать себя, то после наблюдения в нашем отделении я поняла, что, будь я парнем и служи в СА, например, в стройбате (в стройбанде по-шизовски), я была бы духом из духов.

Честное слово...

Истошный крик дежурной медсестры. Спешу в процедурную и вижу картину: на кушетке забился в угол Шавур, а медсестра, все еще держась за сердце, стонет:

— Долежался Шавур, с ума сошел...

Перевели Шавура к нам из травматологии с болевым шоком. Перевести-то перевели, а как оправился от шока — забрать его обратно не торопятся. И вот, когда медсестра заполняла журнал, он вломился в процедурную с воплем:

— Мне надо побороть страх!

Прыгнул на кушетку и замер. В течение последующих двух часов Шавур через каждые двадцать минут, по собственному желанию, мыл туалет. После чего залезал в раковину для мытья ног, включал кран и лял от удовольствия.

Пришлось вколоть ему снотворное, чтобы успокоился.

Перед ужином отвязали от кровати новенького, что двери вентиляем открывал, и еще одного из вновь прибывших, пытавшегося вырваться на улицу. Они поковыляли «сульфазинной» походкой на камбуз — голод не тетка.

А вообще интересно получается:

привозят иной раз из части больного связанного, да еще два автоматчика в сопровождении, а у нас в отделении мы его развязываем и остаемся один на один с «котом в мешке». А обслуживающий персонал в основном женский. Спрашивала у многих медсестер и санитарок: «Бывает страшно?» И почти все отвечали, что страшно бывает лишь поначалу, а потом привыкаешь ко всему.

Мне тоже казалось, что привыкла. Но помню свой страх, когда один наш больной вскрыл себе вены. Он симулировал помешательство и, догадываясь, что ему не верят, решил доказать.

Кровь хлестала, как нефть из скважины. А я подумала: «Господи, спасибо, что он решил доказать свое сумасшествие, резанув себя, а не кого-то другого. Меня, например...»

Отбой.

Я тоже иду спать — мое ночное дежурство с трех ночи до семи утра. У нас в сестринской есть деревянный щит и два стула. Мы кладем на них щит, а сверху матрац — вот и ложе. Засыпаю моментально. Странно, ничего тяжелого за день не делала: мешки не таскала, кирпичи не перекладывала, а устала ужасно. Сначала не понимала, почему. Потом догадалась: устаешь оттого, что всегда начеку — не расслабиться ни на минуту...

Три часа ночи. Меня будит медсестра, и я, ополоснув лицо и вытирашив еще сонные глаза, плетусь на пост — столик посреди коридора. Ночь в нашем отделении — не для всех время сна, поэтому надо прислушиваться к каждому шороху. Тяжелый шлепок о пол и матерное бормотание. Знаю, можно даже не проверять, — Таймазов снова упал

с кровати. Это повторяется из ночи в ночь...

Прохожу вдоль коридора и осматриваю палаты. Многие мальчишки постелили свои постели на полу — там не так жарко. Правда, по полу бегают тараканы, а иной раз и крысы, но это для наших пациентов ерунда по сравнению с жарой.

Пора резать хлеб, масло, наливать заварку в кружки и раскладывать ложки на столы. Ложек 60, нож 1, чайных ложечек 11. Больных у нас на сегодняшний день 46 человек.

Итак, завтра, то есть уже сегодня в 9.00 я сдаю дежурство и увольняюсь из отделения. Ничего нового о нем я уже не узнаю. Работу здесь никогда не забуду...

КНЯЖНА

ВИКТОР АНТОНОВ

У всех старых домов, заметил как-то датский сказочник, непременно есть тайна. За все не поручусь, но у этого — наверное...

В глубине двора-колодца по бывшей Поварской, что на старом Арбате, внизу двухэтажного «флигеля» живет вдова артиста Богдановича Екатерина Александровна, урожденная княжна Мещерская — последний прямой потомок древнего рода, чей девиз от века «Вера, долг и честь».

Хранительница фамильной памяти, она много лет собирает исторические свидетельства, подробности жизни предков и пишет, пишет свои заметки о родителях и прародителях. Ведь Мещерские — герои Аустерлица и Бородина — связаны родством с Карамзиными (а значит, с Вяземскими), с Гончаровыми (а значит, с Пушкиными).

Батюшка генерал Александр Васильевич был приятелем Лермонтову (и письма поэта хранил до конца своих дней), дружил с К. Брюлловым (один из портретов князя кисти Брюллова — в киевском музее Русского искусства; а бюст в бронзе работы Паоло Трубецкого — в Третьяковке). И, кстати, еще в бытность губернским предводителем дворянства близок был кружку «Москвитянина» а его двоюродные братья — литераторы и издатели... (Не тут ли истоки литературной склонности его дочери? Как знать?)

Так вот, собирался публиковать эти ее записки еще Александр Твардовский в «Новом мире» — не успел. Собираются вроде бы и нынешние издатели. Да не больно торопятся и тоже рискуют

123

Судьбы

опоздать, сверить корректуру — Екатерине Александровне уже 87 лет! Хорошо хоть есть несколько зарубежных изданий, и кое-что можно сличить по ним. Что ж, нам не впервой узнавать собственную историю в переводе с французского, английского, немецкого...

По стенам обеих комнаток развешаны портреты и фотографии, на столике — небольшая мраморная фигурка — опекуншинский Карамзин. В простенке укомно притулился Лермонтов, потемневший точно старинная икона. Как в музее. Нет, что ни говори, а хорошо, что и дворяне смогли наконец выйти из подполья на свет Божий. И не для того, чтоб заявить о своих правах (уж какие там права?), а чтоб с нас-то спали шоры.

Разговор с княжной Мещерской (в октябре 1991 года, в канун очередной годовщины Октября) показался мне примечательным. Не все ж цитировать «великих кормчих» да воспевать кавалерийский наскок красных мстителей, выкосивший половину нации и вытоптавший всю элитную поросль. Послушать бы и тех, кто чудом, пройдя сквозь потраву, выжил...

«Княжна, которая жила при царе и не захотела убежать». (Так озаглавлена одна из книг на столе.)

— Екатерина Александровна, верно ли, что вас в детстве держал на руках сам государь император?

124 — Нет, это вымысел. Видеть я его, конечно, видела вблизи: навещал он нас и в Запасном дворце (это у Красных ворот), где размещался наш институт... Кстати, одежда там наша была цветов российского флага. И гордились-то мы в ту пору знатностью происхождения (это не поощрялось), а тем, что в наших стенах учились обе девицы Скрябины. Но это так, к слову... Да, так вот родной брат государя Великий князь Михаил Александрович, тот был крестным отцом моего брата Вячеслава и частенько приезжал к нам. И был он самым дорогим гостем в нашем доме. Человек, конечно, необыкновенный, рыцарь. Ведь, знаете, он ради любви к женщине пожертвовал троном?.. И впервые видели тогда нашего Николая Второго, который топал ногами и кричал: «Если ты думаешь венчаться, то никогда не увидишь трона!» А тот сказал: «Мне любимая женщина дороже трона». «Я лишь сана, — не унимался царь, — того священника, что посмеет вас обвенчать!» Но Михаил Александрович подхватил свою избранницу, уехал с ней за границу и уже там венчался в русской церкви...

А должен бы Михаил Александрович стать регентом при наследнике, то есть, по сути, править, поскольку царевич был неизлечимо болен... У меня есть снимок, я вам покажу, царевич сидит в бурке, в папахе на своем вороном коне. Чудесный мальчик. Он не хотел завязывать глаза, когда парикмахер Юровский пришел их расстреливать...

(И в этот момент отец, верно, испытал гордость за своего собственного сына. В последний раз. А проклятие его и поныне тяготеет над нами, сколько бы мы ни утешали себя, что сыновья за отцов не отвечают...) Чтобы как-то прервать тягостную паузу,

я повернулся к большому портрету мужчины с усами Дон-Кихота, в кружевном воротнике а-ля Ришелье.

— А это кто же?

— Это отец в молодости, на Мадере. Оказался он на острове по ранению и там попал в объятия своего друга Карла Брюллова. И у него возникла такая фантазия — написать папу в костюме испанского гранда. Кстати, благодаря этому вот костюму портрет и остался у нас. Случайно, когда вошли военные комиссары с очередной реквизицией, то сразу сказали: «О, да это циркач Дуров — оставьте».

— Вы их не разуверяли, конечно?

— Нет, мы были очень рады. И да здравствует невежество. Но другой брюлловский портрет (уже не пастелью, а маслом) они все же забрали, равно как и бронзовый бюст...

Сейчас Третьяковка собирается вернуть бронзовый портрет законной наследнице, а она сразу же передает его Российскому фонду культуры. Что ж, искусство должно принадлежать народу, куда вот только уплыли — еще в 20-е годы — десятки картин — высоких образцов западноевропейской живописи из Полтавской галереи князей Мещерских? Какому народу они достались? А ведь они, собираясь годами, поштучно, предназначались в итоге для передачи национальной галерее — для полноты коллекции недоставало лишь нескольких французов. Февральская революция 1917-го спутала планы. Но тогда, при Керенском, еще можно было хоть попросить вагон для перевозки полутора десятков самых ценных картин из Полтавы в Москву. Среди них Тициан и «Мадонна» Боттичелли. Да, та «Мадонна», за которую мать Кати Мещерской едва не поплатилась жизнью, в 1923-м. «Вас расстреляют, — сказал ей председатель ВЧК, — за спекуляцию национальным достоянием».

Самое грустное, что упрек был адресован той, чьи родичи из поколения в поколение именно приобретали для России это национальное достояние, а исходил упрек от людей, которые со временем будут расторгивать за бесенок все эти богатства. Здесь, на Лубянке, судьба столкнула представителей двух польских дворянских фамилий: графини Подборской, в замужестве княгини Мещерской, и чекиста Феликса Дзержинского. Оба по своему пеклись о будущем России, но каждый иначе понимал свой долг перед ней.

— Я к коммерции не имею отношения, — возразила Е. П. Мещерская, — и вообще не понимаю...

— Все вы поняли. Вы продали Боттичелли за границу, это так?

В свое время германский посол Мирбах действительно дважды приезжал к княгине (тут сведения агентуры точны) и уговаривал: «Одна «Мадонна», вырезанная из рамы, и — опечатанный почтовый вагон через три часа доставит вас в Берлин. А там — полтора миллиона на счету в банке». Но Екатерина Прокофьевна оба раза отказала вежливо, но твердо: «Нет, граф, Боттичелли принадлежит России. И я отсюда никуда не уеду, что бы ни случилось». Уже тогда, в 1917-м, она выбрала свой жребий

и определила свою дальнейшую судьбу и судьбу своей дочери. И на недоуменный вопрос последней: «Мама, за что они нас так ненавидят?» — мать отвечала: «Аристократия заслужила это своим отношением к простому народу. И мы должны работать, чтобы доказать, что и мы можем приносить родине пользу». Вот так и не иначе. И если бы довелось писать романтическую биографию графини Подборской, трудно было бы удержаться, чтобы не сказать о «гордой красавице польке» в стиле прошлогодних штампов: «Октябрьскую революцию княгиня Мещерская приняла поистине как искупление за грехи своего класса».

— Что ж, раз картина цела, вас отпустят. Но это не последняя наша встреча, так и знайте. Привыкайте, коли решили остаться с нами. И в случае чего обращайтесь ко мне непосредственно.

И приходилось. Несколько раз Дзержинский освобождал из-под ареста мать и дочь Мещерских. А уж после его смерти аресты пошли своим чередом (и последний из них, по очередному доносу, был уже после маминой кончины и после смерти Сталина и разоблачения его культа).

— Вот так и жила все эти годы: то садилась в тюрьму, то выходила, а в промежутках что-то писала. Хотя я вовсе не писатель — что ни напишу, не нравится, язык суконный, но ведь должны же люди знать и эту историю. Все же из первых уст. Но после одного из моих очерков в «Литературной России» — это о том, как мы с мамой зашивали и прятали Боттичелли, потому что было восстание анархистов, они врывались в дома, протыкали штыками картины и все такое, — так вот за эту публикацию я получила из Франции «чашку журналиста», которой очень дорожу (учрежденный газетой «Юманите» приз демократического журналиста. — В. А.). Да, признание — такая вещь... Кем я только не была: и музыку у детей вела, и переводами занималась, и даже дворником работала. Получаю персональную пенсию. Вроде как признали. Но пораньше бы. Нет, не о возвращении титула речь — помилуйте, какой титул? Не слышать бы за спиной это шипение: «недорезанная», «недострелянная»... Но смешно предъявлять какие-либо претензии — это же поступь истории. К этому все шло. Просто и меня задело краем — НКВД, после МГБ долго терзали (особенно в страшное десятилетие с 1927 по 1937-й), чтобы я подписала какие-то бумаги и работала на них. «Ах, у нас грязные руки, — говорили они, — вы боитесь замараться? Презираете?» А я им: «Почему? Вовсе я вас и не презираю. Вот вы кто? Вы партиец, из деревни, у вас синий околыш. И все сразу видят, кто вы есть. Это важно. А из меня что вы хотите сделать? Что-то совсем не то, что я на самом деле. Вот старушка, ей не хватает пенсий свести концы с концами, она многого не понимает, что у нас творится. Что, и она — враг народа?» Ну, меня опять сажают.

— Екатерина Александровна, а почему же вы не уехали?

— Я была маленькой, когда мама распорядилась моей судьбой. А после — не могла же я оставить маму здесь одну? Мы вместе испили из той чаши сполна. Нам грозило выселение из Москвы — за наше происхождение. Мы долго скрывались по

вокзалам, а там бывали облавы, мы куда-то прятались, нас запросто могли бы пристрелить.

(Чудно, право, когда у рафинированной аристократки среди плавной и правильной старомосковской речи вдруг вынырнет ненароком, плеснет мокрым хвостом тюремное жаргонное словечко...)

— И тогда мама наконец пришла к ним и сказала: «Что же мне делать? Умирать? Я ж должна заработать на кусок хлеба себе и дочери». Они ей сказали: «Чернорабочей хочешь?.. Тогда поезжай в Рублево кухаркой»...

(Можно себе представить, как сладко им это выговаривалось, какую «высшую социальную справедливость» они ощущали при этом!)

— Так что, считаю, жизнь прекрасна, — говорит Мещерская без видимой связи с предыдущим, — и самое прекрасное — люди.

— После всего, что было?!

— Представьте, даже уголовники... Ведь Ленин же сделал совершенно замечательную вещь: он, единственный в мире, посадил уголовников вместе с политическими. Конечно же, с надеждой, что уголовники будут нас там уничтожать. А они к нам относились хорошо. Ко мне, к матери — очень хорошо...

(И как же тут не вспомнить иных нынешних ее соседей по дому, которые могут вылить что-нибудь на голову из окна и, зная ее любовь к животным, время от времени сбрасывают кошек с верхнего этажа, чтобы те мучались и умирали прямо под ее окнами. Нет, большевики знали, что делали, просто в том конкретном случае им не повезло с выбором соседей по камере...)

— Но говорить о репрессиях и доносах, право, больше не хочется. Поэтому и о расстрелах родственников я не стану писать. Ведь каждое слово — оно же материально и лишь добавляет каплю ко всеобщему злу. И весь мир опутан точно тяжелыми цепями. Хватит уже, я считаю, не надо этого...

— А кстати, чьи это аппликации у вас в той комнате на стене? Явно не фабричные, авторские работы. Особенно та, с кораллом и рыбаками.

— А, это все мои поделки. Когда сержусь — вышиваю. Вот, обратите внимание, чудный шкаф, кватроченто, вывезенный из Венеции, с занавесочками. Но представьте, всю парчу порвали. Мама за голову: «Боже, что же теперь делать? У нас же нет денег даже на ситец...» Я говорю: «Мама, дайте мне ваши старые перчатки». Они коричневой кожи и зеленой замши. И вот я выстирала мешок из-под углей, разрешила, скроила и начала: желтый туда, зеленый сюда... В ход пошли все макинтоши, все чулки, все пуговицы. Затем замазала коричневой краской — и вот... А когда зашла Обухова, то сразу же, первым делом: «Боже, какая старинная парча!» Я ей: «Что вы, Надежда Андреевна, какая парча? Вы только никому не рассказывайте...» «Наоборот, я буду всем говорить и хвастать!» Но все это — так. Я ж нигде не училась вышивать.

...Мне кажется, так же «шиты» и ее стихи. Без излишней академичности, они поистине выстраданы и написаны в такт биению сердца. Вслушаемся же в них...

СФИНКС

Я на конце пути, у полосы заката.
 Бледнея, тает вереница дней,
 Мне надо позабыть, что я жила когда-то
 Среди семьи... В кругу своих друзей.
 Все сожжено дотла... и этот серый пепел
 Не горючит ступни моих усталых ног.
 Молюсь, чтоб час последний был бы светел,
 Чтоб позабыть тоску исхоженных дорог.

И вдруг!.. Внезапный смерч! В руках чужих
случайно

Я нахожу тебя, души кровавый след,
 Кусок родной земли, на нем извечной тайны
 Твой, незабвенный сфинкс! Твой темный
силуэт!!!

И мигом все смело: и кротость примиренья,
 И мудрые слова евангельских молитв,
 Я вся во власти вас, воскресшие виденья,
 Смотрю, не наглажусь, дыханье затаив.
 О лев таинственный, с лицом прекрасной
девы,

С когтями хищными, с венцом на голове;
 Ты сочетаешь странные напевы
 В своем загадочном, двуликом естестве.
 К тебе я девочкой зимою приходила;
 В снегах дремали лестницы дворца,
 И странным, в снежном покрывале, было
 Мне выраженье твоего лица.
 Тебя всегда немножечко боялась,
 Но часто, подойдя, счищая снег,
 Волос твоих холодных я касалась
 И длинных, широко раскрытых век...

Но были ночи летние, хмельные,
 Все окна во дворце освещены;
 Мазурки, вальсы, танцы огневые,
 Врезались в дрему сладкой тишины.
 Ракета праздника не раз взвивалась;
 И помню, как пылающим огнем,
 Она румянцем власти разгоралась
 На гордо-царственном лице твоём.
 Игра огней тебя преобразует.
 Медь вековая точно ожила,
 Дрожь по спине волною пробегает,
 И лапа злобно когти собрала...
 Но свет погас... Недвижен в изваянии,
 Безжизненный, бесчувственный металл,

*И снова символ вечного молчания
Передо мною чудищем лежал.*

.....

*Забывать ли день, когда толпа, ругаясь,
Взломала двери белого дворца,
Ворвавшись в комнаты, дралась и, спотыкаясь,
Несла домой добычу... а с крыльца
Ты, на бесчинство буйное взирая,
Смотрел пустой глазицей... не мигая...*

.....

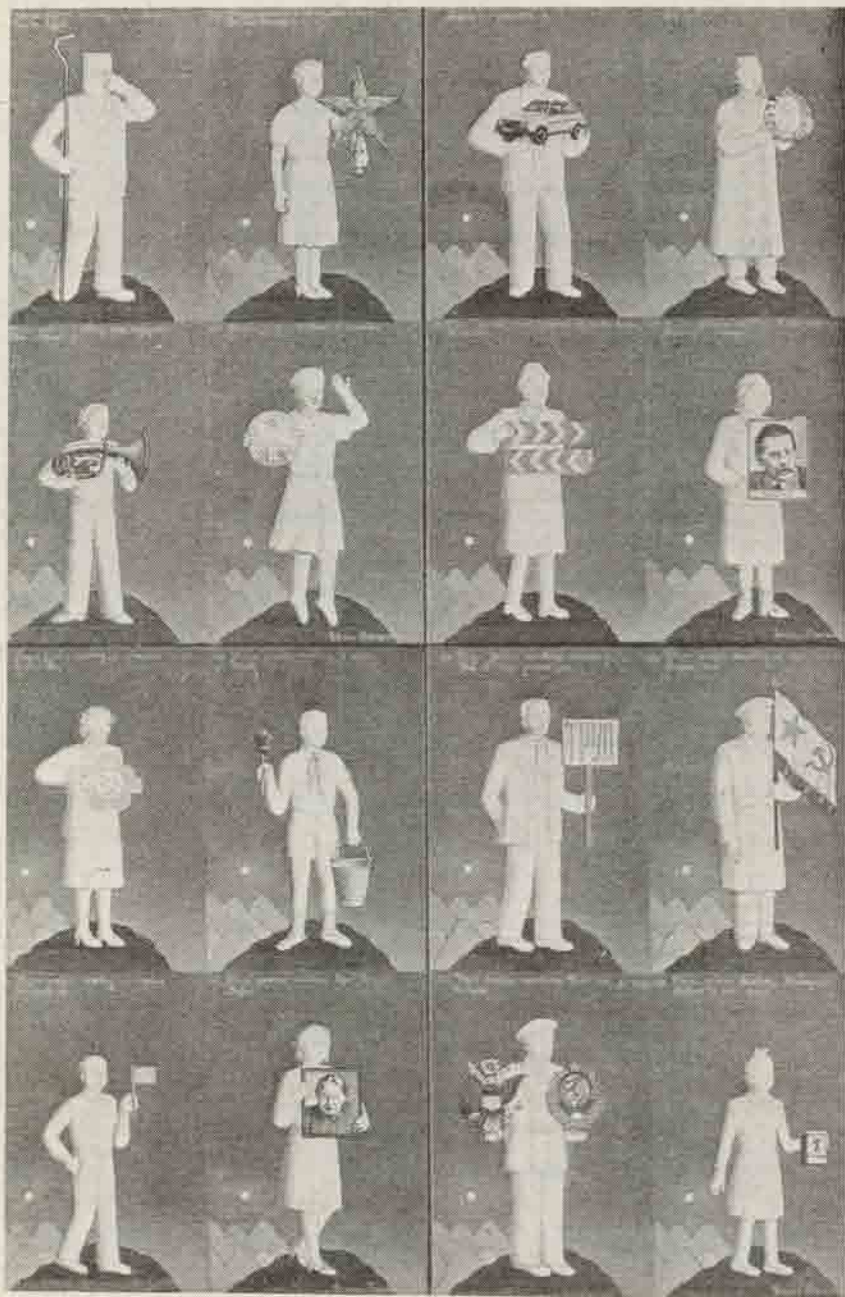
*Еще был день... По каменным ступеням
С любимым вместе я к тебе пришла,
Мы встали рядом, и слились две тени
С твоею третьей... Нависала мгла
Вечерняя... а ты смотрел печально,
Исполнен был пророчества твой взор;
И вместо счастья траур погребальный
Мне подвенечный заменил убор.
Давным-давно в бесславном поединке
Дух побежден. Проиграна борьба.
Зачем же вновь на глянце фотоснимка
Ты воскресает, как моя судьба?..
Как ты, таинственна, она ни с кем не схожа,
Таит загадок сомкнутых кольцо...
О милый Сфинкс! Как на тебя похоже
Ее холодное и строгое лицо.*

129

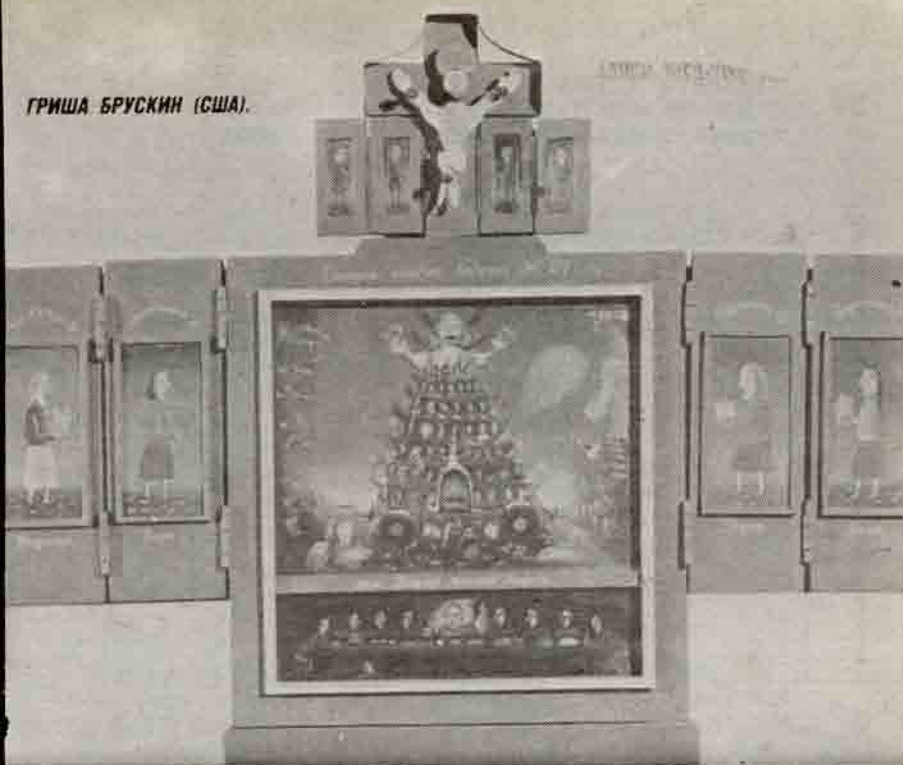
ЛИСИЧКИ

*Лисички выросли на том же самом месте,
Ушедших лет печальные следы!
Семейками оранжевыми вместе
Они растут, не ведая беды.
Несется мимо страшное столетье,
Скелетами усеяв все пути,
И как могла среди казней уцелеть я,
Чтоб старой женщиной сюда опять прийти?!
В расправах тайных канули без вести
Миллионы жизней... Сметено навек
Понятье о душе, добре и чести,
Всем правит Сталин — страшный человек,
А предо мной, как символ Благовестья,
Лисички... что растут на том же месте.*

ЛЕНЯ ПУРЫГИН (США).

ГРИША БРУСКИН (США).

ЭТЮД
В
ПРОЩАЛЬНЫХ
ТОНАХ

— За последние год-два возникло ощущение, что у нас в стране скоро не останется ни одного мало-мальски интересного художника. Вначале на Запад уплывали произведения изобразительного искусства, а затем, вслед за ними, и сами художники. Вас, как критика, не пугает сложившееся положение вещей?

— Действительно, обозначилась странная, несколько непривычная для нас ситуация. Сильные, яркие личности, вызвав большой интерес и благожелательное к себе отношение Запада, стали уезжать за рубеж. Почему? Видимо, надо сказать о главном.

Что увидел мир, когда «железный занавес» рухнул? Оригинальную художественную традицию наших художников.

Зародилась она еще в пору хрущевской оттепели. Правда, некоторые критики часто отмечают, что интерес к нашему искусству неотрывен от огромного интереса к нашей стране, подхлестнутого политическими процессами. Может быть, в некоторой степени это и так. Но чем же притягивает наших художников Запад?

Скорее всего тем, что там давно уже сформировалась так называемая «система искусства». Не только рынок, но и музей, журнал, университетская кафедра. Огромная, хорошо отлаженная структура. Она заинтересована в сенсациях, в новых феноменах. То есть критики хотят писать, открывать новые таланты, теоретики — обсуждать их, рынок — продавать и покупать, телевидение, rozumeeтся, делать репортажи. Подобная имманентная заинтересованность в открытиях, разоблачениях, сен-

сациях благоприятно сказывается на создании определенного феномена вокруг советского искусства.

И вот результат. Наши художники, ставшие явлением на мировой художественной сцене, там, на Западе, и существуют. И если они вначале только на время уезжали, то к настоящему моменту некоторые из них живут на два дома. И там, и здесь. Это в лучшем случае.

Чаще же — только там. В какой-то степени — понятно. Художник отправляется за границу на свой первый вернисаж, дает первые интервью, подписывает первые договоры с какими-то западными институтами, музеями, галереями, триумфально возвращается домой, радуется успехом своих друзей, родных... И больше никого.

Круг художников, творчество которых в течение долгого времени определялось как неофициальное, авангардное, альтернативное искусство — явно репрессированное, лишенное полноценных форм существования в нашей культуре, — так и остался до конца не признанным и не понятым общественностью.

И первые же намеки на демократизацию и либерализацию общества были использованы для выезда в места, интерес к которым естествен для любого интеллигентного открытого человека — носителя живой культуры. Как же долго дверь в мировую культуру была для нас закрыта!

И если год назад я оценивал отток художников из страны не то чтобы катастрофически, нет, но, признаюсь, пребывал в растерян-

ности от происходящего, то сейчас могу констатировать — ситуация амортизировалась. Я, как человек профессионально обязанный выполнять роль посредника между художниками и общественностью, уже начинаю приравниваться к ситуации, существовать в новом режиме.

В конце концов мы слишком долго жили в вынужденной провинциальности. От внимания художников ускользал огромный опыт современной цивилизации, развивавшейся на протяжении многих десятилетий. Он был нам неизвестен, недоступен. А ведь этот опыт касается и самого искусства, и формы его существования, да и чисто технических возможностей современного искусства, которые при наших утлых возможностях оставались загадкой.

Так что можно сделать вывод, что художников толкает на выезд интерес к мировой культуре и, если хотите, любопытство.

— Как же так? Мы лишаемся одного из важных направлений в искусстве — изобразительного. С чем же мы остаемся?

— В конце концов даже если художник не ставил перед собой задачу переехать в другую страну, он приходит к убеждению, что удобней и выгодней находиться там, где все вокруг него и происходит. Художник ведь не покупает у самого себя работы, не организует сам себе выставки. Он работает и существует там, где система искусства предлагает интересные проекты. В нашей стране ему никто ничего не предлагает.

Все знают, что мастера в России постоянно сталкиваются с проблемами — от отсутствия питания до отсутствия красок, технических средств. А главное — сталкиваются с абсолютным равнодушием к собственной персоне. Творческий человек хочет посвятить свое

время творчеству, а не стоянию в очередях... На Западе он находит, худо-бедно, какие-то приемлемые формы существования. Только не надо считать, что наши художники в других странах купаются в золоте. Замечу, западные живописцы отнюдь не миллионеры. Даже известные. Они в основном живут по законам среднего класса, имеют средний достаток. А уж художник, приезжающий из России, чужестранец, пока он создаст себе репутацию! Необходимо время, вложение средств, определенная известность. А это складывается ох как непросто, да и не сразу. И все же они создают себе условия, позволяющие там жить, работать и не иметь всех тех проблем, унижительных, отвлекающих и мешающих работать, с которыми мы сталкиваемся.

— По роду своей деятельности Союз художников обязан был всячески поддерживать то новое и талантливое, что появлялось в культурной жизни. Но время показало, что это было далеко не так... И теперь, когда жизнь так круто изменилась и пошатнула цели Союзу, возникло ощущение, что художники вообще стали никому не нужны.

— Как художественный критик беру на себя смелость утверждать, что они отторгаются самой культурой. В какой-то степени это закономерно и логично. Представьте неизвестных, существовавших, в общем, на правах отщепенцев, художников так называемого диджитала, то есть «работающих» на дипломатов, на небольшой круг иностранных визитеров. Вот они вышли из подвалов. И оказались в окружении публики, которая равнодушно приняла их живопись. А чтобы привлечь зрителю любовь к искусству, необходима большая и серьезная работа. В отличие от целого ряда западноевро-

пейских стран в России даже интеллигентная публика достаточно равнодушна к изобразительному искусству, так как Россия в первую очередь — страна литературы. В любом западноевропейском доме, даже не очень рафинированном, вы непременно встретите произведения искусства, ну, если не масляную живопись, не скульптуру, то хотя бы литографию. У нас же в домах — либо ковры, либо японские календари, на худой конец пустые стены. Это во многом и предопределило то, что именно изобразительное искусство оказалось в таком чудовищном загоне. Печальная реальность.

Наше общество, которое сейчас с такой страстью, с такой неожиданной активностью оказалось способным обсуждать политические, социальные проблемы, — культурные проблемы не обсуждает.

— Почему?

— Наверное, не видит того, что происходит в культурной жизни страны. Иначе чем еще можно объяснить то странное явление, что упорно не замечается повальный отъезд художников?

— Но ведь эмиграцию актеров, музыкантов, писателей мы замечаем?

— У них очень широкая аудитория. У изобразительного же искусства, которое только-только вышло на свет Божий, не сформировалось ни публики, ни зрителей, ни поклонников...

— Дело, видимо, не только в общественности. К тому же наступили суровые времена, как говорится, быть бы живу... Но ведь музеи, выставочные залы еще никто не упразднил. У них-то есть возможность поддержать мастеров.

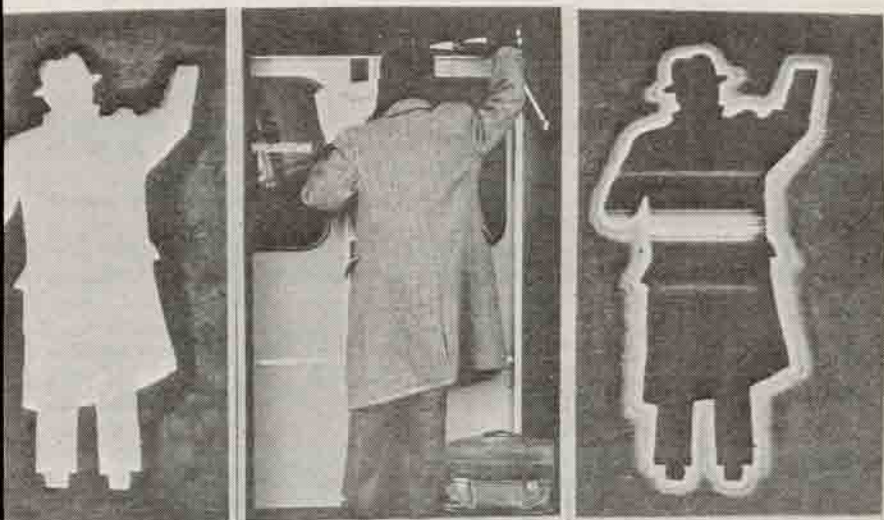
— К сожалению, у нас сейчас нет музеев, которые могли бы ре-

ально закупать произведения. Коммерческие галереи только зарождаются. А наш частный сектор еще не может обеспечить достойное существование большому кругу художников. И, наконец, у нас нет экспертов, критиков, готовых вести работу на интернациональном уровне, интерпретаторов-теоретиков, способных посредничать между изобразительным искусством и мировой системой искусства. Сейчас уже невозможно мыслить регионально. А у нас мало критиков, которые могли бы членораздельно объяснить живопись нашему зрителю

— Складывается впечатление, что Запад скупает все на корню. Художники, как известно, бывают разные — и талантливые, и не очень... А работы некоторых просто вызывают недоумение... Тем не менее и они не обойдены вниманием...

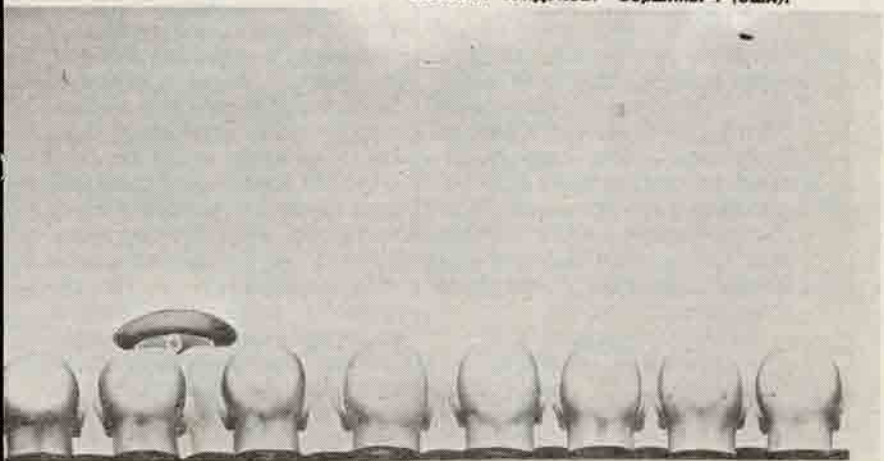
— Действительно, существует проблема скупки. Думаю, вопрос сводится к следующему. Сейчас все говорят о рынке. А его законы таковы, что покупают богатейшие. Сейчас богаче Запад. В ближайшем будущем он и будет покупать. А это значит, что у художника появятся деньги на краски, холсты. Машина крутится. И не надо огорчаться, что Запад покупает больше. Культура едина. И если произведения Ильи Кабакова куплены западным музеем — прекрасно. Главное — куплены, и картины — в музее. Люди их видят, работы в обороте, они включены в каталоги.

Меня не смущает, что работы наших художников находятся за границей. Но огорчает, что, например, в Пушкинском музее коллекция западного искусства прерывается на Пикассо. Поясню свою мысль. На аукционе за валюту покупаются письма Тургенева к Полине Виардо. Неужели обязатель-

ВЛАДИМИР ЯНКИЛЕВСКИЙ (США, ФРГ).

АЛЕКСЕЙ СУНДУКОВ. «Вершины». (США).

но везти их в Россию? Для меня остается загадкой, зачем приобретать, опять-таки за валюту, портрет Пушкина какого-то неизвестного русского художника, обнаруженного, к примеру, за океаном. Какой в этом смысл? Кого бы смutilo, что письма Тургенева к Виллардо останутся во Франции? Ведь большую часть жизни он, между прочим, там и прожил. Кстати, существование русских художников за границей — старая традиция, которая была искусственно прервана. Не лучше ли валютные средства истратить на произведение западного искусства, чтобы в наших собраниях находились шедевры мировой культуры и наши люди могли бы видеть их не только в репродукциях?

Мы говорили о проблеме качества. Нужно учитывать следующее: рынок многослоен. Как, собственно, и люди. Одни покупают «Подсолнухи» Ван Гога за миллионы долларов, а другие за сотни долларов матрешек на Арбате. Поэтому не нужно удивляться тому, что недоброкачественные работы тоже пользуются спросом.

Кстати, должен сказать, если наши художники стремятся уехать на Запад, то западные живописцы приезжают к нам. За последнее время в Москве состоялся целый ряд выставок. Джильберт и Дшордш, Раушенберг, Кунеллис, Розенквис и другие. Крупные современные мастера. И что важно — выставки финансировались Западом. Не исключаю, что и за аренду выставочных залов заплачено ими. Мэтрам интересно выставиться в Москве.

— Что же их привлекает?

— Попробую объяснить. Во-первых, Россия — это Россия! Огромная страна, огромная культурная традиция, занимающая важное место в сознании западного интеллигента. Во-вторых, Рос-

сия пребывает в состоянии катаклизма и захватывающих преобразований, и это вызывает огромный интерес. А в-третьих, российская тема стала на какой-то период модной. Конечно, есть и другие причины. В частности, у нас легко устроить выставку — только заплата. А выставка в Москве — это эффектно! То есть существуют и сентиментальные причины, и эгоистические, и искреннее любопытство, и любопытство интеллектуальное.

— Радует, что хоть в чем-то вызываем интерес к себе. Во всем мире при университетах с помощью крупных государственных дотаций создаются новые художественные журналы. Имеются в виду не рекламные, богато иллюстрированные или коммерческие журналы, а творческие, лабораторные. А у нас в стране проводится какая-нибудь работа по научному осмыслению современного искусства?

— Увы, никакой серьезной работы в этой области не ведется. Никаких попыток интернационализации нашей научной мысли, приглашения крупных специалистов. Путешествуя по миру, я договорился с крупнейшими теоретиками современного искусства в Америке, Франции, Италии: они готовы были безвозмездно передать авторские права на издание своих книг в России. И каков итог этой акции? Во всем мире предложения авторитетнейших авторов приняты бы как дар. Интереснейшие книги! Но у нас не нашлось ни одного специализированного государственного издательства, которое согласилось бы печатать их труды.

В издательство «Искусство» мне посоветовали даже не обращаться, в «Советском художнике» сначала мочили голову, а потом отказали.

— Складывается довольно

мрачная картина. Но ведь не может все замереть, жизнь не стоит на месте...

— В данный момент в культурной жизни происходит полный разгром, как, впрочем, и во всем нашем государстве. Московская художественная школа опустошена, но, как ни странно, не умерла. Точно так же, как троллейбусы у нас еще ходят, метро работает, худо-бедно, с боем в очередях, но хлеб пока покупаем, так и жизнь художественная еще теплится. Даже с какой-то неожиданной пульсацией. Как маленький огонек на ветру: все время вибрирует, но не гаснет. Появилось много молодых художников. Новое поколение в этом маленьком, сжавшемся до пяточка мире, в котором протекают свои, драматические процессы, начинает жить по своим законам. Потому что старая московская школа, имеющая традиции альтернативного искусства, в какой-то мере пересматривает свое прошлое. А новое поколение художников не формировалось в условиях подполья. У них отсутствует, к счастью, психология репрессированных и выключенных из общественной жизни творческих людей. Наоборот — они свободны, раскованны. И, видимо, именно сейчас закладывается основа совсем другой культуры. Обильная информация из-за границы в огромном количестве беспрепятственно доходит до них. Постоянно поддерживаются контакты с западными коллегами. Художники свободно разъезжают по всему миру.

Конечно же, нынешняя ситуация пока ущербна. Музеи еще не выполняют своих функций. Нельзя сказать, чтобы они вели активную закупочную работу. Да и наши выставочные залы не работают полноценно. Хотя могу привести пример, когда музеи все-таки пре-

доставляют свои залы новому искусству. Прошлым летом в усадьбе-музее XVIII века «Кусково» прошла такая выставка. Она ставила перед собой задачу зафиксировать ситуацию, сложившуюся в художественной жизни Москвы. Эта экспозиция наглядно показала, что перед нашей культурой открылись новые перспективы. Место выставки — Кусково — было выбрано не случайно. Ведь Кусково обладает удивительной самоценной красотой, выразительностью. Программное название выставки — «Эстетические опыты». Кончилась эпоха подполья, ушло время отождествления художественного с этическим, политическим, социальным. Экспозиция приглашала зрителей — давайте пойдем в парк, на лоно природы и займемся чисто эстетическими опытами. Не случайно целый ряд работ был выставлен не только во дворце, павильонах, но и в парке, оранжерее, гrotтах.

Художественная форма, в которой были сделаны работы, называется инсталляцией. То есть художники не просто создают произведения-объекты: картину, скульптуру, рисунок, которые можно перенести из квартиры в музей или на выставку. Инсталляция предполагает: произведение создается в данном конкретном месте, в конкретное время и на конкретную тему. Традиционная живопись, графика, скульптура как бы оживают в обжитое пространство. Кстати, Илья Кабаков, крупнейший наш живописец, в последние годы работает именно с инсталляцией, и в нашей недавней беседе он утверждал, что мы вступаем в эпоху, в которой ведущей художественной формой станет этот вид искусства. Замечу, сейчас молодые наши художники увлечены инсталляцией.

Выставка в Кускове стала собы-

тием. И вот вывод: когда возникает интересный проект, возможность свободно работать — художники с радостью откликаются. И многие готовы вернуться из-за границы, идти на материальные потери просто ради того, чтобы участвовать в интересной работе, да еще и дома.

— *Каковы, по вашему мнению, перспективы развития нашей художественной культуры?*

— Задача художников — работать. И выжить. А наша состоит, конечно же, в том, чтобы создавать новую инфраструктуру. Создавать новые журналы. Оживлять старые. Нет, лучше все-таки новые, с новыми молодыми авторами, с иностранными авторами, которые готовы с удовольствием сотрудничать с нами. И вот тогда-то жизнь оживится. Критики, художники включатся в общую работу. Безусловно, необходимо выводить из спячки старые музеи, создавать новые. Уже начал свое существование Центр современного искусства.

И, конечно, огромный расчет предстоит сделать на коммерческие структуры. Что я имею в виду? Если нет альтернативы рынку, нужно побыстрее создавать галереи. Но прежде необходимо понять, что такое галерея. Это не магазин, но и не выставочный зал. В выставочном зале работы не продаются, а в галерее можно купить понравившееся. Хотя, повторяю, галерея не магазин. Там висят вполне определенные вещи, соответствующие вкусам и позиции как художников, так и хозяина. Это как бы посредническая «контора», где постоянно устраиваются выставки — и не случайные, а целенаправленные, с определенным выбором художников. Это тот же культурный центр. К примеру, все выставки, проводимые «Первой галереей»,

результат определенной линии, определенной работы.

Наряду с «Первой галереей» интересную программу в этом году провела галерея «Риджина», которая является собственностью Владимира Овчаренко. В ее деятельности принимают участие и художники, и критики. Люда Бредихина, Олег Кулик выполняют роль директоров и экспертов галереи. Они провели серию самых, пожалуй, интересных выставок за последнее время. Создана также галерея художественной фотографии, возглавляет ее Ирина Пиганова. Но она, насколько мне известно, не занимается коммерческой деятельностью, а предпочитает организовывать культурную программу.

А вот галерея Марата Гельманова обладает редкой «чистотой». Марат одновременно и бизнесмен, и организатор культурной программы... Кстати, издателя для своей книжной серии я также нашел — это, разумеется, не государственное, а совсем новое издательство «Круг». С ними же я планирую издание нового современного художественного журнала, он так и будет называться — «Художественный журнал». Как видите, в той или иной форме какие-то структуры все же создаются.

— *Искусству во все времена покровительствовали меценаты. Сегодня у нас появились спонсоры. Разницу, кажется, заметили сразу. Если роль первых в истории хорошо известна — они оставили достаточно много музеев, коллекций, частных собраний, то роль вторых несколько спорна. Наши быстро разбогатевшие дельцы не столько поддерживают художников, сколько заинтересованы в выгодном вложении капитала.*

— Думаю, такая оценка спонсорству в искусстве в скором вре-

мени начнет во многом преодоле-
ваться. В рыночной ситуации
искусство в первую очередь товар.
Вложение денег. Но не только.
Искусство еще и то, что принято
называть «статус-символ». То есть
для богатых становится престижно
приобретать картины. У нас есть
перспектива развития художе-
ственного рынка и внедрения про-
изведений изобразительного
искусства в частный быт. Конечно
же, возникнут коллекционеры, со-
биратели, корпорации и банки, ко-
торые будут вкладывать деньги
в искусство. А стало быть, появят-
ся частные музеи, культурные цен-
тры, которые окажутся на содер-
жании крупных банков. Трагедии
в этом нет. Все развивается есте-
ственным путем.

С этой точки зрения крайне важ-
но, чтобы всем альтернативным
и частным инициативам в области
культуры государством предостав-
лялся режим наибольшего благо-
приятствования, более того, необ-
ходимо, чтобы, как это делается
во многих странах, система нало-
гообложения стимулировала ча-
стные вложения в культуру.

При этом, должен признаться,
меня настораживает тот несколько
преувеличенный энтузиазм и не-
воздержанные надежды, которые
у нас возлагают на меценатство
частного предпринимательства.
Пример США, где фактически все
музеи существуют на спонсорские
пожертвования, у нас в стране не
применим. Во-первых, мы не такая
богатая страна, во-вторых, наш
класс предпринимателей далеко
не так цивилизован и, в-третьих,
в России укоренилась совершенно
иная традиция государственного
инвестирования в культуру.
В этом смысле мы совершенно не
оригинальны: Франция, Испа-
ния — вот примеры стран, где го-
сударство оказывает огромную ор-
ганизационную и финансовую по-

мощь культуре. И это также впол-
не оправданно: существует много
направлений и сфер культурного
производства, которые крайне
важны и необходимы, но которые
никогда не привлекут внимания
частного спонсора. В идеале, на-
верное, у нас должно сложиться
плодотворное сотрудничество
между частными и государствен-
ными культурными программами.
Ныне же, именно потому, что си-
туация столь сложна и драматич-
на, государство, наше новое госу-
дарство, просто не имеет права
оставлять культуру на произвол
судьбы.

Фото ЛЬВА МЕЛИХОВА

Ты не дай обиде разгореться,
 Пусть она горяча и остра,
 Никому в округе не согреться
 У такого зябкого костра.
 Вспомни — возле насыпи высокой,
 Выросший на гибельном краю
 Разве обижается подсолнух
 На судьбу короткую свою?
 Вспомни, когда скинувши рубашки
 Косари выходят на луга,
 Разве обижаются ромашки,
 Гвоздиками вбитые в стога?
 Ты ведь не любил ходить по кругу,
 Будто бы привязан у столба,
 Вот и поднесла тебе разлуку
 Родина,

а значит — и судьба.
 Просто ли скитаться в одиночку,
 Зная, что слетаясь, как в рои,
 Жизнь свою не прячут в оболочку
 Сверстники веселье твои?
 Зная, что нещедрую кукушку
 В недалеком выслушав лесу,
 Снова о больничную подушку
 Мама твоя вытерла слезу...
 Но когда от гибельных морозов
 Цепенеет в ужасе простор,
 Разве обижается береза,
 Падая в спасающий костер?..

ЭТО ЕЩЕ НЕ РОССИЯ

— Как он зовется,— спросил я,—
 Душу обугливший свет?
 — Это еще не Россия,—
 Тихий услышал ответ.
 — Лапти и косоворотки,
 Ласковые имена,
 В шубах собольих красоти?..
 — Это еще не она.
 — «Гениев» лживые басни,
 Кукольный бред баррикад,
 Перевороты и казни?
 — Ты ошибаешься, брат...
 — Может быть, вера — вот эта,
 Рвущая наши уста?
 ...Так и не дал мне ответа

Ждущий Христа у креста.
Пьяный без водки и браги
Шел я без песен и зла.
Всюду — цветастые флаги,
Всюду — России хвала.
В толпах кричали мессии,
И кольхалась молва.
«Это еще не Россия» —
Припоминал я слова.
Кто ж он, Россия, твой витязь,
В сети сплетающий нить?
Кто, чтобы возненавидеть,
Всем тебя дал полюбить?..

БЕЛЫЙ ХРАМ

(памяти Игоря Талькова)

...Уж так устроен белый свет —
И это снова повторится, —
Когда рождается поэт,
То перед ним или вослед
В ночи рождается убийца.

Лишь небеса над головой
У них всегда одни и те же,
И в этой связке роковой
До срока — дым пороховой,
Как синий шарик на манеже...

Поэт не верит в этот срок,
Как зной не верит в день метельный.
Над перекрестками дорог
Крыла его летучих строк
Оберегает крест нательный.

Но без конца болит душа!
И вместо песенок «во славу»,
Столпы сановные круша,
Стекает боль с карандаша —
За оскорбленную державу!

Ему шептать бы о любви,
Ему б сюжеты интересней!
Но на слезах и на крови,
Держа иконы, алтари,
Как белый Храм, восходит песня.
Восходит песня там, где мгла,
Где ищут лживого «мессию»...
Ее сияют купола,
И бьют ее колокола:

«Спаси и сохрани Россию!»

*Кому опасен ты, поэт?
Кому от слов твоих не спится?
Смокает зал, и гаснет свет,
В лучах отчетлив силуэт... —
И поднимается убийца...*

*...Но храм из музыки и слов
Стоит весь в белом на опушке!
Неотомщенные — с крестов
Глядят Рубцов и Гумилев,
Есенин, Лермонтов и Пушкин.*

...И вновь рождается поэт.

НА ЭСКАЛАТОРЕ МЕТРО

*Звякнут ходики с надписью «Слава»,
Новый день оседлает коня.
Вы простите, стоящие справа,
Пролетевшего слева меня!
О рывок раскаленного века —
То ли час, то ли год, то ли век!
Будто в глобус пугливая белка
Забралась и затеяла бег!
Будто вечно тебя подрезает
Наших дней голубая тесьма —
Не хватает минут, не хватает
Для улыбки, для ласки, письма!
Нам на это роптать не зазорно,
Каблуками качая экспресс —
Если времени станет по горло,
То останется жизни в обрез!*

≡

*Две звезды над рекой заблистали,
Озарили родное село.*

Думал —

ноги мои подустали,

Оказалось,

что душу свело.

*Падал медленным ястребом вечер,
Удивленно скрипел краснотал...*

Думал —

бросят мне руки на плечи,

Оказалось —

никто не узнал.

*...Постоял у знакомых перил,
Пробежался глазами по крышам.
— Здравствуй, Родина, — проговорил.
Даже лая в ответ не услышал...*

Вспомню, назад оглянувшись,
Вспыхнувший лед колеи:
К санкам, едва прикоснувшись,
Губы примерзли мои...

Бился в бабкины ставни,
Вымолвить слово не мог...
Что ж не усвоил я давний,
Памятный этот урок!

Женщину встретил...
Иль в спину
Ветер меня к ней толкал?
Знал ведь,
Что насмерть пристыну,
А все равно —
Целовал.

ДЕРЕК МАРЛОУ

Чья-10

Рисунки БОРИСА СОПИНА

ВОСТРА

nearly
of
ent,

AND

MARLEY

SLIM
FIT

ПРЕЛЮДИЯ

На экране перед девушкой мелькают затейливые картинки — хаос проецируемых цветных слайдов; то четкие, то наплывающие друг на друга (черно-красный треугольник, россыпь веснушек на носу); молниеносное чередование абстракций (светлая лампочка или луна... что это?), невнятица кадров, пульсирующая перед глазами: мутные, мигающие, мельтешащие, на миг вдруг застывающие вверх ногами. Но вот рамка устанавливается; она видит даже дырочки по краям и принимается считать их.

Совсем близко — она слышит шум — музыкальный аккомпанемент к видениям, но мелодия расплывается, ускользает. Вдруг — свежий воздух, и девушка видит, где она. Раздается звон стекла, она чувствует, что скользит по капоту (до чего нелепое название!), ощущает холод металла (когда я была маленькой, я могла простоять на голове пять с половиной минут!), и тут лента срывается со всех катушек и зубчиков, колесо машины крутится вхолостую... И замирает. Девушка тоже. Вернее то, что от нее остается. На мосту Золотых Ворот. В пять утра.

Машина эта на мосту, конечно, не единственная. Мимо проносятся другие, некоторые даже замедляют ход, когда водители замечают, что тело, поблескивающее осколками стекла, застрявшее между металлическими балками моста, — тело молодой девушки. Но никто не останавливается. На мосту нельзя. Те, кто знаком с правилами движения, знают, что это правонарушение.

Разве только если вы — свидетель...

146

СУББОТА

Первая.

В мебелированных комнатах в Сан-Франциско, чуть севернее бульвара Алемени и к западу от Мишн-стрит, сидит человек в голубых боксерских трусиках и скребет лицо безопасной бритвой «жиллет» (старомодная модель). Бреется он довольно тщательно, способом, привычным для него вот уже лет 35. Сомнительно, однако, что человек сознает автоматизм своих действий, мысли его поглощены другим. Его терзает припев популярной песенки, название которой все ускользает. Он отправляется в душ воскресить события вчерашнего дня: опять бары, музыка, звучавшая в машине; прокручивать события он будет до бесконечности. Для него важны мельчайшие детали: тик, незначительные жесты, мелкие привычки, на которые обычно не обращаешь внимания, — он отмечает и запоминает все. Это его работа, и она помогает ему чувствовать себя живым.

Сама комната, как и ее обитатель, ничем не примечательна. Красновато-коричневые стены, вернее, они были когда-то таки-

Дерек Марлоу (р. 1938 г.) — известный английский писатель, перу которого принадлежат романы и пьесы самых различных жанров — от романтических до детективных и так называемых «шпионских». Награжден премией Фойля, призом Писательской гильдии и премией «Эмми» за роман и сценарий «Помните ли вы Англию?». Наиболее известные романы — «Чья-то сестра», «Богатый парень из Чикаго», «Нэнси Астор», «Исчезновение» и др.

ми, потолок в тон, но чуть светлее; мебель и даже выцветший блокнот вот уже четверть века выполняют свое назначение в жизни обитателя. Хотя, выскажись кто так, жилец, пожалуй, вздрогнет. Фраза сбивает с толку, намекает на застылость его жизни. А ведь, в сущности, это не так. За последние тридцать лет выпадали успехи (пусть не очень выдающиеся, но все-таки успехи), и награды были. Спорить тут нечего.

Поинтересуйтесь его профессией, и если он в благодушном настроении, то укажет на бюро в углу комнаты и продемонстрирует папки, аккуратно расставленные по алфавиту. В каждой — краткий пересказ месяца-другого чьей-то жизни. Имя, если только оно не ваше, ничего вам не скажет; обычные, неприметные имена, они известны — и то не всегда — лишь читателям городской газеты, а иногда — полиции штата. Как правило, это нарушители супружеской верности, пропавшие или умершие. Большинство дел датируется до 1964 года. Если имеется некая особая причина пустоты последующих лет (насколько можно судить по папкам), хозяин не станет пускаться в объяснения. Так уж сложились обстоятельства, скажет он и, заперев бюро, вернется к повседневным занятиям. В 9.15 — это бритье.

Мы проглядели два интересных предмета. Две фотографии на стене. На одной — женщина. Что она красotka — по принятым стандартам, — не скажешь, да она и сама, судя по позе, не претендует на этот титул. Но с первого взгляда чувствуется: добрая, незлобивая, надежная. Такими пренебрегают, пока не становится слишком поздно. На фотографии надпись: «Уолтеру с любовью. Всегда твоя. Дороти. Рождество, 1958».

Ниже, в рамке побольше, моментальный снимок, сделанный, как подметит наблюдательный глаз, в этой самой комнате. Двое мужчин в двубортных костюмах улыбаются в камеру, гордо, даже чуть хвастливо, и держат в руках вывеску «Брэкетт и Кембл».

Тот, что бреется, — Брэкетт.

Полное имя — Уолтер (только ради Бога, не Уолли!) Брэкетт, и, насколько известно, он не доводится родственником, даже дальним, Чарльзу Брэкетту, писателю. Сейчас он вообще уже никому не приходится родственником. Брэкетт — англичанин. Родился в Сурее, еще в те времена, когда Сурей не считался зазорным для рождения местом. Уехал из Англии после второй мировой войны. Причины? Да надоело, вот и все. Поначалу планировал отправиться в Африку (в те дни карта континента была еще очень розовой, как и владельцы тамошних земель), но на полпути ни с того ни с сего передумал и сел на первый же корабль, отплывающий из Лиссабона. По прибытии в порт Брэкетт узнал, что он в Сан-Франциско. Город показался ему ничего себе, и он здесь остался.

Сейчас ему 53, и на вид меньше не дашь. Не то чтобы он впусую растранижил юные или зрелые годы, но и лицо его и темперамент приняли приход старости покорно, не цепляясь за ушедшую молодость. И не сказать, чтобы результат получился такой уж отталкивающий. Да, волосы на висках поредел, и он

погрузил, но Брэккет не тщеславен в отличие от многих своих современников, помешанных на сохранении формы. Если есть выбор — лифт или лестница, — он выбирает лифт, давным-давно утвердившись во мнении, что в любых физических упражнениях (сквоше, выжимании) есть что-то нелепое, да к тому же они съедают массу времени. В наш век, когда идеалом считается тот, кого только что ветром не сдувает, Брэккет, весивший не меньше 180 фунтов, выглядит предстательно везде: и в центральных барах города, и на крокетной лужайке соседа. Вот только лицо... Оно у него точь-в-точь осевшее суфле; однажды кто-то зло подшутил — дверцу духовки распахнули невпопад, вот таким и получилось.

9.25 утра. Сегодня суббота, день поездки к Кемблу. Но Брэккет не спешит. Приняв душ, он идет к шкафу, вытаскивает пластиковый пакет с белой рубашкой. Рыться и выбирать рубашку ни к чему — есть только одна чистая. Зато хорошая, добротная, сшитая у портного. Правда, фасон подводит, сразу видно — вещичка столетней давности. Ну и что! К двубортному костюму отлично подходит. Простой синий галстук, туфли на шнуровке — и Брэккет готов. Он застывает, скрестив руки и уставясь в зеркало. Широкий лоб над носом, обманчиво прямым — нос ему ломали дважды, но хирурги его усердно чинили, — серые глаза и рот, который в былые времена напоминал женщинам Джона Гарфилда.

Будь Брэккет честным с самим собой, он бы признался, что охота навещать Кембла у него напрочь пропала. Нет, привязанность к партнеру не остыла, но он обнаружил, что еженедельные встречи с Кемблом нагоняют на него такую тоску, которую уже не скроешь.

Когда-то (сколько уж лет прошло!) встречи их были веселыми и оживленными, они строили планы: вот Кембл уедет из лечебницы «Осенние Поляны», и снова возродится «Брэккет и Кембл». Но день отъезда все отодвигался, и Брэккет уже не сомневался, что он не наступит никогда. Яркое доказательство — их разговоры: они тихо и неотвратно нисли, оптимизм превращался в банальность. Увядали они зримо: так опадают с деревьев листья, пока вдруг неожиданно не проступает голый остов ствола и четко прочерчивается силуэт каждой веточки. Кембл оказался преждевременно ушедшим от дел человеком, убивающим время за комиксами в покорном ожидании смерти. Нравится — не нравится — от истины не уйдешь, и Брэккетта с души от нее воротило. Ему было тягостно смотреть на жалкие создания в Кувереде: их возили в креслах на колесиках — ноги прикрыты одеялом; случалось, выносили и на носилках — на лица натянуты простыни. Но ехать надо. И он поедет. Явится вовремя, сыграет свою роль (он мастак в этом: улыбка, шуточка, куча вранья) и уедет.

Из ящика стола Брэккет достал ключи, задержал взгляд на пистолете — специальный полицейский, угнездившийся среди вырезок и крепок, — даже в руки взял. Подивившись — ну

и холодящий! — торопливо, точно избавляясь от какого-то непристойного предмета, по оплошке извлеченного на свет, сунул его обратно в ящик и поспешил вниз, в кулинарию.

Кулинарию прозвали «Толстяк». Прозвали вовсе не из-за габаритов владельца — тщедушного венгра по имени Либерман, родившегося на Эллис Айленд, штат Нью-Йорк, а благодаря легенде, будто актер Роско — Толстяк Арбакль — посетил кулинарию накануне своего достославного суаре в отеле «Сан-Франсис». Как бы в подкрепление мифа портрет комедианта долго пылился над ливерной колбасой. Потом его заменили календарем с изображением красотки 40-х годов. Вообще-то этой легенде никто не верил, но она добавляла сомнительный блеск грязноватой кулинарии. Покупателей магазина можно было пересчитать на зубцах вилки. Среди них был и Брэккетт, но больше в силу необходимости, чем свободного выбора.

Как всегда в субботнее утро, на прилавке его ждал пакет. Поблагодарив венгра, Брэккетт направился к выходу.

— Передайте привет мистеру Кемблу, — напомнил Либерман.

— Я всегда передаю, мистер Либерман.

Миновав коробки, ящики и позолоченную красотку на календаре, Брэккетт вышел на улицу. Не сказать, что улица его любимая, да и сам район Ноб-Хилл не из лучших. Но ему знакомы тут и люди, и бары, и ночные шумы. И его тут знают. Но и только. Дороти как-то заметила, что он гордец, и Брэккетт согласился, прибавив, что горд тем, что гордец. Получился каламбур, но говорил он всерьез. Без этой гордости в годы одиночества, когда уже ни Кембла, ни Дороти не было рядом, ему бы не выжить. Он сломался бы. И не вино или наркотики доконали бы его. И даже не угрызения совести. А сознание того, что он больше не нужен, выпал из круга.

В машине он покрутил приемник и остановился на мелодии Кола Портера. В зеркальце обзора он не взглянул, не то заметил бы полицейскую машину, притормозившую у кулинарии. Но Брэккетт сидел, задумавшись, ему вспомнился бар между Вэлли и 29-й стрит. Раньше он частенько туда захаживал. Никаких танцоров, никакой толкотни и суетни. Тишина, полумрак. Десять против одного, что бар снесли.

Вторая.

— А я-то ждал, что в этом номере «Вестовой»! Да и должен быть «Вестовой»! А напечатали «Сержанта Рока». Зря... Совсем не то...

Брэккетт молчал, сидя рядом в плетеном кресле и замороженно наблюдал, как Кембл роется в комиксах, выуживая их из пакета и аккуратно складывая стопкой.

— «Молодая Любовь»? — удивился Кембл. — С каких это пор Питер Либерман читает «Молодую Любовь»?

— Пит в колледже. Это Сарины комиксы.

— Сары Либерман? Разве Сара уже умеет читать?

— Ей — двенадцать.

— Саре — двенадцать?

- Я тебе уже говорил.
- Двенадцать. И не знал даже... Двенадцать! Надо же!
- Дети быстро растут.
- Да уж. И уже читает. Но, Уолтер, «Молодая Любовь»!..

Сара такое читает? Да, еще годика два-три, и она станет опасной. Похоже, девочка еще та.

Откинувшись на спинку кресла, Брэкетт обзирал лужайку, лунки гольфа и Тихий Океан. Старик в коляске помахал им, но Брэкетт его не заметил.

- Как себя чувствуешь, Гарри?
- Попробую махнутья на «Комикс Детектив». Может, удасться. Как считаешь?
- Вид у тебя отличный. Правда.

Кембл взглянул на друга и смущенно отвел глаза, тиская пакет.

- Помнишь, что ты мне сказал прошлый раз?
- Что же?
- Будто теперь уже никто не называет девушек «милочка».
- Я так сказал?
- Вот я и думаю. Может, тебе пора пересмотреть свою жизнь, как-то изменить ее, переделать?

— Но у меня все в порядке.

— Ты понимаешь, о чем я?

— Мне еще только 53.

— А через десять лет... Вон хотя бы Сара. Тринадцать уже.

— Двенадцать.

— Вот так. Просыпаешься в одно прекрасное утро — и десятка лет как не бывало.

— Со мной все нормально.

Помолчав немного, Кембл снова заговорил, взволнованно, немножко виновато.

— Уолтер, клиенты еще приходят к нам?

— А как же. Я же тебе говорил...

— Когда?

— Говорил. На той неделе. Одна женщина просила разыскать ее мужа.

— Алименты? — неожиданно улыбнулся Кембл. — Ну это нам раз плюнуть. На той неделе, говоришь?

— В воскресенье.

— Вот! Я и хотел сказать — в воскресенье. Заметь, жены всегда являются в воскресенье, когда перед глазами пустой стул, брошенные детишки. Алименты всегда требуют в воскресенье. И как, нашел?

Брэкетт покачал головой, раздумывая, что же ответить. Решил — ничего. Все равно Кембл забудет.

— Что ж, Гарри, пожалуй, пора. Сам знаешь, чуть припозднись — и на шоссе не пробьешься.

— Доктор говорит, скоро я стану прежним.

— Хм, прежним! Молодым!

— Молодым! Правильно. Так ему и передам. Вот именно. Молодым!

— Так и скажи. Не промахнешься. Ты — совсем молодцом!

Брэкетт собрался уходить и взялся за шляпу, но Кембл, потянувшись, схватил его за руку.

— Уолтер!

— Да?

— Уолтер... вчера ночью мне опять снилась Дороти. — Отпустив руку Брэкетта, Кембл промямлил: — Прости.

— Ну пока, Гарри. До субботы. В то же время.

Брэкетт зашагал по лужайке к воротам, ежась под взглядами. Только не оглядываться! — твердил он себе и, конечно, не удержался. Кембл сидел, сложив руки на груди, низко склонив голову. Упавший журнальчик рассерженным насекомым шелестел страницами у его ног.

Брэкетт отвернулся, стараясь не видеть больничного корпуса, нянечек, кресел на колесиках — символы тления и угасания, и в который раз поклялся, что больше ни за что не придет сюда.

— Уолтер Брэкетт?

Он оглянулся, глаза слепило солнце.

— Да, я.

— Вы нам нужны для опознания.

— Кого же я должен опознавать? — растерялся Брэкетт.

— Вот вы нам и скажете. Вы на машине?

— Да. Это...

— Следуйте за нами.

— Куда?

— В морг. Знаете, где он?

— В Центральной?

— Правильно. Бывали там?

— Да, — спокойно ответил Брэкетт. — Случалось.

Подняв голову, Кембл наблюдал, как к воротам шагали двое. Взяв комикс, он старательно разгладил каждую страницу и только тогда раскрыл журнал и принялся за чтение. «Зеленый Фонарь», выпуск 85. Рисунки Адамса.

Морг находился слева от стоянки, рядом — заросли буйно разросшихся розовых кустов.

— С чего вы решили, что я могу помочь вам? — поинтересовался Брэкетт.

— У нее ваша карточка. Единственное, что мы нашли.

— «Брэкетт и Кембл»?

— Не знаю. Велено привезти вас, и все.

Наружная дверь не вела в морг, вероятно, чтобы не оскорблять чувств случайного прохожего. За дверью ничего угнетающего: пустые крашенные стены. Вошедший оказывался в комнате, похожей на зал ожидания. Ярко освещенная, безлика; две двери, длинный стол, а за столом дежурный сержант. Сегодня дежурил сержант Хендерсон, тип полицейского из дешевых детективных фильмов: грубоватый, но честный и мужественный. Как доказывали многолетние наблюдения Брэкетта, все американские полицейские воплощали тот же типаж.

Хендерсон быстро оглядел Брэкетта, точно прикидывая, не

закатит ли он, чего доброго, истерику, увидев труп, и не грохнет ли в обморок. Решил, вряд ли, и повел его к двери.

— Извините, Брэккетт, что пришлось тащить вас сюда.

— Ничего страшного, не так уж далеко.

— Бывали тут прежде?

— Да, но тут все изменилось.

— Модернизация! Как вам? Нравится?

— Откровенно говоря, по-моему, перемены в таком месте не имеют особого значения.

— Для «жмуриков», может, и нет. Но для служащих имеют. Понимаете, о чем я?

Брэккетт равнодушно кивнул, и они остановились перед стеклянной перегородкой. Направо — длинные столы, раковины, груды тряпок, резиновые фартуки, аккуратно разложенные хирургические инструменты.

— Вы из Англии? — полюбопытствовал Хендерсон.

— Родился там.

Служитель спустил к ним носилки, на которых лежало прикрытое простыней тело.

— Помню, возил в Англию жену. Прокатились в Брайтон на недельку. Были в Брайтоне?

— Нет.

— Там еще Китайский Дворец. Слыхали?

— Он называется Павильон, — ответил Брэккетт, следя за тем, как носилки остановились у дальнего конца стеклянной перегородки. Его вдруг пронзило острое желание посмотреть на тело. Не потому, что он боялся увидеть любимое лицо (любимых у него уже не осталось), просто из любопытства. У погибшей была его карточка. Самое естественное предположение — клиентка. Только вот уже лет пять у него нет клиентов.

— А, так вот как он называется. Павильон... — болтал Хендерсон.

— Взглянуть можно?

— Что? А, конечно.

Хендерсон кивнул служителю, и простыню сдвинули. Брэккетт внимательно вгляделся: веснушки на носу, нежное очертание рта. Его потянуло откинуть прядь волос, упавших на глаза. Как ни странно, порезы на щеках и на лбу и сломанный нос его не ужаснули. Горше не стало. Молодое красивое лицо — и мертвое. Уже от этого мучительно больно. Девушка мертва, и никто даже не знает, как ее зовут.

— Как она умерла?

— Машина кувыркнулась. На мосту Золотых Ворот. Бамс! В акте написано, что девочка была под действием кислоты.

— Кислоты?

— Ну да. Наркотики. Невелико диво. Такие случаи происходят чуть ли не каждый день.

Брэккетт внимательно рассматривал девочку (лет 14—15, не больше), опять взглянул на волосы. Блондинка. Странно, но его никогда не привлекали блондинки. Может, потому, что в блондинках есть что-то вызывающе сексуальное. Настоящее кощунство признаваться в таком, а уж тем более здесь, в Калифорнии.

Как-то они обсуждали это с Кемблом, и Кембл, улыбаясь, заметил, что Дороти тоже блондинка. Но Дороти почему-то воспринималась совсем по-другому.

— Ну и как? Знаете ее? — осведомился Хендерсон.

— По-моему, ее имя — Мэри Малевски.

— Нет, так не пойдет. Требуется точное опознание.

— Понятно. Но мне надо проверить в картотеке.

— Ваша клиентка?

— Заходила ко мне как-то раз. Сказала, что пришла... Нет, не помню. Дело еще в мае было. Я вам позвоню. — Брэкетт двинулся к выходу. — Если девушка та самая, у меня и адрес записан. Нужно?

— Если поможет убрать ее отсюда, то очень даже пригодится.

— Что ее фамилия Малевски, я уверен.

— У вас есть дети?

— Нет.

— Ну так считайте, что вы счастливчик. Знаете, кем мечтает стать мой сынок?

— Неловко любопытничать.

— Ничем. Вот его мечты. Стать ничем!

Брэкетт уже открывал дверь, и тут Хендерсон спросил:

— Частный детектив, да?

Ответа не требовалось. Знакомая интонация, продолжение Брэкетту было известно. Сталкивался с таким не раз.

— Нет, лично вас, Брэкетт, я не хочу обижать. Но мне сдается, работка ваша воняет. По мне, все частные детективы — жулики. Жулики дерьмовые и выжималы. Такое мое мнение. Богатые дерьмовые жулики.

Брэкетт оглянулся на девушку. Прядь волос сдуло вентилятором, и они упали ей на рот. Казалось, девушка дышит.

— Как приеду, позвоню, — сказал он и сразу вышел.

И тут он увидел Лумиса. Он еще не знал, что незнакомца так зовут (хотя ему предстояло об этом узнать, и очень скоро), и он никогда раньше не встречал его. Брэкетт вообще не имел ни малейшего понятия о Лумисе, не то умчался бы от него без оглядки.

Но Брэкетт, как и все мы, не был осенен ни даром предвидения, ни даром предугадывания. Он видел только то, что видит глаза. В Лумисе он разглядел нечто, что ему довелось встретить лишь однажды. Ужас. Панический ужас человека, которому известно наверняка, что его вот-вот настигнут и убьют. Это было ясно как божий день. И Брэкетт замешкался у стола, уставясь на сидящего, карауля случай заговорить с ним. Несомненно, то была самая большая ошибка, какую он совершил в жизни.

Третья.

— Кто это? — поинтересовался Брэкетт у сержанта.

Дежурный сержант кинул на Лумиса раздраженный взгляд, точно тот — тоже тело, которое подобрали на шоссе, привезли сюда, взвесили и свалили на него. Казалось, что сейчас сержант примется читать бирку, привязанную к пальцу ноги.

- Свидетель! — буркнул сержант. — Все видел.
- Водитель?
- Пешеход.
- Пешеход? — ахнул Брэкетт. — На мосту Золотых Ворот?

Когда же произошла авария?

- Точно неизвестно. Утром. В 4.00. Или в 4.30.
- И он шел по мосту пешком?
- Так он говорит. Господи, видели б вы его заявление!
- А что, можно взглянуть?
- Нет, конечно.

Если Лумис и слышал их, то никак не реагировал. Сидел неподвижно, уставясь на дверь, словно позируя для фотографии на фоне моря. Брэкетт мог спокойно разглядеть его. Он был разочарован. Кое-какие отличительные признаки, конечно, есть: на левой руке золотое кольцо, простые овальные запонки, начищенные, блестящие туфли, легкий костюм, похоже, новехонький, рубашка из хлопка. Но все это — атрибуты типа, не индивидуальности. Брэкетт четко сознавал: начин человек как индивидуальность, он, возможно, разовьется в тип. Но если он начинает как тип, то превращается в ничто. Личность сидящего, богатый он или нет, была ничем не примечательна. Кроме одного. Само его старание не проявлять индивидуальность — не просто попытка примкнуть к определенному классу и статусу, а целенаправленное стремление раствориться в среде обитания. Пассажир первого класса в самолетах, клиент коктейль-баров, читатель журнала «Тайм», обладатель кредитной карточки и маникюра, типичный представитель мира богачей. И перепуган. Панически.

- Так как же его зовут? — спросил Брэкетт.
- Лумис, — ответил Хендерсон, взглянув на заявление.
- В полиция зарегистрирован?
- Кто ж его знает!
- И он, значит, арестован?
- Да нет! Говорю же — свидетель! И заявление подал добровольно.

— А почему вы его держите?

— Держим! Мы его держим! — взорвался Хендерсон, адресуясь к сидящему. — Да кто его держит? Не отвяжемся никак! Как заявился с утра, так и сидит, словно приклеенный!

— Почему?

— Желает, видишь ли, ехать в полицейской машине! Только так!

- Ну, намекнули бы, что тут не агентство такси!
- Как будто я не говорил!

Брэкетт улыбнулся и направился к Лумису.

— Мистер Лумис? У меня машина. Я вас подвезу.

Никакого отклика.

— Она совсем близко, у входа. Правда, не полицейская, да ведь на полицейских возят только арестованных. А вы, мистер Лумис, не под арестом.

Ответа не последовало. Брэкетт понял, что дальше уговаривать бесполезно. Ничего не поделаешь — он проиграл. Если Лумиса одолевают какие-то тревоги, он хранит их про себя.

Остается только одно — уйти. Брэкетт толкнул дверь и вдруг услышал:

— Она была такая юная. Совсем, совсем юная.

Лумис говорил спокойно, ровно, с легким акцентом.

— О ком вы? — подходя к Лумису, поинтересовался Брэкетт.

— Красивое платье... Все в клочки. Такое красивое — и в клочки. А туфелька потерялась. Так и не сумел разыскать. Туфельку. На заднем сиденье тоже смотрел. Надо было найти. На заднем сиденье я... пусть вам не кажется странным. Чего тут странного... Вы сами поймете. Не для нас. Чудаков. Так вроде говорят. Помните, как в том анекдоте?

Брэкетт промолчал, только покосился на Хендерсона, перепечатававшего рапорт.

— А вы когда-нибудь видели убитых? — неожиданно спросил Лумис.

— Раза два, — поколебавшись, ответил Брэкетт.

— И ваше впечатление?

— Конец жизни. Что еще?

— Нет! О нет! — От волнения Лумис заговорил громче. — Не конец жизни, а смерть. «Пожалуйста, не ездь через Юнионсквер, Крошка. Терпеть не могу пальмовые деревья». Смерть. Такая молоденькая...

Брэкетт присел на скамейку, поближе к Лумису.

— Так вы знали эту девушку?

— А?

— Вы были с ней знакомы?

— Я сказал сержанту, что не знаю эту девушку. Но я ее видел. — Лумис снова погрузился в свои переживания. — Видел. Совсем рядом. Смотрел в лицо. Следил, как девчонка умирает. Она умирала... точно... только не смейтесь... казалось, она сбегает из мира, как удирают с уроков. Понимаете? Сбежала от всех. Понимаете, а?

— Конечно. Оттого вы и не прыгнули в воду?

Лумис поперхнулся и отвернулся от Брэкетта.

— Лумис, давайте подвезу вас.

Тот не шелохнулся. Открыв бумажник, Брэкетт вытащил карточку и вложил ее Лумису в руки.

— Моя карточка. Уолтер Брэкетт...

Лумис успел прочитать имя и немо таращился на Брэкетта.

— Вы что, — недовольно спросил Брэкетт, — знаете меня?

Лумис хотел было что-то сказать, но промолчал, только медленно покачал головой. Брэкетт пристально смотрел на него, но, похоже, тот замолк крепко.

— Ладно, я пошел. Так как насчет старого «бьюика»? Буду ждать еще две минуты. До свидания.

События не развиваются по каким-то жестким законам. Никому не дано предсказать их ход заранее. Они обрушиваются на нас, и мы стараемся либо увернуться, либо покорно принимаем их лавину. Астролог, Бог или психиатр, пожалуй, преподнесут путеводную карту на серебряном блюдечке, но кто же вверит свою жизнь таким неумелым и наивным навигаторам? Только слабак какой-нибудь. Может, ваша философия и не такова, но

у Брэкетта были именно такие взгляды, и потому, сидя за рулем, он ни на что не надеялся. Еще две минуты — и он отчалит. Если Лумис не явится, пусть тогда терзается где угодно. Жалко, конечно, потому что Брэкетт очень любопытен, но упорствовать он не станет. А то, что Брэкетт после всех своих рассуждений не трогался с места еще десять минут, доказывает, что философия философией, а жизнь жизнью. Итак, он ждал, надеясь, что человек, напуганный до умопомрачения, — это потенциальный клиент. Однако Лумис сводил на нет все тактические соображения Брэкетта. Он не появлялся.

Брэкетт вздохнул и завел мотор, но тут дверцу дернули и кто-то воскликнул:

— Да это же Уолтер! Уолтер Брэкетт! Надо же! Давненько не встречались!

Брэкетт озадаченно оглянулся на загорелое лицо. Ему улыбался мужчина лет сорока пяти. Бежевый двубортный костюм, чесучовый галстук, на поясе бляха от Тиффани — бронзовый прямоугольник, на котором рекламируют все. На этой красовался барельеф склада и вилась надпись «Центральная тихоокеанская железная дорога».

— Да ты забыл меня, что ли? Никак и бифштексы у «Тадиха» не помнишь?

Улыбнувшись, Брэкетт кивнул. Ага, Херб Иохансен. Отец троих детей. Лет десять назад служил в патрульных, его любили все. И Брэкетт тоже.

— Ну вспомнил, вспомнил. Тебя сразу и не признать без дубинки твоей. Где пропадал?

— Посылают туда-сюда. Теперь опять сюда. — Иохансен пристроился на краешек сиденья. — Бросают и перебрасывают, мне уже чудится, будто я — колода карт.

— И где ты теперь? Уголовный отдел? Сержант-детектив?

— Лейтенант-детектив, — с нажимом поправил Иохансен.

Что ж, впечатляет. Брэкетт так и сказал.

— Значит, ты снова с нами. Прошло уж вроде... лет одиннадцать?

Иохансен кивнул.

— А что ты тут делаешь, Уолтер? В этот прекрасный день?

— Опознание личности. Девушка на мосту разбилась.

— Да. Слышал.

Они молча обозревали стоянку машин. Оказалось, что говорить не о чем.

— Ну... — начал Брэкетт, — может, как-нибудь снова отведаем бифштексов?

— Конечно. Только уж теперь плачу я. А как у тебя дела? Все у «Толстяка» обретаешься?

— Там дешево.

— А Кембл как? Ходили слухи, будто он...

— Отлично, — прервал его Брэкетт.

— Приятно слышать. Откровенно, и не думал, что он выкарабкается после того, как его измолотили. Значит, недооценил Гарри.

— Да, Гарри всегда был крепким орешком.

— А то я не знаю. Где же он сейчас?
— Ушел от дел. Неофициально...
— Жалко. Толковый парень. Будь он копом, я ни за что бы не подался в букмекеры¹.

— А, так вот куда ты метишь!
— Приятно повидать тебя...— Улыбнувшись, Иохансен потрепал Брэккетта по плечу.

Брэккетт промолчал. Он покосился на дверь морга, по-прежнему вызывающе закрытую. Проиграл.

— И все та же колымага.— Иохансен похлопал по приборной доске, будто бы ласкал соседскую собаку.— Помню, как ты купил ее. Черт, я от зависти тогда чуть не лопнул!

— Пожалуй, пора,— не глядя на Иохансена, пробормотал Брэккетт.— Вот именно, все та же старая колымага.

— А про бифштексы не забудь,— прихлопывая дверцу, напомнил Иохансен.

Брэккетт коротко улыбнулся и медленно тронул машину. Выехав на улицу, он притормозил и глянул в зеркальце: Иохансен помахал ему и бережно поправил клапан кармана двухсотдолларового костюма.

Брэккетт почувствовал себя очень старым.

Проехав мармеладно-стеклянные небоскребы Монтгомери, банки и конторы, Брэккетт въехал в привычный кусочек — свой квартал. Наведался в бар и забрал свои карточки из всех знакомых аптек: заказывать новые у него не было денег.

Как человеку с устоявшимися привычками, ему полагалось отправиться на Монтгомери, Кармел или Большой Сьер подышать свежим воздухом. Если таковой еще существует. Но субботний маршрут поломался (снова мелькнуло видение прядки волос. «Невелико диво. Такое происходило чуть не каждый день».), и он поехал домой. Войдя через несколько минут в контору, Брэккетт обнаружил, что папка с делом Малевски пропала.

Четвертая.

Поначалу он решил, что ошибся. Может, имя неточно запомнилось. Но прошло всего три месяца, а его система хранения папок надежна, как прилив.

— Сержант Хендерсон? Уолтер Брэккетт.

— Кто?

— Брэккетт. Богатый дерьмовый жулик. Мы познакомились сегодня утром.

— А, да. Ну что, нашли?

— Имя девушки действительно Мэри Малевски. Оно у меня в книге записано. Но адреса нет.

— Вы говорили, что у вас есть на нее дело.

— Верно. Была папка. Но... затерялась.

¹ Букмекер — лицо, частным образом собирающее и записывающее заклады от публики на конных состязаниях при заключении пари. (Здесь и далее прим. переводчика.)

— Господи, что за... Слушайте, Брэккет, а вы хоть уверены, что она Малевски?

— Да, она так назвалась. Телефонную книгу можете не смотреть. Я уже искал. Там такой нет.

— Помощник из вас хоть куда. Вы это знаете?

— Да.

Глядя на кресло у окна, Брэккет положил трубку. Тогда в кресле сидела Малевски. В маечке, в джинсах. Девушка нервничала, плела, что ей страсть как охота найти отца. Брэккет пообещал, записал ее имя и адрес в Нью-Йорке. Задавал обычные вопросы, но девушка вдруг стала косноязычной и лепетала одно — ей нужны деньги. Брэккет дал ей 10 долларов и сказал, чтобы она позвонила завтра, если всерьез хочет нанять его. Мэри так и не позвонила, а папка — казалось, такая неважная, в две странички — исчезла. Вот и все. Вопрос — почему? Хотя стоит ли его ставить? Брэккет поставил. Он не выносил невидимых москитов, покушавшихся на заведенный порядок, и загадок, сваливающихся ниоткуда. Они досаждали ему, разъедали ум. Тем более эта, касающаяся девушки, которая погибла.

— Мистер Либерман! — позвал Брэккет.

У лестницы тут же замаячило встревоженное лицо венгра.

— Мистер Либерман, ко мне никто не приходил?

— Полиция...

— А еще?

— Больше никто.

— Точно?

— Я выходил, возился на заднем дворе...

— Но ко мне никто не входил?

— Нет, мистер Брэккет. Только я.

— Вы? Зачем? — удивился Брэккет.

— Значит, это... Записку написать. Сказали, дело важное.

— Где же она?

— Под пепельницу положил. Как вы и мистер Кембл велите.

Разве я что не так?

Вернувшись в комнату, Брэккет развернул нелепый отрывок бумаги, тщетно пытаясь разобрать либермановские каракули. Похоже, написано имя, название мотеля и время. Цифры можно было понять, о названии мотеля догадаться.

— Мистер Брэккет, он позвонил минут за десять до вашего прихода.

— Да как же его зовут? Вими? Вимин?

— Прямо-таки уверен, мистер Брэккет, что записал все правильно.

— Может, и правильно, но не разобрать. Сами взгляните.

Либерман забрал клочок бумаги, и Брэккет терпеливо дождался, пока тот отыскивал очки и неспешно пристраивал их на нос.

— Мотель называется...

— Имя звонившего. Больше ничего...

— Говорил, знаете его...

— Да как его зовут?

— Лумис! Годится?

Брэккет впился взглядом в бумажку и отвернулся к окну.

— Сказал, что ему нужно?

— Сказал, что хочет поговорить с вами. И все.

Мэри Малевски. Исчезнувшая папка. А теперь Лумис. Маленькие просветы в небе. Вот что это. Маленькие загадочные просветы в небе.

Покончив с ленчем (салат из картошки, состряпанный женой Либермана), Брэккет раздумывал, за что же приняться в первую очередь. Сейчас 1.48, а свидание назначено на половину третьего.

— Мотель «Стоянка и Отдых»? — спросил он, одной рукой придерживая трубку, а другой пытаюсь налить виски в бокал.

— Да, сэр. Чем могу служить?

— В районе Залива вы единственные «Стоянка и Отдых»?

— Да, сэр.

— А филиалы у вас есть?

— В каждом штате, сэр. Каждая звезда на нашем национальном флаге имеет «Стоянку и Отдых».

— Но в Саусалито вы одни?

— Верно, сэр.

— Значит, некий Лумис живет у вас?

— Видите ли, вообще-то не в наших правилах...

— Ах так? Отлично. Так и доложим губернатору.

Долгая пауза. Наконец на другом конце провода снова заговорили. На полтона ниже.

— Кто, говорите, звонит, сэр?

— Я не говорил. Мне нужно узнать про Лумиса.

— Ага; ладно... минутку, сэр.

Брэккет отхлебнул глоток. Нехотя признал, что настоящее американское виски куда лучше шотландского. Особенно без содовой.

— Вам Джордж Лумис нужен?

— А что, у вас их там десятков?

— Нет, только один.

— Номер комнаты?

— 41. Может, соединить?..

— Нет. Сообщу ему новости лично. Благодарю.

— Всегда ра...

Брэккет положил трубку, написал на чистом листке бумаги «Лумис Дж.» и просидел минут десять, припоминая разговор в морге. Впрочем, он уже почти все записал. Разговор казался важным — для Лумиса. Непонятно. Если ему хотелось что-то открыть, почему же он с ним не поехал?

Брэккет встал, его глаза скользнули по портрету Дороти. Он так радовался тогда, что ей понравился подарок.

«Как ты догадался, что мне хотелось именно это?»

«Детектив я или нет?»

Да, он детектив. Уже 25 лет. С того самого дня, как встретил Кембла. Подхлестываемые мечтами, они печатали карточки и писали вывеску конторы, но очень скоро выяснилось, что все-

таки они не герои «Детективов на 10 центов». Это цена им — 10 центов.

Когда наконец пришел успех и десятицентовик превратился в доллары, они уверились, что партнерство их на всю жизнь. Но все кончилось разом. В одну ночь. Когда на глухой улочке нашли Кембла. Без сознания. И Брэккетт остался один. Конечно, он продолжал работать. Телефон еще звонит. Иногда. Однако дух его сломлен, но он даже самому себе не признается в этом.

— Мистер Брэккетт?

И все равно, Брэккетт — детектив, пусть совсем незначительный. У него даже настоящий клиент появился. Заполучив Лумиса, он опять в деле.

— Мистер Брэккетт!

Может, машину новую купит. «Ягуар» или «ситроен».

— Мистер Брэккетт, я стучалась. Два раза.

Перед ним стояла женщина.

— Я насчет своей собачки... Надеялась... может, вы нашли ее... может, что новенькое...

— Простите, миссис Маркстейн, пока не нашел.

Клиентка взглянула на поводок, зажатый в руке, и нехотя двинулась к двери.

— Думаете, насовсем потерялась, мистер Брэккетт?

Тот промолчал. Дверь закрылась, Брэккетт стоял, прислушиваясь к шагам, медленно спускающимся по лестнице.

Машина чуть помедлила наверху пандуса и плавно покатила вниз, в полумрак подвала. Рабочий гаража, негр, прислонившись к металлическим перилам, обернулся и помахал, указывая на цветные стрелки на цементном полу.

Водитель, подняв стекла, как было велено, медленно въехал на поворотный круг. Тут же застонал механизм, зубцы сцепились, машина стала вращаться, пока не оказалась перед рядами щеток, ножей и струями воды. Опустились в пазы шины, машина накренилась вперед, и на ветровое окошко хлынуло мыло, превращая стекло в радужное небо. Стонала в приемнике музыка, и пассажир остановил переключатель на джазе «Биг Бэнд»: «Пойте, пойте, пойте!» Машина прошла одну завесу, другую, водитель увидел, как спустились гигантские вращающиеся щетки, заелозили и по капоту и крыше, точно неведомые ночные страшилища, привлеченные светом. Водителя затрясло: рывком потянув ручной тормоз, он поставил машину на задний ход, колеса начали сминаться и намертво застряли в пазах, машина запрокинулась набок в водопаде воды и крошеве стекла. Водитель обернулся: отлетевший подшипник с разгона ударился о ближайшее ограждение; обернулся на пассажира, когда мыльная пена хлынула через пазы, решетку, захлестнула башмаки; открыл рот в крике, а пассажир подбодрил:

— Вот правильно! Давай, Крошка, давай! Разевай ротик пошире! Хлебай себе вволю!

Брэкетт мчался в Саусалито и только на миг, из любопытства, чуть сбросил скорость на мосту Золотых Ворот, чтобы посмотреть на место, где произошел несчастный случай. На выезде Брэкетт взял вправо и поехал по западному берегу Залива мимо Главного бульвара Саусалито, пока наконец не увидел неоновую вывеску — стыдливое признание: «свободные места есть». Он остановился у ворот «Стоянки и Отдыха».

Мотель как мотель. Истинный символ Америки воплощался у Брэкетта не в горячих сосисках, бейболе и кока-коле, хотя их рекламировали на каждом шагу; нет, для него символ Америки — мотель. В нем отцы-основатели, утаившие свои подлинные имена, навеки запечатлели образ нации. «Стоянка и Отдых», понимая, что здесь все-таки Саусалито, а не окраина Детройта, попытался прикрыться личиной благопристойности, но не обманул бы и летучую мышь. Не обольщаясь декором, Брэкетт прошел мимо конторки к комнате 41, находившейся в дальнем конце коридора. В номере было тихо, как в погребальной урне.

Стукнув раз-другой, Брэкетт толкнул дверь, удивляясь, что она не заперта. В комнате никого, но было видно, что тут дрались — на полу валялся перевернутый стул, лампа разбита, изверг свое содержимое чемодан. Но дрались явно недолго и не всерьез. Крови и никаких признаков трагедии не было. Видно, пришедец застиг Лумиса врасплох, тот оказал слабое сопротивление — так, для формы, — и его увели, наверное, ткнув пистолет под ребро.

Кляня себя, Брэкетт зло выругался, думая, что, может, все происходило в ту самую минуту, когда он смаковал виски или восхищался видом Залива. Правда, не так уж он и виноват, приехал, когда просили, даже на пять минут раньше. Но оправдание жалкое. Разве трудно было догадаться? Он же видел лицо Лумиса, разглядел его ужас... Брэкетт наскоро пересмотрел воров вещей в углу — ничего примечательного; толкнул дверь в ванную — опять ничего; раковина, полотенца, мыльная пена для бритья, коробка салфеток и... женщина. Скорчившаяся на полу, дрожащая, голая. Она смотрела на него, обезумев от страха. Брэкетт прикрыл дверь.

— Все в порядке... — невпопад заметил он. — Вы в безопасности. Я — друг Лумиса. Тут никого нет. — Брэкетт широко распахнул дверь в комнату. Подойдя к кровати, он разыскал платье, сбившийся комочек белья и вернулся в ванную. Женщина так и не шелохнулась. — Вот, возьмите. Так и простудиться недолго.

Женщина устала на одежду, упавшую к ее ногам. Брэкетт скромно отвернулся, чтобы не стеснять ее, как вдруг та взвилась и налетела на него, молотя кулаками. Брэкетт перехватил ее запястья, вlepил пощечину и оттолкнул к стенке. Когда женщина попыталась укусить его, отвесил еще одну.

— Да стойте же! Я не собираюсь обижать вас! — закричал он, поднимая ее с пола. У женщины полились слезы, и она свалилась на крышку унитаза, цепляясь за Брэкетта. Тот поддержал ее за талию и потянулся за полотенцем прикрыть плечи.

— Я Уолтер Брэкетт, — сказал он, присаживаясь перед ней. — Пришел к Лумису. Он ведь был тут, правда?

Женщина кивнула.

— Хорошо. Так что же произошло?

Молчание. На полных руках Брэкетт заметил пятнышки от укулов, женщина быстро прикрылась полотенцем.

— Да не волнуйтесь! Я не из полиции. Разыскиваю вашего друга, только и всего.

Женщина медленно подняла голову (выцветшие голубенькие глазки, шея в веревках вен), долго смотрела на Брэкетта и наконец произнесла:

— Он убьет его.

— Кто?

— А мне приказал оставаться здесь... пригрозил, что если я двинусь с места...

— Но, послушайте, он же ушел. Понимаете? Здесь никого нет. Вы в безопасности. — Для лучшего эффекта Брэкетт пошире распахнул дверь. — Кто же это был?

Женщина отвернулась — вздернутый подбородок, упрямо закушена верхняя губа, карикатурный вызов.

— Ну, ладно. Хоть опишите его. Какой он? Старый? Молодой?

— Черный.

— Черный? — удивился Брэкетт. — Он — черный? Вы про цвет кожи? Или что другое?

Женщина замялась.

— Черный...

— Не очень-то вы уверены.

— Черный. Все они черные. Разве нет?

— Кто именно? — Брэкетт вздохнул, зажег сигарету, чтобы чем-то заняться. — А я? Я тоже черный?

Снова пожатие плеч. Сцена напоминала Брэкетту детские капризы, когда отпрыск семьи (непрерывно вопрошаемый «Что с тобой, детка?») не желает ни во что играть.

— Да послушайте же, мне обязательно нужно разыскать его. А вы оставайтесь здесь. Здесь вы в безопасности. Заприте дверь.

Он поднял платье, положил ей на колени.

— Не знаете, куда они пошли?

— Нет...

— Может, что говорили?

— Нет...

— Ладно, спасибо. — Брэкетт направился к двери. — Между прочим, а как вас зовут?

— Норма Уитли.

— Вы хорошо знали Лумиса?

Молчание. Впрочем, не все ли равно.

— Ладно. А случайно вам знакома некая Мэри Малевски?

Женщина покачала головой, ее опять пробрала дрожь. Брэкетт приостановился, окинул взглядом грязную, жалкую комнатушку.

— Простите, если чем обидел, — коротко произнес он и вышел, а женщину стало рвать — голова была опущена между колен к блестящему розово-голубому кафелю пола.

Старик у конторки осведомился, не коп ли он. Нет, ответил Брэкетт, ему надо кое-что узнать, но все, чем он располагает, — 20 долларов.

— «Плимут». Синий.

— Лумиса?

— Приехал на нем, а там кто же его знает?

— За рулем сидел он или кто другой?

— Какой такой другой?

— А разве вы больше никого не видели?

— Только Лумиса. Да я особо и не присматривался.

— А куда он поехал — не заметили?

— Куда?

— Ну да. Направо? Налево?

— Нет. Прямо. Поехал прямо. Через улицу.

— Это куда же? — Брэкетт озадаченно взглянул в окно.

— Как куда? На мойку машин. Куда еще можно ехать через улицу?

Уже на бегу Брэкетт понял, что опоздал. У пандуса было полно народу; пробиваясь через толпу, не вслушиваясь в гомон, он неотрывно смотрел на синий «плимут», не сомневаясь, что внутри Лумис. Из-под машины выползали, вскипая и опадая, пузырьки мыльной пены — густо-розовой.

— Кто умер? — допытывалась какая-то женщина. Отвернувшись от «плимута», Брэкетт подошел к металлическим перилам. Рабочий гаража протянул ему сигарету.

— Во, месиво! Видели?

— Какого цвета погибший? — поинтересовался Брэкетт, глядя на бледные пятна лиц у входа.

— Как это, какого цвета?

— Ну, белый или черный?

— А-а. Белый. Вернее, то, что от него осталось. С чего это вы вдруг?

— Больше никого в машине не было?

— А что? Вы — коп?

— Нет.

Кто-то допытывался, вызвали ли полицию, но ответа не потребовалось: уже слышалось тонкое завывание полицейской сирены.

— Где-нибудь поблизости можно выпить? — спросил Брэкетт.

Когда он час спустя вернулся, подвал гаража гудел. Было душно, кондиционер едва работал. У агрегата мойки суетилось человек тридцать, не меньше: детективы, стенографы, фотографы, эксперты из полицейской лаборатории, медэксперты, патрульные, представитель окружной прокуратуры, рабочие гаража, зеваки и на переднем сидении «плимута» труп Лумиса.

У конторки владелец добивался компенсации за сломанный механизм «Чудо-автомойка», его вежливо попросили изложить все претензии письменно. Вежливостью одаривали немногих. В дальнем углу пристроился высокий худощавый парень, Симмонс, с явным разочарованием наблюдавший за происходящим.

Снимали свидетельские показания. Без всякой последовательности. Лишь вопросы и ответы. И все.

Педантичные:

- В какое время он приехал?
- Говорил же. Не заметил.
- А машину видели?
- Да, машину видел.
- Когда она подъехала?
- В 2.00 или в 2.15.
- А точно?
- В 2.00.
- А может, в 2.15?
- Пусть в 2.15.
- Чего вы мне поддакиваете! Когда точно?
- В 2.15.

Небрежные:

— Конечно, дел у вас, только поспевай. И все-таки ведь обычно клиент сначала покупает талончик? Верно?

- Да. Но...
- А этот чего ж не купил?
- Понимаете, я...
- Мисс?..
- Мисс Делла Фичи.
- Мисс Делла Фичи. Прелестное имя. Так почему же вы его не заметили?
- Не так уж у нас и много народу было. Не очень много.
- Так почему?
- Я была в...
- Вон там?
- Ну да. Поэтому и пропустила.
- А разве оттуда не слышно, как въезжает машина?
- Не очень...
- Ну, ну, не смущайтесь, мисс Делла. Естественная физиологическая функция организма.

Научные:

- Чарли, нужны тебе снимки заднего сиденья машины?
- Зачем это? Что там такое на заднем сиденье?
- Другая половина его головы.

Вопросы, вопросы... Симмонс вздохнул, выделил из толпы Брэкетта и, аккуратно обходя лужицы мыла, направился к нему.

— Извините, вы знали погибшего Лумиса?

Удивившись, Брэкетт обернулся.

— Я потому спросил, — слегка улыбнулся Симмонс, — что вы не похожи на простого зеваку...

- Мы с ним познакомились сегодня утром.
- Как интересно. Где же это?
- В морге.

Вздернув брови, Симмонс опять улыбнулся и заглянул в записную книжку.

— Стало быть, вы — либо сержант Хендерсон, либо Уолтер Брэкетт. Но вы не Хендерсон. Хендерсон куда толще вас, и я только что беседовал с ним. Целых полчаса. Значит, вы — Уолтер Брэкетт. Верно?

— Да.

— Отлично! Я лейтенант Симмонс. Вот мой жетон.

Брэккет молча разглядывал детектива, отметив тщеславно отполированные туфли и налакированные волосы. Они присели на низенькую полку, поверх банок с маслом.

— И что же, Брэккет, привело вас сюда? Бабское любопытство?

— Вы так думаете?

— Нет. Считаю я так, вы были бы по ту сторону ограждения, с остальными. Так что же?

— Лумис мне звонил.

— Вот как? Зачем?

— Не знаю. Он был уже мертв, когда я приехал.

— Это правда?

Брэккет взглянул на детектива. Тот откинулся назад, стараясь не коснуться ненароком стенки гаража.

— Я под подозрением?

— Ну, разумеется. — Симмонс улыбнулся — чуть заметно дрогнули губы — и добавил: — Точно так же, как и 200 миллионов других. Когда неизвестно, кто виноват, виноваты все. Разве не так?

— Нет, не так.

Симмонс посмотрел на него. Неподалеку Йохансен беседовал с репортером.

— Ну да! Я и запомнил: вы что-то вроде частного детектива?

— Все равно, я с вами не согласен.

— Может, сократите для меня это число?

— С двухсот миллионов?

— Ага.

Брэккет колебался.

— Ну, ну, смелее. Не такой уж я гордый. Всегда готов прислушаться к... опыту.

Что это отнюдь не комплимент, до Брэккетта дошло сразу.

— Ну ладно. Во-первых, если у убийцы нет частного самолета, он все еще в этом квартале. Срезаем миллионы. Во-вторых, он мужчина. Обрасываем еще тысячи. А в третьих, он черный. Осталось всего сотни. В-четвертых, он профессиональный убийца. Не любитель. Вот уже только десятки. А если он профессионал, то наверняка зарегистрирован в полиции, и у вас в картотеке есть его отпечатки. Значит, если хорошенько попудрить порошком «плимут», комнату в мотеле, отыщутся «пальцы». Что доводит число подозреваемых до минимума. Их уже не 200 миллионов, а всего один-единственный.

— Так все просто? — расцвел улыбкой Симмонс.

— Ну не совсем. Но вы спросили, и я ответил как сумел.

— Да уж. А скажите, где вы прятались, наблюдая убийство?

— При убийстве я не присутствовал.

— А? Значит, убийцу видели?

— И убийцу не видел.

— Тогда мне, пожалуй, самая пора сдавать свой значок. Я-то в абсолютной темноте. Мне неприятно, что милые мои жители

Сан-Франциско платят подоходный налог на содержание такого неумехи. Тут уж прямо вымогательством пахнет.

— В номере 41,— вздохнул Брэккет,— находится женщина. Норм Уитли. Убийцу видела она.

— Мы там побывали. В номере 41 никого нет.

— Час назад она там была.

— А сейчас нет.

— Ладно, пусть. Но я назвал имя. Надо ее разыскать...

— И все?

— Послушайте...

— Нет, теперь послушайте вы,— тихо прервал Симмонс.— Видите вот того симпатягу?

— Где? — спросил Брэккет, стараясь не злиться.

Симмонс указал на маленького тщедушного человека у цементной опоры. Тот стоял в одиночестве и наблюдал, насупясь от разочарования. Так на глазах съезживается проколотый воздушный шар, из которого высвистывает воздух. Только этим он и выделялся, а так — совсем серенький, вроде придорожного камня.

— И что?

— Скажите спасибо, что за вас взялся не он.

— Почему? Кто он?

— Работает в Б. Р. Н.

— Наркотики?

— Умница! — похвалил Симмонс, будто бы ободрял собаку, научившуюся сидеть. — Именно. Наркотики.

166

В подробности вдаваться он не стал, да и не требовалось. Брэккет уже понял, почему гибель Лумиса привлекла всю полицейскую верхушку. Хотя сам Брэккет никогда не сталкивался с наркотиками (это модное преступление миновало его поколение), он смотрел фильмы и читал книги, как и все. Лумис был «мулом», курьером. Его не трогали, выслеживая, кто оплачивает ему дорожные расходы. Теперь, когда он мертв, все потеряло остроту. Наркотики Брэккет воспринял просто как фон. Для него смерть Лумиса значила одно — убили богатого клиента. Только это было важно. И еще загадка. Вечноживущая игра в розыск. Кто преступник?

— Где-то я с вами согласен,— говорил между тем Симмонс.

Агент из бюро наркотиков сгинул, точно рабочий сцены в антракте.

— Что? — очнулся Брэккет. Справа от него Йохансен позировал фотографу из «Кроникл».

— Говорю, согласен с вами. В чем-то.

Порхнула мимолетная улыбочка, указательным пальцем Симмонс пригладил бровь.

— Согласен, что убийца Лумиса работал профессионально. Но не ясно, его наняли или он работал от себя? Несомненно одно — Лумис знал его, иначе не подпустил бы так близко. Да, убийца — не любитель. Любителю недоставало бы хватки вытворить такое и удрать. Мы сразу же поймали бы его. Он и не добрался бы до ближайшего угла. Нет, парень этот убивать не боится. Он упивается опасностью. А любителя тошнит, как только он при-

ставит пистолет ко рту жертвы. Так что очко в вашу пользу. Но, ей-богу, зря вы валите все на бедолаг-негров. У полиции из-за этого дурная слава...

— Но она же сказала — «черный»...

— Кто она?

— Женщина. В мотеле.

— Если таковая существует.

— Я ее видел.

— А кроме вас — никто.

— Так то мотель, лейтенант, а не гостиница, где регистрируют...

— Понятно, понятно. Я большой мальчик. Но факт остается фактом — видели ее только вы.

— И Лумис...

— Хм, Лумис! Лумис мертв.

— И убийца. Он тоже видел. И если вы не поторопитесь, Норма Уитли тоже умрет.

Пауза. Брэккет чувствовал взгляд Симмонса. Аккуратно закинув ногу за ногу, тот дымил сигаретой.

— Ладно, допустим, она существует. Но вы уверены, что она не наврала?

— А зачем?

— Зачем? Затем, что в этой проклятой стране многие были бы счастливы истребить всех негров до единого. Вот зачем.

— У нее не было причины...

— Да кто, черт возьми, толкует о причинах! Вы ей поверили?

Брэккет замаялся. Приходилось признать, что не очень.

— Мне кажется, она сама толком не понимала, что несет.

Брэккет отвернулся, ему хотелось уйти, но что-то удерживало его. Что же? Сложившиеся обстоятельства? Нет. Хоть и не хотелось сознаваться, он нервничал из-за своей беспомощности в этих обстоятельствах.

— Брэккет... — окликнул Симмонс. — Допустим, Уитли говорила правду. Предположим, и вы не врете. Не врет никто. Вы ответили на мой вопрос. Теперь на него отвечу я.

Брэккет настороженно покосился на собеседника.

— Есть у вас доказательства, — продолжал тот тоном, каким учителя говорят с умственно неполноценными, — что в «плимуте» сидел тот самый, кто побывал в мотеле? Никаких. А старик-дежурный? Он вообще никого в машине не видел. Кроме Лумиса.

— Другой прятался на полу!

— Но был ли это один и тот же? Доказательств нет.

— Нет, конечно. Можно сказать, что такое не исключено.

— Именно. Не исключено — и только. Значит, подозреваемый не один. Их опять сотня. Даже не десяток, заметьте. Сотня. Если он профессионал — а мы оба согласны, что профессионал, — он нигде не оставит своих отпечатков. Ни в «плимуте», ни в мотеле. Нигде. Умник такой... И опять у нас тысячи. Верно? И вдобавок, не дай Бог, конечно, но что если он ускользнул от всех наших засад? Он сейчас уже в самолете. Любуется Сьерами. В эту самую минуту. И тогда... подозреваемых опять миллионы.

— Видите,— заключил Симмонс,— не все так уж простенько и незатейливо. А, Брэккет?

Опершись о поручни «Харбор Квин», пассажир глядел на дома Саусалито, выжидая, пока пароход выплывет на середину Залива. Убедившись, что рядом никого, он извлек из внутреннего кармана пистолет, завернутый в носок, перегнулся через поручни и раскрыл ладонь. Он следил за тем, как тяжелый шерстяной сверток взбаламутил гладь воды... и исчез. Вернувшись к столику под стеклянным навесом, пассажир допил пиво и заказал еще «Туборг».

— *Пожалуйста, еще бутылочку, Крошка.*

Брэккет стоял у распахнутой дверцы «плимута», Короткий взгляд на тело Лумиса — и с него хватило. Смерть — чудовищная аномалия жизни, даже если она настигает человека в постели, а его ложе окружают внуки, или на поле битвы под знаменами своей страны. Не назовешь ее ни благословенной, ни героической; к ней не идут никакие удобные определения, какими наделяют ее благочестивые живые в молитвах, советах или запоздалых некрологах. Смерть — конец жизни, и все тут. Если Лумис (сейчас уже официально подтверждено, что это он) полагал, что когда тебе суют дуло пистолета в рот и высаживают мозги на бежевую обивку машины, ты просто «удираешь от мира», то помоги ему Боже.

— Попечальтесь, попечальтесь о нем, Брэккет. Больше-то некому. Даст ему штат гроб, так он, того гляди, стянет у гроба ручки.

Брэккет промолчал, он смотрел на бело-розовую мыльную пену, которую спускали в водосток.

— Норму Уитли пропустим через АПБ¹,— продолжал Симмонс,— мы ее разыщем. Наркоманов найти нетрудно.

Брэккет зашагал к выходу, но детектив, обогнав его, бросил поветливо:

— Не встревайте! Делом занимаемся мы.

— Правда? И как же вы мне помешаете? Лишите лицензии? Я не нарушаю закон, лейтенант, вам меня не зацепить.

— Законодательные книги, Брэккетт, ух какие толстенные. Диву даешься, чего в них только не напихано!

— Знаю. Читал.

Он двинулся дальше, но лейтенант опять резко преградил ему дорогу.

— Брэккетт, ну что для вас Лумис?

— Ничего. Я познакомился с ним только утром.

— Надо же, вот совпадение!

— Пусть так.

— О... — Симмонс улыбнулся.— ...Скажите-ка, а вас никогда не тянуло на родину? В Англию?

— Изредка.

¹ АПБ — бюллетень, рассылаемый во все полицейские инстанции страны.

— Так, пожалуйста, если вас вдруг снова одолеет тоска по родине, известите нас. Договорились?

Театрально подмигнув, Симмонс растворился в толпе. Брэккет застыл на секунду, потом до него дошло, что подвал тонет в криках, табачном дыму и толкотне, и он поспешил к выходу, к прохладе уличного воздуха. Он уже вышел к пандусу, когда услышал, что его зовут. Не оборачиваясь, он проталкивался к барьеру, но Иохансен все-таки настиг его.

— Уолтер! погоди! куда ты так мчишься?

— Звякни как-нибудь, Херб. Спешу.

— А я хотел пригласить тебя к обеду. Жена будет рада повидаться с тобой.

— Извини. — Брэккет приостановился. — В другой раз. Ладно? Привет Хайлари.

— Хайлари? — удивился Иохансен.

— Ну да. Ведь у тебя жена — Хайлари?

— Нет... Виржиния. С Хайлари мы развелись четыре года назад.

— А-а. Ну что ж... Значит, привет Виржинии.

И, улыбнувшись, Брэккет выбрался на улицу. У «бьюика» его опять перехватил встревоженный Иохансен.

— Уолтер! С тобой все в порядке?

— Все отлично...

— Может, ты из-за Симмонса... Так наплюй. Послушал бы ты, что он со мной позволяет!

— Поберегись, Херб, задавят!

Иохансен оглянулся и быстро отскочил на тротуар.

— А какие у тебя планы? — спросил он, опять напуская на себя важность — выражение, которое он репетировал для обложки «Тайм».

— Пару месяцев назад я отказался от одной работенки, а сейчас вот решил взяться.

— Ну и отлично, Уолтер.

— Не волнуйся. Путаться у вас под ногами не собираюсь. Дело касается одной девушки. Просила разыскать отца.

— А-а! — с заметным облегчением вздохнул Иохансен. — Если чем могу помочь... Все что надо... Я не забыл прежние времена. Как ты мне помогал...

— Да, Херб. Кое-что нужно.

— Так не стесняйся!

— Помнишь девушку, что разбилась ночью?

— Я... — Иохансен замялся. — Я не веду это дело.

— Знаю. Но скажи, куда отгоняют машины?

— Как когда. Если проверяем, не краденая ли, перегоняем на наш тюремный двор.

— Это рядом с доками, верно?

— Да. Рядом. Но туда нужен пропуск.

— Понятно. Может, устроишь мне?

Иохансен только что не танцевал от смущения.

— Понимаешь... Я бы, Уолтер, с удовольствием... Но, в общем...

— Ладно, забудь.

- Неохота марать себе послушной список. Ты же понимаешь.
- Понимаю, понимаю.
- Но если что еще...
- Говорю же, забудь. Привет Виржинии. О'кей?

Иохансен кивнул. Брэкетт улыбнулся, потрепал его по плечу и спросил:

- Есть тут рядышком телефон?
- В гараже.
- Нет, туда не хочется.
- Еще в кулинарии. — Он указал на кулинарию рядом с motel-ом.

— Спасибо, Херб. — Брэкетт снова потрепал его по плечу и отправился в кулинарию. Иохансен провожал его взглядом, пока тот не скрылся в магазине, а потом поправил галстук и вернулся на мойку к репортерам.

В кулинарии народу толпилось не меньше, чем в гараже, но никто ничего не покупал, не соблазнялись даже радужной вывеской в окне. Все грудилось у прилавка, обсуждая драму на мойке и возмущаясь, к чему же идет мир. Брэкетт с трудом докричался, узнавая про телефон. Наконец из толпы откликнулись — телефон в углу, звоните на здоровье.

— Спасибо. — Брэкетт мешкал, восхищаясь магазином, вот Либерман позавидовал бы! Наконец снял трубку и набрал номер. Ему ответил настроженный женский голос:

- Алло?
- Мириэм? Уолтер Брэкетт.
- А, Уолтер! Как живешь?
- Отлично. Как детишки?
- Нормально. Когда ты появишься?
- Скоро. Скоро. Сиди дома?
- Нет, вышел.
- На дежурстве?
- Нет. Дежурил вчера. Вышел погулять.
- И когда придет?
- Сказал, скоро. Но прошло уже три часа.
- Когда придет, попроси, пусть встретит меня у тюремного двора. Скажем, в шесть.

— Где?

— У тюремного загона. Где машины. Пожалуйста, Мириэм. Он очень нужен.

— Конечно, Уолтер... Но...

— В шесть, Мириэм. До свидания. Забегу на днях.

Положив трубку, Брэкетт уставился в пространство. Он чувствовал слабость и какое-то странное возбуждение: ему вдруг открылось, на что он решился. Что ему надо искать, он не знал. Но знал точно, что первый шаг сделан. И знал направление, в каком собирался шагать.

- Спасибо, — бросил он продавцу.
- Вы тоже детектив?
- В общем, да.
- А он захаживал к нам.
- Кто?

- Да тот, которого убили. Он из мотеля, верно?
— Один заходил?
— Всегда один. Все? Да. Пара пакетов пива, растворимый кофе «Максуэлл», баночка джема и горячее мясо со ржаным хлебом.
— А говорил о чем-нибудь?
— Нет. И слава Богу.
— И вы никогда никого с ним не видели?
— Никогда. Никого. Я уже говорил вашим друзьям.
— Спасибо,— поблагодарил Брэккетт и стал проталкиваться к двери, но вдруг обернулся: — А сегодня утром он случайно не заходил?

Продавец задумчиво возвел глаза к потолку, склонил голову набок и ответил:

- Нет. Народу толкалось полно, но его не было. Извините.
— Да пустяки. Не важно.

Брэккетт вышел и застыл у витрины, отсутствующе глядя на вывески, меню сэндвичей, отражение мотеля напротив. Он поешился и вернулся к «бьюику». Заворачивая на углу, он снова увидел «мигалки». 4.23. Ярко светило солнце. Не наброшен даже стыдливый покров темноты.

Шестая.

Машина была марки «тойота». Точнее — «тойота краун». Она лежала в углу двора, как опрокинувшееся набок насекомое.

Брэккетт обошел машину, задвинул радиоантенну в кармашек и совершенно отчетливо понял, что все его домыслы (такие стройные на бумаге) — ошибка. Он-то предполагал, что Лумис был скорее всего не пешеходом, а пассажиром или водителем, сидевшим рядом с девушкой...

Но Брэккетт ошибся. Он обошел машину еще раз. Ясно, как день, — будь Лумис пассажиром, ему бы не выбраться: дверцу заклинило. Она защемила бы его, как створки раковины устрицу.

А будь он водителем, то вылетел бы через ветровое стекло в момент столкновения. Но эта участь выпала лишь на долю юной девушки (14 лет, согласно краткой записи в книге Брэккетта) по имени Мэри Малевски. Неизбежный вывод: она ехала одна, сама вела машину и сама погибла, а Лумис, как и заявил, проходил мимо. Обидно, но все было именно так. Вот если бы Брэккетту удалось наткнуться на разгадку в обломках машины, зацепить нить, связывающую Мэри и Лумиса, он бы доказал, что гибель Мэри и убийство Лумиса — не простое совпадение.

Обескураженный, но все-таки стоически сохраняя оптимизм, он зашагал к Сиднею Горовитцу, помощнику инспектора и своему другу. Друг этот терпел все его просьбы (пропуск в тюремный загон — одна из них) из-за личной симпатии, а не по каким-то иным причинам. Ведь он был не партнером Брэккетта, а его соперником.

— Сидни, когда угнали машину? — осведомился Брэккетт, изучая неповрежденный багажник «тойоты» и калифорнийский номерной знак.

- Вчера ночью.
- Владелец опознал машину?
- Да.
- Он приходил сюда или вы по телефону описали машину?
- По телефону. Зачем он тут нужен?
- А кто угнал, никого не подозревают?
- Нет.

Горовитц уже потихоньку закипал. Он был простужен, не завтракал, и вообще предпочитал задавать вопросы, а не отвечать на них.

Загон был довольно-таки несуразный. Тут громоздились сюрреалистические беды из хрома и крашеного металла. Устрично-серое небо, верхушки башни Койт, и на фоне всего двое мужчин. Один (худой, лысеющий) вышагивает взад-вперед, потихоньку продвигаясь к черно-белой машине у ворот; другой — в костюме двадцатилетней давности — стоит как вкопанный, только голос его становится то тише, то громче, заглушая гомон детей, играющих на площадке, и шум грузовых пароходов.

- А он об угоне заявлял? — выкрикнул Брэккет.
- Кто?
- Да владелец же!
- Нет.
- Что?
- Нет, говорю!
- Выходит, ему невдомек было, что машину угнали? Ему полиция сообщила?

- Да.
- Неужто тебе это не показалось странным?
- Подумаешь! Может, никуда не ездил на ней. Вот и не хватился.
- Да ты взгляни! Как можно не заметить? Яркая, прямо как канарейка, и огромная! Не меньше танка «шерман»!
- Уолтер, что ты прицепился? Может, он не смотрел в окно...
- Как его зовут?
- Кого?
- Сидней, ну что ты как маятник болтаешься! Кончай! Встань спокойно. Мне надо узнать его имя.

Горовитц колебался, губы у него затвердели, на лице проступило привычное выражение настороженности. Не отказ, нет, но вполне оправданное нежелание. Брэккет наблюдал, как Горовитц оглянулся на свою машину и наконец выдавил:

- Пломер.
- Его так зовут или его фирму?
- Его. Роберт Пломер. П-л-о-...
- Запиши. И адрес.
- Но, Уолтер...
- Хватит тебе, Сидней. Я же могу в телефонной книге посмотреть.
- Обретається на Пасифик-авеню, — сообщил Горовитц.
- Впечатляет, — откликнулся Брэккет.
- Все? Уолтер, меня в любой момент могут хватиться, и я вовсе не жажду, чтобы хватился меня Симмонс.

— Еще одно. Этот Пломер знает про девушку? Вы ему говорили?

— Пришлось. Надеялись, что они знакомы.

— А он?

— Что?

— Знаком?

— Сказал, что нет.

— Сидней, что значит — «сказал, что нет»?

— То и значит — нет! Сказал, нет. Мэри Малевски он не знает, и я ему верю.

Брэкетт взглянул на друга, сунул листок в карман.

— Спасибо.

— Не пойму, — пожал плечами Горовитц, — что тебе до этого?

Брэкетт поцокал.

— Сидней, я тебя когда-нибудь спрашивал о причинах?

— Нет, но...

— Скажем так — не люблю оборванных концов.

— Ты же знаешь, Симмонс — мой начальник.

— Знаю. И благодарен тебе.

— Значит... Э, да катись ты к черту! Ты просто невозможен.

— Но, как говорится, невозможное отнимает чуточку больше времени, только и всего. А времени у меня хоть отбавляй.

Горовитц улыбнулся, потом ухмыльнулся, наконец, расхохотался и подтолкнул приятеля.

— Черт, ты никогда не изменишься!

— Это уж точно! Даже костюм никогда не сменяю.

Горовитц покачал головой, недоуменно и сочувственно.

— Ладно, удачи тебе. Но должен предупредить, в этой стране Малевских не считать. Особенно в Нью-Йорке.

— А пропавшие дочери имеются? Неужто никто не заявлял? Машина — одно, а дочь четырнадцати лет — совсем другое.

— Уолтер, когда ты в последний раз заходил в отдел по розыску пропавших?

— И не спрашивай.

— Так забеги на следующей неделе. Иначе не поверишь. Сейчас человеку обронить ребенка ничего не стоит. Как запонку. Шестилетних, семилетних — всяких теряют. Зайди — убедишься сам.

— Я тебе и так верю.

Пожав беспомощно плечами, Горовитц устался на «тойоту». Брэкетт догадывался, о чем тот думает. «Несчастливая девчонка! Несмышленная и глупая!» Горовитц направился к своей машине, заурчал мотор, мигнули на повороте хвостовые огоньки, и машина исчезла. А Брэкетт медленно вернулся к «тойоте», провел рукой по боковому окну, царапаясь об осколки стекла, торчавшие из хромовой обшивки, почти машинально взялся за ручку, которой касалась девушка, и нажал на нее, точно его бессмысленные действия могли разрешить загадку. Поднялся язычок замка, дверца подалась. Брэкетт повернул ручку и услышал визг.

Нет, ему не послышалось. Однотонный, пронзительный визг, шедший из машины, расколол воздух. Изумленный Брэкетт выпустил дверцу, и она захлопнулась. Все смолкло.

Уставившись на дверцу, Брэккет осторожно проделал все сызнова. Опять дверца открылась, показывая пустые сиденья, и снова электронный визг.

— Сигнальное устройство, — раздался за спиной Брэккетта чей-то голос.

Он резко обернулся и очутился лицом к лицу с парнишкой лет шестнадцати в зеленом, перепачканном в масле комбинезоне.

— Как ты сказал? — переспросил Брэккетт, торопясь выйти из нелепого положения.

— Говорю — сигнальное устройство. Струхнули, а?

— Есть немножко.

Паренек ухмыльнулся.

— Понимаете, открываете вы дверцу, а ключ забыли в зажигании, сразу же — сигнал тревоги. Напоминает про ключ. Никогда не видели?

— Такого — нет. Сверхновинок всяких полно.

Брэккетт заглянул в дымчатое окошко «тойоты», снова потянул дверцу и забрался на черное мягкое сиденье. Руль, приборная доска, циферблаты, дощечка с набором букв и... клочок бирюзовой ткани, зацепившейся за обломанный «дворник». Он устоял на ткани, вытянул доскуток, подержал в руке, ощущая прохладу шелка, и положил в карман. Светлые волосы, веснушки. Бирюзовое платье. «Невелико диво. Такое случается каждый день».

— Вы коп?

В рамке торчащего стекла появилась голова мальчишки.

— Нет.

— Точно?

— Точнее некуда.

— Чудно. У меня на копов нюх.

— Ты здесь работаешь?

— Угу.

— А как тебя зовут?

— Билли Кент. А вас?

Не ответив, Брэккетт выбрался из машины и утихомирил визжание сигнала.

— Очень уж пронзительный, — заметил он.

— В японских машинах всегда такой. Фантастика! А сигнал-то не сломался!

Брэккетт был благодарен судьбе, сохранившей сигнал. Кажется, в тюремный загон он приехал не напрасно. Четверть часа назад, разглядывая «тойоту», он решил было, что Малевски не имеет никакого отношения к терзавшим его загадкам и ему только и остается, что свернуть это проклятое дело да отправиться восвояси. Не то чтобы ему грезилась дорожка, выложенная желтыми кирпичиками, но все-таки он надеялся хоть что-нибудь отыскать: Брэккетт не забывал, что один факт — неоспоримый — у него имеется, и пусть Симмонс катится ко всем чертям. Лумис хотел что-то сообщить ему. Это факт. И звал он его не на дружеский треп. Брэккетту вспомнился тот миг, то чуть заметное движение головы, выражение лица Лумиса, когда Брэккетт спросил: «Вы меня знаете?»

Start-rite

Black

Dunlop

and its **PEARL**

Однако Мэри — совсем другое. По двум причинам. Первая — папку украл человек или люди, неизвестные ему. И вторая — Брэккет был убежден, что, какие бы кусочки головоломки тут ни крылись, родились они здесь, 14 часами раньше, в этой самой «тойоте».

Он вернулся к парнишке: навалясь на проволоку, огораживающую двор, Билл глазел на док. Примостившись рядом, Брэккет протянул ему сигарету.

— Билли, — осторожно начал Брэккет, — а «тойота» вроде бы не совсем мечта угонщика? Что скажешь? Если ключ вставлен, потяни за дверцу — да еще среди ночи, — весь квартал переполошится.

Паренек кивнул.

— А без ключа ее можно увести?

— «Тойоту»? Ни в жизнь. У каждого ключа свой номер. Вроде как у банковского сейфа, понимаете? Не то чтобы совсем нельзя. Но зачем рисковать? Миллионы других стоят. Кради на здоровье. Безопаснее, быстрее, и никакой возни.

— А вот владелец утверждает, будто машину угнали.

Парнишка повернулся и взглянул на Брэккетта, откинув волосы со лба.

— Что ж... всегда бывает первый раз. Сами знаете. Но парень, который исхитрился угнать ее, очень уж башковитый, не иначе. Правда?

— Да.

— В моторах соображает. В зажигании. Все такое. Правда?

— Да.

— А если он такой умник, чего ж это он не сумел совладать со старушкой? Взгляните! Машина — экстра! Угробиться в такой, это ж спянуть надо!

— А ведь разбился не мужчина, — тихо произнес Брэккетт. — Девушка. Четырнадцать лет.

Парень расхохотался, но, увидев выражение лица Брэккетта, замолк. На щеках загорелись яркие пятна, и он проговорил, отведя глаза:

— Ах, черт...

— Она сейчас в морге.

— Черт!

— Говорят, «тойоту» угнала она.

— Бросьте, мистер! — задиристо выкрикнул Билли. — Никак такое невозможно!

Сунув в карман Билли десять долларов, Брэккетт медленно направился к своей машине, припаркованной напротив загона.

Роберт Пломер с Пасифик-авеню и не ведал, что к нему вот-вот нагрянет гость.

Седьмая.

— Чем могу помочь, сэр?

— «Осенние Поляны»?

— Да.

— Насколько мне известно, у вас есть... постоялец по имени Кембл.

— Минуточку, сэр... Кембл... Гаролд Кембл?

— Да. Я его друг и хочу узнать, как он себя чувствует...

— Минутку... Я вас соединю... Алло? Вы слушаете, сэр? Алло? Алло?

Для тех, кто не бывал в Сан-Франциско: Пасифик-авеню — это богато разукрашенная перевязь, которая украшает чело города и тянется от гольфовых площадок до банковского центра, длина ее — почти две мили. Брэккет подъезжал к этому Парнасу с Грант-авеню, проехал разноцветный Чайна-таун, добрался до вершины Ноб-хилла и въехал в тень моста Золотых Ворот. Пломер, подумал он, живет под сенью этого моста и всегда будет жить под ее прикрытием. Даже если эмигрирует.

Дом, как ни странно, был ничем не примечателен: белый, двухэтажный, заурядный, как обои в мотеле. Кусты роз, маленькая гипсовая статуя — херувим в ямочках, две магнолии, дверь в стиле Тюдор и зеленый «фольксваген», принадлежащий скорее всего жене Пломера.

Брэккет позвонил и, услышав вызванивание первых тактов «Колокольчики Шотландии», сообразил, что здесь вряд ли найдет на ночном столике редкую книгу или солонку Челлини. Тут книги выбраны по «Литературному путеводителю», картины подсказаны агентством, а вино, конечно, американское. Но Брэккет приехал не критиковать хозяев, а поговорить с ними и уехать до темноты. Сейчас 6.55, и для многих уже начались обычные субботние развлечения.

— Да?

Брэккет обернулся и увидел смуглое женское лицо. Филиппинка, подумал он.

— Мне надо поговорить с мистером Пломером. Он дома? Я насчет украденной «тойоты».

— «Тойоты»?

— Да. Ведь Пломер живет здесь?

Брэккетта провели в холл и оставили около горшка с цветком. У цветка был такой вид, точно ему позарез требовалось выпить. Так же, как и Брэккету. В коридоре мелькнула женщина, смешивавшая на ходу мартини; наконец, в глубине коридора показался хозяин. На лице полный набор банальностей: «Интересно, кем вы себя воображаете? Вы, что, считаете предварительный звонок необязательным? Вы разве не понимаете, что мы ждем гостей?»...

— Мистер Пломер? Поговорим здесь или в присутствии вашей жены? — произнес Брэккетт как можно небрежнее.

На вид Пломеру было лет пятьдесят, натуральный загар, зеленые вельветовые брюки, полосатая рубашка с открытым воротом.

— Позвольте узнать: вы кто? — спокойно поинтересовался он, проигнорировав вопрос Брэккетта.

— Уолтер Брэккетт.

— Не знаю в полиции такого.

— Надо же, в каких вы тесных отношениях с полицией.

— Я юрист, у меня там много друзей.

— И у меня тоже. Но я не служу в полиции.

Похоже, в глазах Пломера блеснуло облегчение.

— Значит, вы из страховой компании?

— Нет, и не оттуда.

— Послушайте, я очень занят. Мы ждем гостей...

— Вы не ответили на мой вопрос.

— Не помню, что...

— Я спросил: будем говорить здесь или при вашей жене?

— Сомневаюсь, что разговор вообще состоится, — по-прежнему храня обманчивое хладнокровие, отрезал Пломер. — Боюсь, вам придется уйти. Извините...

Он двинулся к парадной двери, Брэккет направился в гостиную. Любительница мартини, к счастью, находилась там.

— Миссис Пломер? — громко и отчетливо спросил он.

— Да?

— Извините за вторжение. Уолтер Брэккет — частный детектив. Хочу просить вас о помощи.

В овальное зеркало Брэккет видел, что Пломер уже на подходе, и мысленно прикидывал следующий ход. Свой и Пломера.

— Я про одну молодую девушку. Ее нашли мертвой в машине вашего мужа. Не знаете, кто она?

Недоуменно опустив бокал, женщина взглянула на подошедшего мужа.

— Элен, — вмешался Пломер, — мне уже звонили из полиции.

178 По-видимому, эта девушка угнала машину.

Брэккет терпеливо наблюдал семейную интерлюдия, невольно восхищаясь хваткой Пломера, обнимавшего жену за талию.

— Брэккетта наняла страховая компания.

Обойдя заявление молчанием, Брэккет придвинулся ближе. Теперь он ясно видел выражение лица Элен: как и следовало ожидать, она явно ничего не знала.

— Мистер Брэккет... — недоумевала Элен, — откуда же нам знать...

— Ее зовут Мэри Малевски. Никогда не слышали?

Нет. Все правильно. Но, что неожиданно, имя было незнакомо и Пломеру. Или же в актерском мастерстве тот превзошел самого Барримора. Брэккет повторил имя, глядя на Пломера в упор и ощущая, как карточный домик, который он так любовно возводил по пути на Пасифик-авеню, рушится на глазах. Разве только...

— Может, она назвалась по-другому? — Под взглядом Пломера Брэккет торопясь принялся рыться в карманах, приговаривая при этом: — Тут у меня где-то ее фотография. Может, вспомните, если увидите.

Выудив снимок размером с открытку, он уже протягивал его, но тут быстро вмешался Пломер:

— Элен ждет гостей, — фотография застыла на полпути, — давайте обсудим все у меня в кабинете. Сделаю все, что смогу, а жена пусть готовится встречать гостей.

Лицо Пломера дышало тревогой, его жены — любопытством,

но Брэккетт не разрушитель семейных очагов. Он знал, что позже Пломер ублажит жену, объяснив ей все, что она жаждет услышать. Насквозь фальшивые уверения, но она примет их так же охотно, как принимает наряды, особняк на Пасифик-авеню и кредит в роскошных магазинах. Совсем сомнения, конечно, не развеются...

Брэккетт убрал фотографию.

— Ну, конечно. Извините, миссис Пломер. Мы все выясним с вашим мужем. Девушку эту он, конечно, никогда не видел.

Избегая взгляда Брэккетта, Пломер подлил жене вина, поцеловал ее в щеку и вышел.

— Сюда, Брэккетт.

Брэккетт кивнул и оглянулся на Элен.

— Надеюсь, что не испортил вам вечер, миссис Пломер?

Ему не ответили.

В кабинете Пломер налил себе виски. Гостю он не предложил, но Брэккетт налил сам, рассудив, что, если за расследование ему никто не платит, надо при случае оправдывать расходы.

— Зачем же так? — укорил Пломер. Он имел в виду атаку на его жену, а не хищение виски.

— Я не нарочно. Сами вынудили.

Пломер опустился в черное крутящееся кресло: такие по карману только богачам. Богачи их и покупают. Все как один. Оглядев стену, Брэккетт выяснил, что Роберт Пломер — член клуба «Елкс», что ему доводилось стоять рядом с губернатором Рейганом, состязаться в гольф, сидеть третьим слева в Йеле, у него склонность к работам Дэвида Хамилтона (ослепительно глянцевиные фото совсем молоденьких девушек) и он коллекционирует фигурки слонов¹, то ли из любви к толстокожим, то ли из-за своих политических пристрастий.

— Брэккетт...

— Прежде всего, — прервал Брэккетт, — напомним: я не из полиции. И не намерен информировать ее о вашей связи с девочкой четырнадцати лет, что, сами понимаете, может не только превратить ваш диплом юриста в никчемный листок бумаги. Это грозит вам тюрьмой.

— Только без блефа...

— Что? Да будь вы чисты, вы бы меня после первого слова вышвырнули.

— Доказательств у вас нет.

— Да, тут вы правы. Но материала, чтобы передать дело, скажем, комиссару полиции, хватит. Посмотрим, поможет ли вам тогда дружба с полицейскими.

— Вы решили шантажировать меня?..

— Потихе, Пломер. Я же сказал — частный детектив. Карточки у меня нет, но можете справиться в телефонной книге.

— Никогда о вас не слышал.

— Я о вас тоже. До сегодняшнего дня.

¹ Слоны — символ республиканской партии в Америке.

Раздираемый сомнениями, Пломер не отрывал глаз от Брэкетта. Внезапно он сдался и произнес:

— Машину угонять ей, конечно, было незачем.

— Вам она известна под другим именем? Не Мэри Малевски.

— Кто? А, нет. Салли.

— Салли, а дальше?

— Салли... Салли Фитцджеральд.

— Салли Фитцджеральд? Да... на Малевски что-то не смахивает.

— Подумаешь, преступление.

— Меня не касается. Мне только надо узнать, кто она. Для начала у меня было одно имя. Теперь — два. Итак, Пломер, везите меня туда, где вы с ней встречались.

— Но, послушайте...

— Мотель?

— Ну что вы в самом деле! Нет, конечно. Это в...

— Где же?

— У нее. Но как же я могу? Бросить все, ехать...

— Ничего, ничего, Пломер. Уж как-нибудь. День-другой проволочки, и кто знает, что сумеют раскопать всякие там мерзавцы. Вы юрист, вам это известно лучше меня. Стало быть, если желаете в понедельник сидеть у себя в конторе, надо ехать немедленно.

— А Элен?

— Скажите, что едете опознавать машину.

Пломер уставился на ксвер.

— Пломер, девушка лежит в морге, но вчера ночью она лежала в постели. Вот мне и надо взглянуть на нее.

— Обещаете, что полиция не узнает?

Он был напуган и уже не скрывал страха.

— От меня — нет, — заверил Брэкетт, — обещаю.

— Мне тогда конец...

— Пожелай я навредить вам, что мне тянуть? Стоило шепнуть слово вашей жене... Меня интересует девушка...

— Ладно. Отвезу. Только дайте сначала на фотографию взглянуть.

— Пожалуйста.

Брэкетт аккуратно положил снимок на скамеечку.

Пломер посмотрел на фотографию, перевел глаза на Брэкетта, и лицо у него перекошилось от злости.

— Подонок вы, Брэкетт! Подонок!

Брэкетт покорно снес оскорбления. Что поделаешь, заслужил. Снимок был не Мэри Малевски, на открытке улыбалась мордочка популярной Филдси, он купил ее полчаса назад в киоске на Юнион-сквер.

— Ну что, едем? — Детектив направился к двери. — Наши игры в кошки-мышки кончены?

Восьмая.

— Здесь? — спросил Брэкетт.

Пломер кивнул. Он почти сполз с сиденья, словно старался

стать незаметнее. Пустые потуги — в районе Норт-бич никому ни до кого нет дела.

— Поверьте, Брэккет, я не думал, что девушка так молода.

— А что? Вели бы себя по-другому?

Брэккет вылез из «бьюика» на залитый неоновым светом тротуар. Улица баров, тайных свиданий и одностороннего движения; жалких торговцев и тараканов; любителей поудить рыбку и попавшихся на крючок! Тут никогда не продавали настоящую кока-колу, а младенцев, появившихся на свет, встречали шлепком, и уходили они тем же манером. Это были даже не закоулки из дешевых детективных романов, а еще гаже.

— Уверены, что полиция сюда не доберется? — нервничал Пломер.

— Показывайте комнату.

Комната помещалась на третьем этаже, под лестницей. Единственное достоинство лестницы — темнота. Их никто не остановил, ничего не спросил, всем было наплевать. Они наткнулись на бутылки и смятые газеты, и Брэккет попробовал представить себе, как девушка умудрилась скатиться в такую жизнь. Но не сумел. Может, сказывалась старомодность его поколения.

Пломер уже остановился перед дверью. Из глубины соседней комнаты доносилась музыка.

— Она жила одна? — спросил Брэккет.

— Да, когда бывала здесь.

— Ключ есть? Тут заперто.

Ключ извлекли из-за рамы окна.

— Кто его туда положил? Вы?

— Да. Я всегда...

— Когда?

— Около пяти утра.

— А откуда вы знали, что девушка не вернется?

— Я не знал. Но мне надо было уходить.

— Но она же взяла машину?

— Ну и что... Я не мог задерживаться. Взял такси.

— Повезло, что вас тут не ограбили. Давайте ключ. Войду первым.

Дверь легко открылась, и Брэккет осторожно шагнул в комнату. Включив свет, он оглянулся.

— Входите и закройте дверь.

Чуть помешкав, Пломер вошел. Увидев неубранную постель, простыни, подушки, он рванулся назад. Но Брэккет перехватил его и с маху ударил об шкаф. Пломер наконец осознал случившееся, он дрожал, молился Богу, того гляди расплачется. Оставив Пломера, Брэккет принялся осматривать комнатку. Много времени осмотр не занял: узкая двуспальная кровать, несвежие простыни, на полу валяется «Экзорсист», в книжке облатка противозачаточных таблеток с календариком, смятые колготки, в шкафу пара платьев, плохонький плащик, туфли, двое джинсов, стопка маечек, грязные трусики, коробка тампонов и всякие женские интимности. Но ничего, указывающего на то, кем же была девушка. Ни записок, ни писем — ничего. Словно жила она так же анонимно, как умерла.

К счастью, она пыталась немножко приукрасить пустую комнатушку. К стене прикреплены два портрета. Один — Мерилин Монро (серебристые волосы, печальные глаза, чувственный рот), надпись на втором утверждала, что это — Дженис. На ночном столике — бумажные цветы, пачки сигарет «Силва Тинс», спички с надписью «Джими», лампа, журналы, будильник и кукла. На другом столике — проигрыватель, коробочка с гашишем и маленькая бирюзовая сумочка. Брэккет торопливо рванул «молнию», чуть не вывалив содержимое на пол. Но спешка оказалась напрасной, ничего примечательного, обычная женская ерунда: сигареты, косметика, деньги, бумажные салфетки, таблетки. И все. Тупик.

Правда, из сумочки вывалился моментальный снимок.

Брэккет отложил его, продолжая осматривать то небольшое, что оставалось. Пломер присел на кровать, закурив «Силву Тинс», вид у него был такой, будто он страстно желает, чтобы поскорее наступил конец света. Слезы его быстро высохли, да и плакал он скорее о себе, чем о девушке.

— Пломер! — Брэккет листал журналы. Яркие, пустые, напичканные советами, как управляться с сухими волосами и дурным запахом. Дешевое чтиво. — Пломер, я с вами говорю. Выкладывайте все как есть и уезжайте. Успеете к обеду одеться.

— Мне нечего сказать.

— Ошибаетесь. Вот вы сказали, что ее зовут Салли Фитцджеральд. Она сама так назвалась?

— Что значит — назвалась?

— Ее имя — Салли Фитцджеральд?

— Да.

— А вы слышали, ее так кто-нибудь называл?

— Как?

— Салли. Ну, окликали ее: «Хэлло, Салли!», «Как дела, Салли?»?

— Мы ни с кем не встречались.

— Где же вы с ней познакомились?

— В клубе.

— В каком?

— Не помню.

— Здесь? — Брэккет протянул ему спички «Джими».

— Да.

— Что она там делала? Охотилась на простаков?

— Нет! — рассердился Пломер. — Не охотилась!

— Но вас-то она подцепила.

— Все было совсем не так.

— Только не вздумайте уверять, будто не давали ей денег.

— Что?

— Деньги ей давали?

— Вообще-то...

— Хватит влиять. Сколько?

— Это вас не касается...

— Сколько?

— Не помню.

— Сотняжку долларов? Пару?

- Ну вот еще!
- Пятьдесят?
- Забыл. Не занимаюсь бухгалтерией.
- Около пятидесяти?
- Может, сто. Забыл.
- Ковер жжете.
- А?
- Ковер...

Брэккетт пошел к раковине. В зеркальном ящичке хранился крем для лица, палочки с ватой...

- А о чем вы разговаривали? — поинтересовался Брэккетт.
- Ни о чем.
- Только любовью занимались?
- Знаете, Брэккетт, с меня довольно вашего...
- Скажите спасибо, что объясняетесь не с полицией.

Пломер помолчал, закурил сигарету и сел.

- Ладно, поехали сначала. Так о чем же вы разговаривали?
- Ни о чем особенном.
- Ну давайте, выделите для примера.
- Так, пустая болтовня.
- Обожаю пустую болтовню.
- Что я, помню детали?
- А мне казалось, юристов специально учат запоминать подробности.

— Ну хорошо. Мы были в постели. О чем говорят в постели?

- Ну, ну, очень интересно.
- Главным образом о деньгах.
- Отлично. Вот что-то и проясняется.
- Но это все, — сказал Пломер. — Остальное — женские разговоры. Беспокоилась о своей фигуре...
- О прошлом рассказывала что-нибудь?
- Вроде нет.
- Не говорила, откуда она? Какие-нибудь случаи, воспоминания из детства?

— Нет. Поймите, Салли вообще не разговаривала. Бросила как-то, что ненавидит родителей, и все.

- Так и сказала?
- Да. Мы поссорились, и она выкрикнула, что я в точности похож на ее отца.
- И поэтому она ненавидит вас?
- Ненавидела она отца, а не меня.
- Девочка же намекала, что ей хочется найти его?
- Вот уж нет! Уж чего-чего, а это — нет. А что?
- Так, ничего.

Брэккетт усмехнулся нелепости происходящего. В общем, он вел себя так же идиотски, как Пломер, поверив наигранному девчоночьему желанию найти отца. Поддавшись нехитрым чарам, он дал ей денег. Может, Кембл прав? Может, пора как-то перестраивать свою жизнь?

- А почему вчера ночью девушка ушла?
- Мы поссорились.
- Из-за чего же?

- А, ерунда.
- Другой мужчина?
- Нет.
- Что же тогда?
- Ей опять потребовались деньги.
- Много?
- Пятьсот долларов.
- Ого! Сумма. Объяснила, зачем она ей?
- Сказала, будто беременна.
- Поверили?
- Нет.
- И отказали?
- Конечно. Я знал, что деньги она просит для другого.
- И вы поссорились.
- Да.
- Зачем же ей столько понадобилось? Пятьсот долларов!
- Послушайте, девушка мертва...
- Наркотики?
- Может быть.
- Может или наверняка?
- Ладно. Наверняка!

Брэккет взглянул на него, кивнул и продолжил осмотр. Вещи заурядные, как прыщик. Зубная паста. Зубная щетка. Расческа, между зубьев запутались светлые волоски. Опять таблетки (зелено-черные), тени для век.

- И тогда она убежала?
- Да.
- Голая, на улицу?
- Ну нет...
- Вы же сказали, что были в постели? Мне всегда казалось...
- Она набросила платье.
- Когда выбегала?
- Да.
- Одно платье? Никакого белья?
- Нет. Схватила платье и выбегала.
- Платье было такого цвета?

Брэккет вытянул из кармана лоскуток бирюзового шелка. Пломер кивнул, и Брэккет бросил лоскут в корзину.

- А чего же вы ее не удержали?
- Попробуй удержи.
- А, конечно. Вы же были голый.
- Да она же визжала, орала. Соседи могли сбежаться. Волей-неволей пришлось уступить.
- Что же она кричала?
- Чепуху всякую. Грозилась, что достанет деньги в другом месте. Что ее вынуждают.
- Где-то или у кого-то?
- В другом месте. Вот ее слова.
- Где же? Догадываетесь?
- Нет, — покачал головой Пломер. — В здешнем квартале деньги можно достать где угодно.

Брэккет кивнул. Что верно, то верно.

— И так, она соскочила с постели, натянула платье. Что еще?
— Что?..
— Что еще она взяла?
— Туфли, наверное. Ключи от машины.
— И вы позволили?
— Говорю же, ее невозможно было остановить. Честное слово, знай я, как все обернется, не пустил бы. И плевать на все последствия.

Брэкетт кинул на него быстрый взгляд, но промолчал.

— Часто она брала у вас машину?

— Изредка.

— Сумочка ее? — Брэкетт помахал бирюзовой сумочкой.

— Да.

— И сумочку не захватила. Только платье, туфли и ключи...

Видите ли, полиция нашла в машине мою карточку.

Пломер удивленно посмотрел на Брэкетта.

— Да. Меня это тоже удивляет.

— Какую карточку?

— Обычную. Визитную. «Брэкетт и Кембл».

— А, так вот почему мне знакомо ваше имя. Частный детектив.

На этот раз доска качнулась под Брэкеттом.

— Вы видели карточку в машине?

— Она там месяца три как валяется. Я значения не придавал.

— Почему же? Не вы ведь положили?

— Ну и что! Машиной пользуются многие. К примеру, мой помощник.

— Это не объяснение, почему вы не заинтересовались карточкой.

— Брэкетт, я юрист. Частные детективы мне не в новинку. Часто нанимаем.

— Нас вы ни разу не нанимали, — обидчиво заметил Брэкетт, пытаясь снова овладеть положением.

— Да я и не слышал о вас. Новая фирма?

Брэкетт молча рассматривал шкаф. И так, орешек разгрызен, но ядрышко он предпочел бы другое. Например, Лумис. Все объясняется просто: когда девушка зашла к нему, она взяла карточку и бросила ее в машине любовника. Просто и ясно.

— Еще что-нибудь? — Пломер встал.

— Да! — отрезал Брэкетт. Новая фирма! Проспал он, что ли всю жизнь? — Сядьте, Пломер!

— Жена будет беспокоиться...

— Это уж ваша забота. Не забудьте — любезность оказываю я. Ну а теперь я хочу знать, какие еще приятели водились у девушки.

— Приятели?

— Сами задерживаете. Смотрите, застрянем на всю ночь.

Пломер присел.

— Говорила она о других любовниках?

— Нет, никогда.

— Но они у нее были?

Ответа не последовало.

— Пломер, вы не дурак. Юрист, может, паршивый, но дураком вас не назовешь. Давайте выкладывайте все.

— Я у нее не спрашивал.

— Ни разу?

— Что толку? Все равно наврет.

— Но вы знали?

— Да.

— Их было много?

— Не знаю. Но быть — были. Когда спишь с девушкой... нельзя не знать. Правильно?

— Будем надеяться, что ваша жена другого мнения.

Удар ниже пояса. Брэккет тут же пожалел, что нанес его, даже решил извиниться, но прощения просить он никогда не умел, даже у Дороти. Что тоже сыграло роль в их отношениях. Хотя, конечно, имелись и другие причины.

— Сейчас отпущу, только еще одно...

Брэккет взял отложенную фотографию. Обнаженная девушка. Не очень искусный снимок — ни эротики, ни эстетизма. Просто, без всяких фокусов, запечатлена молоденькая девушка перед зеркалом; ни малейшего намека на непристойность, если не считать любую фотографию обнаженной девочки четырнадцати лет непристойной. Брэккет решил, что для любителя снимок недурен, девушка довольно привлекательна, хотя Лолиты были не в его вкусе.

— Вы снимали? — спросил он.

— Нет.

— Посмотрите.

— Я же сказал, нет.

— Это девушка, которую вы знали как Салли Фитцджеральд?

— Да.

— Но снимали не вы?

— Послушайте, — раздраженно огрызнулся Пломер, — понятно, вы обо мне невысокого мнения, но снимал все-таки не я. Подобные развлечения... не в моем вкусе.

— Но снимок вы видели?

— Да. Как-то раз.

— Она сама вам показала?

— Да. Ей нравилось. Он ей льстил.

— А кто снимал, не говорила?

— Нет.

— Ладно, Пломер, отправляйтесь домой.

— Считаете, я свалю дурака? — Пломер встал.

— Ничего я не считаю. Мне все равно. До свидания. И можете быть спокойны, вы об этом больше не услышите.

В ответ на благодарности адвоката Брэккет промолчал. Еще раз оглядев комнату, пристроив подушку на место, юрист вышел из комнаты, торопясь к белым стенам и мартини на Пасифик-авеню.

Брэккет выглянул в окно. Раньше он, пожалуй, отправился бы на розыски. Но сейчас — нет. С него хватит. Он выдохся и ставит точку. Кончать так кончать. Не успев окончательно прийти к такому решению, Брэккет понял, что не одурачит никого, даже

самого себя, потому что такое решение — позор. Он взял на себя обязательство, и если сейчас отступится, ему впору усесться рядышком с Кемблом и наслаждаться комиксами, освободив Либерману комнату. И Брэкетт не бросил. Не только потому, что он детектив, но и потому, что на снимке заметил деталь, которую проглядел раньше: ослепляя и притягивая, бледно-розовая кожа не позволяла оценить композицию во всей полноте.

Используя трюк с зеркалами, фотограф учел, что выбирать позицию надо очень осмотрительно, иначе в зеркале отразится и он. С этим он справился успешно: на фото виднелась только тень его руки. Но в комнате присутствовал третий, не столь искусственный в мастерстве фотографирования. На снимок попало его лицо, крошечное, но все-таки лицо. Мираж за левым плечом девушки. Перед Брэкеттом был свидетель...

И чего это толкачу наркотиками вздумалось идти в кино? Это была его первая ошибка. И нечего было усаживаться в центральный ряд. Вторая ошибка. А коли так, и винить некого — только себя. Он почувствовал укус ножа и услышал шепоток под музыку, льющуюся с экрана:

— Забирай-ка свою кукурузу, Крошка, и топает. Машина ждет.

- Работа обойдется в два пятьдесят.
- Раньше стоила доллар.
- Никогда и ничего не стоило доллар. Даже сам доллар.
- На сколько сумеешь увеличить?
- Где фото?

Брэкетт протянул снимок через стойку.

- Пять долларов.
- Только что сказал — два пятьдесят!
- А в таком наряде — пять!
- Ты про что?
- Вы англичанин?
- Когда нравится.
- Ну так я ясно говорю — пять долларов.

— Слушай, выкинь девушку к черту. Мне нужен только правый угол.

— О'кей. За девушку — четыре доллара. За весь набор. Кому какое дело?

- Я ж тебе толкую — девушку не надо. Только правый угол.
- Твоя взяла. Рад? Твоя взяла. Три доллара.

Через десять минут Брэкетту вручили увеличенный снимок: на теле девушки четко выступали каждая веснушка и каждое пятнышко. Брэкетт стал обладателем фотографии мертвой девушки чуть ли не в натуральную величину и знакомого лица — крупным планом, — улыбающегося ему из-за голого плеча. Брэкетт заплатил, скатал еще влажный снимок и позвонил Горовицу. Того не было. Пришлось звонить Хендерсону.

— Сержант Хендерсон? Уолтер Брэкетт. Хотел спросить вас...

— Минуточку, Брэкетт. Тут все-таки морг, а не теледетектив «Голливудские ребята».

— Хендерсон, я насчет той девушки. Мэри Малевски. Помните?

— А как же? Зубы ее сейчас обрабатываем. А что, ниточка какая отыскалась?

— Терпение, сержант. Мне нужно узнать про парнишку, который работает в тюремном загоне. Знаете его?

— Билли Кента? Конечно.

— Он, наверное, уже ушел?

— Само собой. Они в семь кончают.

— Случайно не знаете, где он может быть?

— Билли? Скорее всего в спортклубе. Он вечно отирается по спортклубам.

— А в каком?

— Слушайте, Брэккетт, я-то думал, что ребята вроде вас знают все. Всезнайки-супермены. Такими вас показывают по телеку. Шикарная...

— Сержант...

— Блондинка, пистолет за поясом, дерьмо собачье...

— Сержант, мне нужно название клуба...

— Сами, черт вас дери, и ищите!

Трубку бросили. Послушав мертвые сигналы, Брэккетт тоже положил трубку. Билли Кент, Парень, который так здорово соображает в машинах.

Пожав плечами, детектив взял свернутое фото и вышел.

На улице уже стемнело.

Неожиданно задние колеса скользнули по песку и завязли, машина рванулась вперед, фары осветили пляж, белую полосу пены; кренясь, машина выбралась на каменистый островок и поехала к кабинкам. Шины вильнули вбок, машина опять набрала скорость, и только сейчас стало видно бегущую женщину. Она метнулась в панике назад, вперед, наконец, решила, что спастись можно только в море. Машина въехала в воду, расплескав каскад бурунов, и затормозила. Распахнулись дверцы.

Женщина остановилась, обернулась, почти надменно, и протянула руку, словно хозяйка вечеринки в старинном доме, готовая приветствовать первого гостя в сезоне.

— Она, — шепнул толкач наркотиками пассажиру сзади, — Норма Уитли.

— Спасибо, Крошка.

Девятая.

Как-нибудь, устало подумал Брэккетт, надо будет подсчитать для разрядки, сколько спортклубов в Сан-Франциско. Он побывал уже в девяти. Билли знали везде, но сегодня вечером не видели. По пути Брэккетт заглянул в бар подкрепиться перед работой. Через час у него вдруг кончился бензин, прямо посреди Маркит-стрит, и ему пришлось толкать машину два квартала, прежде чем удалось снова завести «бьюик». Обнаружилось, что и деньги на исходе (день для выплаты выдался что-то плохова-

тый), одна надежда, что нужные люди будут говорить, не требуя взамен платы. У Билли, к счастью, оказалось золотое сердце.

Войдя в спортклуб, Брэкетт увидел, что здесь ничего не изменилось. Тот же запах, тот же пот, красный деревянный барьер справа, за барьером на стене фотографии, иные с автографами. Они тоже прежние — только чернила выпцвели да подзабылись имена.

Две крепкие перегородки отгораживали от вялого оптимизма зала письменный стол, телефон и старика в галстук-бабочке. Старика звали Дикси — он был родом из Бруклина.

Когда Брэкетт вошел за перегородку, Дикси, узнав его, театрально протянул руки. Он не изменился — такой же лысый, такой же близорукий, все в том же, если Брэкетту не изменяла память, жилете.

— Нет, не может быть! — воскликнул Дикси, глаза за очками тоже удивились. — Лицо, которое я помню всегда! Гарри Кембл!

— Ох, Дикси, лошадку угадали, да не с того конца, — улыбнулся Брэкетт. — Уолтер Брэкетт.

— У-о-л-т-е-р Брэкетт! Как же это я? Конечно, Брэкетт! Все держишь отель?

— То был Гарри, старина. Я никогда...

— Бросил? И правильно, Уолтер, я всегда говорю — не можешь держать «Фейэрмонт» или там «Сан-Франциско», лучше вообще бросить. Хилтон! Помнишь Конрада Хилтона? Смекалостый такой был. Купил отель «Плаза» в Нью-Йорке. И ничуть не зазнался. Есть над чем поразмыслить, а?

— Кажется, сейчас владелец этого отеля — Сонеста...

— А?

— Да так, пустышки...

Дикси взгляделся в гостя, точно в страницу, набранную петитом, и спросил:

— А ты каким ветром? Да садись. Вот сюда.

— Парня одного разыскиваю. Билли Кента.

— Билли? — Дикси не смотрел на него, но Брэкетту стало ясно, что старик вспомнил Кента. — Билли — хороший мальчик.

— Разве я что говорю? Он мне просто нужен.

— Славный парнишка. И боксер хороший. Ему поднабрать еще пару-другую фунтов, и может выступать в тяжелом весе.

— Он тут?

Дикси задумчиво покрутил сигару между пальцами.

— В раздевалке. Переодевается.

Брэкетт двинулся к двери.

— Уолтер! — беспокойно окликнул Дикси. — Не лишай меня боксера!

Улыбнувшись, Брэкетт покачал головой и отправился в раздевалку. Название слишком пышное, всего-навсего бывшая душевая — отбитые плитки кафеля, скамейка и маленькое, забранное решеткой оконце. Билли стоял спиной к двери, застегивая «молнию» на небольшой парусиновой сумке.

— Хэлло, Билли! — прикрывая дверь, окликнул его Брэкетт.

Парень быстро обернулся (мгновенная настороженность в гла-

зах, плечи оборонительно развернулись), узнал Брэкетта и щелкнул пальцами.

— Фокусы машины, а? На тюремном дворе!

— Правильно.

— Тоже боксер?

— Нет.

— А похоже. Стойка, как у боксера.

Казалось, Билли успокоился, но Брэкетт чувствовал его напряженность. Будто ненароком, паренек пристроил сумку на скамью, высвобождая руки.

— Зашел с тобой поговорить.

— Про «тойоту»?

— Нет, Билли. Про девушку. Вот эту.

Брэкетт протянул снимок, не отрывая глаз от парня. Поднеся фотографию к лампочке, тот сосредоточенно хмурился.

— Знаешь ее?

— Нет, никогда не видел.

— Ни разу?

— Не-а, ни разочка. А кто такая? Мисс Америка?

— Это ты мне скажешь. Ты же был в комнате, когда ее снимали.

Парень смахнул волосы со лба и взглянул на Брэкетта.

— Да? И кто же это говорит?

— Я.

Билли приподнялся на носки, примеряясь к Брэкетту.

— Пожалуй, что пошлю вас в нокаут.

190 — Может быть. Но что изменится? Ты был там. Посмотри повнимательнее. В зеркале твое лицо. Правильно?

— А вы точно не коп?

— Точно. Мне нужна твоя помощь, и только.

— Ничего противозаконного?

— Разумеется, нет.

— Да, что-то новенькое. Друг Дикси?

— Уже двадцать лет. Хочешь — сам спроси.

— Ну ладно. Чего требуется?

— Кто эта девушка?

Билли снова взял снимок, ухмыльнулся, щелкнул по нему пальцами.

— Грудь — блеск. Правда?

— Как ее зовут?

— Ее? Джин.

— Джин?!

— Ага.

— Не ошибаешься?

— Вы спросили, я ответил. А как, по-вашему, ее зовут? Роки?

— Джин, а дальше?

— Джин Харлоу.

— Слушай, не юли. Выкладывай правду.

— Да я и говорю. Джин Харлоу.

— Но Джин Харлоу — киноактриса, — заметил Брэкетт.

— И девчонка эта — тоже. В фильмах не снимается, но актриса. Понимаете, о чем я?

— Значит, Джин Харлоу.

— Сама так говорила. Джин Харлоу. Может, придумала?

Брэккетт вздохнул. Легко представить себе выражение лица Хендерсона.

— Билли, мне она назвалась Мэри Малевски. Еще одному типу — Салли Фитцджеральд. А теперь ты заявляешь, что она Джин Харлоу.

— Очень даже может быть, — засмеялся Билли.

— Почему?

— А, черт! — Парень замаялся. — Девчонка вечно все выдумывает. Понимаете? Как ненормальная. Зачем только?

— Ты ее хорошо знаешь?

— Вроде бы. Мечтает стать моей старушкой... Но... Я же боксер.

— Бокс стоит денег. И немалых. Снаряжение, реклама...

— Выкручиваюсь.

— Деньги она дает?

— Джин, что ли? Не-а. — Парень ухмыльнулся. — Ладно. Иногда она. Знаете, так, по-дружески.

— Где же девочка раздобывает их?

— Не заметете ее? — впился в него глазами Билли.

— Нет, не сумею. Она мертва. Это она разбилась в «тойоте».

Билли не шевелился. Не отрывая глаз от Брэккетта, он медленно опустился на скамейку. Из зала доносилось шарканье ног по мешковине, выкрики болельщиков. Кто-то заглянул в раздевалку, но Брэккетт навалился на дверь, снаружи поругались и ушли. Детектив закурил сигарету и протянул Билли, но парнишка не обратил на нее внимания.

— Прости, Билли. Но это правда.

— Чертова девчонка! Дура! Шлюха!

Он не плакал, как Плюмер. Сидел неподвижно, уставясь в пустоту и понося погибшую. Брэккетт присел рядом — какое-то зловещее повторение сцены с Лумисом. Только парень расстроился больше, хотя и старался не выдавать себя.

— Так, Билли... кто же все-таки снимал?

Ответа не последовало, и Брэккетт положил фотографию ему на колени.

— Билли, девушка погибла, я веду расследование. Кто ее снимал?

Нехотя повернувшись, парень изучающе посмотрел на Брэккетта.

— Играете честно?

— Да.

— Я о себе. Мне вовсе не светит влипнуть в историю, понимаете?

— Даю тебе слово.

— Но вы не... ах, черт, зовут-то вас как?

— Уолтер Брэккетт.

— Старушка имеется?

— Была. Умерла.

— Вот так оно все в жизни.

— Давай, Билли, рассказывай про девушку.

— Боже, дерьмо собачье, господи... Ну... она ловила старичков. Слышали бы, что она рассказывала! Попадались прямо свихнутые. И... потом... они ведь не знали, что ей еще и восемнадцать нет, правильно? Может, и догадывались, да...

— Ты знал кого-нибудь из них?

— Нет. Она много не болтала. А я и не спрашивал. Иногда кое-что рассказывала, но имен не называла. Черт, я же старался отвадить ее. Но она наркотики потребляла...

— Какие?

— Все без разбору. Кололась, нюхала... Жаловалась, что расклеивается без них... — Парень беспомощно пожал плечами.

— А снимал ее кто?

— Он был... спать он с ней не хотел. Понимаете? Хотел просто смотреть. Может, не мог. Не знаю. Черт, дерьмовое дело. Выйдем?

— Почему бы и нет? У меня машина. Могу тебя подбросить.

Открыв дверь, Брэккет ждал, пока Билли возьмет свою сумку. Парень казался хрупким и очень юным.

— Мистер, вы меня не надуваете?

— Нет, я ездил на опознание. Она погибла.

— Может, и к лучшему, а? Жизнь у нее была... Последнее время мне казалось, она вообще уже себя не помнит. Живет, как во сне...

— Двинули, Билли.

Они прошли через зал. Брэккет заметил, что за ними наблюдает Дикси. На улице Билли остановился и прислонился к стене, глубоко вдыхая ночной воздух.

— А знаете, — сказал он, — я ведь к ней сегодня собирался. Субботний вечер, большой сбор...

— Билли, кто же снимал ее? — Брэккет вытянул у него из рук снимок.

— Коп!

Ответ прозвучал напористо и ошеломляюще.

— Да ты что? Коп?!

— Ага.

— Не верится что-то. Да и не признался бы он. Даже если и вправду коп.

— А чего признавать, мистер? Я копа за миллион миль чую. И ни одной промашки.

— А со мной?

— Исключение подтверждает правило. Вроде так говорится.

— Так ты утверждаешь, что снимал коп?

— Правильно. С головы до пят — коп. Ничего явного, но у меня на них нюх, понимаете? Как на ринге. Стоит гонгу ударить, и ты уже все знаешь о противнике, если мозгов хватает. Все. Про копов я выучился, еще когда вот таким был. Знаю, кто на стороне закона, а кто — нет. Знаю, и все тут. Понимаете?

— Хорошо. Значит, коп.

— Да я присягнуть могу!

— Какой он из себя?

— Вот этого не скажу... Темно было, да и видел я его недолго.

Ему вроде лет сорок пять. Хотя нет, малость постарше. Не разглядел толком.

— Говорил что-нибудь?

— При мне почти ничего. Велел убираться. «Потеряйся, Крошка». Только и сказал.

— А как зовут, не знаешь?

— Ох, ну конечно! — расхохотался Билли. — Имя у него есть. Подумаешь! Назваться можно хоть Мэри Поппинс! Сказал — Хэл Иордан.

— Эл?

— Эл, Хэл. Какая, к черту, разница!

— Хэл Иордан, — повторил Брэккетт. — Имечко — с ходу не придумаешь.

— Может, опять кинозвезда какая? Вроде Джин Харлоу?

— Все может быть.

Когда они зашагали к центру, начал накрапывать дождь (необычный дождь района Залива, падающий тяжело, точно притягиваемый к земле силой тяготения). Паренек, похоже, начал нервничать — без конца тревожно поглядывал через плечо, но в этот ранний вечерний час улица была абсолютно пуста.

— Билли, — Брэккетт старался шагать с парнем в ногу, — а ты больше не встречал этого Хэла Иордана?

— Нет. Только тогда. Даже не знал, что его так зовут. Джин мне потом сказала.

— А слышал о нем?

— Само собой. Поговорите с любым наркоманом: о нем слышали все. Он для них — мистер Пророк. Понимаете, о чем я?

— Наркотиками их снабжает?

— Ага. Но его никто никогда не видел.

— Девушка видела. И ты видел.

— Черт! — Билли точно споткнулся и тут же глянул через плечо. — Думаете, я не соображаю?

— Боишься?

— Нет... Да... Вроде и говорить неловко, но мне как-то спокойнее, что я работаю в тюремном загоне. Все время копы крутятся... Да. — Он смущенно отвернулся. — Я боюсь.

— Билли, он белый или черный?

— Иордан-то? Белый.

— Уверен?

— На сто процентов.

— Ладно, пойдем в машину. Дождь идет.

— Нет, спасибо. Добегу. Мне тут всего два квартала.

— Билли! Еще минутку! Когда ты последний раз видел Джин? Девушку свою?

— Вчера вечером.

— Вчера? Где же?

— У «Джими». В Норт-Бич.

— Эй, погоди!

— Послушайте, не люблю я улиц! Нервничаю всегда. В другой раз.

— Да минуточку всего!

Брэкетт ступил в темный подъезд магазина. Пахло мочой и вином. Билли помялся, вздохнул и прижался в угол ниши.

— Вы что, хотите до Иордана добраться?

— Пока нет. Но при случае попробую.

— И думать забудьте.

— Билли. — Брэкетт пропустил мимо ушей его совет. — Когда она была у «Джимми»?

— Не помню.

— Поздно или рано?

— Поздно. Ага, точно поздно.

— Очень поздно?

— Да. Часов около четырех утра.

— Ты с ней говорил?

— Нет. Она заскочила на минутку. Как бешеная была.

— И ушла?

— Да.

— Одна?

— Нет. С одним типом. Он вроде посредника. Курьер.

— У Иордана?

— Ага. Верно.

— Значит, ушла с ним?

— Да. Заскочила в уборную и тут же смоталась. Минут через десять.

— А курьер этот? Раньше ты его видел?

— А как же. Тысячу раз.

— А его как зовут? Не знаешь?

— Вы очень любопытны.

— Да, все так считают. Так как же?

— Джо. Джо Большой Город.

— Странное имя. А фамилия у него есть? У тебя — Кент. А у него?

— Конечно. У всех есть.

— Уж не Лумис ли?

— Точно. — Билли уставился на него. — Точно, Лумис. Послушайте, откуда вы знаете?

— Сложил два и два, и все дела, — ответил Брэкетт. — Но ты точно заметил, что она ушла с Лумисом? Лет сорок, носит костюм, при галстукке, аккуратная стрижка, золотые запонки...

— Ну вылитый Лумис. Вечно в Саусалито отирается.

— А кто еще видел, что они уходят вместе?

— Там с вами не станут разговаривать.

— Назови хотя бы. А я просто взгляну.

— Ладно. Есть там один ямаец. Зовут Муррей. Большой, черный. Он там всегда. Только, чур, меня не впутывать.

— Хорошо, спасибо.

Паренек шагнул из темноты и быстро осмотрелся.

— Если еще что узнаешь, — окликнул Брэкетт, — Дикси знает, где меня найти.

Обернувшись, Билли усмехнулся и ушел. Брэкетт стоял, пытаясь выстроить события дня и последнего часа. Если верить Билли, он вторгся в расследование смерти Лумиса, по вкусу это Симмонсу, Иохансену и всей их братии или нет. В его планы это

не входило, но, честно говоря, он не жалел, что так все обернулось. Потому что с самого начала знал, что заинтересовался не Мэри Малевски, неизвестной девушкой, а Джозефом Лумисом.

«Бьюик» высвечивался уличным фонарем, Брэккетт неожиданно почувствовал прилив бодрости и энергии, готовность работать ночь напролет. Он сел в машину и, потянувшись к переключателю скоростей, наткнулся на что-то холодное. Что-то качнулось и медленно скатилось на пол.

Нагнувшись, он поднял снимок, и внутри у него похолодело. Он понял, что задевает его не только Лумис, но и человек по имени Хэл Иордан. Живой Иордан. До того живой, что даже чересчур. Не просто убийца, а вдобавок коп. Значит, Брэккетта можно извинить за то, что у него разгулялись нервы.

Когда Брэккетт добрался домой, было девять часов вечера. Либерман запирали кулинарию на ночь, он читал сообщения про уличные преступления, смотрел все, что разыгрывалось актерами по телевидению, и не собирался рисковать.

— Никто не звонил, мистер Либерман? — осведомился Брэккетт.

— Я, мистер Брэккетт, все под пепельницу положил.

Двадцать пять лет знакомы, а все обращаются друг к другу, точно партнеры в водевиле.

— Значит, звонили?

— Да, мистер Брэккетт.

— Кто же?

— Женщина. Я все записал и положил под пепельницу.

Брэккетт поблагодарил его и пошел к себе. Комната, как всегда, была незаперта, на случай, если ему вдруг достанется (как кто-то однажды пошутил) «темпераментный клиент». Прикрыв дверь, Брэккетт включил настольную лампу и взглянул на клочок воцеленной бумаги. На сей раз записано поразборчивее. Брэккетту звонили. Два раза, оба раза одна и та же женщина. Он прочитал язвительное послание, смял и бросил его в корзинку: миссис Маркстейн и ее пропавшая собака. Придется обоим потерпеть и пожить в разлуке.

Приняв душ, Брэккетт оделся в тот же костюм, положил остаток скудных сбережений в бумажник, налил виски и, присев за стол, проглядел записи о Лумисе. Перечитал все дважды, особенно внимательно разговор о морге; и подчеркнул слова «заднее сиденье». В тумане сплошной вроде бы невнятицы проступили четкие контуры. Конечно, беседа эта — лепет перепуганного человека. Но кое-какие определенные догадки уже напрашивались. Факты есть факты. То, что Лумис стоял на мосту, якобы намереваясь броситься в воду, всего лишь предположение Брэккетта. Он воображал, что это жутко умное дедуктивное заключение, а все оказалось не так: Лумис сам недвусмысленно сообщил ему, что сидел в «тойоте». И даже уточнил — не на переднем сиденье, а сзади. Но почему он так перепугался? Чему был свидетелем? Может ли прояснить что-нибудь его заявление в полицию? Вряд ли. Если Хэл Иордан — его хозяин — действительно служит в полиции, он же может все прочитать. А это значит, что Лумису грозил смертный приговор, и он даже подписать

заявление не успел бы. Поэтому Лумис так бессвязно разговаривал с Брэккетом.

Брэккет записал выводы на чистом листке бумаги, добавил несколько вопросов, вероятные ответы и приписал пониже: «Хэл Иордан». Вот так:

Хэл Иордан

Хэл Иордан

Хэл Иордан.

Машинально дописал еще одно имя и тут же быстро зачеркнул: такие завитушки могут дорого обойтись.

Хлебнув виски, он взял телефонную книгу, отыскал фамилию Иордан — их было несколько, — выписал всех подряд: цветочника, водителя такси — и захлопнул справочник. Иордан — имя, конечно, вымышленное. Иначе и быть не могло. Наконец, следуя своим мыслям, он вышел к «бьюику», взял фотографию, вернулся и приклепнул ее на стенку. Внимательно вглядываясь в снимок, он видел только то, что и прежде: обнаженную девочку и улыбающееся лицо Билли. И больше ничего.

Зазвонил телефон.

— Уолтер? Это Херб.

— Хэлло, Херб. — Брэккет присел на стол, не отрывая взгляда от фото.

— Как продвигаются дела?

— Так себе. А у тебя?

— Понимаешь... Слушай, Уолтер, я специально звоню, чтобы извиниться за сегодняшнее. Не помог тебе с пропуском, и вообще...

— Да ладно, Херб. Я уже забыл...

— Ты, конечно, считаешь, что я дерьмо...

— Да брось, — раздраженно прервал Брэккет. — Забудь.

— Ну, в общем... хотел вот извиниться и узнать, как у тебя там вышло с загонами?

— Отлично, Херб, отлично.

— Вот и ладненько. Отлично, значит?

— Да. Отлично.

— Хорошо...

— А у тебя?

— О, мы завязли. Симмонс уже беседовал с наркоманами...

— И никакой ниточки?

— Ни волоска.

— Худо, — фальшиво посочувствовал Брэккет.

— Если чем могу помочь...

— Послушай, Херб, — чуть помедля, спросил Брэккет, — тебе не знаком некий Хэл Иордан? Возможно, коп.

Долгая пауза. Брэккет подумал, уж не разъединили ли их.

— Херб? Ты у телефона?

— Да. Иордан, говоришь?

— Угу...

— Нет... Ведь сейчас в Сан-Франциско полно новеньких. Всех я не знаю.

AMERICAN *Kings*

BLAXNIT

GET OUT AND
ABOUT

**GO
GIRLS**

SUNBEAM

CAR SEAT COVERS

Clarks

TODAY'S PROBLEMS

— Он не из новеньких. Да, ладно, я спросил на всякий случай. Пока, Херб.

Брэкетт не клал трубку, пока не услышал щелчок. Он потянулся за пальто, но, одеваясь, вдруг опять разнервничался. Не от испуга или там дурных предчувствий. Волновался он, точно парень, отправляющийся на первое свидание. Ужасно нелепо. Может, поэтому он и решил позвонить Горовитцу. Так, подстраховаться...

— Сидней? Уолтер...

— А, Уолтер, — откликнулся запыхавшийся Горовитц; в трубке слышались голоса, кто-то попросил кофе. — Мне сейчас некогда. Знаешь, про девушку кое-что всплыло.

— Выяснили, кто она?

— Знаю только — отдел уголовных дел трясет. Минуточку... Что? Иду. Уолтер, меня зовут.

— Сидней, еще секунду! Встретимся попозже, а?

— Не могу... послушай, может, вырвусь, тогда прибегу. Куда?

— Я буду у «Джими», в Норт-Бич. Знакомое местечко?

— Да. Пока.

Брэкетт положил трубку, выключил свет и поспешил вниз.

В кулинарии Либерман подсчитывал дневную выручку.

— Мистер Либерман, если кто спросит, я буду в клубе «Джими». Можете запереть. Когда вернусь, пройду боковым ходом. Возможно, задержусь...

— Хорошо, мистер Брэкетт. Доброй ночи.

На улице шел дождь, но небо уже прояснилось. У Брэкетта мелькнула мысль, не захватить ли пистолет. Нет, чересчур мелодраматично, да и срок лицензии истек. Он забрался в «бьюик» и поехал в клуб.

Десятая.

Подушки. Большой зал клуба был завален подушками. Они напоздали друг на друга, отвоевывая пространство, точно листья водяных лилий в декоративном пруду. Подушки и тела. Мужчины и женщины. Кто-то спал, кто-то обнимался, а иные просто подремывали. Подушки, тела и шум. Грохот музыки, взрывающей темноту, возбуждающий всех и вся. Свет явно не предназначался для чтения или писания писем матери, так, сумеречные подсветы, чтобы официантки (калифорнийские блондинки в маечках и джинсах — наряд Мэри Малевски) не наступили ненароком на чье-нибудь бедро или волосы. Никакого стриптиза, никаких «зайчиков», никаких танцовщиц, вихляющихся в бешеном ритме. Просто большая мансарда для неспешных бесед и наркоманов — у каждого своя кафельница, своя отравка.

Зал «Джими» не шел в сравнение ни с Сикстинской капеллой, ни с Версалем. Да здесь такое и не требовалось. Клуб служил определенным целям, возможно, противозаконным, и служил успешно. Брэкетт остановился в дверях, пока глаза привыкали к полумраку. Он пожегил, чувствуя себя явно нежелательным гостем.

— Ну-ка, Чарли, стоп. Вход только для членов клуба.

Брэкетт оглинулся — существо, вид которого говорил, что в процессе рождения его малость помяли.

— Я ищу одного человека, — объяснил Брэкетт.

— А мы все люди, скажешь, нет? Выход — вот он.

Брэкетт удостоил существо взглядом и небрежно произнес:

— Я — друг Хэла Иордана.

Слова подействовали мгновенно. Кем бы ни был Иордан, на побегушках он тут наверняка ни у кого не бегаёт.

— Как тебя зовут?

— Брэкетт.

— Не слышал.

— Зато Иордан о тебе услышит, — посулил Брэкетт, делая вид, что уходит.

— Да ладно тебе, постой... — Брэкетта удержали за руку. — Погоди минутку. — Быстро оглядев полумрак, существо тихонько спросило: — Взамен Лумиса, что ли, будешь?

— Уже прослышал про него?

— Кто ж не слышал?

— Видел его вчера?

— Да. — Больше существо ничего не прибавило. Бормотнув, что нужен в баре, человечек торопливо вышел, бросив Брэкетта среди хаоса. Брэкетт наблюдал, как он перебросился парой слов с девушкой, потом с парнем, похожим на кубинца, тот оглянулся, и все трое затерялись в толпе. Зеленые подсветы сменились красными, пурпурными; рыжеволосая девушка с блестками на щеках предложила Брэкетту выпить, кто-то затянул песню, и тут Брэкетт увидел ямайца. Черный и толстый, одет неряшливо, как пианист из бара низшего разряда. Шагая через ноги и подушки, он направлялся к двери.

— Вроде Муррей? — спросил Брэкетт, рыжеволосая кивнула.

Угловая дверь открылась, и Брэкетт разглядел, что там туалет. Переждав минутку, он двинулся следом. Никто его не остановил, ни о чём его не спрашивали. Он открыл дверь и, войдя в туалет, запер ее за собой.

Маленькая умывальня, загаженная, грязная; разбитый кафель, надписи карандашом, обрывки оберточной бумаги, баллончики аэрозоля, замызганная серая раковина, автомат с противовенерологическими таблетками («купи меня и спасешься») и единственная кабинка, которая была занята. Брэкетт двинул плечом, послышался треск, испуганное «ой!». Ямаец попытался подняться, но рука Брэкетта опустилась ему на голову, а нога тяжело наступила на край брюк. Ямаец принялся отбиваться, выкрикивая, что он не виноват. Брэкетт объяснил, что он не коп, и толкнул ямайца обратно.

— Так кто ж ты? — завизжал ямаец. — «Гомик» какой-нибудь?

— Нет, Муррей. Я ее друг.

Брэкетт сунул снимок в лицо ямайцу. Взглянув на фотографию, тот перевел глаза на Брэкетта и больше не сопротивлялся.

— Знал ее? — спросил Брэкетт.

До ямайца вдруг дошла неблагоприятность его позы, и он нервно скрестил руки на животе.

— Не упрямясь, Муррей, и я тебя скоро отпущу.

Муррей плотно сжал губы, Брэкетт убрал фотографию и аккуратно засунул двадцатидолларовую бумажку в карманчик рубашки ямайца.

— Ну, Муррей, выкладывай!

Ямаец покосился на деньги, на Брэкетта и покачал головой.

— За двадцать долларов ничего не знаю. Даже сколько сейчас времени, не знаю.

— Послушай, дверь заперта. Здесь только ты и я. И больше никого. Поразмышляй.

Размышлял Муррей полминуты. Может, гадал, есть ли у Брэкетта пистолет. Он понимал, что продавать ему особо нечего: секретов ему не доверяли даже мелкие сошки. В лучшем случае он любитель-толкач, продающий пакетики коки мальчишкам из коттеджей и обществам детских садов, которые с таким же успехом могли покупать тальк. Не в таком он положении, чтобы торговаться с кем-то, даже с домашним торговцем овощами. А уж тем более с Брэкеттом, который, похоже, ни во что не ставит его жизнь, как сам он ни во что не ставит жизнь других. Отдав дань гордости, Муррей покорно поплелся за здравым смыслом.

— А вы точно не наркоман?

— Если тебе от этого легче, считай, что наркоман.

— Да нет, — Муррей взгляделся в Брэкетта. — Те не дают, а берут.

— Имеешь в виду кого-то определенного?

— Из тех, кто берет? Разыгрываешь? — Ямаец расхохотался.

— Иордан? — поинтересовался Брэкетт.

— Река в Библии, — без задержки выдал Муррей. — Отгадывать, пока не набавишь до сорока?

Брэкетт улыбнулся. Ему понравилась выбранная тактика.

— Послушай, дай хоть брюки натянуть, — попросил Муррей.

— И так хорош. Расскажи про девушку.

— Парень, да не могу же я так!

— Рассказывай, Муррей!

— Я ничего не знаю, — вздохнул Муррей. — Тут таких девчонок полно.

— Вчера она заходила?

— Когда?

— Часов около четырех утра?

— Ах да! Забегала, верно. Но всего минут на десять.

— Видел, как она уходила?

— Да. Я на улице стоял. Двадцать монет за это?

— В общем, да.

— А я думал... — Муррей удивленно посмотрел на Брэкетта и пожал плечами. — Черт, дай же, наконец, штаны напялить.

— Муррей, все в зале видели, что мы тут. Примутся на сотни ладов толковать, почему заперта дверь, и очень скоро попытаются войти. Так что давай, не тяни, выкладывай.

— Ты англичанин? Был когда в Кингстоне?

Вздохнув, Брэкетт потянулся за банкнотой.

— Ладно, ладно, — быстро остановил его руку Муррей. — Что узнать-то хочешь? Господи, ну и вонища тут!

— Она ушла не одна, верно?
— Цыпочка? Нет. С Лумисом. Послушай, а с ним что? Не знаешь?
— Сделай зарубку на память, спросишь позже. Как они ушли?
— Ну как... Ушли и ушли. Обыкновенно.
— Но как? Пешком? На машине?
— На машине.
— Желтая такая? Японская?
— Кто ж ее знает! Может, и японская. Огромный такой драндулет.

— И Лумис сел в машину?
— А как же? Сел. Я сам видел. Сзади сел.
— А девушка? Она была за рулем?
— Ага.
— Лумис, значит, сзади. Странно. Как по-твоему?
— Нет. — Ямаец сосредоточенно поджал губы. — Может, ему поговорить требовалось. С тем, другим.
— С каким другим? — насторожился Брэкетт.
— Сзади еще один сидел.
— Знаешь его?
— Нет. Не разглядел. Темно было.
— Но кто-то сидел. Еще один.
— Я и говорю. Сидел. Когда девчонка открыла дверцу, зажегся свет. Тот его поскорее выключил, но я его засек.

— И какой он из себя?
— Не видел. Свет погас. Белый...
Брэкетт пытливо посмотрел на ямайца.
— И где он сидел?
— Сзади! Я же сказал.
— Но где? Позади девушки или...
— Да, позади нее. Помню, Лумису еще пришлось обойти машину.

— И они уехали...
— Да.
— Спасибо, — Брэкетт направился к двери.
— Все, что ли? — окликнул Муррей, стоя посреди кабинки.
— Все.
— Чтоб тебя, парень! Когда следующий раз что понадобится, не набрасывайся так!

Брэкетт попробовал улыбнуться, но улыбки не получилось. Открыв дверь, он вернулся в преисподнюю. Спрашивать больше нечего. Ничто уже не могло удивить его. И все-таки он удивился, поняв, что все события, начиная с его визита в морг, заняли всего-навсего тринадцать часов.

Паренек переждал в тени вестибюля, пока не затих шум машины, осторожно приоткрыл дверь и высунулся на улицу. Глянул в одну сторону, в другую — никого. Медленно сосчитал до двадцати, поглубже вздохнул, затолкал под куртку парусиновую сумку и рванулся, припустив во всю прыть, сторонясь света фонарей...

Брэкетт вспомнил о Горовитце. Войдя в главный зал «Джими», увязая в тягучей атмосфере и цепких взглядах, он понял, что меньше всего ему хочется, чтобы Горовитц заявился сюда. Это было бы сейчас совсем некстати. В клуб Брэкетт, конечно, вступать не собирался (он никогда никуда не вступал), но не хотелось лишаться маскировки. Правда, она прозрачная, как целлофан, но какая-никакая, а все же зашита. Как знать, может, еще и потребует. Он перехватил изучающий взгляд кубинца, одарил его улыбкой и повернулся к рыженькой.

— Где тут у вас телефон?

— Телефон?

— Ну да, телефон. Ведь он у вас есть?

— О, само собой!

— Так где же он?

— Во-он там!

— Покажи.

— Сразу за дверью.

— Может, проводишь?

Состроив гримаску, рыженькая взяла его под руку.

— Как тебя зовут? — спросила она.

— Что?

— Нет, погоди! Сама отгадаю. Чарльз? Как принца?

Кубинец пустился в сложное путешествие в полумраке, двигаясь по стенке к туалету.

— Послушай, милочка...

— Милочка? — заулыбалась рыженькая. — Как интересно!

202 Меня так еще никто не называл!

— Веди к телефону.

— А ты всех так зовешь — «милочка»?

— Таксистов пропускаю. Давай, показывай.

— Филипп? Теплее?

Брэкетт вздохнул и направился к двери.

— А меня зовут Зелда. Но... Это не мое вправдашнее имя.

— Ох, удивила!

— Я книжку прочитала про одну девушку, ее звали Зелда, — тараторила рыженькая. — Всю-то я ее не одолела, а имя мне понравилось. А тебе нравится?

— Что-то телефона не вижу.

— Она была замужем за писателем. Этим... как его, Хемингуэем. Знаешь?

— Слушай...

— Зелда. Первая буква — «З».

— Где все-таки телефон?

— Подружке охота звякнуть?

Они свернули по коридору, и Брэкетт увидел телефон. Бывшая cabina «седана». Ее превратили в телефонную будку, покрасили в розовый цвет и убрали подальше от шума.

— Спасибо, — любезно поблагодарил Брэкетт, — теперь уж не заблужусь.

— Хочешь, войду, посижу с тобой?

— Да нет, управлюсь сам. Подожди в зале. Я только позвоню.

— Недолго?

— Нет.

— Я у двери подожду.

— Ну давай.

Брэккет ждал, положив руку на кабину, рыженькая, наконец, отошла и остановилась, поглядывая на него глазами настороженного щенка.

— Подожду здесь. Вдруг будет занято.

— Оставь меня на несколько минут. Приготовь пока выпить.

Рыженькая закусила губу и пробурчала:

— О'кей!

Пригнувшись, Брэккет вошел в бывший «седан».

— Спорю, уже забыл, как меня зовут.

Она опять топталась рядом.

— Зелда! — выпалил Брэккет. — Слушай, ты оставишь меня в покое? — Заметив выражение ее лица, он смягчил тон. — Всего на минутку. Идет?

— Извини. — Рыженькая приняла вид оскорбленной невинности, но тут же передумала. — Прости... что я так навязчива. Я знаю, мужчины не любят, когда женщины... насаждают, но знаешь...

— Ладно. Встретимся в зале.

— Зелда.

— Зелда.

— Первая — «З»!

Девушка начертила в воздухе «З», улыбнулась и ушла. Брэккет устроился на мягком кожаном сиденье, вложил монетку в щель. Машинально стал набирать домашний номер Горовитца, но тут же вспомнил, что Сидней на дежурстве, и положил трубку. Телефон затрезвонил, звонки гулко отдавались в тесном пространстве кабинки. Брэккет изумленно уставился на аппарат, потом заинтересовался. Подняв трубку, он услышал девичий голосок:

— Алло? Ал-ло! Позабыла совсем, что ты желаешь выпить?

Брэккет выругался, но тут же по привычке, приобретенной с паспортом, извинился.

— Прости, нечаянно вырвалось.

— Не важно. Так что же? Старомодное что-нибудь?

— Зелда! Мне надо позвонить!

Но девушку трудно было остановить. Она принимала заказ, декламируя всю мешанину коктейля «Манхэттен». Вдруг в трубке все смолкло, и Брэккет почувствовал, что начинает двигаться. Кабину чуть заметно покачивало. Двое неизвестных ухватились за ручки «седана» и подняли кабину, точно королевские носилки. Брэккет обернулся, стараясь понять, что происходит. Трубку он так и не выпустил. Вдруг будку швырнули о стену. Он метнулся, пытаясь добраться до двери, но его опрокинуло назад; будку снова ударили о стену, его бросило вбок. Теперь их было четверо. Брэккет понял, что он в ловушке. Перед ним мелькнула физиономия Муррея, толстяк ухмылялся. Его снова опрокинуло назад, голова стукнулась о деревянную раму. Он пополз к двери, но завалился набок. Будку бракнули оземь, потом понесли, она царапалась о цемент. Брэккет увидел лестницу. Пролеты ее

обрывались далеко внизу, в темноте. Он повернулся, зацепился было ногами, но опоздал. Голова дернулась, он опять опрокинулся вверх ногами; «седан» водрузили на верхнюю площадку лестницы, будка зашаталась, толчок — она медленно накренилась и повалилась. Брэкетт беспомощно болтался в коробке, перед глазами все кружилось... В панике он прикрыл голову руками. Раздался треск — будка захохотала вниз со ступеньки на ступеньку, только щепки трещали. Брэкетт выругался — надо же свалить такого дурака! Грохнувшись на пол, будка опрокинулась. Наверху заливисто захохотала женщина.

ВОСКРЕСЕНЬЕ

Одиннадцатая.

— Уолтер!

Дорогие итальянские туфли, такие полагается чистить особой жидкостью. При покупке продавец подает их в шерстяном мешочке, затянутом шнурком, а иногда кладет еще и сапожный рожок.

— Ну как ты, Уолтер?

Теперь появилось лицо, озабоченно вглядывающееся в Брэкетта. Брэкетт не ответил; он размышлял, чего это он разлегся на каменном полу и почему на него глазеез толпа.

— Послушай, Уолтер, давай-ка уйдем. Можешь двигаться?

Медленно приподняв голову, Брэкетт взглянул на Горовитца, собираясь ответить, но тут вспомнил, что с ним приключилось, и потерял сознание.

На улице было темно, часы в машине показывали 1.25. Брэкетт сидел рядом с Горовитцем. Вроде он цел и невредим, но не произнес ни слова, как очнулся.

Молчал он потому, что сосредоточился на хитросплетениях событий.

— Сидней? — Брэкетт искоса взглянул на друга.

— А?

— Ты мне еще не рассказал, что у тебя.

— О чем ты?

— Про девушку. Ты же говорил, что раскопал что-то новенькое.

— Потерпи до утра. Ты не в форме...

— Но что же все-таки узнали?

Горовитц отвернулся. Взглянув в зеркальце, он притормозил у обочины и, заглушив мотор, уставился в окно. Брэкетт ждал.

— Уолтер... — Горовитц зашнуровался.

— Да не тани! Я же не нарочно впутался.

— Это попадает под...

— Ох, кончай, Сидней! Все равно ведь скажешь!

Горовитц пожал плечами и ухмыльнулся.

— Может, тебе будет легче, если я первый начну? Сойдет за обмен сведениями. К примеру, девушка ехала не одна.

— Откуда ты знаешь?.. — изумленно уставился на Брэкетта Горовитц.

— Верно?

— Да, он...

— Так что же вы раскопали?

— Это был не несчастный случай.

— Что именно?

— Смерть девушки. Произошла не авария.

— Как не авария?

— Симмонс...

— Ну?

— Попросил произвести осмотр тела еще раз, на шее у девушки обнаружили синяки. Явные следы удушения. Скорее всего, когда она вылетала через ветровое стекло, то была уже мертва. Таково заключение медиков. Раскрылось чисто случайно. Симмонс решил проверить все, связанное с Лумисом. И вот выплыло убийство.

— Ну и денек! Дерьмовый прямо какой-то денечек!

— В машине! На ходу! Рискованно играл подонок!

Брэкетт промолчал.

— Ведь убийство едва не попало в разряд безупречных.

Брэкетт щелкнул зажигалкой и сунул сигарету в рот.

— А кто убийца, Симмонс знает?

— Нет. Считает — Лумис.

Брэкетт покачал головой, уставясь на красный огонек зажигалки.

— Девушку задушили сзади, правильно?

— А ты откуда знаешь?

— Но это так?

— Черт возьми, ты-то откуда знаешь?

— Ты, Сидней, меня недооцениваешь. Да или нет?

— Да.

— Лумис был в машине. Но девушку убил не он. А тот, кто сидел за ней. Она вела машину.

Горовитц недоуменно посмотрел на Брэкетта.

— А ты, похоже, не бездельничал сегодня.

— Угу. Прямо тут, за ней. Один тип у «Джими» видел, что в машине уехали трое.

— Кто таков?

— Не важно.

— Но есть же у него имя.

— Погоди, Сидней... Девушка — вам еще неизвестно, кто она?

— Нет.

— И об ее исчезновении так и не заявляли?

— Нет. Но...

— Итак, девушка угнала машину своего клиента, «тойоту». Зашла к «Джими», и ей требовались деньги. Встретила там Лумиса. Вот факты.

— Откуда ты все это знаешь?

— Погоди. Она садится за руль. Сзади — двое. Лумис и еще один. Она пугается. Второго она знает, но ей невдомек, что он в «тойоте». Замечает его, когда уже поздно. Он приказывает ей

ехать. И она слушается. Страх сковывает ее. Она перепугана. Насмерть. Они едут через весь город. Но Юнион-сквер огибают. Там — пальмы. Едут к мосту. На мосту пассажир, сидящий за девушкой, душит ее. Машина врежется в балки, но к этому моменту ни Лумиса, ни второго пассажира в машине уже нет. А теперь, вдумайся-ка, Сидней, — Лумис видел все. Он свидетель. И он удирает. Почему? Да потому что не сомневается, что его тоже убьют. Сломя голову он мчится к полицейским. В тюрьму. Самое безопасное для него укрытие. Защита.

Брэккет замолк, скрестил руки и взглянул на друга. Горовитц моргнул.

— Так чего же он не выложил все про этого, второго?

— Может, хотел. Но не забудь: он тоже замешан, могут привлечь и его, и он плетет небылицы, тянет время. И что же? Полиция верит. Никаких сомнений. Почему бы и нет? Подумаешь, невелико диво. Такое случается каждый день!

— В результате он сорвался с крючка.

— Нет. Лумис собирался выложить все. Но не полиции. Мне.

— Почему тебе?

— Вот этого я не знаю. Опоздал.

Горовитц задумчиво вперился в темноту, постукивая по рулю.

— Но ведь это только догадки? Про второго...

— Он существует. И называет себя Иордан. Хэл Иордан.

— Сведения Билли Кента?

— Да. Слушай, Сидней, взгляну-ка я завтра еще разок на «тойоту».

Горовитц молчал. Брэккет почувствовал его беспокойство.

— Ты что, не веришь?

— Не знаю. По-моему, тебе надо бросить это дело. Им занимается полиция...

— Сидней...

— Сам видишь, что с тобой сотворили. Запросто могли убить.

— Я сумею защитить себя. Да и Иордан тут ни при чем. Пожелай он прикончить меня, не стал бы перемониться! Это месть. Один тамошний придурок расстарался.

— Может быть, может быть. Но по-моему...

— Сидней, надо же, ты...

— Мне кажется, тебе не...

— Что?

— Да выслушай же, наконец!

— Еще орать вздумал! — рассердился Брэккет. — Ничего я не брошу! Разгадка совсем близко. Вот она! Рядом!

Наступила долгая пауза.

— Прости, Уолтер, я не собирался... Вспомнил, что случилось с Гарри... Гарри всех знал. Все ходы и выходы. Он был искуснее тебя, Уолтер. Что уж темнить. И ты, и я — мы оба это знаем. А посмотри, что вышло. Несколько мальчиков избили его чуть не насмерть. За что? До сих пор не выяснено.

— Гарри знал, что делает.

— Разумеется. Он был упрямым, как и ты.

— Сидней, ты единственный, кому я могу доверять. Ты должен понять, что для меня значит это дело.

- Лет двадцать назад ты бы не признался в таком.
 - Двадцать лет назад я бы удрал от убийства без оглядки. Это не по моей части. Но сейчас мне необходимо добраться до истины. Если расколю убийство, докажу себе, что...
 - И даже слушаешь сосунков вроде Билли?
 - Да. Кого угодно. Всех.
 - И клиентов «Джими»?
 - Почему бы и нет?
 - Никто из них не станет давать показания в суде.
 - Да я и не тяну их в суд. Главное для меня — факты.
 - Какие же?
 - Всякие.
 - Ты разговариваешь с другом.
 - Знаю. И с верным. Помню, когда умерла Дороти...
 - Ох, только без сантиментов!
 - Сам их не выношу. Просто вспоминаю. Да, мы друзья. Но на лацкане твоего пиджака — значок.
 - И что?
 - И все.
 - Ты намекаешь, что значок полицейского — помеха для твоей откровенности?
 - Да.
 - Ты все-таки сумасшедший! Сбрэндил!
 - Вези меня домой, — попросил Брэкетт. — Давай, двигай!
- Квартала четыре они проехали молча. Остановившись у светофора, Горовитц заметил:
- Не представляю, что у тебя на уме.
 - То, что надо. Не хочу болтать. Сначала выясню наверняка.
 - Но что?..

Опустевшее бюро, бюро без папок, слишком много он пил, слишком жалел себя, вот и результат — ноль. Он потерпел поражение. Он неудачник. Симмонс наглядно продемонстрировал это. Вначале было просто отталкиваться от мысли: кембл талантливее, кембл — оплот их фирмы. Но от правды не уйти. Вчера, сегодня, последние несколько часов Брэкетт отстаивал свой собственный престиж. Мистер Уолтер Брэкетт... Неужели не слыхали о таком? Нет, роскошь ошибки он себе позволить не может. Бить надо наверняка. Брэкетт должен победить. Именно он. Пятьдесят три года, Уолтер, чего ты достиг? Черт возьми! Светофор зажегся зеленым, снова красный. Чего, интересно, Сидней застрял? Наконец-то. Двинулся. Теперь решил ехать. Ну ладно. На сей раз ты мне без надобности. Я сам. Через холм. Нет, какой там холм! Через вершину. Чертовы копы! Продажные мерзавцы! Девушка. Совсем молоденькая. Прядка волос. Удрала от всех.

Надо открыть Горовитцу. Скажу ему. Вот, посмотрите... Я скажу, что...

— Сидней!

Пронзительный вскрик, Горовитц резко нажал на тормоза. Машина вильнула вбок, шины сорвались на мокром асфальте,

а Брэкетт рвался к дверце, стараясь доползти и открыть ее. Уткнувшись головой в стекло, потерял сознание. Отключился. Голос его поднялся в крике еще раз, и он мгновенно отключился.

Брэкетт устался на раковину: вокруг пробки медленно кружилась вода. Он следил, как она прибывает, и ждал, пока вода покроет два звена цепочки.

— Ну, как ты?

Кто это? Брэкетт обернулся, схватился за раковину и устался на свет, считая мушиные точки на лампочке.

— Развоевался в машине, — сообщил Горовитц. — Пришлось даже ремнем тебя пристегнуть. Ей-богу, Уолтер, ты прямо обезумел!

Осторожно, будто страшись поколебать воздух, Брэкетт поднял голову, дивясь, чего это все вокруг громоздится, нависает глыбами; Горовитц вырос до потолка, вот пряжка пояса, пистолет в кобуре, разлохматившиеся нитки галстука, стакан виски, играющий бликами света, подбородок, запах пота и улыбка — «Ну вот, все в порядке».

— Где я? — спросил Брэкетт, когда улыбка исчезла, сменившись чередой гримас и оскалов.

— Выпей, Уолтер. Мириэм варит нам суп.

У Мириэм сложилось ложное впечатление, что картофельный суп с луком — любимый суп Брэкетта. Она стояла, сложив руки, и смотрела, как Брэкетт ест.

— Вкусно? — озабоченно спросила она, глаза ее не отрывались от мутной жидкости.

Брэкетт помедлил с ответом, будто смаковал изысканный муттон-ротшильд, затем произнес:

— Отменно!

Мириэм расцвела и подтолкнула кастрюлю поближе. Брэкетт вперился взглядом в кастрюлю, закрывавшую Горовитца.

— Спасибо, Сидней, — покачал он головой, — я отлично себя чувствую. Тебе со мной одни хлопоты!

— Да что ты, Уолтер! Ну, Мириэм, скажи!

— И правда! Когда бы ты еще зашел!

— Уже поздно, — сказал Брэкетт. — Пора двигаться. Не обижайтесь.

Мириэм взглянула на мужа, тот знаком велел ей выйти. Мириэм нехотя ушла. Было слышно, как она моет на кухне тарелки.

— Чего не ложишься, Мириэм? — окликнул Горовитц, возвел глаза к потолку и снова обратил все внимание на Брэкетта.

— Старик, нет, ну как ты бушевал в машине! Даже крышу прошиб!

— Извини, запоздалая реакция.

— Ну понятно. Крыша — ерунда. Но ты так буйствовал! У-ух!

— Сидней.

— Ага?

— Ты не против, если я?.. — Брэкетт указал на суп.

— Конечно. Оставь его. Пусть и ребятишки пострадают завтра. Знаешь, моя жена, наверное, единственная еврейка, которая не умеет готовить.

Помолчали. Брэкетт оглядывал комнату: на дальней стене традиционная галерея фотографий. В основном детишки: играют на пляже, стоят, зачарованные, в Диснейленде, катаются на велосипедах. Брэкетт подошел ближе.

— Растут потихоньку.

— Не пропустят ни дня. А ты правда уже в форме?

— Заладил! Говорю, все отлично.

Чтобы сменить тему, Брэкетт перешел к своей фотографии, снятой 18 лет назад. Он на ступеньках маленькой церкви в своем лучшем костюме, в петлице гвоздика. За руку держит Дороти, а справа — Кембл. На заднем плане — лицо Горовитца. Быстро переведя взгляд на другое фото, Брэкетт воскликнул:

— Эге! Да это ты! Групповой снимок выпускников-полицейских на фоне суровых ворот их училища.

— Я, а кто же еще! Разве не видел ее раньше?

— Наверное, видел. А вот и Херб. Херб Йохансен.

— Выпуск новобранцев.

— А я считал... — начал было Брэкетт и запнулся.

— Считал, что он старше? Нет, Уолтер. Херб честолюбив. Мне кажется, он всегда добивается своего. Смотри-ка, и Симмонс тут.

Брэкетт молчал.

— Уолтер, мне пришлось доложить Симмонсу, — вдруг сказал Горовитц.

— Что?!

— Прости, пришлось. Ведь я на дежурстве...

— Что ты ему сказал?

— Да так, ничего. Что Лумис был в «тойоте». Пришлось. Дело ведем мы, а не ты. Кроме того, надо же было о чем-то подавать рапорт.

— Но почему? Почему про это? — Брэкетт удивился своему твердому тону. — Разве происшествия у «Джими» мало? Дело не только ваше. Его расследую я.

— Извини, Уолтер. Симмонс битый час орал на меня, и... Не хотел втравливать тебя, честное слово...

Брэкетт все смотрел на снимки. Невольно он вздрогнул, будто какое-то шестое чувство подсказало, что одно из лиц — Йордан. Брэкетт попытался стряхнуть наваждение, убеждая себя, что не верит в интуицию, просто у него перевозбуждены нервы. Но ощущение, свалившееся ниоткуда, никак не смахнуть. Да и не свалилось оно, это ощущение. Какое там шестое чувство! Всеюнавшегося результат холодных, трезвых размышлений.

— Присядь, Уолтер! Успокойся. Миризм сварит кофе.

Избегая взгляда Горовитца, Брэкетт молча направился к двери, попрощался и быстро вышел из комнаты.

Он слышал, как Горовитц зовет его, видел вспыхнувший на площадке свет, но был уже в вестибюле. Брэкетт захлопнул парадную дверь и торопливо вышел на бодрящий ночной воздух.

Осторожно ступая, Брэккет вошел в кулинарию через боковую дверь и поднялся к себе.

Оглядев комнату и убедившись, что никто не заходил, он машинально заглянул под пепельницу, где лежала записка. Ему звонили. Дважды. Миссис Марнстейн, конечно, и кто-то еще. Не назвал. Брэккет раздумывал, кто бы это мог быть. Оказалось, что список кандидатур бесконечен, и он бросил бессмысленное, одурачивающее гадание.

Как ни взгляни, день был утомительный, хлопотный, события его определялись разными людьми и случайными разностями. На данной стадии Брэккету хотелось подумать, слепить все воедино и проанализировать события, преобразовав их в привычную и простую цепочку.

Он разделся, с облегчением обнаружив, что отделался легкими сникетами. Прихватив папку с делами Лумиса, ручку, сигареты и пепельницу, он бочком вскарабкался на постель, взбил подушки и принялся за записки. Кое-что перечеркнул, кое-что оставил. Подтвердил прежние ответы — где полновесной точкой, где осторожным знаком вопроса. И удивился: сколько исписано страниц, сколько прибавилось имен!

Его тревожило обилие версий. Особенно прибавилось их за последний час.

Брэккет отложил листки. Сквозь дремоту он неожиданно услышал шаги. Кто-то расхаживал в комнате наверху. И не тайно, украдкой, а очень даже в открытую, безбоязненно.

Может, Либерман? Нет, непохоже (Либерман пришаркивает, а наверху ходят резко, энергично.). В комнате уже десять лет никто не жил. Она принадлежала Гарри Кемблу.

Брэккет осторожно прислушивался: шаги остановились в углу, прямо у него над головой. Он устался на потолок — тихо, может, все-таки почудилось? Уж не его ли возня с убийством исказила реальность? Но нет! Шаги были! Он уже не сомневался, набрасывая плащ и мешкая у окна, — правая рука соблазнительно близко от ящика стола. Он медленно выдвинул ящик, тронул пистолет, и вот оружие уже в кармане. Брэккет открыл дверь и шагнул в темноту коридора.

Комната Кембла находилась на самой верхней площадке. Подойдя ближе, Брэккет увидел свет, пробивавшийся из-под двери. Пришелец вел себя вызывающе нагло. Или он имел на это право? Странно, но именно это соображение тревожило Брэккетта больше всего: не то, чтобы он боялся увидеть в комнате Гарри, нет. Его страшил глубинный смысл возвращения Кембла. Вряд ли Брэккет сумел бы облечь опасения в слова, да и к чему? Он приостановился, переложил пистолет в левый карман, бесшумно повернул ручку, распахнул дверь и шагнул в комнату. Мужчина обернулся — спокойно, точно его присутствие было здесь вполне обычным и нормальным.

— А, вот и вы! — воскликнул он, не давая Брэккету опомниться. — А я уж гадал, куда же вы запропастились!

Брэккет растерялся: перед ним стоял лейтенант Симмонс.

— Мне страшно неловко,— Симмонс присел на стол,— но, честно говоря, я думал, что комната ваша.

Они спустились вниз и стояли теперь в кабинете Брэккетта. Брэккетт потихоньку закипал, злясь на поведение Симмонса и на то, что сам он одет в пижаму.

— Нет, комната не моя. Но в любом случае вы не имеете права вламываться в дом. Не важно, днем или ночью.

— Но, Брэккетт, я не вламывался,— Симмонс позвенел ключами.— Я открыл! Ключом! Звонил вам, да не застал.

— Может, и звонили, но не предупредили, что собираетесь зайти.

— Ну да? — Легкий взлет бровей.— Я просил какого-то иностранца сообщить вам о моем визите.

— Либерман — венгр.

— Венгр? Может быть, может быть.

Симмонс улыбнулся, а Брэккетту стало неловко, что карман плаща оттопыривает пистолет. Если Симмонс что и заметил, то промолчал, только, небрежно оглядев стол, взял пепельницу, повертел ее в руках и поставил на прежнее место.

— Что же вы хотите? — спросил Брэккетт.

— Значит, наверху — комната Кембла.

— Да.

— Угу... А вы, похоже, надеетесь, что он вернется... Как там называется это местечко? Вы мне еще говорили... «Осенние пастбища»... Ах, нет, «Осенние поляны».

— И не думал ничего говорить...

— Нет? Ну не важно. Так вы все-таки...

— Что?

— Надеетесь, что Кембл вернется?

— Конечно. Послушайте, зачем вы пришли так поздно? Неужто нельзя было потерпеть до утра?

Симмонс изобразил недоверчивое изумление.

— Брэккетт... я же пришел поблагодарить вас!

— За что? — подозрительно поинтересовался Брэккетт.

— За помощь. Мне рассказали о ваших теориях про машину девушки, и я проверил отпечатки пальцев на сиденьях...

Брэккетт молча ждал.

— И знаете, что обнаружилось? Лумис точно был в машине. Факт бесспорный. Но сидел он не за девушкой.

Сказано буднично, будто Симмонс знал, что для Брэккетта это не новость. И все же лейтенант добавил:

— А вы, похоже, не удивились.

— Нет.

— Значит, уже вызнали про второго пассажира?

— Да.

— Знаете, кто он?

— Нет.

— Мы тоже — нет. Ни одного отпечатка. Только размазанное пятно перчатки поверх отпечатков Лумиса.

— Убийца девушки был в перчатках?

Чуть поколебавшись, Симмонс стремительно повернулся к нему.

— Так вам уже известно, что девушку убили?

— Да. — Брэкетт смаковал каждое мгновение.

— Похоже, я вас недооценивал, — Симмонс пытался вернуть свое превосходство. — Все-таки вы детектив. Вон, табличка на двери. Но помнится, я не велел вам вмешиваться.

— А я и не вмешивался. Занимался девушкой. Не мог же я знать, что оба дела перехлестнутся. Верно?

Лейтенант порывался возразить, но передумал.

— А как вы раскопали? — спросил он. — Про убийство?

— Сказали.

— Кто?

— Сидней Горовитц.

— Ах да! Он ваш старый друг?

— Знакомы уже несколько лет.

— Он бывает у вас?

— Частенько.

— Так, так... — Симмонс поджал губы, оглядел комнату.

Они беседовали еще минут десять. Вернее, говорил Симмонс, а Брэкетт односложно отвечал, пока, наконец, совсем замолчал. И немудрено, если учесть предшествующие события. Брэкетт недоумевал, зачем он понадобился Симмонсу. У того в распоряжении все полицейские силы. Лейтенант свернул разговор на Кента. Он наведался к нему домой, прочесал все спортклубы, но парень исчез. Как в воду канул. По словам Дикси, он одолжил у него пятьсот долларов и обещал звякнуть из Нью-Йорка.

— Знали об этом? — спросил Симмонс.

Брэкетт покачал головой и заметил, что удивляться нечему — Билли был уверен, что убийца — коп. Брэкетт нарочно выложил это, злясь на Симмонса, но, как ни странно, лейтенанта это не тронуло.

— Все болтают одно и то же. Любой мальчишка, обиженный чем-то, норовит ткнуть в нас пальцем. Им пришли дело. Их избili. Им подбросили наркотики. Каждый день одно и то же.

— А я впервые слышу.

— А когда, интересно, вы занимались убийствами?

— При чем здесь это? Кенту незачем было возводить напраслину.

— Поверили ему?

— Поверил, что он искренне думал... Человек не показался ему сборщиком винограда или там балетным танцором. Нет. Копом. Не без причины, как считаете?

— Может, ему по душе сборщики винограда и балет?

— Я передаю его заявление. И только.

— А если он такой важный свидетель, как же вы допустили, чтобы он удрал?

— Тогда я не знал... — Брэкетт отвел глаза. — Согласен, я промахнулся. Но где были вы?

Симмонс глазом не моргнул.

— Вы всерьез считаете, что убийца — полицейский?

— Я знаю одно — Билли был твердо уверен, что человек, которого он встретил у девушки, вел себя как полицейский. Что он был на стороне закона.

- Как вы, да? — Симмонс пристально смотрел на Брэккетта.
- Пусть так. Как я.
- Как бы там ни было, сейчас он уже по другую сторону закона. А из-за вас, Брэккетт, наш главный свидетель на полпути в Неваду.
- Слушайте, Симмонс, не надо делать из меня козла отпущения. Я играю один, а у вас вся полиция. Нужен вам свидетель, ступайте и разыщите Норму Уитли.
- Разыскали. Она убита.
- Брэккетт оторопел.
- Господи, и как это меня угораздило встрять в такую передрягу?
- Главное, никто вас не умолял. Вы сами. Нам не привыкать, это наши будни. Но нам хоть платят. А вас что потянуло?
- Не дожидаясь ответа, Симмонс подошел к бюро, но ничего не стал трогать, только провел рукой по металлическому верху.
- Не даю вам спать?
- Да ладно.
- Ну что ж... Скажу, зачем я пришел. Минутное дело.
- Уж полчаса тянете.
- Ну еще пару минут. Если не возражаете.
- Возражать-то Брэккетт возражал, но его одолевало любопытство. Он сел за стол и налил еще виски.
- Опять насчет девушки. Кто она, Бог ее ведает. Сержант Хендерсон сказал, что она заходила сюда, к вам.
- Верно.
- Когда?
- Не помню точно, месяца три назад.
- Вы записали ее адрес. Он в папке?
- Да.
- Но папка потерялась. Или пропала?
- Пропала.
- Ее украли?
- Мне кажется, да.
- А еще какие-нибудь пропали?
- Вроде нет.
- Значит, тот, кто украл папку, — Симмонс принялся выбивать на бюро дробь, — знал, что она тут.
- Очевидно, — вздохнул Брэккетт.
- А кому вы рассказывали про девушку?
- Хендерсону.
- А еще?
- Никому. Единственно... — Брэккетт запнулся.
- Так кому же? — насторожился Симмонс.
- Кемблду. Но ему я говорю все.
- А почему вы колебались?
- Вам показалось.
- Нет. Почему же?
- Послушайте, — Брэккетт повысил голос. — Сюда приходят десятки людей. Это же контора. Она открыта целый день. Всякому понятно, что я клиентов записываю.
- А девушка была клиенткой?

- Не совсем.
- Не понял...
- Она больше не пришла. Я записывал кое-что. На этом все оборвалось. Может, сама и стянула, кто ее знает.
- Не исключено. Только зачем?
- Не знаю.
- Ей надо было зайти так, чтобы никто не заметил...
- Естественно...
- А единственный ход сюда — через кулинарию. Ее бы засекали.
- Верно.
- Она могла пройти через боковую дверь. Тогда бы ее не заметили. Но ведь дверь заперта?
- Вы же вопли.
- Не забывайте — у меня есть ключ. Отмычка, правда, но все-таки.
- Войти нетрудно.
- То есть — если человек на стороне закона?
- Или по другую его сторону.
- Правильно. Значит, мы установили: чтобы взять папку, нужен ключ. И мне кажется, тот, кому она потребовалась, тревожился, не сболтнула ли девушка лишнего. А это снимает подозрение с самой девушки. С чем она к вам приходила, Брэккет?
- Так, ничего особенного.
- А поточнее?
- Слезливая исторюшка. Наплела, что она Мэри Малевски. А оказывается, имен у нее было — на любой вкус.
- Тогда вы про это знали?
- Да нет! Откуда же? Назвалась Малевски, и я ей поверил.
- Вы верите всему, что вам говорят?
- Иногда. Я видел ее первый раз. Пришла, наговорила, что хочет разыскать отца. На самом деле ей требовалось одно — деньги.
- И вы дали?
- Да.
- Не поинтересовавшись, зачем ей отец понадобился?
- Не успел.
- Как это?
- Так уж вышло. Девушка почему-то всполошилась и удрала.
- Чего ж это вдруг?
- Даже не пойму... струсил, наверное.
- Когда же она ударилась в панику? — Симмонс смотрел озадаченно. — Может, вы что сказали?
- Да нет. Поначалу все шло гладко. Спросил ее о том, о сем, она говорила спокойно. Потом она села, а я начал писать, и вдруг — ее как ветром сдуло.
- Вам это не показалось странным?
- Я, конечно, удивился. Но ведь и ко мне, как и к вам, заглядывают психи.
- И на том кончилось?

— Да. Я решил, что ей требовались деньги. Выкачивала монету.

— Но с чего вдруг такая паника?

Брэкетт пожал плечами: он тоже был в тупике. Но тогда он не придал происшествию особенного значения. Не копался в нем, как Симмонс. Он наблюдал, как детектив расхаживает по комнате. Наконец тот опустил в кресло и задумался.

— А вот это вы зря, — заметил Брэкетт. — Не стоит так уютно устраиваться. Я вас сейчас выгону.

Симмонс поднял глаза, намереваясь встать, и замер, взгляд его впился в стенку у двери.

— Как странно!

— Что такое?

— Слушайте, я и не заметил этих фотографий, а ведь я здесь уже давно.

— И что в них особенного?

— Ничего. Просто я тут так долго, а только сейчас увидел. Странно, а?

— Подумаешь!

— На верхнем снимке ваша жена?

— Да.

— Разведены?

— Нет.

Симмонс не стал уточнять.

— А на другой — вы и Кембл?

— Да.

— Странно.

— Да что это вы заладили «странно да странно»? Что тут странного?

— Ничего... Девушка сидела в этом кресле? Перед тем как удрать?

— Да. А кресло тут при чем?

— Спокойной ночи, Брэкетт, — произнес Симмонс вместо ответа и вышел из комнаты. Брэкетт застыл у кресла, но смотрел он не на открытую дверь, а на фотографии.

Заснуть ему удалось только через два часа, и то со сновидным. Очнулся он в холодном поту — вещественный след его сновидений. На ночном столике клочок бумаги, на нем нацарапано одно слово: «Почему?»

Брэкетт оделся в тот же костюм, что и накануне. Он не побрился, отказываясь от заведенного ритуала. Заперев дверь, он вышел на сумеречный свет утра. Воскресенье. Либермана он избегал, не хотелось пустых разговоров. Хотелось одного: взять такси и съездить за своей машиной. А потом — в «Осенние поляны».

Тринадцатая.

Под фиговым деревом устроились четверо. Дерево взирало на всех надменно, будто давным-давно поняло, что окружающий пейзаж не Эдем, только подделывается под него. По тропинке,

обсаженной кустарником, Брэккет подошел к сидящим — они играли в карты.

В лечебницу Брэккет не торопился, нарочно медлил, тянул время, выбрал дорогу подлиннее.

Странно (даже неестественно) ехать к Кемблу в воскресенье. Как и в какой-либо другой день, кроме субботы. Притормозив у аптеки, Брэккет купил комиксы: не приезжать же с пустыми руками. Взял и газету, прочитал об убийстве Лумиса. Ничего нового. Так, мелкие подробности. Много в газету не попало. Про Симмонса ни слова. О Мэри Малевски, как о жертве убийства, тоже ничего. Всего несколько строчек, не связанных с Лумисом, — катастрофа на мосту; заметка терялась в гуще других. Симмонс, явно по своим соображениям, напустил туману, преподнес первоначальную версию: полиция считает аварию несчастным случаем.

Тасуя карты, старик в клетчатой куртке взглянул на Брэккетта.

— Имеются деньжата — подсаживайтесь.

— Нет, спасибо. Я приятеля ищу. Гарри Кембла.

— Кембла?

— Верно.

— Что-то его сегодня не видно. Взгляните, может, у себя в комнате?

— Нет, там его нет.

216 Теперь на Брэккетта со слабым любопытством смотрели все четверо. Им было уже за шестьдесят, но их это явно не трогало. Не тревожило, судя по ставкам на столе, и будущее. Словно пожилые римские сенаторы, доживали они жизнь, туго безразличные ко всему, что выходило за узкий круг их бытия.

— Его может и не быть, — вступил второй, — ведь сегодня воскресенье.

— Ну и что? — удивился Брэккетт.

— А вы правда его друг?

— Да. Я же сказал.

— Тогда должны бы знать. По воскресеньям Гарри надо искать вон там. — Он ткнул на здание, стоящее поодаль в тени кипарисов.

— А что это?

— Это, — объяснил первый, прикрыв карты ладонями, — церковь.

По архитектуре здание походило скорее на трехъярусный цирк, нежели на церковь. Оказалось, церковь вмещает чуть ли не десять вероисповеданий: от чопорной американской тайной секты до римского католичества. В разные святые дни на разных этажах в ней служили равви, священник и проповедник, празднуя дни самых именитых святых: базар для агностиков и новичков, которым позволялось свободно бродить из зала в зал, прицениваясь к ритуалам, прикидывая преимущества верований или отвергая их. Все здесь было напоказ, кричаще и безвкусно.

Брэккетту атмосфера показалась гнетущей. Церковь напомнила ему городской банк, там тоже все было чересчур пышно,

чопорно и загадочно, вселяло чувство, что кредитоспособность даже самого богатого клиента под сомнением. Пожалуй, такие чувства уместны и в церкви, но Брэкетт был не в настроении забавляться пикантными аналогиями. Он искал Кембла, а не спасения души. Искать же Кембла в церкви — занятие само по себе достаточно пикантное. Они так давно знакомы, а Брэкетт и не подозревал, что Гарри — верующий. Даже в моменты кризиса не замечал, чтобы тот обращался к религии. Вскоре он разыскал Кембла, и не в синагоге, а в самом большом зале — католическом. Тот стоял на коленях у пустой скамейки. Кембл молился. А может, дремал?

По боковому проходу, невольно ступая на цыпочках, Брэкетт подошел к Кемблу, смущенно оглянулся и, пробравшись между рядами, встал рядом.

— Гарри? — шепнул он.

Партнер не шелохнулся. Из ризницы появился священник, поймал взгляд Брэкетта и кивнул, как бы приглашая в убежище. Брэкетт поймал себя на том, что кивает в ответ, и поскорее отвел глаза.

— Гарри! — громче шепнул он, опускаясь на колени. Обнаружив, что держит в руках комиксы, он попытался пристроить книжки на подставку для молитвенников, но комиксы шумно посыпались на пол. Когда Брэкетт поднялся, чтобы подобрать их, Кембл обернулся.

— Уолтер? Как ты тут оказался?

— Пришел к тебе.

— Навестить? Какой ты добрый.

Брэкетт коротко улыбнулся и уставился на комиксы в руках.
— Вот, принес.— Брэкетту остро захотелось оказаться где-нибудь подальше от этого места.

— Комиксы принес? Поэтому и пришел?

Кембл смотрел на Брэкетта в упор, точно стараясь проникнуть в его тайные помыслы. Брэкетт хорошо знал этот взгляд. Сколько раз он наблюдал, как под взглядом Кембла задиристость вливающих свидетелей оборачивалась заиканием, а здоровенные парни моргали и с готовностью выкладывали все.

— Ну не совсем, Гарри...

Кембл ел Брэкетта глазами, сторожа малейшее его движение. Чтобы хоть как-то перебить напряжение, Брэкетт произнес, обводя рукой зал:

— Знаешь, Гарри, а я всегда думал, что ты еврей.

— Здесь спокойнее.

— О! А они не возражают? Я про...

— Уолтер, в моем возрасте не мешает обзавестись лишней религией. Про запас.

Брэкетт смущенно улыбнулся.

— Чего ж ты хочешь?

— Может, еще где поговорим? Неудобно шептаться...

— Что-то тебя грызет... Правда? Связано с делом, которое ты расследуешь? Твой клиент?

— В общем, да.

— Всегда рад тебе служить.

— Гарри, мне обязательно надо с тобой поговорить...

— Тише, начинается месса.

Брэкетт досадливо взглянул на Кембла и медленно опустился на скамейку. Священник у алтаря листал молитвенник.

— Гарри, — не вытерпел Брэкетт, — ну пойдем, в саду поговорим.

— Здесь лучше всего сбросить груз забот и тревог.

Вдохнув, Брэкетт устался перед собой. В соседнем зале зажгли свечу. У колонны торговали новейшей энциклопедией: 50 центов штука.

— О Дороти думаешь? — шепотом осведомился Кембл.

— Нет.

— Твоя жена на моей совести.

— Брось, Гарри. Все забыто. Договорились же.

Мужчина, стоящий перед ними, посмотрел на них и отвернулся, шея у него покраснела. Брэкетт не обратил на него внимания.

— Врач сказал...

— Ты говорил с врачом?

— Да. Только что. Я же беспокоюсь о тебе. О твоём здоровье. Он сказал, что ты в отличной форме. Первый сорт.

— Так и сказал?

— Да. Слушай, Гарри, давай выйдем? Трудно без конца шептать.

— Поздно, Уолтер.

И правда, зазвонил колокол, прихожане преклонили колени. Брэкетт тоже опустился на колени и придвинулся ближе к Кемблу.

— И еще — он очень доволен, что ты снова можешь водить машину.

— Кто доволен?

— Врач.

— Незачем было выбалтывать. — Кембл чуть отодвинулся.

— Почему же? Ведь это правда?

— Да...

— Так почему же?

— Сюрприз тебе готовил.

Все поднялись, а Кембл с Брэкеттом пересели на скамью.

— Гарри, почему ты скрывал, что уже здоров?

— Говорю же, сюрприз готовил.

— Только поэтому?

— Нет...

— Так почему?

— Боялся, что ты приезжать перестанешь.

— Не пойму.

— Тут ко всем приходят. Мне нравится, что и меня навещают.

Я всегда тебя очень жду.

— Но, послушай, если ты уже можешь водить машину, приезжал бы сам.

— Нет, Уолтер, фирма теперь твоя. Я хочу, чтобы ты... хочу, чтобы ты работал один. Разве непонятно? Охота посмотреть, как ты сам справишься. Сам. Мой ученик. И ты меня не подвел.

— Считаешь? — вызывающе взглянув на соседей, громко спросил Брэкетт. И снова понизил голос: — Я врал тебе. Все время. Рассказы мои... Сплошное вранье.

— Я не слышу тебя. Мои уши закрыты. Сегодня воскресенье. Воскресенье.

— А ты слушай. Я врал тебе. Клиенты... Их можно по пальцам пересчитать. А ты мне врал? Не про машину, а вообще?

— Не понял.

— Вчера. Где ты был вчера?

— С тобой сидел.

— А потом?

Кембл оцепенел.

— Чего ты добиваешься от меня?

— Врач сказал, что ты пропадал весь день.

Хотя в зале было прохладно, Брэкетта прошиб пот. Он попытался отстраниться от происходящего, притвориться, будто он сторонний наблюдатель. Кембл медленно повернул к нему голову:

— Раз врач так говорит, значит, так оно и есть. Чего тебе еще?

— Ничего. До свидания. — Брэкетт встал.

— Приедешь ко мне еще? Приедешь?

Не отвечая, Брэкетт зашагал к дверям. Теперь он не старался идти на цыпочках. Наоборот, хотя месса продолжалась, он шумно захлопнул дверь за собой...

Между его «бьюиком» и ближайшим коттеджем притулился черный «форд», водитель оперся о капот и курил сигарету. Это был Симмонс.

— Какого черта вы за мной таскаетесь? — закричал Брэкетт, не обращая внимания на врачей, пациентов и игроков в покер. Чувство бессилия обернулось злостью, и он не спешил унимать ее.

— Ей-богу, Брэкетт! Чего вы кипятитесь? Я о вас забочусь.

— Пошли к черту! — Брэкетт зашагал к «бьюику». Он заметил полицейскую машину, стоящую у ворот. Мотор был на ходу.

— А эта, надо полагать, — тихо произнес он, — приехала не ради меня.

Симмонс промолчал.

— Что ж, он ваш. Весь. — Брэкетт взглянул на церковь. — Даже священник есть. Сгодится в свидетели.

Забравшись в машину, Брэкетт захлопнул дверцу.

— Брэкетт... — Детектив подошел к машине.

— Отойдите, лейтенант. Хотя, может, и меня желаете арестовать?

Симмонс чуть покачал головой и отступил, глядя, как «бьюик» покатила к воротам и, чуть не зацепив полицейскую машину, выехал на улицу.

— Что ж, пора его забирать, — медленно произнес Симмонс, усаживаясь в «форд».

Четырнадцатая.

Двумя часами позже, когда Горовитц приехал к «Толстяку», Брэкетт восседал в кресле. Он методически раздирает папки, бумаги и конторские книги. Ящики вывернуты, мусорная корзина забита до краев (бумажные клочья уже ползут через верх), телефонная трубка сброшена с рычагов, а фотографии сняты и прислонены лицом к стене.

С минуту Горовитц молчал. Он подошел к окну, взглянул на полицейскую машину у подъезда.

— Так Симмонс звонил тебе? — спросил он наконец.

— Ответа не последовало.

— Уолтер, зря ты. Не надо так близко принимать к сердцу. Откуда ты мог знать?

— Уходи, Сидней.

— Хорошо хоть, — заметил Горовитц, не двинувшись, — что все кончилось.

— И это все, что ты можешь сказать?

Разыскав бутылку в ворохе бумаг, Брэкетт перевернул ее и, увидев, что та пуста, швырнул через комнату. Ударившись о стенку, бутылка разлетелась на мелкие куски.

— Уолтер! Ошибка-то наша. Не твоя. Займись мы девушкой сразу — хоть одну жизнь спасли бы.

— Да убирайся же!

— Прости. — Горовитц нерешительно двинулся к двери. — Прости... я не очень тактичен.

— Постой! Я тоже хочу извиниться.

— За что?

— Сказано — хочу, значит, хочу. — Брэкетт говорил невнятно, в голосе слышались слезы, и Горовитц смущенно отвел глаза. — Хочу извиниться за то, что думал о тебе. Прости.

— Чего тут размазывать. Я понимаю.

— Ничего не понимаешь! Ни черта! Никто не...

В постельном белье Брэкетт разыскал еще бутылку.

— Никто, черт...

— Не возражаешь, если я выпью с тобой? — Горовитц вынул из стаканчика зубную щетку.

— А тебе какая печаль?

— Ну... Теперь мне вряд ли дадут лейтенанта. И надеяться нечего.

— Почему же?

— Нить проморгал. Тогда, в тюремном загове. Помнишь?

Брэкетт пристально взглянул на друга и плюхнулся в кресло.

— Так я не проморгал! Какого черта! Результат тот же.

— Тебя чуть не убили.

— Ха-ха-ха!

— Уолтер, что-то не пойму, чего ты...

— А чего ты схватил мой стаканчик? Поставь на место.

— Думал, выпьем вместе.

— Не желаю я с тобой пить. И в жалости твоей не нуждаюсь.

И в супе.

— Кончай, Уолтер!

— Где его забрали? В церкви или в патио? Сидел в кресле, читал комиксы?

— Что?

— Смотрел на лужайку. Комиксы читал. В патио...

— Он был не в патио.

— Значит, в церкви. Встали, сели...

— И не в церкви. Разве Симмонс тебе не звонил? Он был у себя в кабинете.

— У Гарри нет кабинета.

— А Гарри тут при чем? — удивился Горовитц. — Я про Пломера.

— Про кого? — тупо уставился на него Брэкетт.

— Про Пломера. Роберт Пломер. Интересно, про кого же еще?

Рот у Брэкетта открылся, он попробовало было встать, на пол плеснулось виски, и он снова рухнул в кресло.

— Роберт Пломер?

— Я думал, Симмонс тебе звонил... Разве ты не знаешь? Убийца — Пломер. Он сознался.

Брэкетт сглотнул. Пломер? Ну, конечно. Пломер... На стороне закона. Билли так и говорил. Частные детективы и Лолиты. Пломер. Не Гарри. Роберт, черт его возьми, Роберт Пломер.

— Не дурачишь меня?

— Клянусь, нет. Я думал, ты знаешь. Думал, ты и разгром устроил из-за звонка Симмонса. Он грозился разнести тебя: ты же утаил встречу с Пломером.

— У нас было джентльменское соглашение. — Брэкетт залился хохотом. — Пломер! Ох, да ты же ничего не знаешь! Сидней! Выпей! Наливай! Пломер! Господи! Адвокат, член «Елкс»!

— А что тут смешного?

— Пломер!

— Я так и сказал.

— Да. Все сходится. Вот откуда Лумис узнал мою карточку. Он видел ее раньше. Может, и папку он стянул. Для Пломера. Пломеру-то известно, что девушка заходила ко мне. Умный мерзавец! Роберт Пломер с Пасифик-авеню! Кто бы мог подумать! — Брэкетт ухмыльнулся и подлил виски. Но скоро его улыбка растаяла. — Я должен был подумать. Я! Вот кто!

Прижавшись лбом к деревянной раме и прикрыв глаза, он думал о Кембле.

— Выпей еще, Уолтер.

— Не хочется.

— Симмонс считает, что Пломер не намеревался убивать девушку, — рассказывал Горовитц. — Но так получилось, а там уж все покатилося, как снежный ком. Жена подозревала, что у него любовная связь, но... Он знал город лучше, чем мы. Частных детективов нанимал. Контакты. Что делает людей такими, какие они есть? Неизвестно.

— А почему ты о нем в прошедшем времени?

— Он покончил жизнь самоубийством. На такой манер и признался. Увидел, что мы едем, вошел в свой кабинет и заперся. Пока ломали дверь, он застрелился. Никакой записки. Только фотографии этой девочки.

— А мне врал, будто у него их нет,— заметил Брэккет.— Вообще все врал! А я-то, дурень, отпустил его. Знаменитый детектив... Так мы все-таки раскрутили дело? Да, Уолтер Брэккет?

Он отошел от окна, оглядел хаос в комнате. Горовитц принялся подбирать бумаги.

— Да брось, Сидней! Какая разница!

— И за Гарри не грызи себя. Мы его тоже подозревали.

— Но, как сказал Симмонс, вам за это платят. А мне — нет.

— Ты куда?

— Поеду к Гарри. Может, хоть что-то полезное сделаю. Если не опоздал.

Открыв дверь, Брэккет приостановился.

— А кто такая Мэри Малевски, узнали? Ну, та девочка?

— Нет.

— И никаких следов?

— Никаких. Полная неизвестность. Так, чья-то сестра...

Когда Брэккет добрался до «Осенних полян», было уже три часа. На лужайках пусто. Наверное, обитатели отдыхают. Послеобеденная сиеста. Кембл, похоже, тоже — в патио никого. Дверь в коттедж закрыта.

Брэккет постучал о жалюзи — тихо.

— Гарри? — тихонько окликнул он, войдя и оглядываясь. В полумраке комната казалась заброшенной, будто в ней никто не жил.

— Гарри? — уже с тревогой повторил Брэккет.

222
Ответа не последовало, и Брэккет распахнул дверь в спальню. Постель свернута, одеяла аккуратно сложены в изголовье. Брэккет повернулся, чтобы уйти, но тут заметил Кембла. Тот сидел в кресле, спиной к нему, видна была только макушка и сигарета в правой руке.

— Гарри? — Брэккет направился к нему. — Что же ты молчишь?

Кембл не двигался. Брэккет заглянул ему в лицо, глаза закрыты, будто спит. Брэккет нагнулся, чтобы взять из рук Гарри сигарету, и вдруг услышал умоляющий голос:

— Уолтер, отвези меня домой. Мне тут больше немоготу.

Смех в «бьюнке» на обратном пути в Сан-Франциско звучал заразительно. Смех облегчения, что уик-энд кончился, что все хорошо. Для них обоих жизнь изменится, их роли переменятся. Кембл будет жить над кулинарией, может, опять займется исследованием («Но только совсем мелких дел, Уолтер. Надо понимать границы своих возможностей»), а Брэккет скорее всего вернется в Англию.

— Пересмотрю свою роль, Гарри. Как ты мне не раз советовал.

— Неужто советовал?

— Да, Гарри. И очень часто.

Брэкетт улыбнулся. Он знал, что будет скучать по Сан-Франциско. Но больше ему нельзя здесь оставаться. Город перерос его. Последние два дня — яркое доказательство тому, но пятьдесят три года — еще не конец света. Надо только заботиться о себе.

— Включи приемник, — попросил Кембл. — Я очень люблю радио. Слушаю без конца.

— Воображаю лицо Либермана, когда ты войдешь, — заметил Брэкетт, включая местный канал. Томная воскресная музыка.

— Он хранит твою комнату в неприкосновенности.

— Правда? И все пишет записки на оберточной бумаге? Не пойми что.

— Да, именно такие.

Брэкетт рассмеялся и нажал клаксон. Так, из озорства. По главному шоссе они въезжали в город.

— Я тебя, Гарри, буду навещать. При случае.

— Но не каждую субботу?

— Нет! — усмехнулся Брэкетт. — Не каждую... Э-эй! — вдруг завопил он и с маху надавил на тормоза. — Эх, черт возьми!

— Что такое?

— Черт!

Брэкетт распахнул дверцу и рванулся через дорогу на стоянку машин. На минуту скрылся за щитом рекламы и вынырнул с другой стороны, держа что-то в руках. Когда он подбежал к машине, Кембл разглядел, что он тащит довольно буйного ньюфаундленда.

— Ты чего это, Уолтер?

— Собака миссис Маркстейн, — запыхавшийся Брэкетт еле удерживал рвущегося пса.

— Что?

— Миссис Маркстейн... поддержи-ка, пожалуйста.

— Кто такая?

— Держи крепче. Я не могу править... и...

— Может, мне пересесть? Чтобы не мешать?

— Ага. Давай.

Кембл ухватил собаку за ошейник, недоуменно взглянул на нее и перебрался назад. Брэкетт сел за руль и, оглянувшись, усмехнулся.

— А ты ему понравился.

— Здорово, — кисло откликнулся Кембл. — Ну, так кто же она?

— Клиентка.

— Ты же ушел от дел?

— Теперь да.

Они молча доехали до Залива. На горизонте показались знакомые белые дома города. Музыка сменилась новостями, сообщили об окончании охоты за убийцей, о самоубийстве Пломера. Дали короткое интервью с комиссаром полиции, тот держался подобающе скромно, приписывая все заслуги Симмонсу, Иохансену и «твердому бескорыстному служению закону и порядку». На миг у Брэкетта упало настроение, он взглянул на ньюфаундленда, примостившегося на коленях у Кембла, и улыбнулся, представив себе лицо его хозяйки.

— Знаешь, Гарри, давай забросим пса по пути. Это же совсем рядом с нами. Глядишь, сотняжку-другую заработаем.

Кембл взглянул на красновато-коричневые балки моста Золотых Ворот и кивнул.

— Отчего же, Уолтер, конечно. *Только, пожалуйста, Крошка, не ездь через Юнион-сквер. Терпеть не могу эти пальмовые деревья.*

Новости сменились рекламой миксера, но Брэкетту было не до миксеров. Он слышал только Кембла. У него чуть не вырвалось: «Как, пальмовые деревья?» — но он сдержался.

Брэкетт остановил «бьюик» у въезда на мост и выключил зажигание. Он видел в зеркале, как улыбается Кембл, горделиво, почти по-отцовски, как будто Брэкетт только что с отличием окончил курс обучения. Парень в рубашке с коротким рукавом рванул дверцу и осведомился, какого черта он паркует машину на мосту Золотых Ворот. Не отвечая, Брэкетт обернулся к Кемблу:

— Я заберу у тебя собаку. Спусти ее с рук.

Ньюфаундленда очень вежливо передали. Оба избегали смотреть друг другу в глаза. Шум на мосту стоял оглушительный. Водители, лавируя, пробирались к ним.

— Спасибо, Гарри, — мягко поблагодарил Брэкетт, держа собаку. Парень принялся барабанить по крыше.

— Да заткнитесь вы! Чего раскричались? — заорал Брэкетт, забрал ключи зажигания и медленно выбрался из машины. Уже вылезая, он услышал шепот:

— Но ты будешь навещать меня, Уолтер? Как прежде?

Брэкетт заколебался, он заставил себя вылезти и хлопнуть дверцей. На миг он остановился в нерешительности среди скопища машин. Парень кричал, что если «бьюик» сейчас же не уберут, то он отправится за полицией. Брэкетт обернулся к нему и, прежде чем уйти, спокойно произнес:

— Так что же вы? Звоните в полицию.

**Перевод с английского
ИРИНЫ МИТРОФАНОВОЙ.**

МОЛОДЫХ ИНТЕЛЛЕКТУАЛОВ И ЮНЫХ ТЕХНАРЕЙ,
МЕЧТАТЕЛЕЙ И БУДУЩИХ ЛОМОНОСОВЫХ,
ВСЕХ, В КОМ ГОРИТ ОГОНЬ ТВОРЧЕСТВА,

ПРИГЛАШАЕМ

принять участие в Российском конкурсе работ школьников

ШАГ В БУДУЩЕЕ

ИНТЕЛЛЕКТУАЛЬНЫЕ УСИЛИЯ СЕГОДНЯ — ВЫСОКИЙ ПРОФЕССИОНАЛИЗМ ЗАВТРА.
А ЗАВТРА ПРИНАДЛЕЖИТ ТОЛЬКО ВЫСОКИМ ПРОФЕССИОНАЛАМ!

Ваш первый конвертируемый диплом —

диплом конкурса «Шаг в будущее». Оценка ваших работ ведущими учеными и специалистами МГТУ им. Н. Э. Баумана — сертификат самой высокой пробы и первая ступень в вашем восхождении к завтрашним высотам.

Ваша первая научная публикация —

публикация в сборнике научных работ школьников — участников конкурса «Шаг в будущее».

Ваша первая научная конференция —

Российская научно-техническая конференция школьников — авторов лучших работ конкурса.

**МГТУ им. Н. Э. БАУМАНА —
ALMA MATER**

*русской политехнической
школы —*

*учреждает Российское
Политехническое общество
школьников.*

*Действительные
члены общества —
лауреаты конкурса работ
школьников.*

наш КОНКУРС

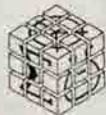
— это преимущественное право поступления в вузы (учредители конкурса: МГТУ им. Н. Э. БАУМАНА, МИСИ им. В. В. КУЙБЫШЕВА, МИХМ);

— это рекомендация на специализированные кафедры и в действующие научные студенческие коллективы;

— это созданное в вашей школе политехническое бюро — первичная организация Российского Политехнического общества школьников;

— это признание ваших творческих успехов и воплощение ваших идей в жизнь;

— это дипломы, премии и стипендии лауреатам конкурса от вузов-учредителей, научно-технической ассоциации «Актуальные проблемы фундаментальных наук», Российского союза молодежи.

«ШАГ В БУДУЩЕЕ» —

конкурс молодых,

у которых есть будущее!

Информацию о конкурсе можно получить:

— посылв запрос по адресу: 107005, Москва, ул. Бауманская, д. 5, МГТУ им. Н. Э. Баумана. Конкурс «ШАГ В БУДУЩЕЕ»;

— позвонив по телефону 261-68-30;

— приехав по адресу: Москва, ул. Лукьянова, д. 7.

Проезд: м. «Бауманская», тролл. 25, 45, до остановки «Музей декабристов», по рабочим дням с 18.00 до 19.00.

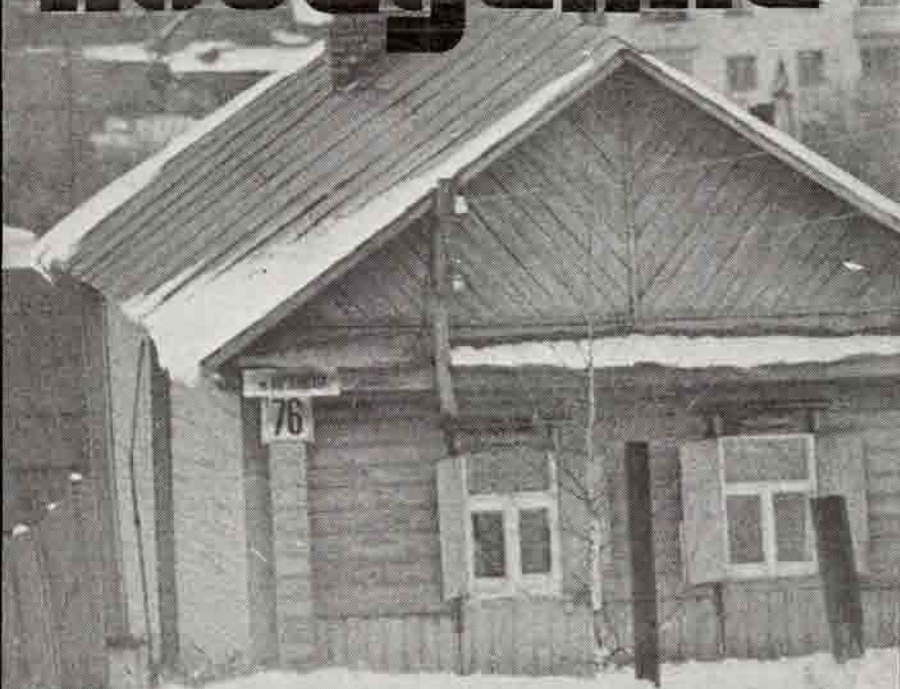
Бугурце

ПАВЕЛ ПЭНЭЖКО

ФОТО ИГОРЯ ЯКОВЛЕВА

панскіе посиделкі

Сцены из провинциального быта...

Тусовка с дамой

В канун революционных праздников бугурусланский городской молодежный еженедельник «Свой взгляд» опубликовал тест «Какой вы любовник?». Некоторые его вопросы поражали прямо-таки европейским изыском. Например, у жителя райцентра пытались выяснить, куда он предпочтет пригласить свою даму вечером: а) в экспресс-ресторан; б) в спокойный ресторан с хорошей кухней; в) в модный ресторан?

Ирония в том, что в городе все три фазы буржуазного общепита, где и совершаются бугурусланские «посиделки», воплощены в единственном ресторане единственной гостиницы «Заря». Меню из двух блюд: водка «распивочно и на вынос» и постоянный клиент (он же любовник) — человек кавказской национальности, который пьет и закуськает, не снимая головного убора. На что пьет? Ну, к примеру, недавно бугурусланская милиция отловила двух азербайджанцев, получивших с родины спирт и продававших его местному населению в разбавленном виде. Каждый заработал на этом по 10 тысяч.

Собственно же для молодых бугурусланцев почти все вопросы анкеты лишены актуальности. Ну зачем, скажите, спрашивать юного пэтэушника или школьника, предпочитает ли он оказывать со своей партнершей: а) в темноте или б) в полумраке, когда, как показывает уголовная хроника, им это абсолютно все равно, было бы после дискотеки какое-либо укромное место — хоть то склад ГСМ летного училища, хоть подвал жилого дома. Уместнее было бы спросить, какую компанию предпочитаете: втроем, впятером, вдесятером... пьяную, трезвую, совершеннолетнюю, малолетнюю...

— Прямо эпидемия какая-то,—

недоумевает председатель городского суда В. Наумов.— Весной они насилуют, осенью мы их судим. Что их на это толкает? Плохая организация досуга?

Самый популярный отдых молодых бугурусланок и бугурусланцев — дискотека, где в одном зале вперемешку топчутся четырнадцати — двадцатипятилетние, трезвые и пьяные, искушенные, глупенькие. Раньше молодежь искала самоутверждения в массовых драках. Бытовало традиционное соперничество татарского края, могилевки, нижних... «Бой кулачный на мосту дубовом», — как когда-то писал замученный НКВД местный поэт Дмитрий Малышев, известный еще Есенину и Брюсову под псевдонимом Морской.

Последняя такая драка случилась уже не на мосту, а на пляже два года назад, и с тех пор преступность окончательно утратила местный колорит. Остались изнасилования, грабежи на улицах, квартирные кражи — как повсеместно в матушке России... Впрочем, почему только России?

Как в Париже, да щц пожиже...

Бугуруслан находится на одной широте с Гамбургом, Ливерпулем, Дублином и даже канадским городом Эдмонтоном. И статистика преступлений там наверняка такая же, только в более роскошной обстановке. Во всяком случае, шансы вернуться к патриархальному быту как в Гамбурге, так и в Бугуруслане теперь примерно одинаковые. А вот если поставить вопрос иначе — как наладить нормальный быт? — тут даже сосед по широте канадский Эдмонтон ничем помочь Бугуруслану не может. Хоть и стоят оба города на «черном золоте», но, пойдешь ты, какая разница в благоустройстве!

А ведь бугурусланские мужики еще при «матушке Екатерине» нефть нашли и ею тележные колеса смазывали. Тогда на месте Эдмонта индейцы сушили скальпы у костров. Два с половиной столетия прошло с тех пор, но ни себя, ни державу бугурусланские мужики не обогатили. Любопытно, что Оренбургская область не только по площади, но и своими очертаниями сильно напоминает Чехословакию. А теперь представьте, что где-то на северо-западе своей республики чехи или словаки нашли не только нефть, но и ценнейший асфальтит?! Впрочем, что это мы про Екатерину, когда еще в петровских «Ведомостях» можно прочесть: «Из Казани пишут: на реке Соку (это неподалеку от Бугуруслана) нашли много нефти...» Во всяком случае, когда еще до революции братья Нобель провели здесь изыскательские работы, они тут же все свои находки засекретили из опасения, что бугурусланская нефть, если начать ее разрабатывать, взорвет цены на мировом рынке.

И тем не менее в советское время геологи бурили-топтали бугурусланскую землю год за годом, а все никак не могли добуриться до месторождений, залегающих всего-то на глубине 200—300 метров. Наконец терпение земли лопнуло: у деревни Новостепановки (рукой подать от Бугуруслана) пахуи мирно отсыпались в стог положенные трудовни, когда раздался страшный взрыв и в воздухе запахло серой. Подоспевшие нефтяники вовремя убедили запаниковавший народ, что это не бесы на них накинлись за грехи большевиков, а всего-навсего нефть дает о себе знать.

В это же время в деревеньке Садки колхозники Симонов и Кострюлин рыли погреб для картошки, а выкопали асфальтит — дра-

гоценное сырье для получения пластмасс, изоляции и лаков, которое страна завозила с острова Тринидад в Карибском море. Тут же набежали геологи, нефтяники, академики, энкавэдэшники, стали обустраиваться, качать, отправлять, госпремии и награды получать, доносы друг на друга писать, судить, сажать, расстреливать... Словом, жизнь забурлила. В газетах, по радио веселое ассорти лозунгов и заголовков: «Бугуруслан в ожидании нефти!», «Даешь коксагуз!», «Наймитов капитала к ответу!», «Нефть есть!», «Расстрелять троцкистскую банду!», «Забил газовый фонтан!»...

А Симоновы с Кострюлиными, как сто, двести и более лет назад, все так же батрачили на своих полях. Пикнуть не смели о своей какой-никакой причастности к сокровищам недр и только за стаканом самогонки жалились: «Смотри, кум, и серой отовсюду тянет, и храмы в Бугуруслане все порушили, и город-то запустел — кого выслали, кто сам сбег... Ох, быть беде великой!»

И накликали, черти. Как раз в воскресенье, на второй день партийного пленума, в разгаре прений по докладу... Так бы и «пропрели» бугурусланцы все начало войны, да с Оренбурга по телефону скомандовали включить радио. А там Молотов уже обещает, что «...наше дело правое, враг будет разбит, победа будет за нами!». И умные тут же смекнули, что раз так бодро обещает скорую победу, значит, дело дрянь. Вот она, сера-то подземная, дух бесовский...

«Обидно!»

В канун 74-й годовщины теперь уже не великого октября, новая бугурусланская власть распорядилась следующим образом: седьмо-

го с утра на Московской улице открывается ярмарка для всех желающих, а для ветеранов перед входом в горсовет — сбор на дорожную их сердцу демонстрацию. Были разведены далеко в стороны возрождающийся капитализм и угасающий социализм, чтобы не было конфликта, способного омрачить четыре дня заслуженного отдыха.

В отличие от крикливого собрания на Красной площади бугурусланские ветераны войны и труда чинно собрались у горсовета, поздравили друг друга с праздником и под «Вихри враждебные» в исполнении духового оркестра отправились вокруг сада имени В. И. Ленина положить цветы к его подножию, а также памятнику большевикам, погибшим в гражданскую войну во время так называемого «рычковского боя». В этом одиноком шествии вокруг «разбитого корыта» было что-то невозможно грустное и даже трогательное. Иду меж них и слушаю:

— Спасибо, мальчики, за праздник!

— А мне плакать хочется...

— Обидно!

— А я вот никогда в партии не была, но все тридцать лет учила ребят, что «Поднятая целина» — это гимн колхозному строю...

— Надо ж! В партию вступал в сорок втором под Моздоком, когда немец гнал нас на Кавказ. А теперь стал все равно как «враг народа»...

Это произнес высокий худощавый старик в строгом черном пальто, который вышагивал в первых рядах на удивление легко и прямо. Очки с толстыми стеклами прикрывают ослабевшие глаза, но в осанке, в ухватках чувствовалась привычка верховодить, командовать. Причем не столько благоприобретенная, сколько от естества.

Разговорились... Биография Юрия Ивановича Садчикова во многом типична для своего города и своего времени. Отец — потомственный хлебороб села Воскресеновка — вдруг почуял в тридцать пятом году, что раскрестьянивание не сегодня-завтра коснется его семьи, и поскорее «умотал в Бугуруслан». Благо энкавэдэшники к тому времени так почистили город, что депутаты выходили на мост через Кинель и зазывали Христом Богом селиться в опустевшие дома.

— О, этот бы накормил страну, — сокрушается теперь Садчиков об отце.

Когда настало время выбирать между институтом и техникумом, крестьянский сын остановился на втором, поскольку там давали килограммовую пайку хлеба, а в институте лишь 500 граммов. На фронте воевал в «катышах», домой привез награды и туберкулез, работать начинал с помбура, потом буровиком, мастером, а после Губкинского института старшим инженером и, наконец, главным... В общем, где-то с пятидесятих годов и вплоть до середины 1985-го Садчиков в Бугуруслане на первых ролях (был и секретарем горкома партии...). Он и с хрущевской «оттепелью» немножко потаял, и в суловских заморозках слегка поежился, и в застое вместе со всеми покис. И даже первые шаги перестройки от души успел одобрить. Причем вполне искренно...

Пошло-побежало время, и стал замечать Юрий Иванович, что, кроме отдельных актов гражданской доблести — а их, кстати, и до торжества демократии было не намного меньше, — перестройка не принесла ничего сногшибательно хорошего. Стали меньше бояться? Но сразу упала деловая инициативы на поверхность вылезли самая

грязная растащивка и свинское самообогащение. Теперь и «отцы» города, и которые недавно были «ум, честь и совесть» ударными темпами возводят себе кирпичные хоромы, хотя со строительством в Бугуруслане откровенно плохо как раз из-за нехватки кирпича. Восемь лет не могут достроить драмтеатр, очередники уже отчаялись дождаться, когда сдадут многоквартирный дом.

— Нехорошо получается... И если вы меня попытаетесь убедить, что в Москве не происходит ничего подобного, я вам не поверю.

Увы, мне нечего было возразить ветерану. Конечно, можно спорить до хрипоты, что нравственнее: посреди всеобщей нищеты пользоваться государственной квартирой и дачей или же использовать преимущества должности для покупки того и другого на свои деньги. Бесспорно одно: в эти трудные дни обремененному доверием народа деятелю как-то должно быть неловко соиздать собственное благополучие. Да и политически, если уж на то пошло, неблагодарно... Впрочем, до благодарумия ли, когда кругом такой расхватай! Откуда в больной стране взяться здоровому народу? А в нем найти здоровых демократов?

Президент и другие...

И тем не менее бугурусланцы нашли. Зовут его Александр Луконин. Он уже вошел в историю города наравне со слесарем Александром Яковлевым, с которого берет начало бугурусланский комсомол в девятнадцатом году. В девяносто первом на преподавателе-историке нефтяного техникума Александре Луконине он тихо кончился. Выполняя указ Ельцина о деполитизации, Луконин, как первый секретарь, пригласил всех

комсомольцев стать на учет у него в горкоме. Никто не явился.

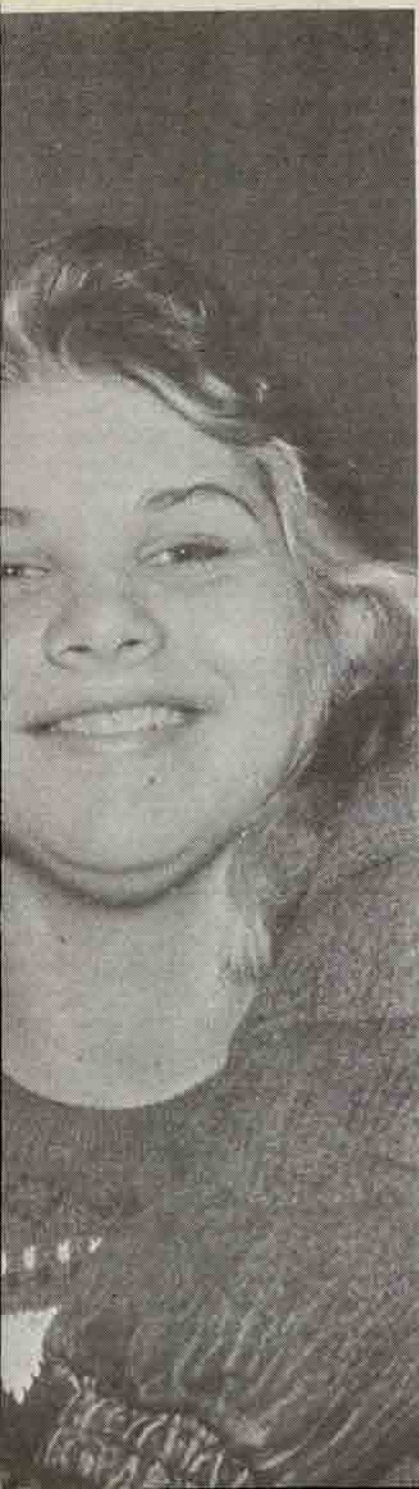
Но это не обескуражило Луконина, уже предвидевшего такой поворот событий и заблаговременно создавшего организацию нового типа — Федерацию молодежных общественных организаций и предприятий (ФМОП). В ФМОП вошли афганцы, секция восточных единоборств, хозрасчетный центр «Досуг», детская изостудия, два профсоюза малого и среднего бизнеса, два малых предприятия, зоомагазин, спорткомплекс, газета «Свой взгляд», немецкий и эрзя-мокшанский (мордовский) культурные центры. Сейчас создают собственную телестудию. В райцентре!

Луконин — президент федерации. В аппарате у него юрист, бухгалтер-контролер и еще трое профессионалов на жалованье. Стратегия проста: выжить! Поэтому строители, поработав прибыльно, делятся барышами с убыточной изостудией. Швейная мастерская помогает газете. Нелегко пробивал себе дорогу в жизнь «Свой взгляд». Год назад, когда еще правила партия и комсомол был на побегушках, аппаратчики горкома вместе с ветеранами хотели задушить новорожденный еженедельник еще в колыбели якобы за то, что «печатает порнографию», а на самом деле за критику начальства. Но Луконин, тогда еще ходивший на комсомольских помочах, дал яростный отпор.

— На мой взгляд, порнография — это наши городские мостовые, транспорт, долгострой. Наш быт. Наше отношение к национальным проблемам...

Сейчас в Бугурусланском районе проживают более двадцати тысяч эрзян и мокшан, которых, не шибко разбираясь в этнических тонкостях, мы огульно обозвали с давних времен мордвой.

А, между прочим, по-эзрянски вас поймут в Европе. В университетах Хельсинки и Будапешта проходят курс родоначальника финно-угорских языков. Финские и венгерские филологи собираются посетить Бугуруслан, чтобы послушать, как нынешние потомки общаются на языке своих далеких общих прапрадедов, но тут-то и произойдет конфуз на всю Европу, потому что за исключением горстки энтузиастов народ забыл свой природный язык. Об этом печальном факте мне сообщил коллега из «Бугурусланской правды» Виктор Тингаев — один из руководителей культурного центра «Лисьмапря» («Родники») и редактор эзрянской страницы в газете.

При царе, когда бугурусланцы были подданными Самарской губернии, имели они ветеринарный и педагогический техникумы с преподаванием на эзрянском языке. В сороковых годах еще сохранялись школы с двуязычным преподаванием. А теперь им даже собираться негде, потому что из районного ДК их выставили, и если бы не опека «Бугурусланки» и луколинского «Досуга», — пропал бы культурный центр.

Не лучше обстоят дела и у бугурусланских татар: школы закрыли в начале шестидесятых годов, когда среди прочих гениальных тезисов партия провозгласила, что чем скорее все перейдут к одному русскому языку, тем скорее мы построим коммунизм. С этим строительством дело так затянулось, что молодежь совсем забыла родной язык и культуру. Все свелось к сабантуям и концертам самодеятельности...

Но стали старики замечать, что нравственность у молодых падает, преступность растет, что многим уже нравится, когда за душой ничего святого. Задумали тогда заню-

во построить разрушенную большевиками мечеть, а интеллигенция помоложе решила образовать культурный центр. Во главе поставили энергичного инженера-строителя Раиса Каримова, депутата горсовета. Под его руководством была разработана первая в городе программа национального возрождения, по примеру которой эрзя-мокши и немцы (их центр «Видергебурт» тоже скитается без крыши над головой) разработали свои программы и все вместе подали их на сессию горсовета. Но, несмотря на горячие выступления Каримова и остальных, их дело депутаты (разумеется, с подачи руководства) отложили в долгий ящик. Мы-де не столь богаты...

Тем временем в горно провалили организацию национального класса. Заставили отказаться учительницу, распропагандировали родителей. Первого сентября активисты пришли к школе с цветами, а им от ворот поворот.

— И на все наши предложения, — возмущается Каримов, — один ответ: «Мы не столь богаты». Да мы никогда не будем богаты, если так подходить к самым животрепещущим проблемам!

«Национальный вопрос» обсуждался бугурусланскими депутатами за полтора месяца до путча. С тех пор к нему не возвращались. Тогда же предисполкома В. Жуков обещал удостоить Каримова личной беседы, но с тех пор так и не соизволил. Забыл, должно быть, но Раис Ахметзакиевич обиделся — «Несерьезный человек, не держит слова!» — и сам к нему не идет. Так страсти вокруг «вопроса» накаляются, а дело-то, по правде говоря, выеденного яйца не стоит. Давным давно собрались бы с представителями всех трех центров и обсудили, что при нынешней бедности можно сделать сейчас, а что отнести на лучшие

времена. Впрочем, можно надеяться, что до этой мысли новые отцы города дойдут и без нас.

До тех же пор что-то конкретное для решения национального вопроса в Бугуруслане делают только Луконин и его молодежный центр...

На Революционной (в прошлом Дворянской) улице в бывшем купеческом доме с военных времен находился интернат. Советская власть не оставляла его своей заботой, и когда перекрытия окончательно прогнили и провалились, сироток из центра города переселили на окраину, в помещении бывшего ЛТП. Главный архитектор города уже было собирался сносить здание, чтобы воткнуть на его место свой типовой шедевр, как тут подвернулся Луконин:

— Зачем вам новый долгострой? Лучше отдайте нам!

Власть уступила. Все же Луконин депутат горсовета, лидер депутатской группы «Доверие» — первой оппозиции в истории бугурусланского парламентаризма. Меньше чем за год ФМОПы подняли здание из руин. Теперь там студия, кабинеты, кинозалы и даже зоомагазин. Ребята смотрят «видики», лепят, рисуют и даже расписывают стены своей мастерской, разводят птичек-рыбок, и можно надеяться, что, когда подойдет срок, они уже не будут решать свои сексуальные проблемы в подвалах. Здесь обретут дом спортивные, литературные, политические, национально-культурные клубы и центры. Луконин вынашивает амбициозный план привлечь к работе кружков директора музыкальной школы Ю. Гришина — хранителя старых интеллигентских традиций Бугуруслана.

Но об этом после, а сейчас все-таки еще раз о Луконине, об этом «шебутном», как сказали бы у него на родине, в селе Русский

Кандыз (бобер), тридцатилетнем малом.

Перестройку Луконин встретил верным ленинцем и, чтобы уж до дна исчерпать мудрость великого учения, наскреб денег на полное собрание сочинений. Когда же исчерпал, то оказался в состоянии, близком к шоковому. Гениальное... упрощенство. Кто не Маркс — Энгельс — Фейербах, тот «протаскивает идеализм», «лидер компании американских литературных проходимцев», «спиавает народ религиозным опиумом», «поклоняется боженке»... В общем, выброшенные деньги.

Однако ж горком партии положил на него глаз: боевой, энергичный, из Ленина так и шпарит. Предложили стать первым — отказался. Тогда пообещали квартиру. Двухкомнатную! И купился молодой педагог, потому что жить с женой и ребенком в общежитии... Сами понимаете. Но квартира так и не состоялась из-за его строптивости, из-за бесконечных нападков на партийно-советское руководство. Да еще сколотил парламентскую группу оппозиционеров, в которую, конечно же, не вошел ни один уважающий себя функционер. Какие-то летчики, слесари, поэты — «темный народ». Затеял травлю владельцев особняков, начальников городских служб. Когда из культотдела исполкома пришли к нему с предложением взять под свое высокое крыло «Досуг» — послал куда подальше. Дескать, явились на готовенькое; а где раньше-то были?!

— Теперь про нас распускают всякие гадости, что мы коммерсанты и чуть ли не жулики...

Фининспекция обложила их налогом как заправское коммерческое предприятие. Заместитель предгорисполкома Л. Полуфунтиков норвит оттягать старое помещение горкома, где гнездятся все

службы федерации, «Свой взгляд» и «националы». В первый день августовского путча Луконину позвонили из горсовета и велели выметаться. Тот ответил, что только через суд, потому что имеется договор об аренде...

Делить — не множить

Тридцатисемилетнему Юрию Черникову, нынешнему председателю Бугурусланского горсовета, не позавидуешь. Городское хозяйство в развале. Мостовые, освещение, канализация — «порнография», как сказал Луконин, и лучшего слова не подберешь. Снабжение и торговля — воровство по восходящей. Водоснабжение — поток идей, — но никто ничего не делает. В строительстве развал. В бюджете дыра хуже, чем в российском: даже половины денег нет. А тут еще учителя собрались бастовать: повышай зарплату, улучшай снабжение. На малом совете (так после путча переименовали президиум) решили дать им часть средств из внебюджетного фонда и еще убедили совет директоров накинуть по червонцу с работающего. Вроде бы уладили, но тут проснулся сельхозтехникум: и нам не повышают, и нас не снабжают... Второй год хозяйственным мылом головы моем! В Михайловке бараки (общежитие преподавателей) валяются, учителям талонов не дают...

И еще проблема, которая вскочила чертом из табакерки, свалилась, как Чечня на Ельцина, — бугурусланцам надоело быть сырьевым придатком Оренбуржья, и они решили отделиться, перейти под высокую руку Самары. До нее и дорога вдвое короче, и грузы возить втрое дешевле. И самарская промышленность куда сильнее против оренбургской.

— Мы их накормим, — мечтает

РЕВОЛЮЦИОННАЯ

КВ № 50

УЛ. РЕВОЛЮЦИОННАЯ

Черников, — а они нам построят. До революции наши прадеды гужом поставляли в Самару пшеницу, и это было выгодно!

Черников верит в здравый смысл и в компромисс. «Нельзя загонять человека в угол» — такой он исповедует принцип, и, наверное, в контексте нашего привычного взгляда на человека-винтика огромной системы — это не так уж и плохо. Уже шаг к раскрепощению. Может быть, даже шаг от закона силы к силе закона. Критикует своего оппонента Шутова. Что он предлагал? Я, говорит, в экономике-политике мало чего понимаю, но гарантирую, что распределять все будем честно.

— Что они еще собрались делить? В стране же ничего нет! Партсобственность и ту уже разделили...

И не без скандала. Стоило вселившись в бывшую резиденцию горкома горсовету и исполкому, а свой дом (бывший купца Федосеева) передать музыкальной школе, как к Черникову явилась возмущенная депутация ветеранов и районных властей со своими претензиями на наследство. Просто диву даешься, как быстро люди способны перейти от скорби по великому покойнику к самой яростной потасовке за его наследство. И двух месяцев как не бывало. Хоть бы кто вспомнил.

Там, где раньше глаза моизолили «Слава КПСС», славят Сергея Тимофеевича Аксакова по случаю 200-летия со дня рождения...

Театральный роман

Великое учение на нашей почве привело к интересным результатам. Выработался психологический тип советского патриота сегодняшнего дня, патриота-временщика. Это и бывший предколхоза Иван Марков, разоривший

Аксакова, а теперь отдыхающий в Оренбурге на почетной пенсии. И предшественник нынешнего главного архитектора Александр Сидоров, который уничтожил построенный еще винозаводчиком Рычковым в самом центре города уютный, старый театр — «Гоголевская аудитория» — и увековечил себя огромным типовым долгостроем. Теперь актеры одной из старейших и сохранившихся провинциальных трупп вынуждены ютиться где попало и играть на неприспособленной сцене дома техники. Строить поручили агропрому, а для того Мельпомена — не самая главная культура. Деньги есть — строителей нет. Строителей нашли — деньги уже уплыли. У председателя исполкома В. Жукова теперь три идеи: либо продать это сидоровское позорище, разобрав по кирпичику; либо, как есть — целиком; либо законсервировать.

Узнав об этом, главный режиссер Семен Фуксман пришел в ярость: «Прагматики занюханые! Мы десять лет скитаемся без крыши над головой, зарплата грошовая, жилья не дают, мучаемся с реквизитом, декорациями... и еще годовой финансовый план за девять месяцев выполняем!»

За театр вступилась местная интеллигенция, и пришлось выбирать между ними и прагматиками. Как раз подоспело начало 92-го сезона, который решили открыть традиционной для «Гоголевской аудитории» «Женитьбой»... И тут случилось событие уникальное за все время советского существования театра им. Н. В. Гоголя. Перед началом спектакля на сцену вместе с главным режиссером Фуксманом поднялся городской голова Черников и сказал слово:

— Я считаю делом чести всех

горожан сохранить свой театр. Сделаем невозможное, но новое здание для Гоголевской аудитории достроим.

Бугурусланцы устроили ему овацию, а потом дружно хохотали над перипетиями сватовства Подколесина, усматривая в них разительное сходство с терзаниями руководителей перестройки последних шести лет. Кто-то даже обмолвился, отбивая ладоши: «Эх, наши кремлевские Подколесины!»

Уж не знаю почему, но, несмотря на все перипетии новейшей истории, Бугуруслан остался одним из немногих провинциальных городов России, где интеллигенция что-то значит. Где присутствие ее ощутимо. Ну, видано ли где-нибудь, чтобы директор музыкальной школы победил райисполком, горсуд и гремящих наградами ветеранов в схватке за великолепный дом на Московской улице, чугунная ажурная лестница которого помнит не только кованые сапоги рабочих, крестьянских и солдатских депутатов, но и властную поступь бывшего хозяина, купца Федосеева.

Юрий Дмитриевич Гришин... Он и впрямь чем-то напоминает чудакватого провинциального барина прошлого столетия (кстати, его ампула на любительской сцене), — холостяк, эстет, остролов. Досуг посвящает виолончели (не поверите, настоящий «Амати», приобретенный за гроши по какому-то дурному случаю еще в студенческие годы в Свердловске-Екатеринбурге), чтению, рисунку, лепке, композиторству, стихам, фотографии, любительским спектаклям и фильмам. Он дружит с редакцией «Бугурусланской правды» (в просторечии — «Бугурусланки»), часто там печатается. Знаком со многими властью имущими, а кое-кого из них помнит еще с ма-

лолетства, постигавших у него азы сольфеджио и гармонии...

Любимые герои Гришина — чеховские провинциалы. Он считает, что советский кинематограф пошел ложным путем вслед за литературной критикой, стремясь представить жизнь этих людей пустой и никчемной, а их самих окариатурить.

— Нет, Чехов слишком драматичен и глубок, чтобы польститься на такую простенькую советскую схему!

Я застал Юрия Дмитриевича дома, когда, несмотря на поздний час, он разыгрывал Чайковского, «Вариации на тему «Рококо». У него загостились ученики Алексей Звягин и Саша Хрящиков. Алексей учился по классу виолончели, теперь первокурсник сельхозтехникума. Саша — пианист. Оба весело вспоминают, как пели в опере Гришина «Кот в сапогах», как играли лицеистов. Пили чай и поедали приготовленный Юрием Дмитриевичем торт. Законопослушный Бугуруслан уже спал глубоким сном, когда мы решили отправиться к немногим еще бодрствующим, в «дом Соколовых».

Читайте Драйзера!

В тот год, когда большевики объявили всенародный траур по случаю кончины Владимира Ильича, в Бугуруслане тихо умер от тифа последний земский врач Владимир Георгиевич Соколов...

Во время «гражданки», когда белым пришлось оставлять город, они усиленно звали Соколова с собой. Пугали комиссарскими расстрелами. Но тот отвечал:

— Господа, расстрелы — расстрелами, но кто ж народ будет лечить?

Так и остался, чтобы умереть в разоренном городе во время эпидемии, заразившись при вскры-

тии тифозного покойника...

Внучка же земского врача организовала нынче в Бугуруслане институт культуры на базе гришинской музыкальной школы. Итоги первого года занятий как раз и обсуждались за чаем под сенью огромных буфетов старинной работы в гостиной Елены Юрьевны Соколовой.

Пришел летчик и поэт Александр Шиперов, сборник которого издал «Свой взгляд» приложенным себе в убыток, потому что рядовой бугурусланец пока еще не созрел, чтобы жить «...не переставая удивляться лесам и травам, рекам, облакам, и перистой симметрии акации, и умным человеческим рукам».

Была цветущий полиглот из летного училища Людмила Боярова и застенчивый, совсем юный словесник Андрей Краснов из первой школы. Спорили, не изжили ли себя лекции, и, может, лучше собираться за чаем, как сделали в день рождения Пушкина, для которого даже несговорчивый на все хорошее мясокомбинат отпустил колбасы.

Осуждали варварское отношение отцов города к историческому зданию первой гимназии. Теперь там все прогнило, провалилось, и опять же ходят слухи, что Жуков собирается его сносить. Божится, что денег нет ремонтировать. Так, может, опять броситься в ноги совету директоров?

Кстати, как поживают кормильцы города? Два года назад, когда на заводе «Радиатор» дела шли более-менее благополучно, коллектив бастовал дважды. В этом году все идет хуже некуда — о забастовке никто не заикается. Главная тому причина — машиностроители приступили к приватизации, подали заявку в Оренбургский комитет по управлению государственным имуществом.

При этом пятая часть акций почему-то отходит к комитету, десятая — инвестиционному фонду (загадка, что это такое?), остальное коллективу.

— Читайте Драйзера, — сказал директор завода Л. Кислов своим управленцам и добавил, что придется сократить по крайней мере полсотни человек. Но обстоятельства заставляют пока с этим по-временить, потому что завод сейчас производит не только столь необходимые тракторные и автомобильные радиаторы, сепараторы, сантехнику и даже «хохлому» по статье ширпотреба, но и как все прочие предприятия необъятной страны — огромное количество деловых бумаг. И хотя количество их вроде бы сократилось на две трети, объем информации остался прежний. Значит, куда не денешься от людей, которые должны ее перелопачивать. Драйзеровские герои с такой ситуацией не сталкивались. Но Леонид Петрович не отступает:

— Не мы, так внуки, правнуки станут настоящими капиталистами!

...и начнете богатеть

А пока чем лучше работают люди, тем хуже их дела. Потому что Павлов хотя и за решеткой, а дело его — бандитская налоговая система — гуляет на свободе и раздевает предприятия донага. Чтобы выжить на рынке, предпринимателю, акционеру необходим какой-то первоначальный капитал. А честным путем, в госсистеме создать его просто не дают. У нас любят стыдить людей, которые сейчас носятся по магазинам и хватают что ни попадя. Но кто пристыдит государство, которое лихорадочно потрошит карманы предприятий?! Ну как можно развиваться, если стал рентабельным — плати, стал прибыль-

ным — опять же плати вдвое, втрое... Прибыль у Кислова, хоть завод и лучше работает, сократилась против прошлогодней в восемь раз. А ведь на нем и на его коллегам директоров (здесь их раз-два и обчелся) «висит» весь Бугуруслан. Учителя бедствуют — добавь. Садик вздорожал — плати. Общепит подскочил — компенсируй. Завод довели до 2,5 процента рентабельности. Залезли в кредит. Вот почему...

— Рынок — плохой ли, хороший — все равно это путь. Пусть диктует цены, какое производство свертывать, какое наоборот...

— А безработица?

— Гм, вот сейчас стекло разобьют, вставить некому. Набойку на ботинок негде сделать. А раньше и стекольщик по дворам ходил, и сапожник сидел на каждом углу...

Сорокалетний подтянутый, энергичный мужик в расцвете сил и способностей... Может, вот он, уже сегодняшний предприниматель переходного периода. За полтора года освоил четыре вида новой продукции, среди которой сиденья к ульяновским «джипам» — дело крайне выгодное.

Теперь многие производственники норовят уйти от политики. Кислов же, наоборот, идет в самую гущу проблем, возглавил конфликтную комиссию по требованиям стачкома учителей. Уладил дело к обоюдному интересу и педагогов, и города.

Кстати, с Черниковым у него полное взаимопонимание в главном: надо развивать промышленность, чтобы развивался город, и что Российское государство начнет богатеть именно от богатящей провинции, налившегося силой Бугуруслана. Начало новой России здесь, на берегу Кинели и тьмы таких же речек, а не на

Краснопресненской набережной или в Кремле...

Вот это-то обстоятельство как раз и внушает наибольший оптимизм в наше довольно-таки пессимистичное время.

ИЗДАЛЕКА ВИДНЕЕ

И ближе тоже. Это не «оптический обман», а закон природы, и он многогранен. Надо отойти на порядочное расстояние не только в пространстве, но и во времени, чтобы рельефнее, четче, яснее и глубже, а тем самым — как бы и заново увидеть и течение веков, и круговорот событий, и, конечно, людей — героев, участников, жертв того и другого. Вот почему для новой нашей — исторической — рубрики предпочли мы это название — «Издалека».

О причинах ее появления, о том, что обещает она читателю, нужно сказать несколько слов.

Ко множеству длительных испытаний, так щедро дарованных нам Системой, добавила она, матушка, и еще одно — столь же многолетнее. Годы «исторического материализма» обернулись, в сущности, временем запрета истории. По-иному сказать: ходила история в падчерниках Системы, и лиха хлебнула, а уж досталось-то ей, быть может, похлеще и покруче, чем иному всему, попавшему в крупнорушку «славных десятилетий». И всю эту пору боялась ее Система пуще засухи, паче голода. Потому-то за три четверти века история наша вывернута наизнанку, перекорежена до неузнаваемости, оболгана до абсурда — и в изложении событий и, уж конечно, в оценке героев. Ну а коли именами разбойников, царевичей, террористов называли улицы российских городов, мудро ли, что и «рекомендательный список» эта Система, иное все выкинув, как кукушка в чужом гнезде, заполнила до краев своим? Своим — суть работающим на себя, на корысть собственных интересов. *Своеобразие* же сих интересов отладило, пустило в ход и механизм подавления интереса людей к их прошлому. И пошло-поехало, только подмазывай. Оно конечно, пушкинская «История Пугачева» — не по зубам орешек, в спецхран не запрешь, но всем сестрам по серьгам роздано: «отъявленного монархиста» Карамзина, «буржуазного» Соловьева, «мелкобуржуазного» Ключевского — с глаз долой, а уж всяких там Костомаровых с Валишевскими — чтобы и духу не было!.. И вообще, как прилюдно вещал министр вещания тов. Лапин, «наша история началась в октябре Семнадцатого!.. И на этом все, товарищи!»

Упомянутый все тов., хотя и значился в прежних как «круп. общ. и полит. деятель», до последнего издания Советского Энциклопедического словаря все же не дотянул, потому как к этому времени открылось, что история наша маленько пораньше семнадцатого года началась, а естественный, природой в людях заложенный интерес к своему прошлому обернулся уже тем, что тотчас же и окрестили «историческим бумом». История, как предвидеть и следовало, в ближайшие к нам уже дни прорвала плотину

запретов, одолела баррикады последних сопротивлений и ринулась к жаждавшему ее читателю... «Монархисты», «буржуазные» и «мелкобуржуазные» возвращены на полки и переизданы уже не один раз, а если, будем надеяться, вновь злая рука не остановит печатного станка, грянут новые издания многотомных трудов классиков исторической науки, монографии, романы, повести о нашем прошлом. А «Смена» открывает рубрику...

Шаг этот может показаться прометчивым или по меньшей мере излишним. Но так ли?

Сознаться нужно, что, с одной стороны, мы действительно испытываем известное беспокойство за судьбу новой рубрики, поскольку отдаем себе отчет в том, что «исторический бум» не сегодня поднялся, не младенец, а потому удовлетворить читателя, вкусившего уже от этого плода, дело не простое; с другой же стороны — мы уверены, что нынешний интерес к отечественному прошлому явление не временное. Но главное, нас поддерживает и обнадеживает то, что выбрали мы путь, не повторяющий исторической тематики других изданий — ни книжных, ни журнальных, потому как тесниться тут, расталкивая друг друга локтями, нужды нет — широко поле-то.

История русская, как, может быть, никакая иная, полна сюжетов поистине головокружительных, реальные ее персонажи превосходят героев, созданных самой бурной фантазией романистов, а действие далеко не всегда разыгрывается на полях сражений или в анфиладах императорских дворцов, но и на узких тропках, в темных коридорах и уголках, куда редко заглядывают по причине обилия таковых. А между тем многое достойное читательского интереса, не найдя места в «экспозиции», все еще остается в «запасниках» исторической галереи. Пора и на свет Божий, на созерцание не одних только *специалистов*. Вот почему основные источники будущих наших публикаций — это многочисленные в прошлом, а сегодня практически недоступные мемуары, воспоминания современников и свидетельства, упрятанные в свое время подальше, которые теперь предстоит нам буквально по крупицам выуживать из забытых и, увы, погибающих изданий.

И еще. Учитывая объем, периодичность журнала и ориентируясь, конечно, на нашего читателя, мы не предлагаем в новой рубрике ни больших исторических романов, ни пространств исследований или продолжительных повестей. На страницах рубрики «Издаю» найдете вы компактные и по беллетристической форме легко воспринимаемые материалы — рассказы, очерки, заметки на самые разнообразные сюжеты истории; иногда это будет трагедия, иногда драма, порой комедия, подчас фарс, даже анекдот, надеемся только, всегда интересный, занимательный и, хочется думать, поучительный, особенно в это нелегкое время. Отсюда и последний, похоже, вопрос — нужна ли и своевременна ли новая рубрика в столь смутный период нашего бытия?

У нас многого нет и неизвестно когда и будет ли. Но при всей вопиющей нашей бедности и ужасающей нищете, когда все сплошь политизировано и, извините, «экономизировано», когда глаза слезятся от газетных полос, уши трещат от радиовещателей все об одном и том же, и все это лезет к тебе в дом, в душу, а следовательно, осточертело до опустошающей усталости, настало золотое время для чтения непрочитанных, пропущенных в суете мирской страниц нашего прошлого. В этом, пожалуй, можно не сомневаться.

А. ЕФИМОВ

“СЛОВО И ДЕЛО”

Рисунок ГЕННАДИЯ НОВОЖИЛОВА

Упраздненная в 1729 году императором Петром II канцелярия тайных дел и отставленный от всяких дел знаменитый Андрей Иванович Ушаков были вновь призваны к жизни уже в 1732 году всеильным Бироном. Снова раздался и понесся по Руси позорный и развращающий возглас «слово и дело», снова в застенке началась кровавая работа, и Андрей Иванович нашел применение своим способностям.

Едва взойдя на престол, Анна Иоанновна тотчас вступила в борьбу с лицами, замышлявшими ограничить ее власть и лишить ее общества любезного ей Бирона. В этой борьбе, в которой были и ссылки и казни, она чувствовала опасения за свое благополучие. И не столько она, сколько Бирон.

По природе своей Анна Иоанновна была неспособна к энергичной борьбе. Не то Бирон. Грубый, мелочный, тщеславный, наглец и трус и, как всякий трус, полный злобы, он не мог ни мгновения чувствовать себя спокойным, став во вражду со всем русским и со всеми русскими.

Он знал, что в условия избрания Анны Иоанновны входил пункт — разлука с Бироном, и он не мог вычеркнуть этого из своей памяти. Выгнанный когда-то со службы за шулерство, он ненавидел все честное и открытое, а больше всего — все русское и русских. Он отлично понимал, что и русские платят ему такими же чувствами и что он держится только благосклонностью государыни. Вот почему более, чем она, трепетал он за прочность ее положения и всегда был полон подозрений. Естественно, при таком положении нельзя обойтись без тайного сыска, без доносов, без следствий и устрашающих воздействий. Учреждение такого сыска казалось Бирону необходимостью, и он поспешил восстановить памятный русским Преображенский приказ, назвав его канцелярией тайных розыскных дел, и стал поощрять всякого, заявлявшего «слово и дело».

Кого же можно было выбрать для заведования этой канцелярией, кроме Андрея Ивановича Ушакова? Помимо кровавой славы, приобретенной еще при Петре I, Ушаков успел прислужиться новой императрице. Бирону было известно, что он протестовал против избрания Петра II и, более того, что он был одним из дворян, подавших Анне Иоанновне прошение о принятии неограниченной власти.

Размыслив все это, Бирон назначил Ушакова начальником канцелярии и приблизил его к своей особе. Анна Иоанновна тотчас наградила Ушакова высшим русским орденом Андрея Первозванного, и знаменитый истязатель с воодушевлением принялся за свое дело.

Началась эпоха, сохранившая в преданиях название «биرونщины». Всякое непочтительное слово не только о Бироне, но о «немце» немедленно доносилось Ушакову, и опрометчивый человек уже допрашивался в его канцелярии «с пристрастием». Сыск охватил всю Россию. Из далекого Усть-Сысольска, из Уфы, из Саратова привозились в Петропавловскую крепость несчастные люди, вина которых была в неосторожном слове «пришлом немце».

Если при Петре I всячески поощрялся донос и каралось недо-

носительство, то при Бироне эта система имела еще большее применение. Люди доносами создавали свое благополучие, «слово и дело» раздавалось повсюду: и в хоробах, и в лачугах, и в придорожном кабаке; брат боялся брата, муж — жены.

Права и власть Бирона были неограниченны. Он разорял страну для собственного обогащения и обманывал императрицу на каждом шагу. В Петербурге все перед ним склонялось и трепетало. Родовитые люди целовали его руку. Ушаков его именем наполнял страну ужасом. Но сам Бирон боялся за прочность своего могущества, и одним из вечных признаков его страха была цесаревна Елизавета Петровна, прямая дочь Петра Великого. Он быстро сжил бы ее со света, если бы не знал, что она окружена любовью черного народа и, что еще страшнее, обожаема старой петровской гвардией. При этих условиях сама цесаревна была в безопасности от ненависти Бирона, но горе было всякому, кто к ней приближался и становился мил и дорог цесаревне.

Первой такой жертвой Бирона стал несчастный Шубин.

Елизавета Петровна была красавицей, ей шел уже тридцатый год, а вся жизнь ее прошла, как монастырская. Охота и девичьи игры были, однако, не единственными развлечениями, в которых она находила выход своим бурным порывам. Пришел срок, и ее девичье сердце опять всколыхнулось и страстная натура потребовала удовлетворения. Любовь налетела на нее ураганом...

Был жаркий весенний день. Цесаревна провела плохую ночь, охваченная весенней истомой, и, ища развлечения, сошла в свой сад.

Здесь, у цветников, она увидела двух караульных, солдат Семеновского полка. Едва подошла она ближе, как один из них ровным шагом выдвинулся вперед, сделал четко артикул ружьем и громко, отчетливо проговорил:

— К вашему императорскому высочеству от караула Семеновского полка на ординарцы наряжен.

Елизавета взглянула на него, и яркий румянец залил ее лицо. Такого красавца она еще не видывала: ростом выше ее чуть не на голову, стройный, мускулистый, с ясным лицом, веселыми глазами, он стоял перед нею неподвижный как статуя.

— Как тебя зовут? — спросила цесаревна.

— Алексей Шубин, ваше императорское высочество.

— Кто ты? Откуда?

— Из костромских дворян.

Она расспросила его обо всем, потом повернулась и быстро пошла в покои, куда тотчас позвала свою наперсницу Мавру Егоровну Шепелеву.

В тот же вечер сержант Шубин был приглашен к старшей фрейлине цесаревны пить чай.

Цесаревна расцвела и повеселела.

Прошло две недели, и через Лестока, по непосредственному ходатайству Елизаветы, фельдмаршал Миних произвел Шубина в прапорщики Семеновского полка, а сама цесаревна, пересылая

своему любимцу патент, подарила ему тысячу рублей на экипировку...

Елизавета переживала медовые месяцы любви со всей силой запретной своей страсти. Как подруга ее Шепелева и доктор Лесток ни старались скрыть это увлечение цесаревны, слух о нем скоро проник во дворец и связь ее с Шубиным стала известна Бирону, а затем и Анне Иоанновне.

Услужливые шпионы принесли Бирону весть, что цесаревна замышляет выйти за Шубина замуж. Бирон испугался не на шутку. Сама цесаревна не честолюбива, но ее возлюбленный легко может уговорить ее предъявить свои права.

Этого оставить было нельзя, и Бирон стал внушать тревожные мысли Анне Иоанновне до той поры, пока та не сказала ему:

— Если ты считаешь его таким опасным, то убери его!

Так решалась в те поры судьба человека...

Напрасно в эту ночь цесаревна ждала своего возлюбленного. На другое утро она узнала, что ее друга по приказу Бирона арестовали и увезли в тайную канцелярию Ушакова.

Елизавета заметалась.

С собственноручной запиской она послала Лестока к страшному Ушакову, но тот ответил, что «уже поздно». Лесток поскакал к Бирону, но тот встретил его бранью и угрозами цесаревне.

Шубин исчез сразу и бесследно.

Когда Лесток обратился к Ушакову, было действительно уже поздно. По особому приказанию Бирона Шубина в ночь ареста тотчас же допрашивали с пристрастием, желая вырвать от него признание, что Елизавета замышляла с ним переворот. Его поднимали на дыбу три раза, делали встряску, били плетьюми, но ничего не добились. После пыток он был сослан в Камчатку и так упрятан, что, по восшествии на престол Елизаветы, его два года разыскивали и нашли только случайно.

Из этого времени известны — как выдающиеся дела — кровавая расплата с Долгорукими и казнь Вольнского. Но что касается розыскных дел того времени, то их было без счета. Пытали, казнили, клеймили, ссылали в Сибирь, и все это при непосредственном участии Ушакова.

Попадает к нему нищий Наседкин, обвиняемый в том, что ругал немцев и Миниха; попадает к нему и старая камер-медхен покойной Екатерины I Яганна Петровна, — и он с одинаковым равнодушием делает обоим и *виску* и *встряску* и бьет их кнутом. Для него все были равны. Но притом был Ушаков и хитер. При Бироне он пытал и казнил дорогих Елизавете Петровне лиц и в то же время сумел удержаться при ней и даже получить графское достоинство. При Бироне он щадил всякого немца. При Елизавете Петровне у него в застенке были Миних и Остерман, и он, несомненно, не задумался бы «встряхнуть» и самого Бирона.

Современники рассказывают, что в обществе Ушаков был обворожительно любезен, с дамами — искателен и не прочь был на амурные шалости. Те же современники признают за ним «справедливость». Вероятно, это значило, что в застенке он не делал

различий по состоянию и бывшему положению. Но никто не отзывался о нем иначе, как об истязателе. Пребывание в застенке — «на службе» — было его любимым занятием. Здесь он был веселым и непринужденным. В то время, когда допрашиваемый испускал под ударами кнута вопли, Ушаков нюхал табак и балагурил... При Бироне он был всемогущ, но страшное значение его удвоилось в царствование Елизаветы Петровны.

Свержение Бирона, страх за свою участь при Анне Леопольдовне, арест и ссылка этой регентши — все это показывало занявшей престол Елизавете, как ничтожна власть и сколько опасностей грозит занявшему трон. Ко всему этому пустая болтовня Лопухиной была обращена в заговор и повела за собой страшный розыск. Словом, Елизавета Петровна первый год царствования была так напугана, что окружила себя двойною стражей и спала попеременно во всех комнатах дворца, не объявляя заранее, в которой будет почивать.

При таких условиях канцелярия тайных розыскных дел и правитель ее Ушаков являлись необходимы, и опять в царствование Елизаветы неутомимо *работает* Ушаков, по Руси раздается возглас «слово и дело» и заплочных дел мастера делают встряску и виску, подымают на дыбу... Розыскных дел в эту пору не перечесть.

Взойдя на престол отца и пережив массу страхов, Елизавета Петровна дала торжественное обещание никого не казнить смертною казнью, но это не исключало *торговой* казни. Красавице Лопухиной вырезали язык, исполосовали тело кнутами. Людей клеймили, а термин «бить кнутом нещадно» оставался во всей силе. Удар же кнута, управляемого рукой опытного палача, вырывал каждый раз полосу живого мяса. Что же касается жертв Ушакова, то там не знали пощады. Придерживаясь старинного установления «како надлежит пытать», Ушаков никого не отпускал без трех пыток, а при случае пытал и по четыре, и по шесть раз. В его канцелярии перебивали многие знатные персоны. Кроме Лопухиных, были и Миних, и Остерман, и Лесток; была и мелкая сошка.

Время наступило не мягче бироновского. Не было дня, чтобы на площади не чинилась торговая казнь и, вероятно, часа, чтобы в застенке Петропавловской крепости не велся допрос. Не было тогда уголка России, где бы не слышали имени Андрея Ивановича Ушакова.

Несомненно, Ушаков был человеком, императрице весьма нужным. Это видно и из того, что в 1744 году она награждает его званием сенатора и графским титулом. В этих чинах сей «мастер» свирепствовал до самой своей смерти в 1747 году.

Место его заступил Алексей Иванович Шувалов — брат Ивана Ивановича, всемогущего фаворита, покровителя наук и искусств. Жесток он был не менее Ушакова; что же касается сыска, он поставил его на высоту необычайную.

Буквально всюду были у него свои шпионы, и в Петербурге составилось представление, что Алексей Иванович знает даже, кто что думал в своей постели перед сном. Страшное «слово и дело» еще существовало, но теперь его чаще выкрикивали

колодничи. Истые же доносчики шли непосредственно к Шувалову и шептали ему в ухо свои изветы. Супруги, оставшись в спальню, не могли ручаться, что их разговора не узнает канцелярия, и с подозрением глядели друг на друга. Во времена Шувалова особенно практиковалось внезапное, необъяснимое «исчезновение людей»: арестовывали человека, везли в канцелярию, и после этого его уже никто не видел. В столице создалась страшная легенда, что замученных в застенках людей с привязанным к ногам грузом опускали в Неву.

Все эти ужасы творились помимо Московского сысского приказа, ведавшего только татебными* и разбойными делами. Московский приказ помещался в Китай-городе, под горою у церкви Василия Блаженного. В 40-х годах начальником там был князь Кропоткин, в распоряжении которого находились агенты, называемые сыщиками, и на гнилой почве доносов, сыска, пыток и казней расцвел такой пышный цвет, как известный всем Ванька Каин...

Еще при Ушакове, но особенно при Шувалове на кровавом поприще сысских дел начал выдвигаться новый герой, имя которого тоже стало историческим, — Степан Иванович Шешковский.

Он служил маленьким канцеляристом в Сибирском приказе, но «рыбак рыбака видит издалека», и Ушаков, сразу отметив Шешковского, взял его к себе подручным. Шувалов отличил еще более, назначив секретарем канцелярии. Это был вкрадчивый, умный человек, очень безобразного вида, маленький, с огромными ушами, необыкновенной жестокости и злости. Если Ушаков искусным разговором умел заставить выболтаться каждого, то Шешковский достигал этого беспощадной жестокостью.

По-прежнему в России текла кровь, трещали кости, людей клеймили, рвали ноздри и языки, забивали кнутом, хотя смертной казни как таковой по-прежнему не было. Ушакова сменил Шувалов, Шувалова — Шешковский...

25 декабря 1761 года скончалась Елизавета Петровна, и на трон вступил Петр III, царствовавший до 30 июня 1762 года. Но в короткое свое царствование он успел манифестом 21 февраля уничтожить страшную канцелярию тайных розыскных дел, вернуть из Сибири пятнадцать тысяч елизаветинских мучеников и навсегда запретить употреблять выражение «слово и дело». Россия вздохнула — это был акт громадного значения. Оставался только вопрос — проживет ли она и долго ли без застенков, палачей, сыщиков?..

Екатерина II, заняв престол, ревниво оберегала его от всякого посягательства и порою боялась за его прочность под собою. Захватив власть путем переворота, она так же могла и потерять ее. Через все ее царствование проходят то облака, то грозные тучи, омрачавшие спокойствие императрицы. Несчастный Иван Антонович, томившийся в Шлиссельбурге, внушал ей опасения, пока не разразилась катастрофа — безумный план Мировича, так встревоживший Екатерину; авантюристка княжна Тараканова; страшный бунт Пугачева; наконец, наследник цесаревич Павел.

* Тать — вор, похититель (по В. Далю).

которого она продержала «в загоне» до 42 лет и который мог во всякий момент предъявить свои права, начиная с шестнадцатилетнего возраста.

Царствование Екатерины, несмотря на ослепительный блеск двора, было полно тревогами за личное спокойствие. Этими причинами многие объясняют и жалованную грамоту дворянству, и безумную расточительность деньгами, землями, людьми в награждении приближенных. Но с этими же целями ей необходимо было знать поступки и мысли своих подданных и иметь возможность тайного преследования нежелательных людей.

И вот, несмотря на все гуманные идеи, которыми она блистала перед французами, в то время как составляла свой знаменитый «Наказ», Екатерина учредила при 1-м департаменте сената так называемую тайную экспедицию, в сущности, ту же, супругом ее уничтоженную, канцелярию.

Кого было назначить ее правителем? Ушаков помер, Шувалов был в немилости, да и стар. И сам собою на первый план выдвигается Степан Иванович Шешковский, «сих дел мастер». Выдвигается и в короткое время делается грозой и ужасом двора и столицы. Самым страшным и самым ненавистным человеком екатерининского времени, позорным пятном на светлом ореоле Фелицы. Она приблизила его к себе настолько, что он мог входить к ней без доклада во всякое время и с приема его начинался день императрицы.

Екатерина, как гуманистка, выражала полный протест против пыток, но признавала «благодетельное влияние» кнута и розог. В этом отношении Шешковский был виртуоз и нередко сам брал в руки кнут, уча палачей наносить удары.

— Ну, как кнутабойствуешь, Степан Иванович? — спрашивал его обычно Потемкин.

— Помаленьку, ваща светлость, с Божьей помощью, — отвечал Шешковский с низким князю поклоном, и дальше этого не шло презрение всемогущего фаворита к всемогущему кнутабойцу.

Глубокий след в памяти современников оставил страшный этот человек. Низкий происхождением, воспитанием и душевными качествами, как вспоминает о нем сын Радицева, Шешковский был грозой столицы. Ему была поручена тайная экспедиция, и этот великий инквизитор России исполнял свою должность с ужасной аккуратностью и суровостью. Он действовал с отвратительным самовластием, без малейшего снисхождения и сострадания. Шешковский сам хвалился, что знает средство вынуждать признание, а именно: он начинал тем, что допрашиваемое лицо хватил палкой под самый подбородок, так что зубы затрещат, а иногда и повыскакивают.

Ни один обвиняемый при таком допросе не смел защищаться из опасения смерти. Всего замечательнее, что Шешковский обращался таким образом только с знатными особами, ибо простолудины были отдаваемы на расправу его подчиненным. Наказания знатных особ Шешковский тоже исполнял собственноручно, причем кнутом бил необычайно искусно, приобретает ловкость частыми упражнениями. По делу о карикатурах и ругательных сочинениях в 70-х годах несколько важных придворных особ

было у него в переделке. Когда в 90-х годах многими недовольными были говорены в Москве неприличные речи и императрица увидела в том начало возмущения, она для подавления оного послала Шешковского. Вся Москва вострепетала, и Шешковский, оштрафовав несколько лиц, окончил дело. Шешковский был человек очень набожный; каждый день за обедней для него вынимали три просфоры. Он был чрезвычайно богат и при каждом случае получал награждения деньгами и крестьянами. Екатерина умела ценить своих верных слуг и любила награждать их, не жалея царской казны.

Официальная канцелярия Шешковского была все в той же Петропавловской крепости, где находился и застенок. Пытая несчастного, он во время стонов и раздражающих криков читал обыкновенно акафист Божьей Матери и увещевал сознаться текстами из Писания, присоединяя к ним зуботычины, в то время, когда несчастный висел на дыбе.

Но главная его канцелярия — для особ особенно важных — находилась в его квартире. Обычно он с искусственным радушием приглашал к себе в гости обреченное лицо. Отказаться от такого приглашения было немислимо. Приехавшего в гости Шешковский радушно вел в свой кабинет и еще более ласково усаживал в кресло. Едва гость садился, как Шешковский нажимал пружину. Кресло тотчас раздвигалось и затем сдвигалось, так что гость уже не мог из него освободиться. После этого раскрывался под креслом люк и туда опускался гость до половины туловища, так что голова и плечи оставались над полом. Там размыкали кресло и опущенному отпускали положенное число ударов, причем палачи могли только различить пол жертвы, но никогда не видели ее лица.

После экзекуции снова прикрепляли кресло и поднимали гостя в совершенном порядке. Шешковский рассыпался в любезностях и провожал его, как будто после приятной беседы.

По поводу этих «приглашений» и приемов сохранилось немало и анекдотов.

Так, в конце семидесятых годов в Петербург приехал генерал донского войска Краснокутский. Громадного роста, с длинными усищами, простодушный, он производил в чопорных столичных салонах впечатление истинного хохла-воина, и им интересовались все, не исключая и императрицы.

Шешковский, тоже подчиняясь общему увлечению и любя все малороссийское, однажды с полным радушием пригласил генерала на «малороссийский борщ».

Добродушный генерал принял приглашение с благодарностью и уже собрался ехать к Шешковскому, когда знакомые стали разъяснять ему истинную цель таких приглашений. Генерал перепугался насмерть, послал Шешковскому извинительное письмо и не поехал на «борщ». Шешковский встретился с ним в следующий раз, попенял ему и с еще большим радушием назначил день, когда будет ждать его с угощением.

Генерал потерял сон и аппетит. Наконец решился на отчаянное средство и испросил аудиенции у императрицы.

Войдя к ней, он упал на колени:

— Помилуй, матушка-государыня!

— В чем дело, генерал? — спросила Екатерина.

Генерал рассказал ей про усиленные приглашения Шешковского и снова на колени:

— Прости, если что сбрыхнул непотребное про тебя в пьяном деле. Язык мелет, ум не разумеет!

— Встаньте, — сказала Екатерина, — ничего такого я про вас не слыхала. Сейчас придет Шешковский, и я спрошу его, а вы пока станьте за эти ширмы.

Генерал скрылся. Скоро явился Шешковский с докладом, и государыня тотчас спросила его про генерала. Шешковский удивился и сказал, что приглашал генерала от всей души, без задних мыслей.

— Вишь, слух прошел про твои угощенья, — улыбнулась государыня. — Больно уж ты хлебосолен, Степан Иванович. Так генерала-то моего оставь, не пугай борщом!

Шешковский поклонился, а генерал от радости не удержался, высунулся из-за ширм и, показывая Шешковскому кулак, сказал:

— Что? Выкусил? Хлебай сам свой борщ!..

Другой рассказ не менее забавен, но тоже походит на анекдот.

За легкомысленные речи Шешковский пригласил к себе знатной фамилии молодого человека Г. и «угостил» его в своем кабинете.

Случилось, что в буйной пирушке Г. снова промахнулся непочтительным словом по адресу государыни и был снова приглашен Шешковским. На этот раз Г. уже знал, зачем его приглашают. Он был довольно сильный мужчина, а в свой первый визит успел подсмотреть манипуляции Шешковского. И вот в тот момент, когда Шешковский с радушной улыбкой подводил его к креслу, Г. быстро ухватил его, посадил в кресло и нажал пружину.

Шешковский очутился в тисках. Еще мгновение — раскрылся лок, и туловище Шешковского до половины опустилось ниже пола. Поджидавшие внизу мастера тотчас принялись за дело, а Г., не дожидаясь окончания экзекуции, откланялся Шешковскому и уехал.

Но такие анекдоты случались с Шешковским редко. Ужас и ненависть сопровождали его имя всю жизнь. Жестокость свою он особенно проявил по розыскам Таракановой, Радищева и Новикова, чем особенно услужил императрице. Он получал беспрепятственные награждения при всяком случае. Так, в 1793 году при заключении турецкого мира, никакого отношения к тайной экспедиции не имеющего, Шешковский получил пожизненный пенсioen в 2000 рублей, но в тот же год умер, оставив громадное состояние.

В царствование Павла тайная экспедиция официально еще не уничтожается, но фактически ее не существует. Новый император предпочитал меры быстрые, административные — прямо

с плац-парада и из дворца люди увозились в Сибирь. Но застенка и кнута Павел Петрович не любил.

Окончательно уничтожена тайная экспедиция была 2 апреля 1801 года манифестом Александра I.

ОТ РЕДАКЦИИ. На этом кончается очерк «Слово и дело», который мы отыскиали в журнальной периодике начала нынешнего века, когда уже и пришедшее на смену прежним Третье отделение было перелистнутой страницей русской истории. Нет, конечно, оснований идеализировать и это далеко не идеальное ведомство, но то, что с его приходом людоедские нравы сменились, можно сказать, вегетарианскими, — это остается фактом истории. Нельзя забывать и о том, что Третье отделение, так же, как и ведомства Ушакова и Шешковского, оказалось своего рода зеркалом, отразившим и время, и нравственную ступень общества. Об этом стоит сказать.

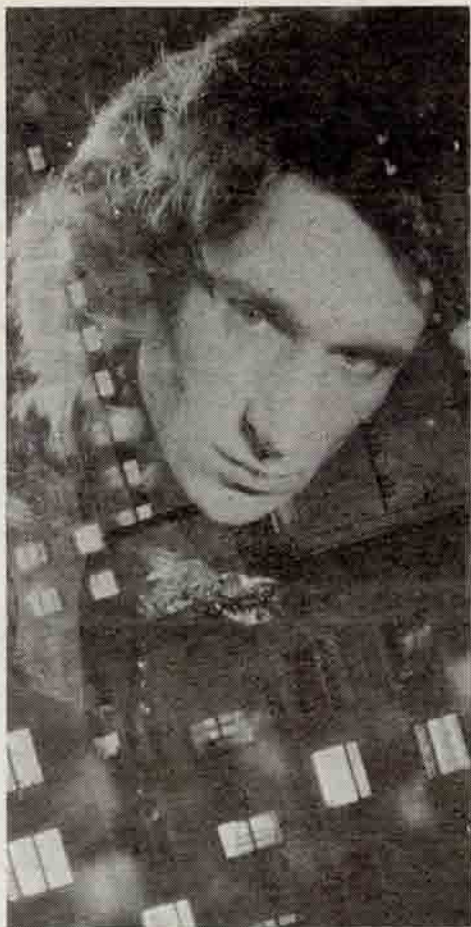
Прежде всего во главе Третьего отделения был поставлен граф Александр Христофорович Бенкендорф, человек, несомненно, умный и во всех отношениях зловещим предшественникам своим не чета, хотя в позднейшей историографии и отмеченный эпитетами более чем нелестными. На просьбу государю дать ему инструкции Николай Павлович протянул Бенкендорфу платок со словами: «Вытирай им слезы обиженных». Жест этот можно, конечно, толковать иронически, тем более что Третье отделение, хоть и одетое в голубые мундиры с явным намеком на голубые ризы ангелов-хранителей, пользовалось, как известно, весьма скромными симпатиями русского общества. Менее известно отношение к нему императора; вот всего лишь один пример.

Был случай, когда на доклад Бенкендорфа о желании одного из дворян Костромской губернии представиться государю и о том, что дворянин этот оказал значительную услугу, открыв существование тайного общества, Николай Павлович отвечал:

— Спроси его, какой награды он желает, и по возможности исполни его просьбу... но... лично видеть его я не желаю! Доносы я люблю, но доносчиков презираю.

**Предисловие и публикация
АЛЕКСЕЯ КАРЕТНИКОВА.**

«Где
ТВОИ
ПИЖОНСКИЙ
РАЙ?»»

259

Музыкальная антенна

По гороскопу Саша Беклешов — Телец. А о Тельце сказано, что это «натура эмоциональная» и что ей свойственны «любовь к комфорту и поразительная чувственность». Такие натуры, как правило, талантливы — поют, рисуют... Вот и звездная таблица астрологов подтверждает: «Рожденные под этим знаком любят искусство и архитектуру». Применительно к Беклешову — он любит музыку, причем настолько, что решил посвятить ей жизнь. Александр стал певцом. Хотя была еще и попытка (ну все по гороскопу!) поступить в архитектурный институт. Впрочем, начнем со школы.

Он с удовольствием пел в школьном хоре и уже тогда выделялся среди ровесников своеобразной манерой исполнения и необычными вокальными данными. Потом его голос специалисты определяют как баритональный тенор с диапазоном почти в три октавы... Но, увы, на вступительных экзаменах в «Гнесинку» Саша завалился на общеобразовательных предметах.

Кто-то из приятелей-студентов сказал о нем — «отечественный вариант Дэвида Боуи». С такой аналогией вряд ли можно согласиться. Сходство с Боуи чисто внешнее: прическа и рост (метр девяносто пять, что вызывает зависть у некоторых шоуменов).

Тяга к сцене привела Александра в театральную студию на Красной Пресне. Но после армии вернуться туда ему не пришлось. Мечущийся характер и «стиль жизни» побудили его искать себя. Он принял участие в фестивале Московской рок-лаборатории вместе со своей группой. Выступление дебютантов не осталось без внимания: специалисты отметили неповторимый тембр вокала, оригинальный имидж

и сценическую индивидуальность солиста. Для Беклешова это была не просто маленькая победа: он понял, что надо заниматься музыкой профессионально. Надо совершенствоваться. И Саша стал брать уроки у педагога Владимира Бенедиктова. И даже сейчас, когда на студии записывается его новая программа, когда за плечами — участие в концертах «Звуковой дорожки» газеты «Московский комсомолец», в различных шоу-презентациях, в программах вместе с Пугачевой, Леонтьевым и прочими суперзвездами эстрады, — даже сейчас Саша занимается с преподавателем.

Музыка Александра Беклешова — синтез многих музыкальных направлений. Здесь есть все: от джаза до рок-н-ролла. И даже состав музыкантов, помогающих Саше при записи, не совсем обычен: инструменталисты совершенно разных по направлению коллективов — «Технология», «Браво», «Квартал» — объединились в одну группу, чтобы помочь синтизировать его необычную музыку.

— Композиции для меня пишут, — говорит Саша, — в основном три человека: Рома Рябцев из «Технологии», Женя Хавтан из «Браво» и Артур Пилевин из «Квартала». Мое обращение к музыкантам из этих групп продиктовано необходимостью. Конечно, в перспективе хотелось бы иметь свой постоянный коллектив единомышленников, собственного менеджера, который бы занимался административными делами. Одному очень сложно. Приходится самому разрабатывать эскизы к сценическим костюмам, договариваться об условиях гастролей или отдельных концертов...

Кто видел и слышал выступления Александра Беклешова, того вряд ли оставили равнодушным

его плавающий из одной октавы в другую голос, яркий сценический образ, да и сама музыка, как бы приглашающая в путешествие по волнам меланхолического моря.

— Моя задача в музыке — объединить не сочетающиеся вещи. Я не вкладываю в свое выступление какой-то социальный пафос, как нередко делается в роке. Люди приходят на концерт отдыхать, слушать музыку, погружаться в психоделическое, если хотите, состояние, то есть расслабляться. От певца должна исходить энергетика — от его вокала, движений; и зритель сам почувствует, что хорошо, а что плохо. Для меня голос — самостоятельный музыкальный инструмент, которым надо уметь пользоваться. Как в оперном искусстве, где скорее важен не смысл песни, а тембральная окраска звука.

Публике нужно дать возможность услышать и, главное, понять хорошую, грамотную музыку, а не потчевать ее некими потугами с двумя-тремя аккордами. И важно не только то, что ты поешь и играешь, но и как ты это делаешь.

Эй, пижон,

где твой пижонский рай?

Эй, пижон, не унывай... —

спел Саша в одной из своих песен, а в другой поведал нам о том:

Что там за морем

На золотых островах

Растут цветы магнолий

У всех на головах...

Неоромантика?... Неозеклектика?... Совместимость несовместимого?... Да, собственно говоря, какая разница — что это? Если оно заставляет трепетать, если выполняет главную задачу искусства — помогает очиститься от всего не-

нужного, забыть на миг о мире грубой материи и погрузиться в мир души, значит, это не зря.

ВЛАДИМИР ПОЛУПАНОВ

(Агентство «Астро Ньюс»)

ВЫ хотите жить ЛУЧШЕ?

Используйте свои
скрытые возможности —
это приятно и выгодно!

Необходимую помощь
окажет

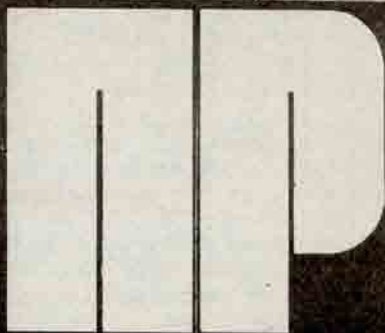
ШКОЛА ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

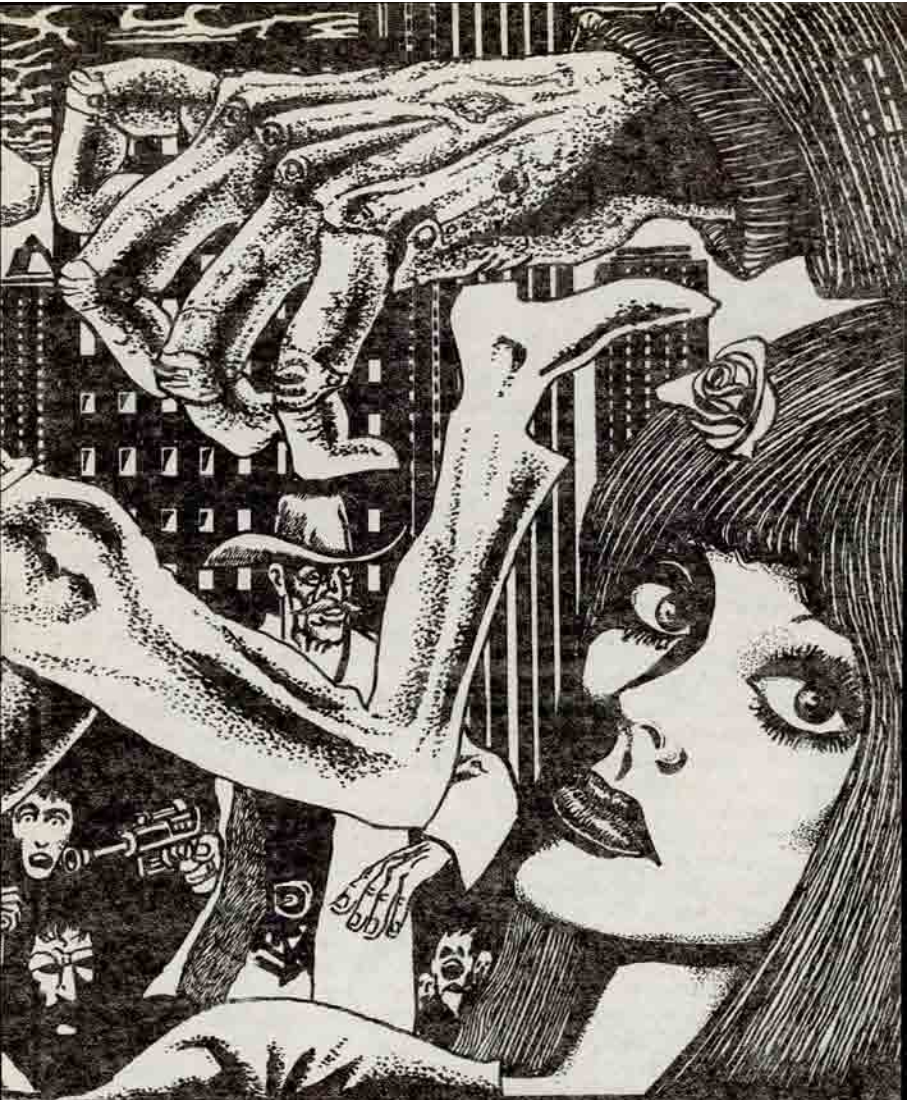
Чтобы **БЕСПЛАТНО** получить
дополнительную информацию,
присылайте конверт
со своим адресом:

✉ **113556, Москва, М-556, а/я 78.**
ШКОЛА ПРАКТИЧЕСКОЙ ПСИХОЛОГИИ.

РОБЕРТ ШЕКЛИ

UB

Рисунок БОРИСА ТАНИНА

Наступил День Земельных Гонок — время безумных надежд и горьких разочарований, день, олицетворяющий трагедию XXI столетия. Как и остальные участники, Стив Бакстер хотел добраться до старта пораньше, но неверно рассчитал время. Значок участника помог ему пробраться через внешнюю толпу без особых сложностей. Но для того, чтобы пробиться сквозь внутренней человеческий слой — ядро толпы, — на значок нельзя было положиться.

Бакстер прикинул, что индекс человеческой плотности составлял 8,7 и почти достигал максимума. Кульминация могла наступить в любой момент, несмотря на то, что власти опрыскали толпу транквилизаторами. Будь у него достаточно времени, он мог бы обойти толпу, но до начала гонок оставалось всего шесть минут.

На свой страх и риск Бакстер стал протискиваться через толпу. Можно было уже разглядеть линию старта — возвышающуюся платформу в Глеб-Парке. Все участники заняли свои места. Еще двадцать футов, подумал Стив, лишь бы эти болваны вели себя смиренно.

Теперь ему предстояло проникнуть в эндотолпу, состоявшую из людей с отвисшими челюстями и невидящими глазами — агглютинирующих истерофилов на жаргоне пандемологов. Сдавленные, как сардины в банке, действующие, как единое целое, эти люди не были способны ни на что, кроме слепого сопротивления и необузданной ярости по отношению к тем, кто хотел проникнуть в их ряды.

Некоторое время Стив колебался. Эндотолпа была опаснее стада буйволов. Люди смотрели на него, раздувая ноздри и прищипывая ногами.

Запретив себе думать о последствиях, Бакстер ринулся вперед. Удары сыпались со всех сторон, над беснующейся толпой поднялся оглушительный рев, бесформенные тела медленно сдвигали свои ряды. Бакстер почувствовал, что начинает задыхаться.

К счастью, в этот момент власти включили Музак. Старинная и таинственная музыка, сто лет назад усмирявшая самые горячие головы, сработала и на этот раз. Под воздействием децибелов внутренняя толпа временно застыла, и Стив Бакстер смог наконец добраться до линии старта.

Выступив вперед, главный судья начал читать Устав. Каждый участник и большинство зрителей знали его наизусть. Тем не менее правила требовали обязательного зачитывания Устава перед стартом.

— Джентльмены, — говорил судья, — вы получили возможность принимать участие в Гонке на приобретение государственной земли. Вы — пятьдесят удачливых мужчин — были выбраны посредством лотереи среди 50 миллионов жителей Южного Вастчестера. Вам предстоит преодолеть отрезок пути от этого места до финиша, расположенного в Земельной конторе на Таймс-Сквер в Нью-Йорке, — примерно 5,7 мили. Всем участникам разрешается использовать любые средства передвижения по

земле, под землей и по воздуху. Единственное условие — лично дойти до финиша, замена не разрешается. Первые десять финалистов...

В толпе воцарилось гробовое молчание.

— ...получат один акр земли с домом и фермерскими принадлежностями. Каждому финалисту бесплатно предоставляется государственный транспорт, который перевезет его вместе с семьей к земельному участку. Вышеуказанный участок площадью в один акр поступает в собственность победителя и будет принадлежать ему и его наследникам на вечные времена.

Толпа вздохнула. Никто из собравшихся никогда не видел незанятую землю площадью в один акр и тем более не мечтал о ней. Акр земли на всю жизнь, акр, который не надо ни с кем делить, — такое не могло даже присниться!

— Постановляется, — продолжал судья, — что государство не несет никакой ответственности за смерть участника во время соревнований. Я обязан довести до вашего сведения, что уровень смертности во время Земельных Гонок составляет 68,9 процента. Любой, кто хочет отказаться от участия, может сделать это сейчас.

Судья замолчал, и Стиву Бакстеру захотелось вдруг бросить эту самоубийственную затею. Конечно, он, Адель, дети, тетя Фло и дядя Джордж как-нибудь смогут прожить в уютной однокомнатной квартирке в доме Мемориального центра для семей со средним достатком. К тому же, Стив не обладал стальными мускулами и пудовыми кулаками, он был воспитанным эктоморфом с вялыми мускулами и постоянной одышкой, работал консультантом по системе деформации и неплохо справлялся со своими обязанностями.

— Брось все это, Стив, — произнес за его спиной голос, как будто кто-то подслушивал его мысли.

Бакстер обернулся и увидел Эдварда Фрейхофа Сент-Джона, богатого и противного соседа из Ларчмонта. Сент-Джон — высокий, элегантный, с мускулистыми руками бывшего спортсмена-ребца, с безукоризненной внешностью и затуманенным взглядом, который все чаще останавливался на очаровательной белокурой Адель.

— Ничего у тебя не выйдет, Стив, — сказал Сент-Джон.

— Возможно, — ровным голосом ответил Бакстер. — Но у тебя, полагаю, все получится?

Сент-Джон заговорщицки подмигнул. Уже несколько недель он намекал на какую-то информацию, которую за определенную сумму сообщил ему один из контролеров Земельных Гонок. Эта информация должна была повысить его шансы, когда он будет преодолевать Манхэттен — самый густонаселенный и опасный район в мире.

— Выходи из игры, Стив, — продолжал Сент-Джон своим противным голосом. — Выходи из игры, и я отблагодарю тебя. Что скажешь?

Бакстер покачал головой. Он не считал себя смельчаком, но готов был скорее умереть, чем согласиться на предложение Сент-Джона. В любом случае он уже не сможет жить по-прежнему.

Согласно Закону о совместном проживании, принятом в прошлом месяце, Стив был обязан взять к себе трех незамужних кузин и вдовствующую тетю, чья однокомнатная подвальная квартира в промышленном комплексе Лейк-Плейсида была снесена, чтобы освободить место для строительства туннеля Олбани—Монреаль.

Десять человек в одной комнате — даже с антишоковыми прививками слишком много. Он должен был выиграть этот участок земли.

— Я остаюсь,— спокойно ответил Бакстер.

— Ладно, неудачник,— Сент-Джон нахмурил лоб,— но помни, я тебя предупреждал.

— На старт, джентльмены,— раздался голос судьи.

Стиснув зубы и прищулив глаза, участники состязания приготовились к старту.

— Внимание! Марш!

Гонки начались.

Рев сверхзвуковых динамиков на некоторое время парализовал толпу. Участники прорвались сквозь неподвижные ряды и бросились бежать вдоль длинных верениц заглушенных в пробках автомобилей, устремляясь на восток, к Гудзону и покрытому смогом городу, раскинувшемуся на его берегу.

Стив Бакстер был единственным, кто направился на север, к мосту Джорджа Вашингтона и к городу Медвежьей Горы. Плотно сжав губы, он двигался, как во сне.

В далеком Ларчмонте Адель Бакстер следила за Гонками по телевизору. Ее восьмилетний сынишка Том вскрикнул:

— Мама, он движется на север, к мосту! Разве он не знает, что в этом месяце мост закрыт? Там ему не пройти!

— Не волнуйся, мильи,— ответила Адель.— Твой папа знает, что делает.

Ей самой хотелось поверить в это. Когда Стив скрылся в толпе, она откинулась на спинку стула. Оставалось только ждать. И молиться. Знал ли Стив, что делает? Или его просто охватила паника?

2

Первые ростки проблемы появились еще в двадцатом веке, но урожай стали собирать через сто лет. После тысячелетий медленного роста население Земли резко увеличилось, затем удвоилось, затем еще раз удвоилось. Болезни были побеждены, недостатка в продовольствии не ощущалось, смертность падала, население увеличивалось в геометрической прогрессии, как раковая опухоль.

Четыре всадника Апокалипсиса уже были не в состоянии поддерживать порядок. Чума и голод исчезли, а войны стали слишком дорогим удовольствием. Оставалась только естественная смерть, впрочем, и на нее надежда была маленькая.

Наука продолжала с иррациональным упорством искать способы продления жизни. А население росло, переполняя Землю, загрязняя воздух и отравляя водоемы, поедая спрессованные

водоросли с рыбным хлебом и ожидая, когда вселенская катастрофа уменьшит их ряды. Но ожидание было напрасным.

Количественные изменения коренным образом повлияли на образ жизни людей. В прошлом веке приключения и опасности поджидали их где угодно — в горах, пустынях, джунглях. Но в двадцать первом веке все эти места были утилизированы в поисках места для жилья. Приключения и опасности можно было найти теперь в ужасных, неконтролируемых городах. Экспедиция в Нью-Йорк или Чикаго требовала гораздо больше мужества и ловкости, чем викторианские прогулки на вершину Эвереста или в дельту Нила. В этом спрессованном мире земля считалась наибольшей ценностью. Правительство распределяло свободную землю путем региональных лотерей, кульминацией которых являлись Земельные Гонки.

Земельные Гонки были одновременно и спортом, и захватывающим зрелищем, за которым следили миллионы людей. Определенный успокоительный эффект плюс высокая смертность оправдывали проведение гонок. И хотя количество смертей трудно было сравнить с абсолютным приростом населения, переполненный мир с радостью приветствовал каждый смертный случай.

Гонки продолжались уже три часа. Включив крохотный транзисторный приемник, Стив Бакстер слушал последние новости. Он узнал, что первая группа участников добралась до Голландского туннеля, но вооруженная полиция заставила их вернуться обратно. Другие, наиболее сообразительные, пошли в обход через Стейти-Айленд и сейчас приближались к мосту Веррацино. Фрейхоф Сент-Джон, действуя в одиночку с помощью удостоверения заместителя мэра, сумел прорваться через баррикады у Линкольновского туннеля.

Пришло время делать ставку и Стиву Бакстеру. Со спокойным лицом и бьющимся сердцем он вошел на территорию свободного порта Хобокена.

3

Береговая полоса лежала в сумерках. Перед ним покачивались на волнах быстроходные суда Контрабандного флота Хобокена. На каждом из них блестела эмблема Береговой Окраины. Некоторые уже погрузили товар на свои палубы — коробки с сигаретами из Северной Каролины, апельсины из Флориды, наркотики из Калифорнии, оружие из Техаса. На каждом ящике стояло клеймо «Контрабанда, налог уплачен». Дело в том, что в эту несчастную эпоху государство было вынуждено облагать налогом даже незаконный бизнес, придавая ему таким образом почти легальный статус.

Выбрав подходящий момент, Бакстер пробрался на борт судна с марихуаной и спрятался среди благоухающих мешков. Команда готовилась к отплытию. Если бы ему удалось перебраться на другой берег...

— Эй, какого черта ты там делаешь?

Пьяный механик, неожиданно появившийся из носового кубрика, застал Бакстера врасплох. Услышав его крик, вся команда сгрудилась на палубе. Это были грубые, жестокие люди, хватавшиеся за оружие по поводу и без повода. Стив Бакстер знал, что пощады от них не будет. Однако, сохраняя спокойствие, произнес:

— Джентльмены, мне необходимо попасть на другой берег Гудзона. Если вы, конечно, не против...

Капитан корабля, огромный метис с изрезанным шрамами лицом и бугристыми мускулами, зашелся в хохоте.

— Хочешь проехаться с нами? — спросил он на хобокенском жаргоне. — Воображаешь, что ты на пароме?

— Конечно, нет, сэр. Но я надеялся...

— Плевать я хотел на твои надежды!

Команда зловеще зашумела.

— Я готов заплатить за проезд, — со сдержанной гордостью произнес Стив.

— Заплатить? — рассмеялся капитан. — Да, мы иногда продаем билеты в один конец. На дно.

Матросы одобрительно захохотали.

— Ну что ж, если так, я готов. Только отправлю открытку жене и детям.

— Жене и детям? — переспросил капитан. — Что ж ты раньше не сказал. Когда-то и у меня были жена и дети, но теперь их нет... Помню, как ребятишки залезали ко мне на колени. Вот были времена...

— Наверное, вы были тогда счастливы, — сказал Стив, стараясь следить за ходом мыслей капитана.

— Может быть, — со вздохом произнес тот.

Кривоногий моряк протиснулся вперед.

— Эй, капитан, надо отправить его на дно, пока он не пустит тут корни!

— Кому приказываешь, молокосос! — взревел капитан. — Клянусь Иисусом, он может пускать здесь корни, и я собираюсь совершить доброе дело. Разрази меня гром, если не так! — Повернувшись к Стиву, он сказал: — Мы перевезем тебя бесплатно, парень.

Матросы отдали концы, и шхуна с грузом марихуаны поплыла по серо-зеленым волнам Гудзона.

Но удача не долго сопутствовала Стиву Бакстеру. Как только они вошли в федеральные воды, вечерние сумерки рассеял мощный луч прожектора, и официальный голос приказал им остановиться. К несчастью, они натолкнулись на сторожевой корабль, патрулирующий Гудзон.

— Черт побери! — взревел капитан. — Только и умеют, что штрафовать и убивать. Но не на тех нарвались. К оружию, ребята!

Матросы быстро стянули брезент с пулеметов 50-го калибра, дизели натужно взревели, и судно контрабандистов, лавируя и уклоняясь, направилось к спасительному берегу Нью-Йорка.

Но у патрульного корабля двигатели были гораздо мощнее,

в результате прямых попаданий с четырехдюймовых пушек взорвался капитанский мостик, рухнула грот-мачта и лопнули фалы крьюйс-марса по правому борту.

Плен или смерть казались единственным выходом.

— Держись, ребята! — крикнул капитан, потянув носом воздух. — Западник идет!

Снаряды падали со всех сторон.

Непроницаемая стена тумана накрыла чернильными щупальцами потрепанную шхуну, спешившую покинуть поле боя. Команда надела респираторы, воздавая благодарность удушливому дыму с горящих свалок города.

Через полчаса судно пришвартовалось к пирсу на 79-й улице. Обняв Стива, капитан пожелал ему удачи.

Позади остался широкий Гудзон, а впереди лежали тридцать кварталов городских джунглей. Согласно последним сводкам радио Стив сильно оторвался от остальных участников, включая и Фрейхофа Сент-Джона, который еще не вышел из Линкольновского туннеля. Судя по всему, дела у Стива шли неплохо, но радоваться было рано. Завоевание Нью-Йорка — дело непростое. Он еще не знал, что самая опасная часть путешествия впереди.

4

Поспав несколько часов в заброшенной машине, Стив продолжил свой путь вниз по Вест-Энд-авеню. Забрел на рассвет — благодатное время в городе, когда на каждом перекрестке собирается всего лишь несколько сот жителей, поднявшихся в такую рань. Высоко вверх взмывали башни Манхэттена, а над ними в причудливую сеть сплетались телевизионные антенны на фоне серо-коричневого неба. Глядя на них, Бакстер попытался представить, как выглядел Нью-Йорк сто лет назад, в счастливые дни до демографического взрыва.

Его раздумья продолжались недолго. Группа вооруженных людей преградила ему путь. Маски, широкополые шляпы и ленты с патронами делали их похожими на театральные злодеи.

Один из них, старик с морщинистым лицом, пышными усами и скорбными глазами в красных прожилках, — судя по всему, главарь, — шагнул вперед.

— Чужеземец, — сказал он, — покажи свой пропуск.

— Боюсь, у меня нет пропуска, — ответил Бакстер.

— Еще бы! Я Пабло Стейнмец, лично выписываю пропуска и что-то не припомню тебя.

— Я нездешний, — объяснил Бакстер. — Просто иду через ваш район.

Мужчины, ухмыляясь, толкали друг друга в бок. Потерев небритый подбородок, Пабло Стейнмец продолжал:

— Что ж, сынок, получается, ты идешь по частной дороге без разрешения владельца. А владельцем являюсь я. Таким образом, ты незаконно вторгся в мои владения.

— Какая частная собственность может быть в центре Нью-Йорка? — удивился Бакстер.

— Если я тебе говорю, что это моя собственность, значит, так и есть.— Пабло Стейнмец похлопал по прикладу винчестера.

— Так что выбирай — деньги или игра.

Бакстер полез за бумажником, но в кармане его не оказалось. Очевидно, при расставании капитан не удержался от соблазна обчистить карманы Стива.

— У меня нет денег.— Бакстер нервно рассмеялся.— Мне повернуть обратно?

Стейнмец покачал головой.

— Какая разница, назад или вперед? Все равно надо платить пошлину.

— Что ж, тогда придется выбирать игру. Что я должен делать?

— Ты побежишь, — сказал старый Пабло, — а мы по очереди будем в тебя стрелять, целясь только в макушку. Кто уложит тебя, тот и будет победителем.

— Это нечестно! — заявил Стив.

— Тебе придется нелегко, — вздохнул Стейнмец, — но таковы правила, которые соблюдаются даже в условиях полной анархии. Так что, будь добр, беги к своей свободе...

Бандиты надвинули пляпы на затылки и вытащили пистолеты. Бакстер уже собрался бежать навстречу смерти... Но в этот момент раздался голос:

— Стой!

Обернувшись, Бакстер увидел, как сквозь толпу бандитов протискивается стройная рыжеволосая девушка. На ней были штаны тореадора, пластиковые галоши и гавайская блузка, скрывавшая ее неописуемую красоту. В волосах алела бумажная роза, а изящную шею обвивала нитка жемчуга. Никогда в жизни Бакстер не видел такой экстравагантной женщины.

Пабло Стейнмец нахмурился и подергал себя за усы.

— Флейм! — воскликнул он. — Какого черта тебе здесь надо?

— Я пришла, чтобы помешать вашей игре, — ответила девушка. — Мне надо поговорить с этим недотепой.

— Это мужское дело, — перебил ее Стейнмец. — Беги, чужеземец!

— Ни с места! — приказала Флейм, и в ее руках сверкнул револьвер.

Отец и дочь смотрели друг на друга. Первым не выдержал старый Пабло.

— Черт тебя побери, Флейм. Правила игры существуют для всех, даже для тебя. Этот нарушитель частной собственности не может уплатить штраф, значит, он должен поиграть с нами.

Засунув руку в вырез блузки, Флейм вытащила оттуда блестящий доллар.

— Держи! — Она бросила монету под ноги Пабло.

— Деньги уплачены, может, мне тоже захочется поиграть с ним. Пойдем, незнакомец!

Взяв Бакстера за руку, она повела его за собой, а старый Пабло покачал головой и высморкался:

— Черт побери эту девчонку!

Слова были грубыми, но произнес он их нежным голосом.

Ночью бандиты разбили лагерь на углу Вест-Энд-авеню и 69-й улицы. Мужчины удобно расположились вокруг костра. На вертел насадили брикет сочного мяса, а в закопченный котел высыпали несколько пакетов свежезамороженных овощей.

Чтобы облегчить воображаемую боль в деревянной ноге, старый Пабло Стейнмец отпил из фляги изрядный глоток мартины.

Стив и Флейм сидели в стороне от остальных. Тихая ночь, нарушаемая лишь грохотом мусорных машин, чарующе действовала на них.

— Стив... Я тебе нравлюсь? — произнесла Флейм.

— Конечно, — ответил Бакстер, по-братски обняв ее за плечи, не осознавая, что этот жест может быть истолкован иначе.

— Я вот тут думала... Стив, почему бы тебе не оставить эту самоубийственную гонку? Может, ты останешься со мной? У меня есть земля, настоящая земля — сто квадратных ярдов в центре Нью-Йорка. Мы вместе сможем заниматься на ней фермерством.

Стиву эта мысль показалась заманчивой. Кроме того, красота Флейм, ее отвага, не говоря уже о земле, легко могли завоевать сердце любого мужчины. Какую-то долю секунды он колебался, и его рука сильнее сжала хрупкие девичьи плечи. Но для человека с характером Стива существовал только один выбор — Адель была его женой, матерью его детей, терпеливой помощницей все эти долгие годы...

Потому на следующее утро Стив Бакстер продолжил свою опасную одиссею.

Он направлялся к центру, стиснутый со всех сторон толпой. Оглушенный шумом, ослепленный неоновыми рекламами, Бакстер был на грани срыва. Наконец, он оказался в районе, где повсюду висели указатели:

ТОЛЬКО СЮДА.

НЕТ ХОДА.

ДЕРЖИСЬ ПРАВОЙ СТОРОНЫ.

ЗАКРЫТО ПО ВОСКРЕСЕНЬЯМ И ВЫХОДНЫМ.

ЗАКРЫТО ПО БУДНИМ ДНЯМ.

ПОВОРОТ ТОЛЬКО НАЛЕВО.

Сбитый с толку противоречивыми командами, он случайно забрел в нищий район, известный под названием «Центральный парк». Перед ним ютились жалкие хибары, убогие пристройки, покосившиеся вигвамы и публичные дома, занимавшие каждый квадратный фут площади. Его появление среди озлобленных обитателей парка вызвало шквал комментариев, которые нельзя было назвать благожелательными. Собравшись вокруг Стива, они размахивали костылями и выкрикивали угрозы.

К счастью, от неисправного тостера произошло короткое замы-

кание, и все погрузилось во тьму. Воспользовавшись паникой, Стив убежал...

Несколько дней он бродил по неизвестным улицам, мимо бесконечных домов, покореженных автомобилями и гор битого стекла. Настороженные прохожие отказывались отвечать на вопросы, принимая его за агента ФБР.

Седовласый старик остановил Стива, когда тот собирался напиться из дизентерийного фонтанчика, и отвел его в свой дом — хибару, сделанную из скрученных газет, ютившуюся возле покрытых мхом руин Линкольновского центра. Он посоветовал Бакстеру оставить безумную гонку и посвятить свою жизнь помощи кишащим вокруг бедным и убогим массам человечества.

Это было достойным занятием, и Стив готов был уже согласиться, но тут по старенькому приемнику стали передавать последние результаты гонок.

Многих конкурсантов постигла неудача в каменных джунглях Нью-Йорка. Фрейхофа Сент-Джона арестовали за нарушение санитарных правил второй степени. Группа, которой удалось перейти через мост Верраццино, сгинула в людских водоворотах Бруклинских высот, их дальнейшая участь была неизвестна.

Бакстер понял, что у него есть еще шанс...

7

272 Быстро продвигаясь на юг, Стив воспользовался временным затишьем и шагнул на скоростной тротуар. Он сделал этот беспечный шаг, совершенно не задумываясь о последствиях, и вдруг с ужасом осознал, что эта дорога с односторонним движением без каких-либо поворотов. Она вела к «terra incognita» Джонс-Бича, Файр-Айленда, Пачтога и Восточного Хэмптона.

Надо было срочно принимать решение. Справа тянулась сплошная бетонная стена, слева — перегородка высотой в метр, на которой было написано: ЗАПРЕЩЕНО ПЕРЕПРЫГИВАТЬ МЕЖДУ 12 ДНЯ И 12 НОЧИ ПО ВТОРНИКАМ, ЧЕТВЕРГАМ И СУББОТАМ.

Сегодня был четверг — запретный день. Но Стив без лишних раздумий перемахнул через барьер.

Последствия не заставили себя ждать. Из засады появилась замаскированная полицейская машина. Открыв бешеный огонь по толпе, она неслась прямо на него.

Бакстер попытался спрятаться в близлежащей кондитерской, но на него обрушился град пуль. Казалось, наступил конец не только надеждам на выигрыш, но и всей его жизни. Вручив свою душу Господу, Стив приготовился с достоинством вознестись на небо, но вдруг услышал непонятный шум. Он поднял голову и увидел, как группа вооруженных мужчин напала на полицейскую машину. Голубые мундиры были уничтожены все до одного, а Бакстер снова окунулся в головокружительный водоворот города.

Упрямо двигаясь вперед, Стив преодолел 49-ю улицу и 8-ю авеню. Долгожданная цель была совсем рядом, скоро он попадет в Земельную контору. Но тут он наткнулся на непреодолимое препятствие.

Посреди 42-й улицы, уходящей на север и на юг, стояла стена. Это было циклопическое сооружение, построенное нью-йоркскими архитекторами в своей обычной манере. Во время строительства все движение на Таймс-Сквер направлялось в объезд через туннель Куинз-Бэттери и развязку на 37-й улице.

Стив сообразил, что на эту дорогу ему понадобится не менее трех недель, не говоря уже о том, что ему придется пробираться через неисследованный район Гармет.

Он включил маленький транзистор и стал слушать последние сводки.

Четыре конкурсанта уже достигли Земельной конторы. Пятеро других находились в нескольких сотнях ярдов от нее. В довершение всех бед он услышал, что, получив помилование от губернатора, Фрейхоф Сент-Джон снова возобновил гонку и теперь приближается к Таймс-Сквер с восточной стороны.

В этот тяжелейший для него момент Стив почувствовал, как на его плечо легла рука. Обернувшись, он увидел перед собой Флейм. Хотя отважная девушка поклялась больше не иметь с ним ничего общего, сердце ее не выдержало. Этот спокойный, уравновешенный человек значил для нее больше, чем гордость, возможно, даже больше, чем сама жизнь.

Она принесла веревки, альпенштоки, топоры, болты с крючками и кольцами — короче, полное снаряжение альпинистов. Флейм была уверена, что Бакстер должен использовать последний шанс для достижения своей заветной цели.

Бок о бок они карабкались по бескрайней глади здания. Сотни опасностей подстерегали их — птицы, самолеты, снайперы, психи. В этом непредсказуемом городе можно было ожидать чего угодно. Далеко внизу стоял старый Пабло Стейнмец с лицом, похожим на потрескавшийся гранит.

Преодолев все опасности, они залезли наверх и стали спускаться с другой стороны.

И тут Флейм сорвалась!

Охваченный ужасом, Бакстер смотрел, как стройная фигурка девушки летела вниз, навстречу своей гибели. Она умерла, упав на торчащую автомобильную антенну. Быстро спустившись, Бакстер стал возле нее на колени, но чьи-то сильные руки подняли Стыва. Непонимающим взглядом он смотрел на сочувствующее лицо федерального чиновника из Земельной конторы и не верил, что Гонка закончилась.

С полным равнодушием он выслушал, как наглость и высокомерие Сент-Джона привели к беспорядкам в Бирманском квартале на 42-й улице, и ему пришлось искать спасения в лабиринтах развалин Публичной библиотеки.

Самое главное — Стив выиграл гонку и вовремя добрался до Земельной конторы, чтобы получить в качестве приза последний оставшийся акр земли...

Время залечивает раны, и через несколько недель Стив Бакстер уже не вспоминал о трагических событиях Гонки. Правительственный самолет доставил его вместе с семьей в городок Корморан в горах Сьерра-Невада, а из Корморана — к месту их нового жительства.

Земля, обнесенная изгородью, размещалась на почти вертикальном склоне горы. Вокруг тянулись такие же огороженные участки площадью в один акр. Недавно тут происходила добыча ископаемых, и огромные борозды тянулись шрамами на пыльной желтоватой земле. Не было ни деревца, ни травинки, один лишь дом, вернее, хибара, от которой вряд ли что останется после первой же грозы.

Несколько минут Бакстеры рассматривали свою собственность. Затем Адель произнесла:

— О, Стив! Это наша земля!

— Я знаю, — ответил Стив, — но она не слишком... привлекательная.

— Привлекательная? Какая разница? Она наша, и ее тут целый акр. Мы сможем что-нибудь выращивать.

— Ну, может, не сразу...

— Знаю, знаю. Но мы приведем ее в порядок и будем здесь жить. Правда, Стив?

Стив молчал, глядя на землю, полученную дорогой ценой. Его дети — Томми и белокурая Амелия — играли с комками земли. Прочистив горло, федеральный чиновник, встречавший их, сказал:

— Вы, разумеется, можете изменить свое решение.

— Что? — спросил Стив.

— Вы можете отказаться от земли и вернуться в свою городскую квартиру. Я хочу сказать, что некоторым тут не очень нравится. Они говорят, что ожидали большего.

— О, нет, Стив! — простонала жена.

— Нет, папа, нет, — заплакали дети.

— Вернуться обратно? — сказал Стив. — Я не собираюсь возвращаться обратно. Я просто смотрю на землю, мистер. За всю свою жизнь я не видел сразу столько земли в одном месте.

— Понятно, — мягко ответил чиновник. — Я тут уже двадцать лет, а все никак не могу на нее насмотреться.

Стив и Адель посмотрели друг на друга. Затем Адель сказала:

— О, Стив! Это все наше! И ты выиграл эту землю для нас! Сам!

Стив сжал зубы.

— Нет, дорогая, — тихо ответил он. — Не сам. Мне помогли.

— Кто тебе помог?

— Как-нибудь я расскажу об этом. А сейчас зайдем в дом.

Взявшись за руки, они вошли в хибару. В клубах лос-анджелесского смога садилось солнце. Трудно представить себе более счастливый конец для второй половины XXI столетия...

Фирма ДАКВИН

— ВАШ НАДЕЖНЫЙ ПАРТНЕР И ПОМОЩНИК — ЭТО:

ЗНАКОМСТВО.

Крупнейшая в России компьютерная служба знакомства, содержащая в своем банке данных информацию о десятках тысяч абонентов всех возрастных категорий, желающих создать семью. Если вы еще не нашли надежного спутника жизни, друга, единомышленника — не падайте духом. «ДАКВИН» поможет вам в этом и исцелит вас от одиночества.

ГОРОСКОПЫ.

Если вы не скептик и верите в астрологию, то вы сможете узнать, как распорядятся звезды вашей судьбой и карьерой, заказав свой индивидуальный гороскоп. «ДАКВИН» — тонкий знаток древнеиндийских секретов астрологии — осветит любой период вашей жизни.

РАБОТА ЗА РУБЕЖОМ.

Уважаемые соотечественники! Фирма «**Dakvin Ltd.**» продолжает формировать банк данных лиц, желающих работать за рубежом по контракту. Вас ждет работа в Европе, Южной Америке, Канаде, Австралии, ЮАР, США и в ряде стран Персидского залива.

СУПЕРИГРА.

Фирма «ДАКВИН» приглашает всех желающих принять участие в новой коммерческой суперигре «ВАШ ШАНС», построенной на строгом математическом расчете. Ваш выигрыш практически ничем не ограничен и зависит только от ваших начальных затрат и вашей активности. «**ВАШ ШАНС**» — это действительно ваш шанс! Не упускайте его! Условия игры и порядок вступления в нее высылаются бесплатно по вашим запросам.

В письмо с пометкой «**ЗНАКОМСТВО**», «**ГОРОСКОП**», «**РАБОТА**» или «**ШАНС**» вложите пустой конверт с вашим подробным адресом. В нем вам будут высланы условия обслуживания и анкеты для заполнения. Письма отправляйте по адресу: 144012, Московская обл., г. Электросталь, «ДАКВИН».

Убедительная просьба присылать запросы по каждому направлению в отдельном письме с соответствующей пометкой на конверте.

ДМИТРИЙ ФИЛИПЧЕНКО

Фото АНДРЕЯ ГОЛОВАНОВА

Климова и Пономаренко...
В последний год об этой паре очень много говорили и писали, но популярности фигуристам это не прибавило. Пожалуй, даже наоборот — появились недруги из числа людей, ранее восторгавшихся дуэтом.

Судите сами. Январь 1991 года — по праву завоеванное «золото» на чемпионате Европы в Софии. Февраль — скандалы с допингом, якобы обнаруженным в анализе Марины. Ошибка (случайная ли?), допущенная болгарской допинг-лабораторией (кстати, не аккредитованной на первенстве Европы), изрядно потрепала нервы фигуристам. А многие засомневались: «Нет дыма без огня».

Оролевский под

Март — «серебро» на чемпионате мира в Мюнхене в изнуряющем споре с французской парой Дюшене, имевшей сумасшедшую поддержку у публики и судей. И, наконец, сентябрь — официально объявлено о том, что Климова и Пономаренко уходят от своего тренера Натальи Дубовой к ее извечной сопернице Татьяне Тарасовой...

Марина. Ну вот, произошел разрыв, и после него мы долго думали, кататься нам или не кататься дальше. Тарасова вроде ушла из спорта, а в танцах, кроме нее и Дубовой, больше нет тренера, который мог бы подвести нас к Олимпиаде. И тут в дело вмешался Андрей Букин. Мы были тогда вместе с ним в турне по Америке, он сам позвонил из Чикаго Татьяне Анатольевне и попросил ее поработать с нами...

Сергей. По-моему, в первый момент она была немножко озадачена. И когда через несколько дней я с ней поговорил, она сказала: «Я вас буду, конечно, консультировать, но вы должны в основном заниматься у Светланы Алексеевой». Так и получилось: Тарасова приходила на наши тренировки, подсказывала, где ошибки, давала задание, и мы потом неделю работали по ее плану...

Марина. Нам помогала очень большая команда. Два хореографа, не считая французенки Шан-

ти. Классическим балетом мы занимались со Степановой, некоторые танцы нам ставила Матвеева... Мы поняли, что можно кататься абсолютно по-другому.

— Но ведь программа, которую поставила Шанти, была оценена судьями на чемпионате мира-91 лишь второй...

Марина. В 1990 году мы показали средний уровень, но стали первыми, опередив Дюшене. И когда начался прошлый сезон, все уже заранее были готовы отдать победу французам, чтобы загладить свою «вину» перед ними. На первенстве Европы не вышло: их программа судьям не очень понравилась. А уже на чемпионате мира при равном катании Дюшене сделали первыми...

— Есть какая-нибудь закономерность, например, тот, кто выигрывает чемпионат мира, должен выиграть на следующий год и Олимпиаду?

Сергей. Не совсем так: тот, кто выигрывает чемпионат мира, по идее должен на следующий год выиграть первенство Европы. Но это при условии хорошего катания.

Марина. А по-моему, нет никакой закономерности. Главная лотерея — жеребьевка судей. Бывает, «выпадут» нейтральные судьи. А бывает, на такую «стену» нарвешься. Например, польский тренер нам так и сказала: «Что бы вы

ни делали на льду, как бы ни катались, я ставлю только на Дюшене — я их обожаю».

— И в таких условиях вы все-таки надеялись выиграть Олимпиаду?

Марина. Нас мало волнуют все эти интриги...

— У вас есть какая-то договоренность с Тарасовой о том, что после окончания вашей карьеры в спорте вы уйдете к ней в театр?

Марина. Договоренности такой у нас нет, но мы считаем, что это само собой разумеется.

...Свою новую программу — на музыку Баха — Марина и Сергей показали уже на чемпионате страны, в декабре прошлого года. Патетика Баха у многих из их окружения вызвала неприязнь, их отговаривали, но Марина и Сергей твердо решили идти до конца и оставить музыку, которая им понравилась, — действительно делают то, что хотят...

Далеко позади осталась зима, и уже начинаем забывать мы неповторимые мгновения Альбервильской Олимпиады. Олимпиады, где Марина и Сергей все-таки стали первыми.

Но еще до этого было «золото» чемпионата Европы. Правда, в отсутствие главных соперников: Дюшене, не желая раскрывать до Олимпиады секретов своей программы — «Вестсайдская история», — сослались на травму Изабель. И пропустили первенство Европы, мечтая о победе в Альбервиле. Они скорее всего достигли бы своего — вы помните невероятную благосклонность к ним судей? — не выступи Марина и Сергей так блестяще

Они действительно оказались на голову выше соперников. И закончили сезон так же, как начали — первым местом на чемпио-

нате мира в Сан-Франциско. Дюшене, поняв всю бесперспективность спора, ушли раньше мирового первенства в профессиональные танцы на льду.

Но, может быть, мы еще увидим соперничество этих двух дуэтов, ведь Марина и Сергей последовали примеру французов.

В любительском фигурном катании уже не осталось вершин, которых бы они не покорили.

...Недавно Марина и Сергей гастролировали по Америке. Вместе со старой, «золотой» программой нынешнего сезона они подготовили к этому турне новый номер — под арию Каварадосси из «Тоски» в исполнении Паваротти. Вместе с ними в начале турне была и Татьяна Тарасова, но потом возвратилась в Москву, в театр.

Марина и Сергей не изменили своему решению: они действительно теперь будут работать в ледовом театре Тарасовой. Но Татьяна Анатольевна решила не «эксплуатировать» их очень строго, ведь Климову и Пономаренко разрыдают на части зарубежные импресарио. Наряду с работой в театре Марина и Сергей будут по возможности откатывать и самостоятельные программы на Западе. Во всяком случае, пока спрос на наших танцоров в Америке очень велик. Бешеные деньги, вложенные в Дюшене, не пропали даром для нас! — и льются теперь на мельницу славы русской пары, обыгравшей французов у них дома.

Ну, а в житейском плане... Не мешают ли коньки семейной жизни Сергея и Марины? Нет, они счастливы вместе. Хотя мечту о ребенке, которого давно уже хочет Марина, придется отложить.

— Это обязательно будет, но позже, — говорит она. — А пока мы еще катаемся!

ЧИТАТЕЛЬ • «СМЕНА» • ЧИТАТЕЛЬ

┌ Храм — всем миром

┌ «... мы будем от вас избавляться»

┌ «Кого жалеете, журналисты?»

┌ Мне семнадцать лет, окончила школу, а что дальше, не знаю. Нет, у меня все, в общем, в порядке, я, слава Богу, не инвалид, у меня прекрасные, вполне обеспеченные родители, много друзей, выбрала профессию. Вот нам говорят: «Вы выходите в жизнь!», а я боюсь ее! И дело не в экономических условиях, это все преодолимо, — я боюсь столкнуться один на один с человеческой жестокостью, ложью и равнодушием, боюсь потеряться в жизни: либо смешаться с грязью и стать частицей ее, либо отгородиться от жизни, а если это невозможно, то уйти из нее. Да, это страшно, но ведь невозможно идти по грязи и оставаться чистым.

В это, как говорят, прекрасное в историческом смысле время наше поколение в самом тяжелом положении. У нас нет прошлого и нет будущего. Прошлое погибло под руинами коммунистической идеи, а «светлое будущее» закрыл плотный туман, из которого, дай Бог, выйти нашим детям (если мы рискуем их иметь). У наших дедов был Бог, у отцов — коммунистическая партия, а у нас в этом уголке души пустота, и эту пустоту каждый заполняет, как может. Кто-то — книгами, но большинством — водкой, наркотиками. Отсюда такой подъем алкоголизма, разврата, наркомании

среди молодежи и все больше и больше самоубийств.

Дорогие бабушки и дедушки, не ругайте вы молодежь, поймите — это все от безысходности.

Мы заканчиваем школы и выходим из нашего теплого детского мирка в мир, где мы никому не нужны, где судьбой человека правит холодный расчет. Ведь мы — ваши дети и внуки, и в конце концов вы обеспечили нам такую жизнь! А пока тот, кто не хочет жить по волчьим законам, вынужден ставить перед собой гамлетовский вопрос: быть или не быть?

Извините за пессимистичное письмо, но, думаю, что я не одна так думаю.

**ОКСАНА ЯМЕЛИНЕЦ,
Тюмень**

┌ В городе Каспийске в скором времени начнется строительство православной христианской церкви, посвященной иконе Казанской Божией Матери.

Невозможно преувеличить значение этого события.

Богатейшая русская культура, наследниками которой мы являемся, укоренилась на нравственном основании православия и воспитывала в людях незлобивость, сердечность, искренность, почтение к старшим, уважение к Закону, любовь к Отечеству.

И ныне, очнувшись от тяжкого безвременья, мы призываем на

помощь историческую память.

Строительство трамов на Руси издревле было самым почетным и добрым делом и принималось всем миром.

Обращаемся к Вам с просьбой оказать посильную помощь в этом благом деле. Приход церкви Казанской Божией Матери с благодарностью примет любую Вашу помощь в строительстве храма.

Свои жертвования можно перевести на счет прихода. Расчетный счет № 000700731 в Каспийском Промстройбанке.

Да будет Милость Господа сотворившему Милость.

**Священник
Отец МИХАИЛ**

Хочу поделиться своими мыслями, хотя не знаю, кто же мне поможет.

Просто сегодня в детском саду, куда ходит мой пятилетний сын, заведующая сказала: «Можете посещать наш сад до первого числа, а потом мы будем от вас избавляться...»

Это авиакомплекс решил избавиться свои детские сады от наших детей. Сегодня же я была в отделе кадров этого комплекса, прося работу. Начальник отдела кадров, услышав, что я разведена и у меня двое детей, сразу же сказал, что у них для меня ничего нет.

Живу как в дурном сне — с огромным желанием проснуться, — но ничего не выходит. Человек ко всему привыкает, но невозможно привыкнуть к боли за детей. Недавно слышала такую фразу: «О чем ты думала, когда заводила их?» Да ни о чем плохом не думала, о светлом будущем думала, радовалась: вот родила двух сыновей, защитников родины. А теперь от них, оказывается, будут избавляться. Отец давно уж избавился от них, не выдержав семейной жизни, бросив мальчиков в чужом городе без

средств к существованию.

А после слов заведующей детсадом подумалось мне: а не лучше ли собрать нас всех, вот таких лишних и ненужных, вместе, выставить в шеренгу на площадь и дать очередь из автомата? Это сколько же всего освободится! — и квартиры, что мы занимаем, и места в детсадах и школах, уменьшатся очереди в магазинах, а денег сколько появится — ведь не надо будет выплачивать на наших детей нищенские компенсации!

Не знаю, зачем я это пишу. Наболело! Знаю, что письмо это — в никуда, но все равно пишу...

За что же нам такая жизнь? Не могу смотреть в глаза детям, когда они просят есть. Мне еще нет тридцати, а я уже устала от жизни.

**ИРИНА К.,
Ульяновск**

Вы много пишете о страданиях зеков, об их тяжелой судьбе, о том, как их прижимают патаны и т. п., в общем, выглядят они несчастными мучениками.

Недавно мы (наша команда, или тусовка — без разницы) ходили в кино. В документальном фильме о зекат — надо же так совпасть — читали письмо одной из заключенных, из-за которого мучаются четыре человека.

...Дело было вечером. Я с другой и нашими парнями шли домой с вечеринки. К нам привязался подонок из другой тусовки (там одни ребята). Наши парни дали ему отпор, чтобы больше не приставал. Тогда он позвал несколько человек из своей компании, завязалась драка, нашим ребятам по-предательски надавали арматурой по голове, моему парню здорово покалечили лицо, а нас с подругой сгребли в охапку, затащили в подвал и начали

издеваться. Мою подругу жестоко избили, а меня стали насиловать, особенно старался тот самый подонок. Тем временем наши парни очухались, собрали нашу компанию, нашли нас с помощью собаки, отбили, но подонку удалось скрыться. Потом его все же поймали, был суд.

...И вот этот фильм, где читали его письмо, брали у него интервью. Он плакал, говорил, что ему плохо, что он хочет домой, советовал брату не поступать так, как он, не идти по его следам. Женщина, сидевшая в зале рядом с нами, зарыдала от жалости.

Так вот я хочу спросить его: а о чем он думал, на что рассчитывал, когда приставал к нам, когда насиловал меня, когда пинал ногами мою подругу? И она, и ее парень лежали в больнице, и у нее никогда не будет собственных детей. У моего парня долго гноились шрамы, я бегала по гинекологам, и в шестнадцать лет мне делали аборт. Когда ты насиловал меня, пинал ногами мою подругу, все было здорово, правда? А когда тебя заслуженно наказали, ты сопли распустил.

А вы, журналисты, еще жалуете их, говорите, какие они бедные и несчастные, как с ними плохо обращаются. Заслужил — получи!

О.,
Екатеринбург

Пишу от отчаяния. По глупости попал я в положение, из которого не вижу выхода. Пять лет назад у меня умерла жена. И вот я в двадцать четыре года остался один с двумя детьми. Старшей дочери тогда было пять лет, а младшей — пять месяцев. Но ничего, справился. Дети подрастали. Я уже смог нормально работать, получил квартиру. И вот в конце прошлого года стал переписываться

с одной женщиной. В феврале съездил к ней в отпуск, и мы решили пожениться. Казалось бы, уж и счастье на пороге. Но вот что было дальше. Вместе с ней мы приехали ко мне, и ей в нашем городе не понравилось. Этого и следовало ожидать — маленький городишко, однокомнатная квартира. А у нее и город покрупнее, и квартира двухкомнатная. Решили мы поехать жить к ней, и тут я начал совершать ошибку за ошибкой: уволился с работы, продал кое-какие вещи, мотоцикл, гараж, бросил, да, именно бросил, квартиру. Но можно ли меня обвинять? Ведь я же верил, что все будет хорошо, будет у нас дружная семья...

Когда мы приехали к ней, сразу устроиться на работу я не смог — не было прописки. С трудом добившись временной, я все же устроился на работу. Подали заявление в загс, но... мою сожительницу вдруг как подменили. Раньше была она доброй, предупредительной, хорошо относилась к дочкам, сказки им читала, бантики завязывала... Теперь же, оказывается, она не может ужиться с моими детьми, и поэтому свадьбы не будет. Стала она выгонять нас из квартиры. Мои деньги скоро кончились, и в результате мои дети две недели ели только хлеб с водой, в то время как она со своей дочкой питались нормально. Она упорно выживает нас. Я в отчаянии, я просто не знаю, что делать! Мне некуда идти. Был я и в горисполкоме, и в профкоме. Жилья нам не дают. А уходить некуда! Как быть? Детей в детдом, а самому — в петлю?

АЛЕКСЕЙ

ОТ РЕДАКЦИИ. По просьбе автора письма мы не указываем его настоящего имени и адреса, но они есть в редакции.

Шахматная эпиграмма

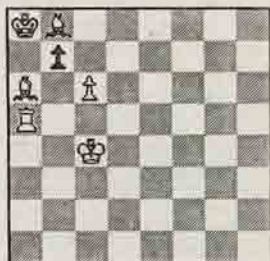

Под редакцией
международного гроссмейстера
ВИКТОРА ЧЕПИЖНОГО

Судя по сегодняшней подборке задач, в нашей редакционной почте преобладают трехходовые миниатюры. Это тем более удивительно, что жанр трехходовки справедливо считается наиболее трудным в шахматной композиции. Но в нашем конкурсе трехходовки пока лидируют. Заметно отстают многоходовки, надеемся, временно.

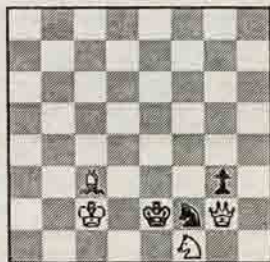
Отметим №№ 33 и 34. В первой есть один вариант, который и делает всю погоду. Во второй хорошее стратегическое содержание украшено логическими мотивами.

28. А. ИСТОМИН
г. Мытищи Московской обл.

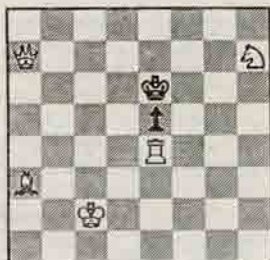
Мат в 2 хода

29. В. ЖЕЛТНОЖКО
Екатеринбург

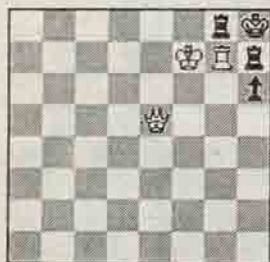
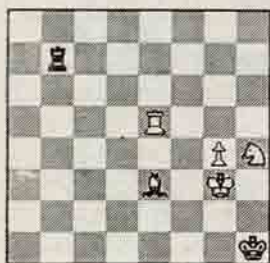
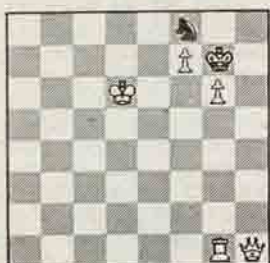
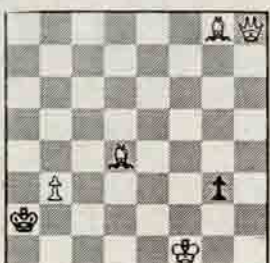
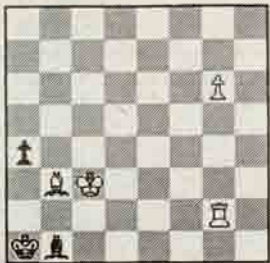

Мат в 2 хода

30. В. КВЯТКОВСКИЙ
г. Киянка Житомирской обл.

Мат в 2 хода

31. А. ФЕОКТИСТОВ*г. Южный Московской обл.***Мат в 3 хода****32. В. ЩЕРБИНА***Донецк***Мат в 3 хода****33. В. ЧАПЛЫГИН***Самара***Мат в 3 хода****34. Ан. КУЗНЕЦОВ***г. Реутов Московской обл.***Мат в 3 хода****35. М. МАРАНДЮК***г. Новоселица Черновицкой обл.***Мат в 3 хода****36. Н. РЕЗВОВ, В. ЧЕРНОУС***Одесса***Мат в 4 хода**

43. Персонаж греческой мифологии, с которым связано самое первое из крупных экологических преступлений. 44. Предмет, о котором в «Юге благословенном» А. Куприна сказано: «Его ясная сталь блестела, как зеркальная, но тонкое лезвие было багряно от крови». 45. Рижское взморье плюс Кемери.

По вертикали:

1. Домашний зверь, способный пробыть под водой четыре минуты. 2. Композитор, подаривший миру «Девять волшебных оленей». 3. Европейский город, где хранится один слоновий бивень из рекордной пары, весившей двести пятьдесят килограммов. 4. Время, которое в Японии олицетворяет зеленый цвет. 5. Объект в отроческие годы А. Григорьева, который «весь полон трагических веяний недавней катастрофы», то есть восстания декабристов. 7. Жук тропической Америки, несколько жуков, посаженных в банку, способны ночью освещать дорогу. 8. Еще одно русское название капа, папорти, свияля. 9. Математик, чьи «Начала» с 1482 года изданы более пятисот раз на многих языках. 12. «Мудрейший из кентавров», отказавшийся от бессмертия в пользу Прометея. 15. Музей-заповедник, где висит «Кавказский вид близ селения Сиони» — самая большая картина русского поэта. 16. «Идет курочка по улице, потупила ...» (русская народная песня). 20. Композитор, создатель парижского вальса. 21. Средство композиции картины. 22. Рабочая слобода, где в 1870 году построена первая в России мартиновская печь. 23. Дефицит, тонкой пленкой которого покрыта половина площади Мирового океана. 26. Рыбешка на крючке. 29. Шведский химик, первым в 1780 году предположивший, что во фтористоводородной кислоте есть неизвестный химический элемент. Но прошло более ста лет, прежде чем фтор выделили. 30. Агар, бассет, бракк, гаунд, копов, харрьер (общее название). 31. Змеевидный морской чербер. По Ж. Кусто, он не агрессивнее других рыб. 32. «Механика молекул» (Ф. Энгельс). 34. Художник, которого подростком восхитил Фонтан невинных Жана Гужона. Через полвека он скажет о нем: «Какая чистота, какая наивность, какая элегантность и в то же время какая основательность!» 35. «Превосходнейшая энциклопедия древности» (Н. Гнедич). 36. У пьяниц одна вино (русская поговорка). 38. Основная пища моржей.

285

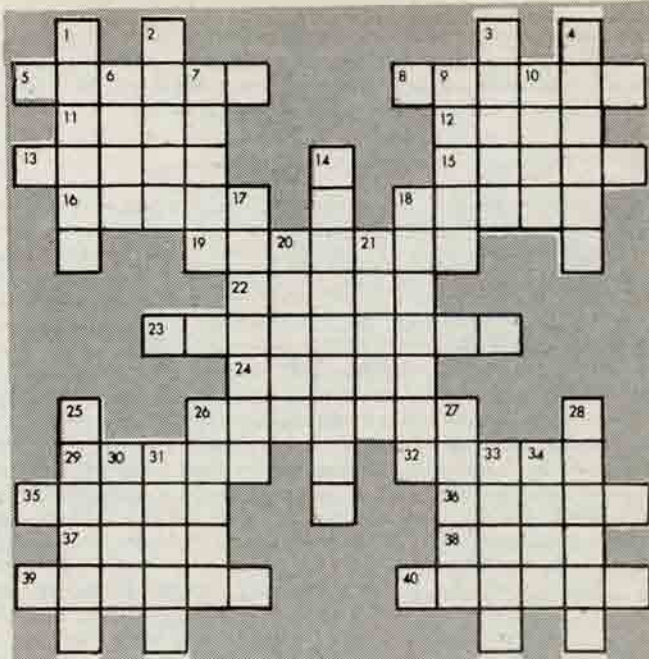
**ОТВЕТЫ
НА
«ЗРУДИТ»,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 4—6**

По горизонтали:

4. Жакоб. 10. Серенада. 11. Ревность. 12. Баута. 13. Харакири. 14. Скалология. 15. Нюанс. 20. Ата. 22. Индюк. 24. Любовь. 25. Воейков. 26. Аид. 30. Тарутино. 31. Чайковский. 33. Натурализм. 34. Церуссит. 36. Гну. 39. Ингуш. 40. Взлиза. 41. Ильинец. 42. Хам. 43. Риго. 48. Марсиане. 49. Наибство. 50. Школа. 51. Художник. 52. Глициния. 53. Аллюр.

По вертикали:

1. Бекас. 2. Петас. 3. Зависть. 4. Жабин. 5. Клуша. 6. Брасс. 7. Овраг. 8. Колонна. 9. Аттитюд. 16. Юрок. 17. Нейман. 18. Платина. 19. Оборотень. 20. Аватара. 21. Фолкнер. 23. Дискуссия. 27. ... гниль... 28. Эвфуизм. 29. Ойстрах. 32. Дзанни. 35. Тунг. 36. ... глхатун... 37. Уитстон. 38. Левашня. 40. Василий. 43. Решка. 44. Ероол. 45. Онагр. 46. Осмий. 47. Звейт.

КРОССВОРД
Составил
Б. Ибраимов,
Ош,
Кыргызстан

По горизонтали:

5. Французский художник, трактовавший символизм как сочетание классицизма с романтизмом. 8. Печатное издание. 11. «Царица» цветов Древнего Рима. 12. «Очень сметливое животное. Что ему ни скажешь, понимает, что ни прикажешь, — сделает. Стоимость его сообразна величине, и его продают по росту: чем он больше, тем цена выше» («Бабур-наме»). 13. Каспийская сельдь, из которой готовили истекающие жиром балыки. 15. Приток Медведицы (бассейн Дона). 16. Французский драматург, виртуозный мастер интриги. 18. Никарагуанский поэт. Без него, писал П. Неруда, «мы не заговорили бы на нашем собственном языке». 19. Город, основанный в XI веке на берегу озера Дривяты (Витебская область). 22. Английский философ, выступавший за симбиоз философии и лингвистики. 23. Точное воспроизведение рукописи, подписи. 24. Всякое устройство для передачи информации. 26. Индеец племени, именем которого названы две войны в США. 29. Змея, насиживающая яйца. 32. Кожа или ткань с мягкой ворсовой поверхностью. 35. Злой бык. 36. Палец. 37. Жилище суслика. 38. Префектура на острове Сикоку, единственный район страны, где собирают по два урожая риса в год. 39. Вежливое обращение в Англии к человеку из высшей знати. 40. Странноприимный дом с мечетью и кельями в странах Ближнего и Среднего Востока, обитель дервишей.

По вертикали:

1. Рыба, чья стихия — тина. 2. Просвет между деталями. 3. Пирожное из заварного теста с кремом. 4. Название литературного надсмотрщика во времена А. Пушкина. 6. Частый герой басен И. Крылова. 7. Одна из самых холодных и суровых пустынь мира. 9. Почерк древнерусских рукописей с четким начертанием букв и без сокращений. 10. «Нектарный» попугай. 14. Место, куда Городничий с Добчинским «зашли нарочно», «чтобы осведомиться, хорошо ли содержатся проезжающие» (Н. Гоголь). 17. Вершина в Гарце, где, по народным поверьям, бывает шабаш ведьм в Вальпургиеву ночь. 18. Изобретатель, напечатавший в 1762 году первый русский курс артиллерии. 20. Индийский штат у подножия Восточных Гималаев. 21. Вытянутый залив, илистые отложения которого могут быть использованы в грязелечении. 25. Страна, где, по одному из ее певцов, такое видение красоты: цветы — весной; кукушка — летом, осенью — луна, холодный чистый снег — зимой. 26. Гидролокатор. 27. Работа скульптора. 28. Древний экономический, политический и культурный центр латгалов, упоминаемый в «Хронике Ливонии» Генриха Латвийского. 30. Предмет слепого преклонения. 31. Назым Хикмет по национальности. 33. Денежная единица страны со столицей Фритаун. 34. Среднеазиатское жилище, не приспособленное к затяжным дождям.

**ОТВЕТЫ
НА
КРОССВОРД,
НАПЕЧАТАННЫЙ
В № 4 — 6****По горизонтали:**

3. Якорь. 5. Тумба. 9. Помидор. 11. Шелихов. 13. Аят. 16. Геликон. 17. Ункас. 18. Принцип. 21. Элли. 22. Акваинта. 23. Этвеш. 26. Малинник. 27. Лесото. 29. Гернси. 30. Командор. 35. Вобла. 36. Мордвинов. 37. Асуан. 40. Чарвака. 41. Родня. 43. Цицерон. 45. «Мод». 47. Имандра. 48. Рогатик. 49. Дамба. 50. Умбра.

По вертикали:

1. Прадо. 2. Гусли. 4. Коммод. 6. Бахарь. 7. Оптимизм. 8. Чванство. 10. Рантарин. 11. Штатив. 12. Хейли. 14. Як. 15. ...жилет... 19. Иконоскоп. 20. Стрекалов. 24. Флирт. 25. Рондо. 28. Кориандр. 29. Головкин. 31. Расценка. 32. Номад. 33. Идиома. 34. Закон. 38. Оксана. 39. Диктор. 42. До. 44. Сдоба. 46. Агама.

Внимание: КОНКУРС **АКАДЕМИЯ МЕНЕДЖМЕНТА И РЫНКА**

(учредители: Российская экономическая академия имени Г. В. Плеханова, Государственная академия управления имени С. Орджоникидзе, Государственная финансовая академия, Институт молодежи, Российская академия управления, Фонд «Кадры реформы»)

ОБЪЯВЛЯЕТ КОНКУРСНЫЙ НАБОР СЛУШАТЕЛЕЙ
НА 1992/93 учебный год

- 1 На обучение и стажировку по международным программам:
 - по программе Колледжа Кёрбера (для молодых инженеров, прежде всего машиностроителей). Срок обучения и стажировки на фирмах Германии 15 месяцев;
 - по программе Общества «Инициатива — столица Берлин» (для молодых руководящих кадров Москвы и области). Срок обучения и стажировки в Германии до шести месяцев за счет средств Общества.
- 2 На обучение по международной программе MBA — Master of Business Administration. Срок обучения от одного года до двух лет (включая стажировку за рубежом), в зависимости от специализации и базовой подготовки слушателей, очной или заочной формы обучения. Обучение платное.

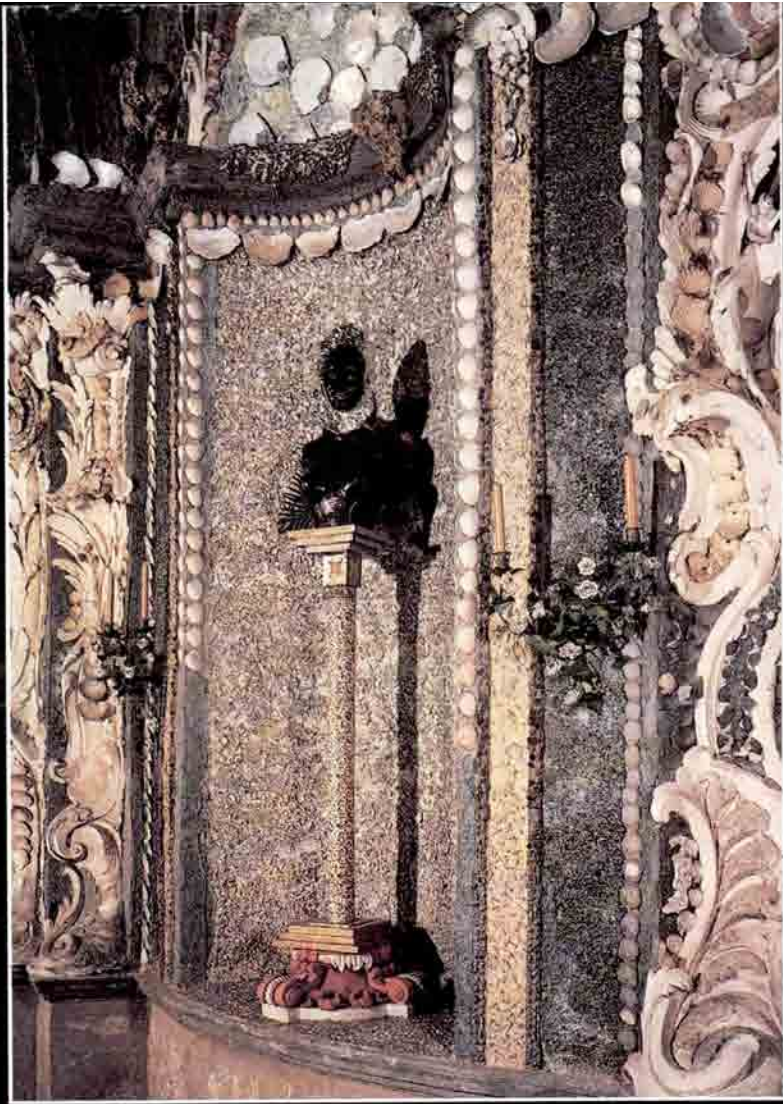
Наиболее проявившим себя слушателям Академии гарантируются деловая и финансовая поддержка отечественных и зарубежных бизнесменов и банкиров.

Приглашаются молодые специалисты, предприниматели, управляющие фирмами в возрасте до 35 лет, со знанием немецкого языка (или английского — для программы MBA).

В программу отбора входят тестирование, представление собственного делового проекта, собеседование в конкурсной комиссии. Стоимость конкурсного отбора — 1950 рублей. Тестирование и собеседование будут проводиться с 1 по 20 сентября 1992 года.

Желающих принять участие в конкурсе просим не позднее 1 сентября направить автобиографию и личный листок по учету кадров (с фотографией) по адресу Оргкомитета: 113054, Москва, ул. Зацепы, д. 41. Академия менеджмента и рынка. Расчетный счет 100700351 в Инкомбанке, корр. счет 161502, РКЦ ГУ ЦБ РФ, МФО 201791, уч. 83. Справки по телефонам: 237-18-91, 237-76-63.

ЛАРИСА ЗВЕЗДОЧЕТОВА.
Сбор утренней росы.

КОНСТАНТИН ЗВЕЗДОЧЕТОВ. Инсталляция «Без названия».

ФОТО ВИКТОРА ЛУГАНСКОГО

ИНДЕКС 70820

Марина Климова и Сергей Пономаренко

(Читайте стр. 276.)

